

55380

55380
80 FI A19

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

DISSERTATIONES
SLAVICAE

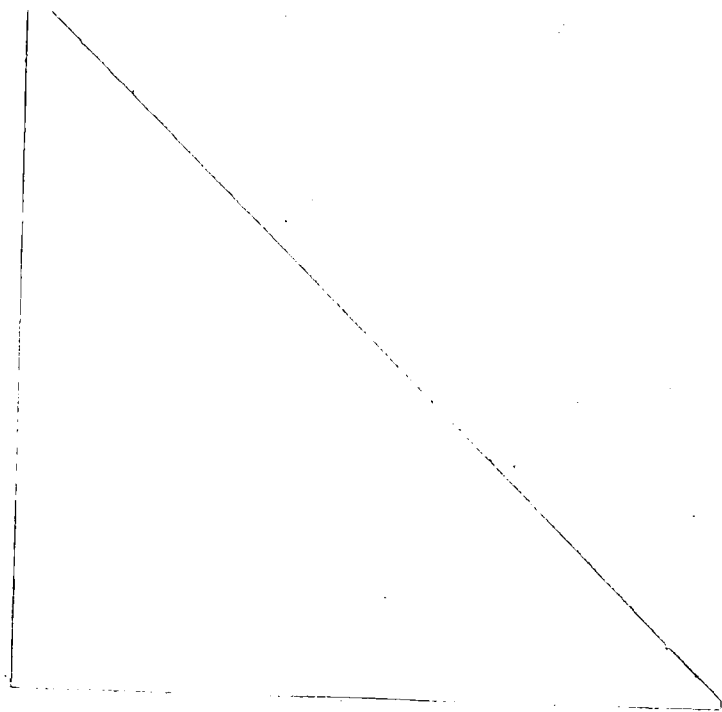
SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XXV

SZEGED
2001

55380

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XXV

SZEGED
2001

Publicationes Instituti Slavicae in Universitate Szegediensi

**Redigit:
Imre H. Tóth**

**Seriem publicationum edendam curat:
Károly Bibok**

**Studia adiuvantibus Fondatione Soros et
Facultate Philosophica Universitatis Szegediensis facta sunt**

© Auctores, 2001

**HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged.
HU ISSN 0237-9554 Diss. Slav.**

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	v
Эдит Саламин: Елизавете Феньвеш-Коняевой 70 лет.....	1
István Nyomárkay: Kleine Sprachen an der Schwelle der EU.....	9
Jovan Jerković: O mađarizmima u jednom lokalnom govoru Srba i Hrvata u Mađarskoj.....	13
Имре Х. Тот: Малоизвестное евангелие-апракос XII в.	19
Пламен Панайотов: <i>Истина</i> и <i>Wahrheit</i> : Этимологические изыскания и их связь с метафизикой.....	33
Иштван Феринц: Структура и стилевые особенности праздничных "слов" Климента Охридского.....	37
Валерий Лепяхин: Цвет, свет и краска в виршах Симеона Полоцкого	45
Роланд Билку: Частотный словарь как дополнительный метод литературоведческого анализа произведений.....	65
Людмила Владимировна Кулакова: Использование художественного текста в обучении видовым формам русского глагола.....	81
Иштван Феньвеш: Сленг в русской литературе и его венгерский перевод (Частотно-семантический анализ инвариантных компонентов).....	91
Терез Л. Мурай: Некоторые проблемы перевода стихов из романа Пастернака "Доктор Живаго".....	101
Иштван Удвари: Языковедческая деятельность Гиядора Стрипского....	109
Габор Л. Балаж: Используют ли (полностью) слависты вычислитель- ные машины?.....	127
Károly Gadányi: Russian lexicon in Croatian.....	137
Сильвия Сабо: Славяне на территории Трансильвании во время обретения венграми родины.....	141
Иштван Пожгаи: Корневые редуцированные гласные в первом слоге в Синайском патерике.....	147
Михай Кочиш: Дополнения к описанию Сегедских листков.....	165
Károly Gadányi: Cultural-historical preliminaries to the formation of the Slovenian national literary language. Part II.....	169
Елена Леоновна Бархударова: Палатализованность и палатальность в русской и венгерской консонантных системах.....	189
Nada Arsenijević: Gramatička kategorija roda u mađarsko-srpskom dvojezičju.....	197

Гелиан Михайлович Прохоров: Стихотворное начало приписки Лаврентия к "Лаврентьевской" летописи?	205
Д.В. Герасимова – Е.С. Роговер: Рецепция творчества Пушкина в культуре Венгрии	209
Ольга Ивановна Аладьина: Глаголы чувства как способ текстового воплощения субъективно-оценочного восприятия действительности	217
 Рецензии	
Иштван Феньвеш: Péter Mihály, "Pár tarka fejezet csupán...": Puskin "Jevgenyij Anyegin"-je a magyar fordítások tükrében	225
Зита Шимон: Károly Gadányi – Viktor Moiseenko, Ruski leksik u hrvatskom jeziku	227
Хенриэтта Сурма: Radoslav Večerka, Počátky slovanského spisovného jazyka	232
Указатель публикаций XXV-и томов "Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica" (Szeged, 1962–2001)	239
К сведению авторов	263

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной, и одновременно юбилейный, XXV-й выпуск сборника Института славистики Сегедского университета *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* начинается с поздравительных слов, произнесенных Эдит Саламин на конференции "Южные славяне – восточные славяне" (Сегед, 11–12 июня 1999 г.) по поводу семидесятилетия со дня рождения бывшего преподавателя Кафедры русской филологии Елизаветы Феньвеши-Коняевой. Присланные участниками письменные варианты выступлений на этой конференции также публикуются в нашем сборнике (с. 9–168). Кроме 16-и докладов конференции в выпуск включены еще шесть статей и три рецензии. Юбилейный, XXV-й выпуск заканчивается указателем всех публикаций, помещенных в сборнике *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, в том числе в первых его 14-и томах, не имеющих еще подзаголовка.

Выражаем благодарность за помощь, оказанную нам в ходе технического редактирования материалов настоящего выпуска, докторанткам программы PhD "Сравнительно-историческая славистика" Хенриэтте Сурме и Зите Шимон. Приносим также благодарность коллеге Адриэнн Логин, редактировавшей тексты с помощью компьютерных программ Word 7.0 и WordPerfect 6.0, 9.0.

Хотим выразить надежду, что предлагаемый том нашего сборника вызовет интерес у широкого круга филологов.

ЕЛИЗАВЕТЕ ФЕНЬВЕШИ-КОНЯЕВОЙ 70 ЛЕТ¹

Эдит Саламин

(Szalamin Edit, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosz Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Сегодня у нас большой праздник – юбилей Елизаветы Михайловны, и поздравляя ее, я нахожусь в трудном положении. Это объясняется тем, что личности Елизаветы Михайловны совершенно чужда всякая официальность, чужды торжественные жесты. Для меня личность нашей дорогой коллеги и в этом отношении ассоциируется с одним из моих любимых русских литературных героев, старым профессором-интеллигентом, описанным в повести И. Грековой "Кафедра", и являющимся настоящим представителем традиционной русской интеллигенции. Этот старый профессор сделал все возможное для того, чтобы избежать торжественных церемоний по случаю его юбилея – дня рождения. Однако, как у старого профессора, так и у нашей Елизаветы Михайловны это не получилось.

Конечно, сходство наших героев намного глубже этого примера. Оно касается существенных характеристик личности: преподавательского призвания, педагогического кредо. Еще в 60-ые годы, будучи студенткой, я впервые услышала от Елизаветы Михайловны, моей любимой преподавательницы предложение со значением деонтической модальности *Преподаватель должен быть энтузиастом*. О вдохновении, энтузиазме преподавателя старый профессор в повести И. Грековой пишет так:

Сегодня на кафедре разговор об учебных планах. Спорят пылко, с серьезными лицами из-за каких-то часов... Меня удивляет, как эти люди могут такое внимание уделять распределению часов между дисциплинами. За долгие годы преподавания я пришел к странному убеждению: более или менее все равно чему учить. Важно, как учить и кто учит. Увлеченность, любовь преподавателя к своему предмету воспитывает больше, чем любая сообщаемая им информация. Слушая энтузиаста, ученики приобретают больше, чем из общения с любым эрудитом: высокий пример бескорыстной любви. Корыстолюбие несовместимо с личностью настоящего педагога. Педагог должен быть щедр, без оглядки тратить себя, время, душу. Этот труд – всегда подвижничество. Процесс обучения сам при всех своих недочетах

---

¹ Поздравительные слова произнесены на конференции "Южные славяне – восточные славяне" в Сегеде 12-го июня 1999 г.

высокоморален: "Сеять разумное, доброе, вечное" можно, преподавая любой предмет.

Для нас Елизавета Михайловна является именно таким преподавателем.

Е.М. Коняева родилась в Москве 27 июня 1929 г. в семье педагога. Отец был учителем истории, мать – преподавателем музыки и школьным библиотекарем. Десятилетку она окончила с серебряной медалью, потом с 1947 по 1952 г. училась на отделении русского языка и литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Окончив университет, она три года работала преподавателем русского языка на кафедре иностранных языков I Московского медицинского института, потом почти десять лет – на кафедре русского языка для иностранцев при гуманитарных факультетах МГУ (зав. кафедрой была Г.И. Рожкова). Она вела занятия в группах студентов и аспирантов из разных стран Европы и Азии, в том числе и в группах венгерских студентов и аспирантов.

После окончания университета Елизавета Михайловна работала и на курсах повышения квалификации преподавателей русского языка, приезжавших в Москву, а позднее также на международных семинарах русского языка. В начале 60-ых годов она дважды приезжала в Венгрию для работы на летних курсах повышения квалификации учителей: в 1961 г. в Дебрецен, в 1962 – в Сегед.

В 1963 г. выйдя замуж за литературоведа Иштвана Феньвеши, Елизавета Михайловна переехала в Сегед и начала работать старшим преподавателем кафедры русского языка и литературы нашего университета. Мы тогда учились на III курсе отделения русского языка и литературы, и были восхищены ее глубоким знанием русского языка и русской культуры, широтой ее образования, удивительной начитанностью в мировой литературе. Многие из нас у нее впервые слышали русские названия известных произведений мировой литературы, таких, как "Три мушкетера" А. Дюма-отца, "Красное и черное" Стендаля, "Ярмарка тщеславия" Теккерея, "Сага о Форсайтах" Голсуорси и др.

Елизавета Михайловна воспитывалась на лучших образцах высокой русской культуры и впитывала их с самого детства, напр., во МХАТе, где еще видела Качалова, в Большом театре, где танцевала Уланова, в Консерватории, где играли Рихтер и Ойстрах, видела "Принцессу Турандот", поставленную еще Вахтанговым, в уже взрослые годы была участником литературных вечеров с Евтушенко и Окуджавой. В университете лингвистику она слушала у Аванесова, Виноградова, Галкиной-Федорук и у других крупных ученых.

Она передавала студентам свои знания с большим терпением и глубокой тактичностью. На нашей кафедре она вела занятия по разго-

ворной практике, фонетике и грамматике. Спецкурсы она читала по вопросам функционирования видов глагола в современном русском языке. Регулярно выступала на городских и областных конференциях по повышению квалификации преподавателей русского языка. В 1967 г. по приглашению австрийской Восточной академии на летнем семинаре учителей западно-европейских стран в городе Эйзенштадт вела занятия по грамматике и стилистике. Была участницей ряда научных конференций в Венгрии, а также II конгресса МАПРЯЛ в Варне в 1973 г.

Первые ее публикации вышли в свет в Москве в 1956 г. об изучении некоторых способов выражения принадлежности в русском языке на занятиях в венгерских группах. Она была автором или соавтором целого ряда учебников, учебных пособий, сборников упражнений по современному русскому языку. Среди них выделяются следующие работы:

Orosz nyelvkönyv a gimnáziumok I. osztálya számára (соавтор: Kosaras István) в 1964 г. Этот учебник выдержал 24 издания; в 1989 г. соавтором этого учебника был Bálint István. Переработанный в 1990 г. учебник до сих пор выдержал 8 изданий.

Лексический минимум русского языка (соавтор: Kosaras István) вышел в свет в 1969 г. и был награжден грамотой издательства. В 1972 г. он вышел в свет и в Мюнхене. Это был первый иллюстрированный толковый учебный словарь русского языка для иностранцев.

Orosz beszédgyakorlatok I–III в 1973 г.

Orosz fonetikai gyakorlatok в 1982 г.

Она работала рецензентом и языковым редактором двух десятков книг, учебников, учебных пособий, в том числе и электронного варианта большого русско-венгерского словаря объемом свыше 7000 страниц, вышедшего в 1998 г.

Ее коллеги всегда могли рассчитывать на ее бескорыстную помощь как в преподавательской работе, так и в редактировании своих статей, докладов, писем. За эту самоотверженную помощь от имени всех нас я хочу сердечно поблагодарить нашу дорогую Лизу.

Мы рады, что ее деятельность получила и государственное признание в виде медали Министерства просвещения "За отличную работу" в 1984 г. С 31 августа 1985 г. она на пенсии.

Среднее поколение русистов, к которому принадлежу и я, особенно благодарно Елизавете Михайловне за ту ценную помощь, которую она оказывала нам, молодым преподавателям в конце 60-ых, в начале 70-ых годов. С тех пор мы между собой с любовью вспоминаем, что мы все "вышли из кухни Лизы", как, по словам Достоевского, русские писатели "из шинели Гоголя". До сих пор мы прекрасно помним "вечерние спецсеминары", проведенные на кухне у Лизы, чтобы мы не мешали членам ее семьи – Пиште работать, Анютке спать. На этих "вечерних спецсемина-

рах" мы постигали существенные характеристики русского языка, отличающие его от венгерского, напр., гораздо бóльшую лексическую связанность словарного состава русского языка или тонкие нюансы функционирования видовых форм русского глагола. Лично я, напр., с тех пор знаю точно, что такое интерпретационный характер употребления видов глагола в русском языке, как проявляется конкуренция видов. Эти разговоры на лингвистические темы всегда сопровождались ее ценными методическими советами. Она уделяла особое внимание отбору и закреплению учебного материала.

Теперь, когда мы сами тоже приближаемся к концу своей преподавательской работы, нам кажутся особенно важными моральные и профессиональные качества, сохранение и передача последующим поколениям общечеловеческих ценностей. В этом отношении Елизавета Михайловна показывает нам пример, и сейчас мы хотим еще и еще раз поблагодарить ее за все это. Надеемся на то, что мы смогли и сможем дать ей почувствовать, что мы сохраняем учебно-методические традиции в работе со студентами, заложенные ею, и продолжаем разрабатывать научно-исследовательскую проблематику, начатую ею в те далекие прекрасные годы. Мы помним, что основная суть нашей работы – "сеять разумное, доброе, вечное".

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ Е.М. ФЕНЬВЕШИ-КОНЯЕВОЙ

I. Статьи, сборники упражнений, учебники, учебные пособия

Об изучении некоторых способов выражения принадлежности в русском языке на занятиях в венгерских группах. В кн.: *Вопросы методики преподавания русского языка нерусским*. Москва: Учпедгиз, 1956: 152–176.

Рец. на кн.: Bihari József. *Egri Pedagógiai Főiskola Évkönyve*. 1960: 499–514.

Сложно-подчиненное предложение с придаточным причины, следствия, уступительными и условными. Бессоюзное сложное предложение. В кн.: *Сборник упражнений по синтаксису русского языка*. Москва: Изд-во МГУ, 1959: 223–262.

Сложно-подчиненное предложение с придаточным причины и следствия. Бессоюзное сложное предложение. В кн.: *Практическое пособие по синтаксису русского языка для студентов-иностранцев*. Москва: Высшая школа, 1962: 239–250, 273–278.

Об изучении имен прилагательных на занятиях в венгерских группах. В кн.: *Русский язык для студентов-иностранцев: Сборник методических статей*. Москва: Высшая школа, 1962: 189–209.

Материалы для обучения русскому языку иностранцев. (Соавторы: Г.А. Битехтина, Т. Кандаурова, В.Г. Лобанова.) Москва: Изд-во МГУ, 1962, 101 с.

Местоимение. Наречие. В кн.: *Практическое пособие по русскому языку для иностранцев*. Москва: Изд-во МГУ, 1964: 70–90.

- Из опыта работы со стажерами-нефилологами гуманитарных факультетов. В кн.: *Из опыта преподавания русского языка иностранцам: Сборник статей*. Москва: Изд-во МГУ, 1964: 231–245.
- Orosz nyelvkönyv a gimnáziumok I. osztálya számára [Учебник русского языка для I класса гимназий]*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1964, 96 p. (Соавтор: Kosaras István.) Всего 24 издания.
- Рец. на кн: Rosta Sándor. *Idegen Nyelvek Tanítása* 1966, № 2, 59–61.
- Программа по русскому языку для иностранных стажеров нефилологических специальностей. (С соавторами.) Москва: Высшая школа, 1966, 169 с.
- Употребление некоторых местоимений и наречий. В кн.: *Практическое пособие по русскому языку для иностранцев*. Москва: Изд-во МГУ, 1969: 239–250, 273–278.
- Лексический минимум русского языка: Пособие для учителей общеобразовательных школ*. (Соавтор: Kosaras István.) Budapest: Tankönyvkiadó, 1969, 207 p.
- Рец. на кн.: Szóts Rezső. *Idegen Nyelvek Tanítása* 1970, № 2, 62–64.
- Н.И. Кохтев, Д.Э. Розенталь. *Русский язык за рубежом* 1970, № 3, 118–119.
- Л. Новиков. *Русский язык в национальной школе* 1970, № 4, 87–88.
- W. Friederich. *Russisch. Zeitschrift für eine Weltsprache* (München) 1970, № 4, 71–73.
- B. Brandt. *Fremdsprachunterricht* (Berlin) 1970, № 11, 451–453.
- Héjjas Endre. *Módszertani Közlemények* 1971, № 2, 119.
- Лексический минимум русского языка: Пособие для учителей общеобразовательных школ*. (Соавтор: Kosaras István.) Budapest: Tankönyvkiadó, 1972, 2-е перераб. изд., 207 p.
- Рец. на кн.: Л.А. Новиков. *Русский язык в национальной школе* 1974, № 1, 89–90.
- Л.А. Новиков. *Тезисы II конгресса МАПРЯЛ*. София, 1973: 295.
- П.Н. Денисов. *Лексические минимумы русского языка*. Москва: Изд-во МГУ, 1972: 162.
- П.Н. Денисов. *Rustina v teorii i na praxi* (Praha) 1973, № 3, 68.
- Лексический минимум русского языка: Die 2500 wichtigsten Wörter des Russischen – ein einsprachiges Wörterbuch*. (Соавтор: Kosaras István.) München: Max Hueber Verlag, 1972, 216 S.
- Orosz beszédgyakorlatok [Русская разговорная речь] I*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1973, 116 p.
- Orosz beszédgyakorlat [Русская разговорная речь] II*. (Соавтор: Szalamin Edit.) Budapest: Tankönyvkiadó, 1973, 140 p.
- Orosz beszédgyakorlat [Русская разговорная речь] III*. (Соавтор: Laki Éva.) Budapest: Tankönyvkiadó, 1973, 119 p.
- Fordítási gyakorlatok [Упражнения по переводу]*. Szeged, 1976, 40 p.
- Orosz fonetikai gyakorlatok [Упражнения по русской фонетике]*. Szeged, 1982, 95 p.

О некоторых трудностях в работе с венгерскими учащимися при изучении видов русского глагола. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XVII*. Szeged, 1985: 281–295.

Pócsok a beszédgyakorlatokhoz. Szeged, 1986, 118 p.

Orosz nyelvkönyv a gimnáziumok I. osztálya számára [Учебник русского языка для I класса гимназий]. (Соавтор: Bálint István.) Budapest: Tankönyvkiadó, 1989, 219 p.

Orosz nyelvkönyv a gimnáziumok I. osztálya számára [Учебник русского языка для I класса гимназий]. (Соавтор: Bálint István.) Budapest: Tankönyvkiadó, 1990, átdolg. kiad. [перераб. изд.], 219 p. По сей день 8 изданий.

II. Рецензирование, литературное редактирование

Kosaras István, *Tanári kézikönyv az orosz nyelv tanításához a gimnáziumok I. osztályában* [Книга для учителя по русскому языку в I классе гимназий]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1969, 98 p.

Pete István, *Orosz országismeret* [Русское страноведение]. 1973, 162 с.

Pete István, *Az időviszonyok kifejezése az orosz nyelvben a magyar nyelv tükrében* [Выражение временных отношений в русском языке в зеркале венгерского]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1976, 256 p.

Héjjas Endre – Váczy László, *100 játék az orosz nyelv oktatásához* [100 игр в преподавании русского языка]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1977, 182 p.

Ferincz István – Héjjas Endre – Krékits József, *Felsőfokú továbbtanulásra előkészítő orosz nyelvi segédkönyv* [Пособие для поступающих на русское отделение вузов]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1979, 190 p.

Pete István, *Quantitative relations in Russian and Hungarian languages*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1981, 298 с.

Pete István, *Orosz–magyar egybevető szótár* [Сопоставительная лексикология русского и венгерского языков]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1982, 110 p.

Pete István, *Orosz–magyar összevető alaktan* [Сопоставительная морфология русского и венгерского языков]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1983, 371 p.

Pete István, *Orosz–magyar egybevető szintaxis* [Сопоставительный синтаксис русского и венгерского языков]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986, 226 p.

Kugler Katalin – Lieber Lászlóné, *Magyar országismeret: Orosz társalgás*. [Венгерское страноведение: Русская разговорная практика]. 1988, 202 p.

M. Solymosi Mária, *Orosz beszédgyakorlatok* [Русская разговорная речь] 2. Szeged, 1988, 117 p.

Иштван Пете, *Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским*. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1988, 377 с.

Иштван Пете, *Лексикология русского языка для венгерских студентов-русистов*. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1989, 192 с.

Иштван Пете, *Синтаксис русского языка для венгерских студентов-русистов*. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1991, 414 с.

Иштван Пете, *Лексикология русского языка для студентов-русистов*. Сегед, 1996, 213 с.

Pete István, *Морфология русского языка I*. Szeged, 1997, 3-е, перераб. изд., 208 с.

- Pete István, *Морфология русского языка II*. Szeged, 1997, 3-е, перераб. изд., 237 с.
- Pete István, *Фонология и письменность русского языка*. Szeged, 1997, 176 с.
- Pete István, *Иллюстрированная практическая фразеология русского языка*. Szeged, 1997, 206 p.
- Pete István, *Синтаксис русского языка I: Синтактика синтаксических единиц*. Szeged, 1998, 3-е, перераб. изд., 228 с.
- Pete István, *Синтаксис русского языка II: Семантика и прагматика синтаксических единиц*. Szeged, 1998, 3-е, перераб. изд., 260 с.
- Kiss Lajos, *Orosz–magyar nagyszótár: Elektronikus változat [Большой русско-венгерский словарь: Электронный вариант]*. Szeged: Scriptum, 1998, 7004 p.

О Е.М. ФЕНЬВЕШИ-КОНЯЕВОЙ

- Dr. Nagy János, Moszkvai képeslap [Открытка из Москвы]. *Szolnok Megyei Néplap* 1960. szept. 10.
- Tanárok a padban [Учителя за партой]. *Hajdú-Bihari Napló* 1961. júl. 13.
- Orosz nyelvtanfolyam [Курсы русского языка]. *Szovjet Híradó* 1961. aug. 6.
- Szovjet pedagógusok fogadása a megyei tanácsnál [Прием советских преподавателей в облисполкоме]. *Délmagyarország* 1962. júl. 7.
- Szovjet és magyar pedagógusok baráti találkozója [Дружеская встреча советских и венгерских преподавателей]. *Csongrád Megyei Hírlap* 1962. júl. 10.
- Horváth Lászlóné, Szeged – külföldiek szemével [Сегед глазами иностранцев]. *Délmagyarország* 1962. júl. 25.
- Имре Х. Тот, Данные к истории изучения славянских языков в Сегедском университете. *Dissertationes Slavicae* IX–X. Szeged, 1975: 250.
- Pedagógusnap i kitüntetések [Награждения ко Дню учителя]. *Szegedi Egyetem* 1985. jún. 8.
- Szalamon Edit, J. M. Fenyvesi-Konyajeva 70 éves [Е.М. Феньвеш-Коняевой 70 лет]. *Modern Nyelvoktatás*, в печати.
- Rakonczai János, *Emlékek, arcképek [Воспоминания, портреты]*. Szeged, 2000: 176–177.

KLEINE SPRACHEN AN DER SCHWELLE DER EU

István Nyomárkay

(Nyomárkay István, Eötvös Loránd Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék
H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4–6. D épület.)

Die Sprachen der den Ungarn benachbarten slawischen Völker – das Russische ausgenommen – werden im Ungarischen gewöhnlich als slawische Kleinsprachen (*kis szláv nyelvek*) bezeichnet. Zu diesen gehören das Tschechische, das Slowakische, das Kroatische, das Slowenische, das Serbische, und – ein bißchen weiter entfernt – das Mazedonische und das Bulgarische. "Kleinsprache" ist in erster Linie ein Terminus der Soziolinguistik und wies ursprünglich auf die Zahl der Sprechenden und die Verbreitung der Sprache. Er wurde in der Sprachwissenschaft zuerst von A. D. Duličenko und H. Birnbaum verwendet (Duličenko 1981, Birnbaum 1983). Roland Marti (1990: 3) bemerkt jedoch: "im allgemeinen vermeiden aber die Autoren, die solche Begriffe verwenden, eine genauere Definition". Als Spiegelübersetzung der deutschen *Kleinsprache* ist der ungarische Terminus *kis nyelv* entstanden, der sich aber in der Bedeutung nicht mit den erwähnten englischen, deutschen und russischen Bezeichnungen deckt, obwohl – wie es auch Marti (ebd.) unterstreicht – "die Linguistik [...] erst später entdeckt [habe], daß für die Sprachen quantitative Gesichtspunkte eine wichtige, unter Umständen entscheidende Rolle spielen können". Aus der Fachliteratur stellt sich eindeutig heraus, daß dieser Terminus in die – zumindest die ungarische – Gemeinsprache nicht in der Bedeutung übernommen wurde, für die er in der Wissenschaft vorgesehen war. In der Linguistik werden nämlich die Sprachen *Kleinsprache*, *mikrojazyk*, *microlanguage* genannt, die (noch) nicht als standardisierte Hochsprachen angesehen werden können, deren Standardisierung höchstens nur noch im Gange ist. Birnbaum spricht in seinem erwähnten Werk über das Ruthenische, Duličenko betrachtet in erster Linie das Kroatische im Burgenland als *mikrojazyk*, während Marti seine Monographie dem Sorbischen und dem Rätoromanischen widmet. Demgegenüber sind im allgemeinen ungarischen (gemeinsprachlichen) Sprachgebrauch als *kis nyelvek* apostrophierten Sprachen – das Tschechische, das Slowakische, das Kroatische, das Serbische oder das Slowenische – standardisierte, d.h. genormte und fest geregelte Hochsprachen. Unabhängig davon werden ihre Gepflegtheit sowie die Größe und der Nuancenreichtum ihrer Wortschätze von Einwirkungen anderer Sprachen, den bewußten Bestrebungen nach Sprachneuerung und -regulierung, sowie dem Zeitpunkt ihrer endgültigen Standardisierung beeinflusst, ja sogar bestimmt.

Das Geltendmachen allein des quantitativen Gesichtspunktes darf also nicht gleichzeitig auch einen qualitativen Werturteil darstellen. Zu dieser Frage äußerte Dezső Kosztolányi bereits 1930 eine entschlossene Meinung. In seiner Schrift *A magyar nyelv helye a földgolyón. Nyílt levél Antoine Meillet úrhoz, a Collège de France tanárjához* [Der Platz des Ungarischen auf dem Globus. Ein offener Brief an Herrn Antoine Meillet, Lehrer am Collège de France] formuliert er folgenderweise: "er [nämlich Meillet – I. Ny.] betreibt auch eine fleißige Klassifizierung der Sprachen. Die Grundlage dieser Klassifizierung ist unklar: Mal bezeichnet er die Sprachen aufgrund der Bevölkerungszahl, mal nach anderen Gesichtspunkten wie Verwandtschaft oder der ihnen innewohnenden "zivilisatorischen Kraft" als groß" (Kosztolányi 1971: 90). Kosztolányi betrachtet den quantitativen Aspekt auf keinen Fall in einer Verwendung für entscheidend, in der er unvermeidlich den Eindruck eines qualitativen Werturteils erweckt.

Diese Frage interessiert uns in erster Linie aus dem Gesichtspunkt der Lexikographie. Dies hat jedoch – angesichts der Tatsache, daß es sich um den sich scheinbar am dynamischsten ändernden Teil der Sprache, also den Wortschatz handelt – klare Bezüge zur Sprachpflege und Sprachförderung. Die Allgemeine Erklärung der Sprachlichen Rechte, die von der Weltkonferenz der Sprachlichen Rechte am 6. Juni 1996 in Barcelona angenommen hat, legt fest, daß "jede Sprachgemeinschaft über das Recht verfügt, ihre Sprache in allen kulturellen Äußerungsformen zu gebrauchen, zu erhalten und weiterzuentwickeln; jede Sprachgemeinschaft muß in der Lage sein, dieses Recht in vollem Maße auszuüben, ohne daß der Siedlungsraum der Gemeinschaft von einer fremden Kultur hegemonisch erobert wird" (Artikel 41). Das Recht auf Sprachpflege und -förderung ist demnach allgemein gegeben, und wird im Kontext der Erklärung nicht auf die Standardsprachen beschränkt, sondern bezieht sich auch auf die "Kleinsprachen" in der ursprünglichen Bedeutung. In diesem Sinne besteht allerdings auch das Recht, die Errungenschaften und Schätze einer von der muttersprachlichen unterschiedlichen Zivilisation in der Muttersprache kennenzulernen, aber auch die Werte der eigenen Zivilisation in fremden Sprachen zugänglich zu machen. Voraussetzung für diese Bewegung mit doppelter Richtung stellen die niveauvollen zweisprachigen Wörterbücher dar. Janusz Bańcerowski (1998: 19) meint, die Zusammenstellung von Wörterbüchern und Grammatiken sei "heute nur noch zum Teil mit der Sorge für die Sprache in Zusammenhang zu bringen. Im gesellschaftlichen Bewußtsein spielt die durch patriotische Gefühle bedingte Sorge für die Sprache eine immer unbedeutendere Rolle. Manchmal ist auch zu beobachten, daß der Begriff der Nation oder der Muttersprache bei einigen Schandgefühle oder Ekel auslöst; ihrer Meinung nach verhindere dies nur die Annäherung an die moderne Welt". Er macht aufgrund eines polnischen Beispiels auch auf die wichtige Rolle unserer Muttersprache und Kultur in der Annäherung an Europa oder die (westliche) Welt

hin (Bańcerowski ebd.). "1995 hat sich eine amerikanische Touristengruppe heftig über die vielen englischen Werbeaufschriften auf dem Hauptplatz Krakaus empört. Eines der Gruppenmitglieder hat gesagt: "Ihr habt eure Freiheit wieder erlangt, ihr seid in eurem eigenen Land, was zwingt euch denn, so ein untergeordnetes Englisch zu benutzen?""

Eine wirkliche, zwei- oder mehrseitige Kommunikation setzt also unabdingbar das möglichst vollkommene Verständnis zwischen den Kommunikationsteilnehmern voraus. Natürlich müssen sowohl die wissenschaftlichen und fachlichen, als auch die Bezeichnungen von einfachsten Gegenständen, Geräten, Handlungen, Begriffe usw. des Alltagslebens verstanden werden. Der namhafte kroatische Lexikograph Željko Bujas (1989) schreibt, daß ihn die augenfälligen Mängel in der linken Spalte der meisten kroatisch-fremdsprachlichen Wörterbücher immer gestört, ja sogar irritiert hätten. Von den Mängeln hebt er besonders die Anachronismen, die Nicht-Aktualität und die graue Leblosgkeit hervor. Die linke Spalte in den Wörterbüchern umfasse u.a. einen Großteil des journalistischen Stils und des sog. Stils der Straße nicht, aber es fehlten auch zahlreiche Bezeichnungen im Zusammenhang mit der materiellen und geistigen Kultur der Stadtbewohner. Diese Tatsache lasse sich auch mit objektiven Gründen erklären. Von den beiden Teilen der zweisprachigen Wörterbücher werde zuerst gewöhnlich der fremdsprachlich-muttersprachliche Teil fertig, weil das fremdsprachliche Korpus aufgrund der anderen fremdsprachlichen Wörterbücher leichter zusammengestellt werden könne, bzw. weil es andere bereits zusammengestellt hätten. Der muttersprachlich-fremdsprachliche (im Beispiel von Bujas der kroatisch-fremdsprachliche) Teil werde nichts anderes sein, als die Übersetzung des fremdsprachlichen Korpus. Daraus zieht er die Folgerung, daß man unmöglich ein gutes Wörterbuch machen kann, ohne lebendiges sprachliches Material umfassend und selbständig gesammelt zu haben. Das Gesagte veranschaulicht er mit einem Beispiel: Bei der Analyse der Übersetzungsmöglichkeit eines alltäglichen, gewöhnlichen Zeitungsartikels ins Englische macht er die Erkenntnis, daß der Inhalt des Ausgangstextes nicht einmal mit Heranziehung der beiden aktuellsten kroatisch-englischen Wörterbücher vollkommen wiedergegeben werden kann. Die Nachricht lautet wie folgt.

Drugi put u samo mjesec dana orkansko se nevrijeme oborilo na Britaniju, čupajući stabla, prevrćući kamione, odnoseći krovove, izazivajući poplave te prouzročivši smrt najmanje 14 osoba.

In deutscher Übersetzung:¹ Zum zweiten Mal innerhalb von nur einem Monat tobte ein orkanenartiges Unwetter über England hinweg. Es entwurzelte Bäu-

---

¹ Die Übersetzung erfolgte aufgrund der ungarischen Übersetzung der Ausgangstextes – Bem. des Übersetzers.

me, stürzte LKWs um, deckte Häuser ab, verursachte Überschwemmungen und kostete mindestens 14 Leuten das Leben.

In der englischen Übersetzung findet Bujas die Entsprechungen für *drugi put* (for the second time), *u samo mjesec dana* (in just one month) und *odnoseći* (blowing away) nicht genau. Ich muß an dieser Stelle bemerken, daß die kroatisch (serbokroatisch)-ungarischen Wörterbücher beim Übersetzen des Satzes ins Ungarische ebenfalls nicht genügend Hilfe leisten.

Bujas hat in seinem zitierten Aufsatz schon vor mehr als zehn Jahren die Notwendigkeit hervorgehoben, das muttersprachliche Korpus der Wörterbücher sorgfältig zusammenzustellen. In dieser Hinsicht sind die sog. nationalen Korpora äußerst hilfreich. Es ist unnötig, weiter zu beteuern, wie wichtig es – nicht nur in der Bildung, sondern auf allen Gebieten des Lebens – wäre, daß moderne ungarisch-tschechische, kroatisch- und serbisch-ungarische usw. Wörterbücher, aber auch Wörterbücher der anderen "slawischen Kleinsprachen" existieren. Die Wörterbücher regen dazu an, unsere Muttersprache zu fördern, über sie nachzudenken und für sie zu sorgen, und tragen gleichzeitig dazu bei, daß wir unsere Kulturen gegenseitig in vollem Maße verstehen und genießen können.

Aus dem Ungarischen von Tamás Görbe

LITERATUR

- Bañcerowski, J. 1998, Kőtelességünk-e gondoskodni anyanyelvünkről? *Magyar Nyelv* XCIV, 16–31.
- Birnbaum, H. 1983, Language families, linguistic types, and the position of the Rusin. *Die Welt der Slaven* 28, 1–23.
- Bujas, Ž. 1989, Leksik tiska i hrvatska lijeva strana. *Filologija* 17, 55–67.
- Duličenko, A. D. 1981, *Slavjanske literaturnye mikrojazyki: Voprosy formirovanija i razvitiya*. Tallin.
- Kosztolányi, D. 1971, *Nyelv és lélek*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó.
- Marti, R. 1990, *Probleme europäischer Kleinsprachen: Sorbisch und Bündnerromanisch*. München. (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd. 18.)

O MAĐARIZMIMA U JEDNOM LOKALNOM GOVORU SRBA I HRVATA U MAĐARSKOJ

Jovan Jerković

(Jugoslavija, 21000 Novi Sad, ul. Antona Čehova 2)

1. Od dolaska Mađara u Panonski basen datiraju njihovi kontakti sa Slovenima, što podrazumeva da su od IX veka, pa kroz ceo srednji vek, nastajale žive političke veze i uspostavljan obostrani kulturni uticaj. Dalji intenzivniji dodiri odvijaju se u okvirima Austrije odnosno Austrougarske, država u kojima je znatan deo Srba i Hrvata živio zajedno sa Mađarima.

U razmatranju međujezičkog uticaja zadržaćemo se na leksici jer su na ovom jezičkom nivou oni najbrojniji i najlakše uočljivi.

O slovenskom uticaju na leksiku mađarskog jezika pisano je detaljno i kvalifikovano, što potvrđuju mnogobrojni radovi i imena njihovih autora.¹ O "mađarizmima" u slovenskim dijalektima, posebno u jeziku Srba i Hrvata, pisano je malo. Opravdanje možemo naći u opštem sudu da broj pozajmljenica u književnom jeziku nije velik.² Njih je znatno više u pojedinim narodnim govorima, posebno u naseljima sa izmešanim srpskim, hrvatskim i mađarskim življem. Međutim, serbokroatistika do danas ne raspolaže iscrpnijim rečnicima pojedinih dijalekata niti ima rečnike pojedinih naseobina u kojima bi se sa dovoljno preciznosti mogao sagledati odnos pozajmljenica i autohtonih reči, odnosno dobiti potpuniji uvid u kojim sferama života su pozajmljenice prisutne u većoj a u kojima u manjoj meri.

Naša pažnja ovoga puta usmerena je na mađarizme u delu leksike Srba i Hrvata u Mohaču.

2. Opisi pojedinih dijalekata najčešće se zadovoljavaju opštim napomena o leksici. U svom opisu dijalekta baranjskih Hrvata (kojima pripada i govor Mohača), P. Stepanović ne pominje leksiku,³ dok za dijalekat baranjskih Srba (kojima pripada i govor Mohača) konstatuje: "Neke reči turskog porekla, kao npr. *odžak*, *pěškir*, *čuprija* i *avlija* potpuno su istisnule srpskohrvatske sinonime, a druge, kao *pěndžer* ili *sokak* češće su nego odgovarajuće reči *prozor* i *ulica*." I dalje: "Ranije

---

¹ Kniezsza I., *A magyar nyelv szláv jövevényyszavai* I. kötet, 3582; II. kötet, 583–1013 (Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974, 2. kiadás) i literaturu koja je ovde navedena.

² J. Jerković, *Mađarizmi u Rečniku srpskohrvatskog književnog jezika (O leksičkim pozajmljenicama)*. Subotica – Beograd, 1966: 173–181.

³ P. Stepanović, *Govori Srba i Hrvata u Mađarskoj*. Gornji Milanovac – Novi Sad – Beograd: Dečje novine – Matica srpska – Vukova zadužbina, 1994: 50–72.

se u dijalektu baranjskih Srba javljalo dosta nemačkih reči, a u novije vreme opaža se preuzimanje mađarskih reči."⁴

Govori Srba i Hrvata u Mohaču pripadaju dvama različitim dijalektima. Međutim, u njima pored evidentnih razlika koje postoje u govorima različitih naroda, postoje i mnogobrojne podudarnosti koje su opšteštokavske ili su pak prihvaćene u dugotrajnom kontaktu. Leksika koja je najvećim delom zajednička, takođe je doprinela međusobnom uticaju dijalekata. U oba dijalekta prisutan je viđan uticaj dominantnog mađarskog jezika koji se upadljivo ispoljava u leksici. Tako "mađarizmi" na svim jezičkim nivoima, a posebno na leksičkom nivou, spajaju ova dva dijalekta.

3. Cilj ovog rada svodi se na to da se na dèlu leksičke građe jednog lokalnog govora Srba i Mađara u Mađarskoj istaknu samo neki od problema i da se iniciraju sveobuhvatnija i detaljnija istraživanja, interesantna i za serbokroatiste i za hungarologe.

Leksičku građu koju ćemo analizirati sakupila je gđa Marija Ilešne, rođena u Mohaču. To je zbirka od oko 13000 odrednica – leksema, leksičkih spojeva, oblika i sl. Gospođa Ilešne omogućila mi je da se njome koristim, na čemu joj najtoplije zahvaljujem.

Reči u navedenom popisu pripadaju govornom jeziku koji nije unapred pripreman, tj. opuštenom svakodnevnom instrumentu sporazumevanja sugrađana iste nacionalnosti ili pripadnika dve sredine. S obzirom da i jedni i drugi pored svog maternjeg jezika odlično govore i strani (mađarski) jezik na kome se pretežno odvija njihova svakodnevna komunikacija, nisu morali posebno da paze na svoj izraz i iz njega isključuju mađarizme, što je čest slučaj kada govore sa osobama koje ne znaju mađarski jezik.

4. Izdvojenu građu razvrstali smo u sledeće grupe:

1. mađarizmi koje potvrđuje rečnik savremenog srpskohrvatskog književnog jezika;
2. reči koje se vezuju za mađarski jezik a nemaju adekvatnu zamenu u jeziku primaocu (tzv. ksenizmi);
3. reči iz mađarskog jezika koje imaju odgovarajući srpski ili hrvatski sinonim, ali se on ne navodi u našoj građi;
4. slučajevi kada se uz reč pozajmljenu iz mađarskog jezika paralelno upotrebljava i domaća reč;
5. izbor sa spiska reči koje su sva tri jezika preuzela iz opšteg civilizacionog fonda (internacionalizmi);
6. strane reči koje su u srpski ili hrvatski jezik neosporno ušle posredstvom mađarskog jezika.

---

⁴ N.d. 28–50.

U preuzimanju reči iz mađarskog jezika dolazi do određenih prilagođavanja glasovnom sistemu srpskog (srpskohrvatskog) jezika. Naime, mađarski vokal-ski sistem je znatno razuđeniji od srpskog jer ima vokale tipa *ö* i *ü*, a dužina i kratkoća dosta utiču na boju vokala *A* i *E* (dužina se u mađarskom označava nadrednim znakom tipa akuta ili dvojnog akuta: *á, é, í, ó, ú, ő, ű*, dok se vokali bez takvog znaka izgovaraju kratko). Naime, *Á* je slično srpskom dugom *a*, dok se *A* izgovara između *a* i *o*; *É* je pak zatvorenije a *E* otvorenije od srpskog *e*. U srpskom jeziku se uobičajenom transkripcijom, što je razumljivo, zatiru neke bitne izvorne razlike.

Konsonantizam je, međutim, blizak srpskom konsonantizmu i lakše se prenosi u pisanju. Jedini uslovni postupak je što se za mađarsko *LY* primenjuje tradicionalna zamena sa *lj* (saglasno nekadašnjem izgovoru i stanju u nekim dijalektima) iako je današnji izgovor *j*.

Uobičajen je sledeći postupak transkripcije mađarskih glasova u srpskom jeziku:

A, Á (i tradicionalno *AA, AÁ*) kao *a*: *Tatabanja* (*Tatabánya*), *Gal* (*Gaal*);
AI (i trad. *AY* na kraju prezimena) kao *ai*: *Jokai* (*Jókai*), *Bočkai* (*Bocskay*);
C (i trad. *CZ, TZ*) kao *c*: *Cegled* (*Cegléd*), *Barcai* (*Barczay*), *Acel* (*Atzél*);
CS (i trad. *CH, TS*) kao *č*: *Čepel* (*Csepel*), *Madač* (*Madách*), *Sečenji* (*Széchenyi*),
Babič (*Babits*);

DZ (zvučni parnjak *c*) kao *dz*: *Brindza* (*Brindza*);

DZS kao *dž*: *Bandžal* (*Bandzsál*);

E, É (i trad. *EÉ*) kao *e*: *Kečkemet* (*Kecskemét*), *Ver* (*Veér*);

EI, EY (na kraju prezimena) kao *ei*: *Sinjei* (*Szinyei*), *Kelčei* (*Kölcsey*);

GH (trad.) kao *g*: *Veg* (*Végh*), *Harangi* (*Haranghy*);

GY kao *đ*: *Đula* (*Gyula*);

H normalno kao *h*: *Hunjadi* (*Hunyadi*);

LY kao *lj*: *Karolj* (*Károly*), *kiralj* (*király*);

NY kao *nj*: *Hunjadi* (*Hunyadi*);

O, Ó (i trad. *OÓ*) kao *o*: *Fonjod* (*Fonyód*), *Šoš* (*Soós*);

Ö, Ő (i trad. *EÖ, EW*) kao *e*: *Etveš* (*Eötvös* um. *Ötvös*), *Terek* (*Thewrewk* um. *Török*);

S (i *SS*) kao *š*: *Miškolc* (*Miskolc*), *Košut* (*Kossuth*);

SZ kao *s*: *Seksard* (*Szekszárd*);

TH (trad.) kao *t*: *Košut* (*Kossuth*), *Tot* (*Tóth*);

TY kao *ć*: *Mačaš* (*Mátyás*), izuzetno u prezimenima kao *ti*: *Verešmarti* (*Vörösmarty*);

U, Ú (trad. *UU*) kao *u*: *Đula* (*Gyula*), *Kun* (*Kuun* um. *Kún*);

Ü, Ű kao *i*: *Fizešabonj* (*Füzesabony*), *Orfi* (*Orfű*);

Y je u savremenom pravopisu samo znak za umekšavanje (v. *GY, LY, NY, TY*), a u prezimenima se javlja kao vokal, u vrednosti *i*;

ZS kao *ž*: *Jožef* (*József*).

U standardni mađarski konsonantizam ulaze i sledeći suglasnici: *B, D, F, G, J, K, L, M, N, P, R, T, V, Z* – koji se prenose bez promene.⁵

5. Sve reči koje rečnik dveju matica⁶ kvalifikuje kao *mađ.* ili *mađž.* (= mađarizam) potvrđene su i u našoj građi:

KALAPAČ, -ača, pokr.⁷

KARIKA

KATANA ž i m

KEREP m

KEREFKEKE ž mn. i KEREFKEI m mn.

KETOŠ m

KEC, keca (instr. kecom, mn. kečevi)

KINČ m pokr. (u građi je reč zabeležena samo u sklopu složenice KINČTAR, isp. t. 7 ovog rada)

KORLAT m pokr.

KORMAN m

KORŠOV, -ova m

6. Od reči za koje ne postoji odgovarajući referent u jeziku primaocu (tzv. ksenizmi) može se izdvojiti jedino reč *kesega*, koja ima vrlo široku areu prostiranja u srpskim i hrvatskim govorima.

7. Relativno visok procenat reči (oko 4% odrednica na *k* u našoj građi) preuzet je direktno iz mađarskog jezika i veoma često bez ikakve adaptacije. U prvoj koloni dajemo formu zabeleženu u govoru Srba i Hrvata u Mohaču, a u drugoj se navodi odgovarajuća reč mađarskog jezika; u zagradi je navedeno njeno značenje, odnosno odgovarajuća reč srpskog i hrvatskog jezika.⁸

kajkaš – *kályhás* (pećkar)

kađlov – *kagyló* (umivaonik, lavabo)

kamaskor – *kamaszkor* (pubertet)

kantinoš – *kantinos* (radnik u kantini)

kanja – *kánya* (koba; RMSMH uz ova reč daje sledeće podatke: ž pokr. kabao duguljastog dna u kojemu se drži mleko, skorup, med itd. (Vuk Rj.)

kardvirag – *kardvirág* (vrsta cveća)

karkete – *karkötő* (grivna, narukvica)

⁵ Prihvaćena je transkripcija data u oficijelnom pravopisu srpskog jezika (M. Pešikan – J. Jerković – M. Pižurica, *Pravopis srpskoga jezika*, poglavlje: *Prilagođeno pisanje imena iz stranih jezika. Imena iz mađarskog jezika*. Novi Sad: Matica srpska, 1993).

⁶ *Rečnik srpskohrvatskog književnog jezika II–III*. Novi Sad – Zagreb: Matica srpska – Matica hrvatska, 1967 – skraćeno: RMSMH.

⁷ Reči se navode iz RMSMH bez značenja koja se uz njih daju.

⁸ Konsultovan je dvojezični rečnik: Hadrovics L., *Magyar–szerbhorvát szótár*. Budapest: Terra, 1973 – skraćeno: Hadrovič 1973.

karperec – *karperec* (narukvica, grivna)
karpit – *kárpit* (tapet/a/)
karzat – *karzat* (galerija)
kelet – *kelet* (istok)
kenjesteti – *kényeztet* (maziti se)
kepenja – *köpeny* (ogrtač)
kepvišelo – *képviselő* (poslanik, zastupnik)
keringezni – *keringőzik* (igrati valcer)
kertiz – *kertész* (vrtlar, baštovan)
keslet – *készlet* (1. zaliha, 2. pribor)
ketelkedni (se) – *kétkedik* (sumnjati)
ketrec – *ketrec* (kavez)
kezbešetin – *kézbesít* (uručiti/uručivati)
kezeš – *kezes* (jamac, žirant)
kezešlabaš – *kezeslábas* (nespretan)
kiadoš – *kiadós* (izdašan)
kikirič – *kikerics* (mrazovac, mrazovnik)
kinčtar – *kincstár* (erarski, fiskalni)
kip – *kép* (slika)
kirandulni – *kirándul* (ići na izlet)
Kišalfeld – *Kisalföld* (Mali Alföld, geogr.)
kivet – *követ* (poslanik)
keret – *köret* (garniranje)
kormanuš – *kormányzó, kormányos* (guverner, namesnik)
keremkefe – *körömkefe* (četkica za nokte)
kozduleš – *közügyülés* (sednica)
kozjedžo – *közjegyző* (javni beležnik)
kozmondaš – *közmondás* (poslovica)
kozonšegeš – *közönséges* (običan)
kespont – *központ* (središte, centrala)
kubikuš – *kubikus* (kubikaš = radnik na zemljanim radovima)
kukta – *kukta* (parakuvar, pomoćni kuvar)
kuldunc – *küldönc* (posilni vojnik)
kulturhaz – *kultúrház* (dom kulture)
kilfeld – *külföld* (inostranstvo)
kilenjarat – *különjárat* (poseban ulaz)

8. Kao sinonimijski parovi ili nizovi dolaze sledeće reči mađarskog jezika i domaće (odomaćene) reči srpskog i hrvatskog: *kabat* (mađ. *kabát*) i *kaput*; *kanal* i *čatorna* (*csatorna*); *kalapač* (*kalapács*) i *čekić*; *karačonjfa* (*karácsonyfa*), *kris-kindli* i *jelka*; *keringe* (*keringő*) i *valcer*; *komp* (*komp*) i *skela*; *kontar* (*kontár*) i *šepRTLja*; *kirakat* (*kirakat*) i *izlog*; *korlat* (*korlát*) i *ograda*.

Vredno bi bilo na široj građi istraživati da li je došlo, prema očekivanju, i u kolikoj meri, do diferencijacije u upotrebi jednog od članova parova. Mi raspolažemo samo potvrdama za reči *karačonjfa* i *kriskindli* koje označavaju ukrasno božićno (novogodišnje) drvo dok *jela* (*jelka*) označava vrstu drveta. U matičnoj zemlji u oba značenja uopšteno je *jelka* (*božićna/novogodišnja jelka*).

9. Internacionalizmi predstavljaju najduži spisak reči koje spajaju srpski i hrvatski s mađarskim jezikom. Tako je od ukupnog broja reči na slovo *k* (902) zabeleženo 111 leksema iz različitih jezika potvrđenih u sva tri jezika, što čini oko 4% celokupne građe.

Ilustracije radi navešćemo dvadesetak ovih reči:⁹ *kabare* (franc.) – *kabaré*, *kabala* (hebrejski) – *kabala*, *kabel* (engl.) – *kábel*, *kalorija* (lat.) – *kalória*, *kampa* (*nja*) (tal.) – *kampány*, *kanal* (lat.) – *kanális*, *kanta* (nem.) – *kanna*, *karat* (grč.) – *karát*, *karavan* (tur.) – *karaván*, *karijera* (tal.) – *karrier*, *kavijar* (tur.) – *kaviár*, *kefir* (tatarski) – *kefir*, *kifla* (nem.) – *kifli*, *klima* (grč.) – *klima*, *korbač* (tur.) – *korbács*, *kriza* (grč.) – *krízis*.

Sve reči iz prve kolone potvrđuje u navedenoj formi i RMSMH. Pretpostavlja se da se one direktno vezuju za jezike iz kojih potiču jer su poznate na celokupnom srpskom i hrvatskom jezičkom području. Međutim, u govoru Srba i Hrvata u Mohaču nije isključeno i posredstvo mađarskog jezika ili podsticaj za njihovu češću pojavu. Određivanje prema izvornom jeziku izvršeno je takođe prema RMSMH, a mađarski ekvivalent naveden je prema Hadrovičevom rečniku.

10. Određeni broj internacionalizama sa sigurnošću se može vezati za mađarski jezik kao posredni jezik: *kabin* (franc. *kabina*) – *kabin*, *kataster* (lat. *katatar*) – *kataszter*, *komuništa* (*komunista*) – *kommunista*, *konzulatuš* (lat. *konzulat*) – *konzulátus*, *kristaj* (grč. *kristal*) – *kristály*, *kaštej* (lat. *kaštel*) – *kastély*, *kanape* (franc. *kanabe*) – *kanapé*, *kantinoš* (tal. *kantina*) – *kantinos*.

11. Na jednom segmentu leksičke građe učinjen je pokušaj da se pokaže opseg i karakter uticaja dominantnog (mađarskog) jezika na maternji jezik Srba i Hrvata u Mađarskoj.

Izneta građa može, međutim, biti interesantna i za serbokroatiste i za hugarologe i to za istraživanja veoma različitog tipa. Navešćemo neka od njih:

- a) s aspekta istorijske (dijahrone) lingvistike;
- b) kao građa za etimološka istraživanja i etimološke rečnike;
- c) sa gledišta pojedinih lingvističkih disciplina: fonetike (fonologije), morfologije, tvorbe reči, semantike;
- d) s aspekta kulturnih, privrednih i društvenih i drugih uticaja u prihvatanju reči iz drugih jezika. Itd.

⁹ U prvoj koloni reči se navode prema RMSMH a u drugoj prema Hadrovič 1973.

*Посвящается профессору Михаилу Петеру
по случаю его юбилея*

МАЛОИЗВЕСТНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ-АПРАКОС XII В.

Имре Х. Тот

(Н. Tóth Imre, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék,
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Введение

В Отделе рукописей Центральной библиотеки Академии наук Украины под № I. 3935 хранится отрывок евангелия-апракоса. Фрагмент представляет собой конец чтения в субботу 14-ю и начало чтения в субботу 15-ю Нового лета, т.е. стихи 14–15 XVI-ой главы от Луки и стихи 3–6 XVII-ой главы от Луки. Текст написан на пергаменте. Размер отрывка 31х22 см. Евангельские чтения написаны в два столбца (у нас: 1а, 1б) по 17 строк. На пергаменте оставлены широкие поля: снизу ок. 7,5 см, с левого и правого бока 2,5, 3 см.¹

Рукопись очень плохо сохранилась, пергамент "разорван пополам по горизонтали [...], поля оборваны, в ниж. левом углу вырван кусок, многочисленные мелкие протертые дыры".² Очень значительны потери текста столбца 1а, а текст столбца 1б целиком стерт. Первые три строки текста левого столбца почти невозможно прочитать: видны только отдельные буквы или контуры букв.

Несмотря на плохую сохранность отрывка рукописи, остатком которой он является, она была написана очень красивым, крупным уставом. В 16-й строке левого столбца находится большой инициал **Р**, выполненный в старовизантийском стиле. Контуры наведены чернилами коричневого цвета. Единственный инициал (**Р**) раскрашен киноварью.

Отрывок долгое время был в окладке книги (рукописи), которая находилась в руках польского владельца. Об этом свидетельствуют многочисленные пробы пера, штрихи, остатки текстов, написанных латиницей,

---

¹ Л.П. Жуковская (отв. ред.), 1984, *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв.* Москва, 1984: 110.

² Л.П. Жуковская, Ук. раб. 110.

которые трудно поддаются чтению. Вписки сделаны почерками XVII–XVIII в. Это обстоятельство указывает на то, что в XVII в. рукопись, остатком которой является интересующий нас фрагмент, уже была уничтожена, и ее материал был использован для обложки книг.

Отрывок № I. 3935, несмотря на его незначительный объем, известен в научной литературе, хотя сведения о нем невелики. Нам удалось составить следующий список литературы о нем:

Шеламанова, Н.Б., Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР. *Археографический ежегодник за 1965 год*. Москва, 1966: 194, под № 91.

Жуковская, Л.П., Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. В кн.: *Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология*. Москва, 1968: 329.

Жуковская, Л.П., *Текстология и язык древнейших славянских памятников*. Москва, 1976: 363.

Жуковская, Л.П. (отв. ред.), *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв.* Москва, 1984: 110, под № 68.

Отрывок был издан и коротко характеризуется М.В. Геппенером в каталоге *Слов'янські рукописи XI–XIV ст.* (Київ, 1969: 26–30). На стр. 128 и 129 даются снимки целого отрывка и левого столбца (1а). Издатель рукописи сравнивал текст отрывка с соответствующими местами в Остромировом, Архангельском и Оршанском евангелиях, но старославянские рукописи не были учтены им.

М.В. Геппенер относит возникновение отрывка к XII в.³ Эта же датировка принимается предварительными и сводными каталогами славянских рукописей, составленными Н.Б. Шеламановой и под редакцией Л.П. Жуковской.

Заслугой издателя является написанная им краткая палеографическая характеристика отрывка, но без лингвистических выводов.

В дальнейшем мы намереваемся дать краткое палеографическое, орфографическое и языковое описание интересующего нас фрагмента, исходя из некоторых положений первого издания (*editio princeps*) рукописи и ее характеристики.

---

³ М.В. Геппенер, Ук. раб. 26.

б замечаний не вызывает. У буквы в нижняя часть, образующая закругленную петлю, немного выше верхней. Буква сверху имеет окончательный штрих. Нижняя часть касается мачты чуть выше ее середины. Буква в очень похожа на б. Во 2 строке левого столбца у буквы в верхняя часть не доходит до нижней. Буква г не вызывает замечаний. Буква д не помещается в строке, ее ножки, образованные нажимом пера, выходят за нижнюю строку. Верхняя часть буквы заполняет междустрочие. Сверху буква имеет окончательный штрих. Буква е имеет широкое начертание, но для передачи сочетаний *j+e* ставится писцом буква ю. Заслуживает интереса то, что нижний овал буквы е выходит под строку.

Буква ж пишется в три приема. Она почти пропорциональная: верхняя часть буквы только немного меньше нижней. Правая и левая части буквы одинаковы. Мачта прямая. Боковые линии более тонкие, чем мачта. Ширина буквы больше, чем высота. Точка соприкосновения боковых черт находится немного выше середины мачты, этим объясняется то, что нижняя часть немного больше верхней. Верхние боковые линии тонкие. У буквы з основная линия идет по нижней линии строки, потом, поворачиваясь, спускается под строку, образуя длинный овалыный хвостик. У буквы и поперечная, горизонтальная, тонкая линия проводится немного выше середины мачты. Такое начертание придает букве архаический характер.⁶

к. Характерно, что правая изогнутая сторона не соединена с левой, что встречается довольно часто в рукописях.⁷ Правая, верхняя часть буквы к кончается завитком, как у буквы ү. Буква л не вызывает замечаний. У буквы м мачты прямые. Петля округленная и почти не выходит под строку. Левая мачта буквы соединяется с петлей с помощью короткой горизонтальной черточки. Петля соединяется с правой мачтой, образуя угол, м очень широкая буква. Есть вариант, у которого овал, образуемый соединяющей линией на нижней строке, утолщаясь, немного спускается под строку. Буква н похожа на букву N в латинице. Тонкая, поперечная линия касается правой мачты у ее середины. Буквы о, п замечаний не вызывают. У буквы р головка большая, заполняет междустрочие. Главная линия буквы прямая и, утончаясь, спускается довольно далеко под строку. Буквы с, т обычны и замечаний не вызывают.

ү. Левая часть буквы толстая. Она присоединяется к тонкой, немного косою правой части буквы на нижней строке. Правая линия вверху имеет завиток, образованный сильным нажимом пера. Это начертание ха-

⁶ Е.Ф. Карский, *Славянская кирилловская палеография*. Москва, 1979: 192.

⁷ Е.Ф. Карский, *Ук. соч.* 194.

шпракъда | ющен 1а, каю сѧ 1б, покаѣтъ | сѧ 1б, ѡбрати | тѧ сѧ 1б, седмѣ | рицею 1б (2х). Отсутствие юсов имеет важное значение для хронологизации нашего фрагмента. К середине XII в. юсы заменены в памятниках древнерусского происхождения буквами *ѡ*, *ю*, *ѧ*, *ѧ* (после *ж*, *ш*, *ч*).⁹ Чтобы показать соотношение графики, употребления букв и украшения, указываем на то, что единственный большой инициал фрагмента, буква *Р* выполнена в геометрическом стиле и украшена растительным орнаментом. Геометрический почерк является архаической приметой фрагмента. Применение геометрического стиля и замена юсов буквами *ѡ*, *ю*, *ѧ*, *ѧ*, вместе взятые, позволяют предположить, что интересующий нас фрагмент возник во второй половине XII в.

Рассматривая орфографию фрагмента, остановимся на постановке йотированных букв, которые являются сравнительно хорошо установленными. Буква *ѣ* пишется в начале слов и внутри слов после букв, обозначающих гласные: *ѣсте* 1а, *ѣже* 1а, *ѣмѡ* 1б, *ѣ | мѡ* 1б, *покаѣтъ | сѧ* 1б. Отклонение представлено одним примером, в котором *ѣ* ставится после буквы *н* для выражения мягкости [n']: *кѣнѣ | млѣте* 1а. Употребление буквы *ѧ* похоже на написание буквы *ѣ*. Она ставится в начале слов: *ѧко* 1а, внутри слова пишется после букв *с*, *л*: *сѧ* 1б (2х), *гѧ* 1б. Буква *ю* пишется писцом внутри слов после букв, обозначающих гласные и согласные (*л*): *се | дмерицею* 1б (2х), *каю сѧ* 1б, *...брю | ю* 1а (= *сѣребролюби*). Как показывают наши примеры, ко времени написания нашего фрагмента основные правила графики и даже орфографии древнерусских рукописей уже сложились.

Фонетика

Незначительный объем памятника предоставляет нам только скромные данные для лингвистического анализа. Однако, все же возможно сделать некоторые наблюдения по фонетике, морфологии и лексике текста. В фонетическом отношении следует указать на постановку букв *ѣ*, *ѧ* на месте редуцированных в слабой позиции и на отсутствие вокализации редуцированных в сильной. Рассмотрим написание с *ѣ*, *ѧ* или без них в разных морфемах: **корнях** и **аффиксах**.

Буква *ѣ* ставится писцом в приставке там, где редуцированный гласный был в слабой позиции: *кѣнѣ | млѣте* 1а, *сѣгрѣши | тѧ* 1б (2х). В суффиксе **-ѧ-** пишется буква *ѧ* на месте редуцированного в слабой позиции

⁹ В.Н. Щепкин, Ук. соч. 114.

шпрѣкѣда|ющен 1а. В форме днѣ|мѣ 1б редуцированный был в сильной позиции, но все же не пишется писцом буква к в м. е. Постановка буквы к объясняется позицией буквы к: она стоит в конце строки. Писец последовательно сохраняет конечные еры. Этим графическим приемом объясняется и сохранение буквы к в данной позиции.

В 3 л. ед. и мн. чисел настоящего и простого будущего времен – особенностям своей родной речи и по нормам древнерусской графики – писец написал букву к на месте старославянского ѣ: покаѣтъ|сѣ 1б, ѡбрати|тъ сѣ 1б. В предлогах сохраняется написание буквы ѣ: къ тебе (sic) 1б. За исключением форм глагола 3 л. ед. и мн. ч. буквы ѣ, к этимологически ставятся в предлогах и окончаниях и в конце слов: прѣдѣ 1а (2х), бѣ 1а, къ 1б, днѣ|мѣ 1б, гѣ 1б.

Укажем на постановку буквы ѣ вместо о в слове кѣсоко 1а: кѣсоко Асс. св. 129, кѣсоко Зогр. св. 117, кѣ|соко Ват. св. 93, кѣсоко Остр. св. 112. В параллельных текстах употребляется наречие кѣсоко. Возможно, что в данном наречии писец поставил букву ѣ м. е. под влиянием русского церковнославянского произношения. Однако, фрагмент текста в 15 стихе XVI-ой главы от Луки расходится с параллельными местами других кодексов (что является порчей текста). Говоря о порче текста в постановке буквы ѣ в наречии кѣсоко м. е. кѣсоко, трудно объяснить ее отклонением от нормы церковнославянского произношения. Это скорее всего объясняется переосмыслением или недоразумением со стороны писца.

Буква к ставится писцом этимологически правильно в различных морфемах. В корнях к пишется правильно в следующих случаях: кѣстѣ| 1а, сѣгрѣши|тъ 1б (2х), рѣша 1б, кѣроу 1б (2х), запрѣти 1б. В церковнославянских формах (корнях) к употребляется правильно прѣдѣ 1а, прѣ|дѣ 1а. Отклонения от этого правила представлены двумя примерами: внѣ|мѣте 1а, къ тебе 1б. В 2 л. мн. ч. пов. наклонения м. е. внемлите встречается форма внемлѣте под влиянием глаголов I-го класса (неси – несѣте – внемли – внемлѣте), хотя в данном случае возможно другое объяснение.¹⁰ Такие формы 2 л. мн. ч. пов. накл. обнаруживаются и в классических памятниках старославянского языка: внемлѣте Марииинск. св., внемлѣте Асс. св., внемлѣте Сав. кн. Постановка буквы к м. е. в данной форме восходит к старославянскому протографу. Что же касается примера къ тебе 1б, его объяснение возможно и на древнерусской почве. По всей вероятности, в языке писца существовал древнерусский вариант дат. п. ед. ч. мест. 2 л. ед. числа: тобѣ, себѣ. Однако, вместо нормы своей речи он использовал

¹⁰ V. Vondrák, *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin, 1912, 2. Aufl., 493–494.

дат. п. ед. ч. этого местоимения под влиянием русской церковнославянской нормы, в которой на месте **ѣ** он произносил гласный [e]. Флексию **е** вм. **ѣ** возможно объяснить и особенностью церковно-книжного языка, в котором буква **ѣ** произносилась как гласный [e], хотя не исключено и морфологическое объяснение этих окончаний, предложенное А.И. Соболевским.¹¹ В древнерусских текстах формы с **е** вм. **ѣ** представлены часто: **тебе**, **себе** в дат. п. ед. ч.; **къ тебе**, **вѣнемъи себе** Изб. 1073 г.

Мы уже отметили постоянное отсутствие буквы **ѣ**, как характерную черту графики интересующего нас фрагмента. Слова с этимологическим носовым гласным переднего ряда произносились как слова с сочетанием гласного [a] ([ä]) и предыдущего мягкого согласного. Его мягкость не ограничилась согласными [n'], [l'], но она уже распространилась и на другие согласные (на свистящие): **вѣнѣ** | **мѣтѣ** 1а, **гѣа** 1б, **ста** 1б (3х). Рассматривая употребление буквы **ѣ** на месте этимологического носового гласного переднего ряда после букв **н**, **л**, **с**, мы одновременно перешли к области изучения согласных. После деназализации гласного **ѣ** и переходом его в [a] ([ä]) дальше развилась оппозиция парных согласных в [r]–[r'], [l]–[l'], [n]–[n'], [s]–[s'] и пр. **внутри слова**. Этот крупный момент древнерусского консонантизма слабо, но все же, отражен в рукописи немногочисленными примерами. Имея в виду структурный характер древнерусского консонантизма, не сомневаемся в том, что оппозиция **С–С'** уже существовала в речи писца этого фрагмента.

Морфология

В морфологическом отношении наш текст является весьма скромным объектом исследования, т.к. представляет немногочисленные факты для рассмотрения. Из морфологических особенностей выделим следующие:

1. **Перенос флексии -ѣи** дат. п. ед. ч. существительных с основой на **ѣ** в склонение существительных с основой на **ѣ**: **гѣи** (= **господеи**) 1б.

2. **Личное окончание -тъ** 3 л. ед. и мн. чч. наст. и простого будущего времен и 3 л. мн. ч. имперфекта является характерной чертой древнерусского языка: **вѣстѣи** 1а, **сѣгрѣши** | **тъ** 1б (2х), **покаѣтъ** | **ста** 1б, **ѡбрати** | **тъ ста** 1б, но оно встречается и в 3 л. мн. ч. имперфекта: **по** | **дѣлажаху** | **ють** ѣ 1а.

3. **Форма сигматического аориста без соединительного гласного** в 3 л. мн. ч.: **рѣша** 1б. Возможно, что она была употреблена говорящими на

¹¹ Н. Дурново, *Очерк истории русского языка*. Москва–Ленинград, 1924: 258; А.И. Соболевский, *Лекции по истории русского языка*. Москва, 1907, 4-ое изд., 158.

древнерусском языке и не принадлежала только книжному языку, а была особенностью живой речи.¹² Подобное объяснение применено нами к форме 3 л. ед. ч. аориста: *рече* 1а, 1б.

4. Форма 3 л. мн. ч. имперфекта свидетельствует о контракции. Это явление не чуждо поздним кириллическим старославянским рукописям (Супрасльская рукопись, Саввина книга), но характерно для древнерусского языка: *по|дѣражаху|уть* 1а.

5. Формы 2 л. повелительного наклонения образуются правильно: *ѡпоусти* 1б, *ѡ|поусти* 1б. Исключение представлено только одним примером: *внѣ|мѣте*, где гласный, обозначаемый буквой *ѣ* в м. и, возник не фонетическим путем, а путем переноса из I-го класса тематических глаголов. Такой перенос не редок уже в старославянских памятниках: *ѡмѣте* Сав. кн., *покажете* Зогр. св.¹³

6. Хотя условное наклонение встречается в тексте только фрагментарно: *бѣи* 1б (= *бѣсте имѣли* Зогр. св.), можно предположить, что оно образовалось от форм аориста глагола *бѣти*.

Текст и лексика

Наконец следует указать на текстологическую деталь, из-за которой наша рукопись расходится с древнеболгарскими памятниками. Стих 15 XVI-ой главы Евангелия от Луки звучит в нашем тексте так: *бѣ же| вѣст(ы) срд| ша іако ѡже| (ел. вѣсохъ прѣ|дѣ члѣкы* 1а. В древнейших старославянских текстах эта фраза звучит следующим образом: *бѣ же вѣстѣ срдца вѣша. ѣко еже естѣ въ члѣцѣхъ вѣсоко* Асс. ев. 129, *бѣ же вѣстѣ срдца вѣша. ѣко еже естѣ въ члѣцѣхъ вѣсоко* Зогр. ев. 117, *бѣ же вѣстѣ срдца вѣша іакоже естѣ въ члѣцѣхъ вѣсоко* Сав. кн. 48.

Говоря об употреблении буквы *ѣ* в м. о, мы привели этот пример, предполагая, что буква *ѣ* на этом месте могла появиться и нефонетическим путем; именно из-за изменения (непонимания) текста.

К лексическим особенностям интересующей нас рукописи относится употребление наречия *се|дмерицеѡ* 1б (2х). В других рукописях встречается вариант *седмкратицеѡ* Асс. ев. 130 или *седмшицѣ* Мстисл. ев. 134.

В Зогр. ев. (118) употребляется писцом то же слово, что и в нашем тексте, но в другом облике: *седморицеѡ*. В Асс. ев. этот отрывок 4-ого стиха 17-ой главы от Луки звучит следующим образом: *аште седмкратицеѡ*

¹² V. Kiparsky, *Russische historische Grammatik*. Bd. II. Heidelberg, 1963: 224.

¹³ Н. Ван-Вейк, *История старославянского языка*. Москва, 1957: 306.

днѣмъ съгрѣшитъ къ тебѣ. Наречие *седмерицею* является характерным для Синайской пс., с которой наш фрагмент имеет сходство благодаря исключительному употреблению данного наречия.

Заключение

И.И. Срезневский, говоря о задачах историков русского языка, так определяет работу специалистов: "Каждый из старых памятников языка должен быть разобран отдельно в отношении лексикальном, грамматическом и историко-литературном".¹⁴ По мнению И.И. Срезневского, каждый, даже самый фрагментарный, памятник языка сможет пролить свет на процесс развития изучаемого языка. Фрагмент № I. 3935, несмотря на свой незначительный объем, дает нам ценную информацию о древнерусском языке XII в., о состоянии графики, орфографии, о судьбе носовых и редуцированных, о корреляции мягких и твердых согласных и о некоторых явлениях морфологии и лексики древнерусского языка. Наш фрагмент, несмотря на свою плохую сохранность, после реконструкции своих особенностей свидетельствует о высоком уровне древнерусской книжности XII в. Восстановление характерных черт рукописи, остатком которой является наш фрагмент, показало, что его оригинал был написан умелым и опытным писцом.

---

¹⁴ И.И. Срезневский, *Мысли об истории русского языка*. Москва, 1959: 80.

Приложение

Текст рукописи № I. 3935 (Киев)

Евангелие от Луки. Глава XVI: стихи 14–15, глава XVII: стихи 3–6

1	¹⁴ (р)нскѣ)....бродю	аще съгрѣши
2	(б)ѣщи соуши по	тѣмъ братѣ твои:
3	д(р)ажах(о)ути ѿ.	запрѣти ѿмоу.
4	¹⁵ (н) рече имъ вѣи	и аще покаеи
5	юсте шправѣда	си шпоусти ѿ
6	ющен се(бе) прѣдѣ	моу. ¹ и аще(е) се
7	члвкѣи бѣ же	дмерницею днѣ
8	вѣстѣи срѣ	мѣ съгрѣши
9	ша ꙗко юже)	тѣ ти ѿ седме
10	(е)и. вѣсокѣ прѣ	рицею шкрати
11	дѣ члвкѣи	тѣ си кѣ тебе (sic)
12	.....(ко)	глаголю ꙗко си ш
13	.....	поусти ѿмоу
14	ш лѣѣ	⁵ рѣша апѣли гѣи
15	глаголю....	приложи намъ
16	Рече гѣи вѣи	вѣроу. е рече же гѣи.
17	мѣте се(бе)	аще бѣи вѣроу (имѣли)

Текст той же рукописи по изданию М.В. Геппенера¹⁵

/сѣѣшаху же си вѣса фѣ/	аще съгрѣши
/р/нскѣ /н/ /срѣ/бродю	тѣ братѣ твои
бѣщи соуши ѿ по	запрѣти ѿмоу
/др/ажахути ѿ	и аще покаеи
/н/ рече имъ . вѣи	си шпоусти ѿ
юсте шправѣ/да	моу и аще се
ющен се/бе/ прѣдѣ	дмерницею днѣ
члвкѣи бѣ же	мѣ съгрѣши
вѣстѣи срѣдѣ ва	тѣ ти ѿ седме
ша ꙗко ѿ же /ѿ/	рицею шкрати
стѣ вѣсокѣ /прѣ/	тѣ си кѣ тебе/ѿ/
дѣ члвкѣи ?/ .....тѣ/	глаголю ꙗко си ш
.....	поусти ѿмоу.

¹⁵ М.В. Геппенер, Ук. раб. 29.

.....
 ..... ѿ лѣу

глава.....

Рече ꙗко въне

мѣте себе

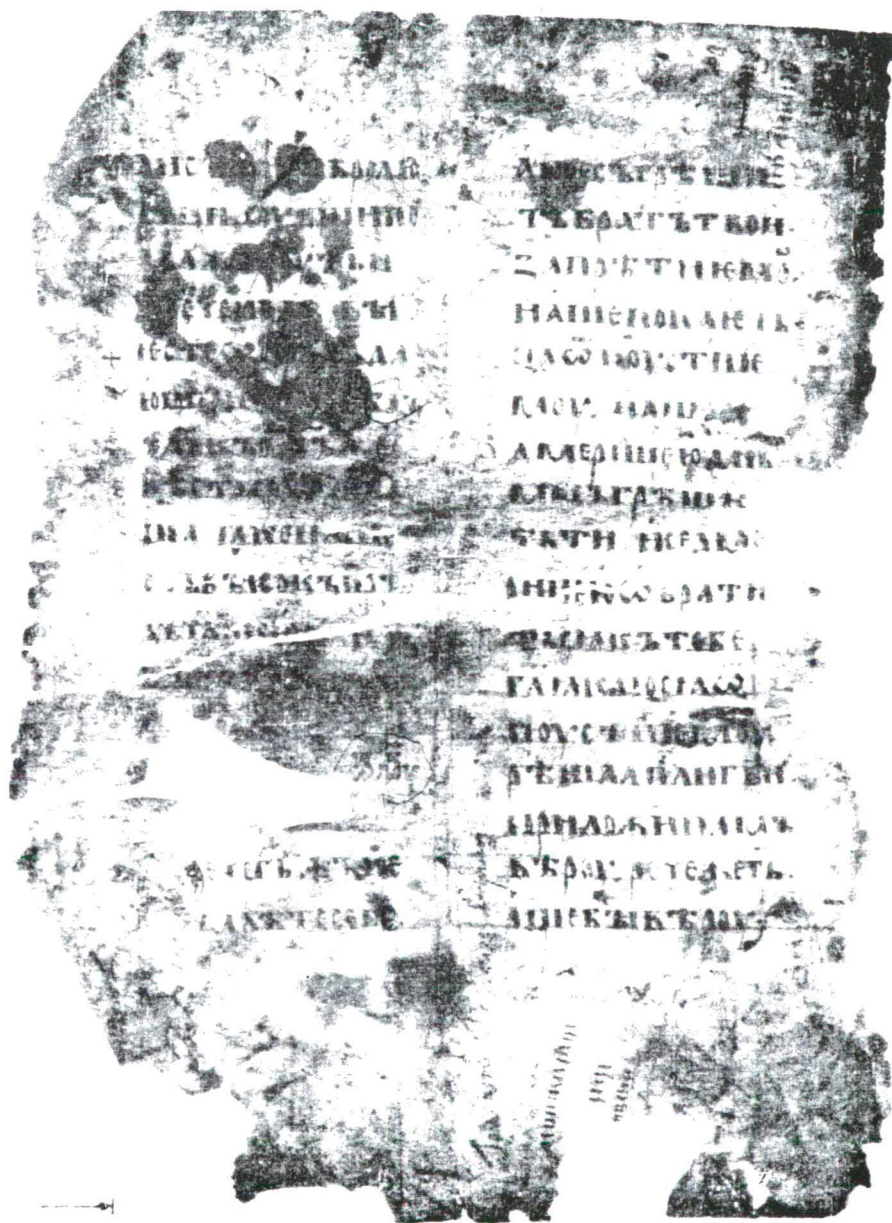
рѣша апѣли ꙗко
 приложи намъ
 въкроу: рече же ꙗко
 аще бѣи въкроу //
 /имѣли. тако зърно
 гороуцѣю.../

Параллельный текст по Мстиславову евангелию
 Евангелие от Луки. Глава XVI: стих 15, глава XVII: стихи 3-4¹⁶

91в ¹⁵Рече ꙗко къ пришедъши
 имъ къ немому ноудѣ
 омъ. кѣи есте оправдаю
 щен себе прѣдъ чюужкы бѣ
 же вѣсть срдца ваша: тако
 еже къ чюужцѣхъ въсоко ма
 рзость прѣдъ бѣи есте.

91г ³вънемѣте себѣ. аще съ
 грѣшнѣте себѣ братъ тво
 и запрѣти немому. и аще по
 каѣт(sic) сѣ остави немъ. ⁴и а
 ще седмшдѣ днѣмъ съгрѣ
 шнѣ к(sic) тебѣ. седмшдѣ
 92а днѣмъ обратит(sic) сѣ к(sic) тебѣ
 глаголю сѣ остави немому: ~

¹⁶ Апракос Мстислава Великого. Издание подготовили Л.П. Жуковская, Л.А. Владимирова, Н.П. Паппратова. Под редакцией Л.П. Жуковской. Москва, 1983, л. 91: столбцы в, г; л. 92: столбец а.

Евангелие-апракос XII в.

ИСТИНА И WAHRHEIT: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ И ИХ СВЯЗЬ С МЕТАФИЗИКОЙ

Пламен Панайотов

(Университет "Еп. Константин Преславски", България, 9712 Шумен)

В русской литературе и в русской философии XIX века истина рассматривается эсхатологически, в аспекте окончательного торжества добра и справедливости. Истина – проблема этики, религиозного сознания. Вопрос о смысле бытия решается антропологически, с точки зрения определенной концепции человеческой природы, а не онтологически. Решающим фактором познания истины является духовный опыт, который добывается человеком перед лицом бога.

В немецкой философии от Лейбница до Гегеля истина воспринимается прежде всего гносеологически, в плане диалектического опосредствования. Субъективное мыслится как опосредствование и тем самым как ядро объективности, а само мышление рассматривается как необходимое условие существования действительности. Онтологическое различие между бытием и существованием нивелируется. Бытие является порождением мысли.

В XIX веке, когда эти различия стали осознанными, в русской философской литературе утвердился взгляд, что русское мышление персоналистично, а немецкое объективистично. Этот миф поддерживают не только русские религиозные философы (Соловьев, Бердяев, Шестов, Розанов, Флоренский), но и некоторые лингвисты, напр., Топоров. Сколь бы основательны ни были основания Топорова связать *истина* с *истый* (*istb*), и считать местоименным образованием (**is-to-*), аналогичным лат. *iste*, умбр. *esto*,¹ – они коренятся в той же метафизике, на которой базируется и гносеология русских религиозных философов.

Утверждение, что русское понимание истины персоналистично, а немецкое объективистично, звучит сегодня, конечно, банально, поскольку здание прежней метафизики разрушено. Своим тезисом о феноменологическом горизонте мышления Гуссерль показал, что различие всегда указывает на другие различия. Истинное различие ведет к другим различиям, но не останавливается на каком-либо достигнутом тождестве. Мышление исторично, оно возможно только потому, что само бытие по

---

¹ Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР 25, 1958: 20 и след.

своему собственному смыслу экстатично. Мышление – полнота возможностей, не исчерпываемая чем-то уже состоявшимся. Поэтому я не намерен фиксировать какого-то решения заявленной в заглавии темы.

Я хочу только обратить внимание на то, что проблема интерпретации истины не может быть решена антропологически. Человек – главное в этом мире, но он не может считать свое бытие раз и навсегда обеспеченным. В XX веке к этому выводу пришли, из немецких мыслителей – Хайдеггер, из русских – Платонов.

Хайдеггер поставил вопрос об истине в связи с проблемой понимания смысла бытия. *Wahrheit* – говорит Хайдеггер – происходит от слова *wahr*, которое проясняется через родство с *bewahren*, *wahrnehmen* ('in Wahrnis nehmen'), т.е. 'сохранить', 'брать под защиту'. Понимание опять же осмысливается в исходном значении "по-нимания" – 'принимать, держаться на равной высоте с принимаемым и быть достаточно сильным, чтобы его выдержать'. Смысл подлежит пониманию из единства бытия и мышления. Бытие и мышление принадлежат вместе тождеству, сущность которого выводится из той обусловленной взаимопринадлежности, которую Хайдеггер называет *Er-eignis* (со-бытием).²

Ereignen изначально значит 'eräugnen', т.е. 'замечать, приближать к себе во взгляде, присваивать'. Хайдеггер употребляет это слово лишь в *singulare tantum*. То, что им обозначается, имеет место лишь как единичное, единственное. Слово *Ereignis* почти непереводаемо, как греческое "логос" или китайское "дао". *Ereignis* в контексте поздних сочинений Хайдеггера значит 'отдавание себя в открытое' ('sich geben in Unverborgenheit'), 'пребывание в непотаенности'.

Итак, истина понимается Хайдеггером как обнажение сущего в своей феноменальности. Это пребывание вне потаенности греки называли словом "хипокайменон" ('присутствие'). "Греки – пишет Хайдеггер – устанавливали бытие сущего как присутствующее присутствие [*Anwesen des Anwesenden*]."³ *Anwesen* имеет в немецком языке значение 'небольшое владение, хутор'. При переосмыслении Хайдеггером этого слова сохраняется старый оттенок места для житья, для обитания. Чтобы избежать всякого смыслового искажения истины, чтобы исключить ее понимание как 'правильность', истина бытия была истолкована Хайдеггером как 'местность бытия' ('*Ortschaft des Seins*').⁴ Место, откуда просвечивает истина.

² См. доклады Хайдеггера *Überwindung der Metaphysik, Die Kehre*.

³ M. Heidegger, *Wegmarken*. Pfulingen, 1967: 50.

⁴ M. Heidegger, *Op. cit.* 271.

бытия, немецкий философ назвал *Lichtung des Seins*.⁵ О каком "просвете" идет речь?

На этот вопрос Хайдеггер ответил в книге "Бытие и время", рассматривая проблему бытия с точки зрения конечности человеческого существования (экзистенции). Здесь сущность экзистенции выводится из собственного начала *Dasein*, из собственного небытия, т.е. из смерти, которой, говоря метафизически, каждый единоличный собственник.

Dasein не просто сущее, не просто причастно бытию (*das Seiende*). Оно всегда озабоченно самим бытием. *Dasein* своим собственным бытием обладает не как какой-то твердо фиксируемой наличностью, но обладает им в волнении заботы. Озабоченное в своем бытии, *Dasein* есть свое же собственное будущее. Оно постоянно живет свою смерть ("*lebt dem Tod entgegen*", как выражается *Hugo von Hofmannstahl* в новелле "*Das Märchen der 672. Nacht*"). Смерть является условием всех остальных возможностей экзистенции. Хайдеггер пишет: "*Der Tod ist der Schrein des Nichts, dessen nämlich, was in aller Hinsicht niemals etwas bloß Seiendes ist, was aber gleichwohl west, sogar als das Geheimnis des Seins selbst. Der Tod bringt als der Schrein des Nichts das Wesende des Seins in sich; der Tod ist als der Schrein des Nichts das Gebirg des Seins*".⁶ Именно в этом смысле – как трансцендентальная возможность – смерть является "просветом бытия" (*Lichtung des Seins*), *Ereignis* ("событием", т.е. самотождественным различием единого). Она та "область" (*Ortschaft*), откуда открывается сама истина бытия.

Обычно люди избегают думать о смерти, стремясь укрыться, убежать от нее. В знаменитом рассказе Льва Толстого читаем: "В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, но просто не понимал, никак не мог понять этого. Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему".⁷

Смерть в какой-то мере вызов здравому смыслу, так как в этом мире никто не связан со смертью отношением настоящей достоверности. Поэтому та неопределенность, которая правит существованием здесь (*das Man*),⁸ низводит смерть на степень "происшествия", "случайной неприятности", как пишет Толстой. В конце концов Иван Ильич понял, что смерти вообще – не бывает. Смерть – это возможность, которая всегда

⁵ М. Heidegger, *Op. cit.* 334.

⁶ М. Heidegger, *Vorträge und Aufsätze*. Pfulingen, 1971: 171.

⁷ Л. Толстой, *Повести и рассказы в двух томах: т. 2. М.*, 1966: 124.

⁸ Термин Хайдеггера из книги *Бытие и время*.

принадлежит "самости" ("мне"). Болезнь и страх открыли Ивану Ильичу, что его жизнь – ложь, обман. Он, строивший все свое жизненное поведение, как ему казалось, исходя из реальности, в сущности, не знал, что такое подлинная жизнь.

В рассказе Толстого смерть рассматривается с точки зрения экстатического характера экзистенции. Смерть – самая истинная возможность экзистенции, возвращающая героя из затерянности в мир, давая ему возможность быть самим собою.

Итак, смерть – тот момент, который открывает нам жизнь в ее целостности. Хайдеггер назвал смерть *der Schrein des Nichts*, Платонов описывает ее подобным образом – как "пустота, куда непрерывно, ежедневно входит жизнь, ровная как ежедневный гул, в котором невозможно разобрать слова песни". Здесь пустота – метафора экзистенции. Существо человека экстатично. Оно устроено так, чтобы выбирать между собою и миром, оно может принимать любое решение – изнутри того, что попадает ему навстречу в мире, или же изнутри себя самого. В этом смысле оно ничто, пустота, свобода, которая не дает нам иметь "брони над сердцем, ни веры в бога, ни другого умственного покоя" ("Чевенгур").⁹ Само бытие, к которому относится человек своим существом, не может быть нечто сущее. Оно ничто (небытие), присутствующее в экзистенции как понимание бытия, как возможный смысл целого. Ужаснувшись трагизмом человеческого существования, Иван Ильич начинал спрашивать себя: "Неужели О Н А истина?"¹⁰

Ответить на этот вопрос невозможно, так как в сфере мысли всякое философское положение имеет свою долю истинности и свою долю недостаточности. Но стоит ответить, что миф об объективистском характере немецкого мышления (соответственно о персонализме русского понимания истины) несостоятелен.

---

⁹ А. Платонов, *Избранное*. М., 1988: 71.

¹⁰ Л. Толстой, Цит. соч. 126.

СТРУКТУРА И СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАЗДНИЧНЫХ "СЛОВ" КЛИМЕНТА ОХРИДСКОГО

Иштван Феринц

(Ferincz István, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Предметом наших наблюдений являются в основном два поучения Климента Охридского на Преображение (1970а: 743–744) и на Вознесение (1970б: 618–619). Поучительные и похвальные (торжественные) "слова" составляют два поджанра ораторской прозы (о системе древнеславянской ораторской прозы см. Бегунов 1973). В первые годы после принятия христианства славянские народы, благодаря Константину-Кириллу и Мефодию, а также их ученикам, получили все, что было совершенно необходимо для богослужения и развития литературы на родном языке, – все в переводах на славянский язык. В результате единства литературного языка, общности христианских мировоззренческих позиций, а также в результате непосредственных связей между южными и восточными славянами с древнейших времен, болгарский, русский и сербский народы обладали единой греко-славянской основой ораторской прозы, использовали одну и ту же систему и теорию жанра.

Ораторская проза у славянских народов обладала вполне определенной, двоякой и нерасчлененной функцией: это была либо деловая, служебная (политическая или церковная), либо художественная. Это означало, что проповедь "слова божьего" служила истокам просвещения новообращенных народов. Проповедовать Евангелие – по велению Иисуса – обязаны его ученики: "Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, Уча их соблюдать все, что я повелел вам" (Мф. 28,19); "И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари" (Мк. 16,15). Значит, к концу апостольского века проповедническая деятельность стала служебной обязанностью каждого священника, и авторитет его проповеди освящался авторитетом церкви. Кроме того, это означало, что, несмотря на преобладание внелитературной функции, проповеди в храме и вне храма были рассчитаны не только на убеждение, но и на удовлетворение эстетических потребностей слушателей.

Ученик Мефодия Климент в конце IX – начале X в. в Охриде пишет целый цикл поучительных и похвальных праздничных "слов". Мы разделяем позицию В. Ивановой и К. Станчева (Станчев–Попов 1988: 73) в том, что на уровне функциональной классификации термины *торже-*

ственное и похвальное слово могут быть взаимозаменяемыми, синонимичными (с разновидностями о святом или о священном событии), а *поучительное слово* в этом смысле следует определить как учительное праздничное церковное "слово" (с теми же разновидностями). Отсюда следует, что похвальные и поучительные праздничные "слова" являются вариантами торжественного красноречия. Они функционально равноценны, но между их разновидностями существует тематическая разница, которая предполагает и некоторые структурно-композиционные различия.

Если "слово" пишется о святом, то оно стремится наиболее полно доказать святость героя. Тематической же основой праздничного "слова" является отмечаемое библейское или церковно-историческое событие, которое припоминается или пересказывается с той целью, чтобы наряду с его прославлением дать объяснение и истолкование церковно-догматического смысла праздника. Однако это не чистые энкомии: вторая часть произведения, как правило, представляет собою поучение о значении данного праздника и морально-этическое наставление христианам.

В дальнейшем мы намерены остановиться на указанных произведениях Климента Охридского и рассмотреть их с точки зрения структуры и стилистических особенностей. В связи с поставленной задачей прежде всего следует отметить, что праздничные поучения, как мы уже говорили, являются церковными проповедями, предназначенными для публичного произнесения во время богослужения, т.е. мы имеем дело с богослужебным ораторским жанром. Функциональная предопределенность жанра диктует тематическую направленность каждого конкретного произведения: тема не выбирается, а определяется характером праздника. Характер и уровень праздника (христологический или посвященный святому) в значительной степени обуславливают и выбор конкретной структурной формы, в которой будет создано поучение или "слово".

Оба выбранных для анализа поучения Климента написаны на так называемые двенадцатые праздники. И Преображение, и Вознесение относятся к числу Господских праздников. О них повествуется в Евангелиях: о Преображении Господнем – в Благовествованиях от Матфея (17,1–13), от Марка (9,2–9), от Луки (9,28–36), а о Вознесении Господнем – в Евангелии от Луки (24,50–52), в Деяниях Апостолов (1,9–12). Нас интересует вопрос: действует ли в упомянутых поучениях жанровая модель? По какой структуре строятся праздничные поучения Климента Охридского?

Почтения Климента Охридского обычно начинаются кратким вступлением, содержащим обращение к празднующим, в котором Климент направляет внимание своих слушателей на необычный характер наступившего дня, подчеркивает, что это – "день честной", священный или праздник Иисуса Христа. Сразу после этого обращения следуют строки, в которых в

сжатой форме проповедник выражает сущность, смысл праздника. В "Поучении на Преображение" подчеркивается, что в этот день Иисус Христос своим ученикам открыл славу своего божества и власть над живыми и мертвыми показал. Все вступление звучит так: *послушанте, брѣе, да съкажу вамъ днь сн чѣын каковаѣ въ нѣ гавиша сѣ: в си бо днь гѣ нашъ исѣ хѣ своимъ оучнкѣмъ ѿкры славу своего бжѣва и власть на живыхъ и на мртвыхъ показа* (Л. 2146).

В самом же начале "Поучения на Вознесение" подчеркивается светлый, радостный характер праздника, "который светлее всех праздников и светозарными лучами всех озаряет" (*свѣтлѣн всѣхъ празникъ, и всѣхъ свѣтозарными лучами шѣлѣстает* Л. 2406). Последующие предложения призваны назвать то евангельское событие (Вознесение Господне на небеса), которое вызывает ликование всего небесного свода ("небесного круга") и "все ангельские лики на веселие собирает: *днь нѣын кроугъ ликъсѣтвѣомъ шѣлакѣмъ подѣемлетъ хѣ, на неизреченнын прѣлѣ оѣ съ плотию въсходяща, и всѣ ликы аггѣльскына на веселіе събра, и единоголѣо тристѣю пѣ въспѣвати повелѣ, глѣ: "слава въ вѣшній бѣу, и на земли миръ, въ члѣхъ бѣговоленіе"* Лк. 2,14 (Л. 2406). Как мы видим, в проповеди подчеркивается, что Иисус Христос взшел на небеса "плотию", т.е. человеком, ибо Божеством он всегда пребывал и пребывает на небесах. Вознесение Иисуса на небеса означает торжество его дела, то, что Он, как глава Вселенной, наполняет Вселенную и является ее царем. После того, как Климент обратил внимание своих слушателей на праздник и сжато указал на его значение (но не объяснил, не развернул его значения), обычно идет какая-нибудь связывающая фраза, позволяющая ему перейти к следующей композиционной части.

Следующая, вторая часть обычно имеет повествовательный характер. В ней излагается, так сказать, предыстория, дающая мотивировку отмечаемого события. В "Поучении на Преображение" Климент сначала указывает на основную причину необходимости преображения Богочеловека, заявляя, что "каменосердечное племя жидовское" не поверило в его чудеса, считая, что поступки Иисуса противоречат его божественности и показывают его противником закона. Затем проповедник приводит слова сомневающихся, сеющих сомнения среди народа и среди учеников Иисуса. В результате народ не знал, за кого его почитать: "за Илию ли, за Моисея ли, или же другие даже говорили, что один из древних пророков воскрес". Климент рисует противоречие между молвой о том, за кого Иисуса почитают: *око глѣтъ іако илиа єсть, а нин іако моисѣн єсть, єдинѣ ѿ дрѣвнихъ прѣкъ вѣста, и между сведениями учеников о тех же лицах: вѣдаху бо іако илиа на нѣо шѣлѣ єсть: не вѣдаху єда тѣ єсть сѣшѣлѣ пакы въ ннѣ образъ обѣлѣ сѣ: вѣдаху*

монѣѣ законодаѣца прѣже почивѣша (Л. 214б). Следует отметить, что Климент Охридский мастерски передает атмосферу напряжения и неуверенности, которая царила среди народа и учеников Иисуса. Для выражения этих чувств Климент приводит слова самих евреев. Их рассуждения принимают форму условного предложения, в котором присутствует противопоставление поступков Иисуса его божественности ("Если бы..., то не..."), на основе чего во второй части предложения делается заключительное утверждение евреев, что он "противник закона есть": **аще бы се бѣ былъ, ли снѣ бѣжи, тѣ не бы закона монѣѣкова разрушѣвъ попраѣ, югоже бѣхомъ ѿ бѣ приази, нѣ противникъ закону юсть** (Л. 214б). Так как среди них такое неверие и сомнения были, необходимо было показать своим ученикам славу своего божества, чтобы они не смущались и не сомневались – заключает проповедник и переходит к третьей части, т.е. изложению самого Преображения Иисуса Христа на горе Фаворской.

В "Вознесении", как мы видели, Климент приводит те слова из Библии (**слава въ вѣшний бѣ, и на земли миръ, въ члѣхъ бѣговоленіе** Лк. 2,14), которыми небесное воинство славит рождение сына божьего, как бы выражая, что Вознесением Иисуса "плотию" на небеса завершилось и возвысилось дело его, совершенное на кресте и в воскресении. Не случайно, что проповедник всеми средствами стремится передать торжественный дух праздника и привлечь, даже приковать внимание своих слушателей к значению этого праздника для верующих. Поэтому каждому предложению Климент придает анафорическое начало, каждое новое предложение начинает со слова: **днесъ**. Анафорическое начало подчеркивает, что присутствующие в данный день на богослужении становятся участниками отмечаемого священного события вечности, и в то же время анафорический прием позволяет Клименту в каждом предложении осветить какой-то новый аспект многогранного значения отмечаемого праздника. Кроме того, в этих предложениях наблюдается также и стремление к параллелизму. Параллелизм способствует созданию парадигматических связей между отдельными предложениями, и таким образом особый акцент приобретают взаимосвязанность и взаимозависимость рассматриваемых идей или событий, и раскрывается единый, всеобщий божественный смысл речи. В данном случае – в духе первого Послания апостола Иоанна – подчеркивается, что Вознесением Иисуса исполнились слова: "Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола" (3,8): **днѣ невидимѣ бѣсовъ всѣ лєсть безбожнаѣ разрушѣ сѣ** (Л. 240б). В следующем предложении дословно цитируется ликование пророка Давыда: "Восшел Бог при восклицаниях, Господь при звуке трубном" (Пс. 46,6): **днѣ ликєтєвоєтъ прѣкъ дѣдъ въ тѣи, глѣ: "взъидє**

бѣ въ восклицовѣніи, и гѣ въ гл҃сѣ трѹбенѣмъ". В последнем же предложении, имеющем анафорическое начало *днесь*, четко формулируется искупительный смысл праздника, ведь вознесение означает обожение человеческого тела, открытие для него царства небесного и истинное спасение человечества, в результате чего "апостольский состав без сомнения с ангелами беседует": днѣ аплскѣи сѣставѣ безъ смнѣніа съ аг҃лы бесѣдѹѣ, почто чл҃вчскою бѣ плоть пріемѣ, и шбоживѣ ю, вѣскрсе изъ мртвѣи и на небѣхъ одесноу ѿца посади, такоже оучитъ еѵангїстѣ лѹка, гл҃а.

Ссылка на учение апостола Луки (24,50–51) служит переходом к следующей части речи, в которой опять-таки с помощью цитат и реминисценций из разных мест библейского текста (Деян. 1,9–11; Мф. 16,27) воспроизводятся события Вознесения: взяв учеников своих, Иисус "вывел их вон из города до Вифанія и, подняв руки Свои, благославил их" (поемѣ, рѣ, оучѣнкѣи своѣи іс, изведе ѿ вонѣ до вифанїа, и вѣзвигѣ руцѣи и блави Лк. 24,50); и когда стал отдаляться от них, светлое "облако взяло Его из вида их" (и тако ѿстоупи ѿ нѣи, и се облакѣ свѣтелѣ пшїатѣ и прѣдѣ очима нхъ (Деян. 1,9); и когда они "трепетно" удивлялись восхождению Его, "вдруг предстали им два мужа в белой одежде. И сказали им: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, приидет таким же образом" (ѿни же трепетно днѣаше сѣи вїдахоу горѣ на нѣо вѣзносима хѣ, и се два моужа стаѣа посрѣ нхъ въ одежи свѣтлѣи и рѣкоуша имѣ "моужїе галелїстїи, что стоите зраше на нѣо? се іс вѣзвїде на нѣо, и пакѣи прїидетѣ тѣмъ шбразѣмъ" Деян. 1,11–12), чтобы "судить живых и мертвых" (соудити хотѣи живѣи и мртвѣи, 2 Тим. 4,1) "и воздаст каждому по делам его" (и вѣзвѣстѣи комоужо по дѣлашъ его; Мф. 16,27), "и дал Ему власть производить и суд" (томоу бо дастѣ ѿца соу имѣти надѣи всѣми Ин 5,27). Тут изложение евангельских событий носит нарративный характер и следует евангельскому рассказу.

Указанием на второе пришествие Иисуса и на то, что "Отец ему дал суд иметь над всеми", заканчивается третья часть "Поучения", и Климент переходит к завершающей, нравоучительной части проповеди. Она, как и в других поучениях Климента, вводится и одновременно отграничивается от предшествующей части устойчивыми словесными формулами: тѣмже, брае, подвижнѣи сѣи на добраа дѣла... (Л. 241), или же в "Поучении на Преображение" ту же роль играет следующая формула: того гл҃а и мы слѣшавше, брае, не лѣнимъ сѣи, нѣ съхранимъ заповѣди юго... (Л. 215). Любопытно, что Климент в обоих своих поучениях, говоря о втором пришествии Иисуса и о страшном суде, в центр внимания ставит не отвлеченные

религиозные размышления, а конкретные формы христианского поведения, "добрые дела", любовь к ближнему, как это читается в евангелии от Матфея (25,31–46) или от Луки (12,22 и 12,29–34), т.е. прежде всего требует от них избавиться от всякого зла, так как "чистота на небо возводит и равна ангелам творит, а злоба [...] в муку вводит". Чтобы избежать ожидающей нас "бесконечной муки", Климент призывает своих слушателей поспешить подавать милостыню нищим, принимать странников, кормить алчущих, одевать нагих, больных и заключенных навещать, оказать помощь обиженным и "маломощным", а также с тишанием ходить в церковь, с верою просить Бога о небесном царстве, а не о земных благах. Истинность этих христианских поступков и добродетелей Климент подтверждает цитированием слов Господа, читаемых у евангелиста Матфея: "Итак не заботьтесь и не говорите: "что нам есть?" или: "что пить?" или: "во что одеться?" Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам" (не пещѣте сѧ что вамъ ѡсати, или что пити, или тѣломъ вашѣмъ въ что ѡблѣщѣте сѧ; всѣхъ бо сихъ нехѣрнѣи просати: просите бо, рече, цр҃квіа бж҃іа и правды его, и сѧ всѧ приложат сѧ вамъ: вѣсть бо ѡцѣ вашѣ неынѣ трѣбуе сихъ всѣхъ, да и беспрощеніа подастъ вамъ Мф. 6,31–33). "Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят" (всакъ бо просѧ вѣроу прѣмле, и ища обраше, и тѣкоущемъ ѡверзае сѧ Мф. 7,8).

Как мы видим, оба поучения, в целом, следуют одной жанрово-композиционной модели, которая реализуется с небольшими вариациями. Указанные композиционные части в поучениях Климента обыкновенно отделяются друг от друга устойчивыми формулами и/или библейскими цитатами. Важно отметить, что Климент работает по моделям (и сам создает такие модели), но не по шаблону. В большинстве его поучительные "слова" являются более монолитным, чем его похвальные "слова", тут между частями композиции нет обособленных переходов, наоборот, отдельные части более тесно связаны между собой, что находит выражение и на словесном уровне. Следуя полученным еще от Аристотеля и усвоенным позднеантичными и византийскими риторами советам о том, что для более легкого запоминания ораторская речь должна быть разделена на периоды, Климент также разделяет свои поучения на части, вертикальная связь между которыми поддерживается то анафорическими началами ("Днесь небесный круг [...], днесь невидимых бесов вся леств [...], днесь апостольский состав [...]"), то параллельными конструкциями ("Да того ради ученики его [...], да того ради възведе на фаворскую гору [...], Того гласа и мы слышавше [...]") или "Тѣмже, братѣе, подвигнем ся [...], тѣмже, братіе, понеже ждет нас [...]"). Вертикальные связи между отдельными частями речи очень важны. Они

подчеркивают взаимосвязанность и взаимозависимость рассматриваемых проповедником библейских событий или идей и способствуют раскрытию божественного смысла речи. Если бы попробовать "разобрать" вертикальную систему праздничных поучений Климента Охридского и построить ее горизонтально, так сказать перевести в линейный план, то осталась бы простая мысль, что в день праздника следует собираться в церковь для молитвы, молиться Богу за ..., а не за ..., подражать праведникам, творя богоугодные христианские дела. Если бы Климент так проповедовал бы, то он скорее бы усыплял свою аудиторию, вместо того, чтобы побуждать ее к "добрым делам". Его искусство состоит именно в том, что эту простую мысль он развивает в риторическую структуру, с помощью которой только и возможно логическое и эмоциональное внушение, воздействие на аудиторию. Наши наблюдения позволяют сказать, что Климент Охридски лирически воспринимает праздники и стремится к образности. Для него характерно тонкое чувство сохранения соразмерности частей композиции, и его праздничные "слова", как правило, построены по одному и тому же плану. События Библии он часто излагает своими словами, мастерски подбирает цитаты из Библии, с тонким чувством вплетает их в композицию своих поучений и соединяет их со своими мыслями.

Как известно, библейские цитаты составляют неотъемлемую часть средневекового литературного текста. Библейские цитаты составляют один из основных способов осуществления двойного отражения и отождествления-уподобления. Библейские цитаты непосредственно влияют и на стилистику произведения. На уровне композиции это проявляется в способе включения библейских цитат в текст (т.е. в степени обособления цитат от авторской речи) и в их расположении в тексте.

Климент использует три способа включения в текст библейских цитат. Первый способ, когда он прямо ссылается на конкретную цитату (например, в "Вознесении": *ѿкоже оучитъ еѡанстъ лоука, гла* или *ѿкоже рече г҃ъ*), второй способ, когда в тексте есть общая ссылка на Священное писание, а третий – без особого сигнала цитирования. Функции этих способов различны. Путем конкретного цитирования и общего указания на Священное писание вводятся в текст прежде всего ключевые цитаты, определяющие символично-христианскую семантику текста. В этих случаях ясно отграничивается священное слово от авторской речи. Без указания на цитирование вводятся обыкновенно маленькие отрывки из библейского текста, которые играют роль прежде всего в формировании образов. Подобные цитаты особенно часто встречаются в сравнениях и метафорах. Они часто заимствуются не непосредственно из библейских текстов, а черпаются из богослужебных текстов. В этом смысле их не всегда возможно назвать цитатами, ведь они не выделяются и часто не воспринимаются как цитаты. Но их исследование потому и важно, что они позволяют нам проникнуть в глубину

метода создания средневековых произведений. Однако их рассмотрение в стилистическом плане переводит нас уже к словесной образности похвальных "слов" Климента, в которых основными языково-стилистическими средствами являются эпитеты, сравнения и метафоры. В поучениях же на переднем плане стоят непосредственное убеждение и внушение, а образ на словесном уровне, как правило, не строится.

ЛИТЕРАТУРА

- Бегунов, Ю.К. 1973, Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX–XVI веков (К постановке вопроса). В кн.: *Славянские литературы: VII международный съезд славистов, Варшава, август 1973*. 380–399.
- Климент Охридски 1970а, Поучение за Преображение. Обработил К. Куев. В кн.: *Его же, Събрани съчинения, т. първи*. София: Изд. на Българската Академия на Науките, 722–745. (Все ссылки и цитаты даются по этому изданию.)
- Климент Охридски 1970б, Поучение за Възнесение. Обработил Хр. Кодов. В кн.: *Его же, Събрани съчинения, т. първи*. София: Изд. на Българската Академия на Науките, 612–620. (Все ссылки и цитаты даются по этому изданию.)
- Станчев, К. – Попов, Г. 1988; *Климент Охридски: Живот и творчество*. София.

ЦВЕТ, СВЕТ И КРАСКА В ВИРШАХ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Валерий Лепяхин

(Lepahin Valerij, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosz Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Более тридцати лет назад академик А.М. Панченко написал, что древнерусская литература до XVII века не любила цвета: "Абсолютное большинство текстов, традиционно относимых к древнерусской художественной продукции, полностью или почти полностью лишено цвета". И ниже: "Когда речь шла о практических потребностях, (приметы в кабальных книгах, иконописные подлинники, многие описания в летописях), древнерусский книжник прекрасно справлялся с цветовой гаммой. Но древнерусский художник слова, как правило, – ибо нет правил без исключений, – не нуждался в цвете, средневековая эстетика "не хотела" цвета, и цвет оставался вне художественной прозы" (Панченко 1968: 7, 9).¹ Это мнение недавно мягко оспорили В.Е. Моисеенко (1996: 125) и Л.Н. Моисеенко (1998: 300–301), которые полагают, что оно нуждается в важных оговорках и хронологического, и методологического, и общего характера, а также в подтверждениях, основанных на конкретном текстологическом анализе. Мы бы хотели лишь добавить, что материалы, цитаты, которые Панченко приводит в своей статье, иногда противоречат и ставят под сомнение отдельные его утверждения и выводы. Цветовая гамма древнерусской литературы все же не так бедна, как это может показаться на первый взгляд, и такое убеждение можно вынести даже из тех примеров, которые приводятся в статье А.М. Панченко.

Симеон Полоцкий является представителем другой, новой эпохи в русской литературе. Это – один из самых плодовитых писателей второй половины XVII века и всего предшествующего периода в книжности славян. Естественным образом возникает вопрос: настолько ли же "плодовит" поэт в обозначении цветов и красок? Произошел ли качественный "скачок" в колористике художественного текста по сравнению с той эпохой, о которой писал А.М. Панченко? – Мы обратимся только к виршам Симеона. Анализ употребления красок будем вести по отдельным цветам и их оттенкам.

---

¹ Недавно появилась работа о терминах русских иконописцев; немалое место там занимают названия красок – вместе с оттенками их около 180 (Замياتина 1997: 233–245). Многие статьи словаря сопровождаются цитатами из древнерусских книжных источников от XII до XVIII века.

Светлый (пресветлый). Этот эпитет Симеон употребляет наиболее часто – в известных нам произведениях более 50 раз.² Слово *светлый* значит 'излучающий более или менее интенсивный свет' и в собственном смысле не является цветом. Но в сочетании с красками и цветами оно употребляется очень широко и определяет оттенок света, его яркость, насыщенность: *светло-желтый, светло-зеленый, светло-коричневый* и т.д. Светлый может также сближаться с цветом в таких сложных словах, как *светловолосый, светлокожий* и т.п. У Симеона Полоцкого эпитет *светлый* может употребляться в прямом смысле для характеристики того, что излучает свет. Светлыми (или же пресветлыми) могут быть солнце, звезды, лучи, день, рассвет, заря или драгоценный камень (Полоцкий 1953: 55, 64, 78, 94, 252, 254, 267, 277, 273, 320; 1990: 80, 99, 101, 114, 153).

Не менее часто поэт употребляет это слово в метафорическом смысле. Говоря о всеведении Божиим, Симеон пишет, обращаясь к Богу: "Твое око пресветло видит с высоты" (Полоцкий 1990: 192). Очень часто у Симеона встречается словосочетание *пресветлое небо* (Полоцкий 1990: 251, 272, 297, 312, 313, 335; Деятельность 1982: 116, 145). По контексту ясно, что так Симеон называет Царство Небесное и тот, кто удостоивается Царства Божия, получает там место светлое; пресветлым поэт называет и рай (Полоцкий 1990: 242, 243, 271). Светлой поэт именует Богородицу. Светлым или пресветлым Симеон называет царя, царицу, их чад (наследника престола и царевен), патриарха, епископа, святого (Полоцкий 1990: 27, 243, 254, 257; 1953: 107). Здесь опять мы имеем дело с метафорическим употреблением цвета. "Бог есть свет" – пишет св. Иоанн Богослов (1Ин. 1,5). Бог источник всякого света, Он сотворил видимый физический свет (Быт. 1,14–19), но Он излучает из Себя, из Своей сущности нетварный Божественный свет (Быт. 1,3–5). Этот свет видели ученики во время Преображения Христова на горе Фавор (Мф. 17,1–13). Царь, как получивший свою власть от Бога, принимает в себя вышний свет и как бы раздает его подданным.³ Как Бог в Царствии Небесном, так солнце на небе, так царь на земле. Поэтому Симеон называет царя – "солнце наше". Естественно, что пресветлые очи могут быть не только у Бога, но и у царя и царицы; светлыми (или пресветлыми) у царя могут быть также голова, лицо и даже руки (Полоцкий 1990: 41, 246, 247, 317; 1953: 154).

Новый оттенок в понимании определения *светлый* находим в "Плаче" Симеона о кончине Марии Ильиничны. Сокрушаясь о смерти царицы, Симеон сетует: "О дабы очи светлы смерть имела!" (Полоцкий

² Соперничать с ним в произведениях Симеона может лишь красный.

³ Ср. обращение *Ваша светлость, светлейший князь* или именование французского короля Людовика XIV – "король-солнце".

1990: 306). Если бы у смерти были светлые (очевидно, добрые, умные, т.е. если бы смерть не была слепа) очи, она увидела бы достоинства царицы, узрела бы слезы царя, царской семьи и всей страны и не забрала бы к себе царицу.

Наконец, встречается у Симеона и еще один смысл этого слова: светлым бывает человек не по царскому достоинству, а по своим добродетелям (Полоцкий 1953: 107). Иисуса Христа богословие называет Солнцем Правды, и человек, подражающий Христу, просвещается этим Солнцем и становится светлым, но не в физическом, а в моральном смысле. И царь, и святой – светлые, но в разных смыслах.

А.М. Панченко (1968: 11) замечает, что белый цвет "не имеет прямого отношения к колористике как средству создания "окрашенного" описания. Он несет символическую функцию, уподобляется свету, эпитеты *белый* и *светлый* часто взаимозаменялись". Мы можем согласиться с таким выводом как в отношении литературы раннего периода, так и словесности XVII века, лишь при условии важного дополнения. Часто в древнерусской литературе можно провести такую границу между белым и светлым: белым обозначается физический свет и все относящееся к физически белому (белое лицо, руки, грудь и т.д.), светлый же относится к нетварному Божественному свету. Белое лицо – это внешне красивое, чистое лицо. Светлое лицо – это уже не лицо, а лик, сияющий изнутри Божественным светом. Так сияло лицо Моисея, когда он сходил с горы Синай (Исх. 34,29–35), или лик Спасителя в Преображении на горе Фавор (Мф. 17,2), так светился лик прп. Феодосия Печерского, когда он после долгого поста и молитвы выходил из своей пещеры (Памятники 1980: 460). Белый лишь отражает свет, светлый испускает свет из себя, излучает его.

Темный.⁴ В оппозиции к светлому у Симеона стоит темный цвет. Чаще всего у Симеона встречается "темная ночь". Она может быть противопоставлена светлому дню в прямом значении (Полоцкий 1990: 44, 277). Но нередко у поэта "темная ночь" – это символ тьмы неверия, тьмы греха, ереси или язычества (там же, 246, 267), т.е. противостоит светлой христианской вере. Темный иногда употребляется как синоним эпитету *черный* и отсылает читателя к смерти, поэтому у Симеона гроб всегда темный (или черный), и сам прах человеческий, останки – темные (там же, 53, 62, 305, 318). "Темным зраком" Симеон называет совокупность бесов, встречающих душу человека на мытарствах после кончины (там же,

---

⁴ Так же, как и *светлый*, *темный* может употребляться для обозначения оттенка и интенсивности цвета: *темно-синий* и т.д. Но может обозначать и не совсем определенный черный цвет: *темнокожий*, *темноволосый*.

320); и состояние души человека, печаль при мысли о смерти близкого человека Симеон сравнивает с темным облаком (там же, 302, 305).

Золотой. На первый взгляд золотой, золотистый должен примыкать к желтому цвету, однако это не так. Золотой в древнерусской книжности и иконописи примыкает к светлому, часто выступает как его оттенок, в некотором смысле золотой – это светлый, а светлый – золотой. Как нам кажется, скорее и чаще именно светлый и золотой, а не белый и светлый могут быть взаимозаменяемы.⁵ В виршах Симеона нередко находим их сочетание: "златосветлое небо", "златосветлое солнце" или "свет солнца златый" (Полоцкий 1953: 66, 154; 1990: 86). Солнце светлое и золотое – т.е. оно испускает свет как расплавленное золото. Поэтому Симеон, используя античную мифологию, называет солнце "золотым Фебом" (Полоцкий 1990: 111).

Нельзя не обратить внимания на одно редкое сравнение, которое встречается у Симеона. Описывая Иисуса Христа, снятого с креста, поэт пишет:

Глава была, как злато, днѣсь глинѣ подобна.

Одъ крови зчервенила страшна, нехздобна.

(Полоцкий 1990: 52)

Здесь золото противопоставляется глине. По контексту стихотворения видно, что противопоставляются они и в качестве материалов, и как носители цвета, света. Глина – это брменная человеческая плоть. Праведный Иов обращается к Богу: "Вспомни, что Ты, как, глину, обделал меня, и в прах обращаешь меня?" (Иов 10,9). Пророк Исайя восклицает: "Но ныне, Господи, Ты – Отец наш; мы – глина, а Ты – образователь наш, и все мы – дело руки Твоей" (Ис. 64,8). И Сам Господь устами пророка Иеремии подтверждает "глиняность" телесного состава человека: "Вот, что глина в руке горшечника, то вы в Моей руке..." (Иер. 18,6). Итак, глина – символ не вечного в человеке, того, что взято из земли и уйдет в землю; золото – символ вечности, нетварного фаворского Света и Света Царства Божия.⁶

⁵ Древнерусские иконописцы не знали слова *фон*. После того, как доска была покрыта левкасом и отполирована, на нее накладывали свет, т.е. золото, и икону писали "на свету", на золоте. Здесь также видим совмещение и даже совпадение света и золота.

⁶ Золото играет важнейшую роль в православном искусстве. Почему? – Во-первых, золото не краска, т.е. нечто созданное руками человека, напротив, оно творение рук Божиих. Во-вторых, золото не имитирует свет (и цвет), а испускает, излучает, являет его; через золото как бы говорит сам Божественный Свет. Кн. Евгений Трубецкой (1965: 73) пишет: "Как бы ни были прекрасны другие небесные цвета, все-таки золото полуденного солнца – из цветов цвет и из чудес чу-

При жизни лицо Христа сияло Божественным светом, излучало сияние; при положении во гроб лицо от засохшей на нем крови по цвету напоминало глину, было лишено внутреннего света.⁷ Но, очевидно, что в этих строках заключен и другой смысл. Докетизм – одна из ранних христологических ересей – считал, что Христос призрачно, а не реально воплотился. Церковь учит, что Христос Богочеловек принял на себя человеческую плоть, стал человеком во всем за исключением греха. И Христос реально умер на кресте плотию, чтобы на третий день воскреснуть в преображенном теле. Некоторым натурализмом описания, сравнением с глиной и отсутствием света Симеон подчеркивает именно эту реальность смерти Спасителя на кресте.

Все же чаще у поэта золотой означает не цвет, а материал, из которого сделан предмет. У Симеона встречаются золотой венец, золотая корона, златорогий бык (Полоцкий 1990: 23, 83, 321; 1953: 27). Мы находим у поэта также словосочетания *золотой престол*, *золотые палаты*, в которых эпитет *золотой* выступает синонимом эпитета *богатый* (Полоцкий 1953: 23; 1990: 379). Но "позолоченная колесница" (Полоцкий 1953: 61) говорит не только о богатстве, но и о цвете. То же можно сказать и о "золотых одеждах": они богато украшены золотым шитьем, но в этом случае золотой указывает не только на роскошь, но и на цвет (Полоцкий 1953: 28; 1990: 82, 83). В другом месте находим у поэта "златозарную ризу" (Полоцкий 1953: 24); в этом случае указание на цвет, а не на богатство более явно – одежда сверкает золотистыми, ярко-желтыми блестками. Наблюдения А.М. Панченко (1968: 12, 15) относительно литературы предшествующего периода о том, что золотой редко выступает в качестве цветовой характеристики, но скорее свидетельствует о красоте, либо роскоши, в основном оказываются верны и по отношению к поэзии Симеона Полоцкого.

до. Все прочие краски находятся по отношению к нему в некотором подчинении и как бы образуют вокруг него "чин". [...] Ибо всякому цвету и свету на небе и в поднебесье источник – солнце". Золото икон и окладов играет важную роль в храмовом освещении. "Золото, – варварское, тяжелое, бессодержательное при дневном рассеянном свете, – волнующимся пламенем лампы или свечи оживляется, ибо искрится мириадами всплесков то там, то здесь, давая предчувствие иных, неземных светов, наполняющих горнее пространство. Золото [...] есть живой символ, есть изобразительность в храме с теплящимися лампадами и множеством зажженных свечей", – так описывает иконичность светоносного золота о. Павел Флоренский (о символическом значении золотого цвета см. Флоренский 1996: 490–497).

⁷ Сейчас мы не касаемся вопроса о натурализме этого описания у поэта, но вернемся к этому позже.

Как собственно цвет – как синоним прилагательного *желтый* – *золотой* встречается у Симеона крайне редко, мы обнаружили лишь "золотые тычинки" у белой лилии (Полоцкий 1990: 119).

Белый. Белый цвет встречается у Симеона довольно часто. В его виршах находим "белое лицо", "белый снег", "белую луну", "белый крин" (лилию) (Полоцкий 1990: 52, 119, 268, 310, 318, 349). Белое лицо у Симеона так же, как в фольклоре, значит красивое лицо. Белый снег, не только в русском, но и во многих других языках, представляет собой по выражению А.Н. Веселовского "окаменение". К "окаменению" А.М. Панченко добавляет этикетность в употреблении некоторых цветowych эпитетов. Цветовая окаменелость и этикетность не несут в себе художественной нагрузки и не выражают индивидуальных, личностных цветowych симпатий поэта или просто говорящего. Чтобы подчеркнуть не индивидуальный, а широко распространенный и привычный характер таких выражений как *синее небо*, *желтый песок*, *зеленые листья*, *белая лилия*, мы будем называть их устойчивыми словосочетаниями. Как точно замечает А.М. Панченко (1968: 11–12), цветовой окаменение или цветовой этикет является ярким свидетельством того, что цвет не обязательно и не всегда окрашивает.

Белой лилии Симеон придает моральное знаковое значение – она является символом чистоты. Но так же как само словосочетание не оригинально, так же не ново и его символическое значение, заимствованное Симеоном из западноевропейской средневековой литературы и примененное к царице Марии Ильиничне.

Моральное значение Симеон придает белым одеждам. Если в Откровении (3,4–5) св. Иоанна Богослова белые одежды получают от Бога праведники в Царстве небесном, и они являются символом победы над сатаной, символом свободы от греха, символом духовной, небесной, метафизической (а не моральной) чистоты, то у Симеона белые одежды – символ "белой", т.е. чистой совести. Значение белых одежд, по сравнению с библейским, снижено поэтом – от богословско-символического к моральному.

В устойчивом словосочетании *белый снег* эпитет *белый* несет значение непосредственно, но для обозначения того же цвета, характерного для другого предмета или объекта, необходимо сравнение. И тогда появляются сочетания типа *белый, как снег* или *подобный снегу*, которые также находим у Симеона, например, кони белые, как снег (Полоцкий 1953: 27). Симеон знает также такие оттенки белого цвета: *белый, как кость слона* и *белый, как мрамор* (Полоцкий 1990: 52).

Употребляет Симеон и глагол, образованный от этого прилагательного. Вдову он предостерегает, чтобы она не "белила" лицо, но в соответствии с советом апостола Павла хранила вдовство. Старость у Си-

меона "убеляет" голову, "белыми покрывает власы" (Деятельность 1982: 158; Полоцкий 1990: 349). Здесь *белый* выступает в качестве синонима *седой*. Хотя Симеон употребляет и слово *седой*: седые волосы для него украшение старого человека (Полоцкий 1953: 64).

Черный. Черный цвет противостоит в ахроматической гамме белому цвету. У Симеона черный цвет по сравнению с белым встречается намного реже. В прямом смысле этот цвет употребляется, когда Симеон предостерегает вдовиц, чтобы они не "чернили брови" (Полоцкий 1953: 60). Пресветлое солнце у поэта, в соответствии с евангельским повествованием, "чернеет" в момент смерти Спасителя на кресте (Полоцкий 1990: 58). И тело Богочеловека, снятое с креста, видится поэту "почерневшим" и даже черным, как уголь (Полоцкий 1990: 52). "Черные ризы" у поэта суть монашеские одежды и символическое обозначение монашества вообще (Полоцкий 1953: 217). Итак, черный у поэта – символ смерти, победы зла над добром или отречения от мира; это символично-богословское значение цвета. В плотской же красоте черный по контрасту с белым может означать привлекательность, например, черные брови на белом лице, что встречается в народной поэзии – красавица белолица-черноброва.

Синий. Хроматическую гамму мы начинаем с этого цвета потому, что у Симеона, как это часто бывает в древнерусской литературе, синий стоит очень близко к черному, а иногда выступает его синонимом (см. Панченко 1968: 13–15; Черных 1994: 2, 163).⁸ Тело Христа, снятого с креста, у поэта не только почерневшее, но и синее (Полоцкий 1990: 52).⁹ Здесь два цвета выступают как оттенки друг друга. В том же стихотворении четырьмя строфами ниже они разграничены: на теле Христа синяки (кровавые) от ударов, от побоев, которым его подвергли во дворе претории, тело же – темное, как ночь (Полоцкий 1990: 55). Синий цвет у Симеона Полоцкого употребляется и в ахроматической (как темный, почти черный), и в хроматической гамме (темно-синий, кроваво-синий).

Красный. Как известно, в древнерусском языке слово *красный* означало 'красивый'. Очень часто Симеон Полоцкий употребляет это слово именно в таком значении. Встречаются у него (1990: 267, 268, 302) и окаменелости, например, "красная весна" – весна-красна русского фольклора.¹⁰ Мы находим у него также "красное тело", "красное лицо",

⁸ Синий может также указывать на интенсивность цвета: *иссиня-черный* значит 'очень черный'.

⁹ Здесь мы не можем углубляться в проблему соотношения черного и синего цвета, скажем лишь, что черный с синим отливом довольно часто встречается и в древней, и в современной литературе (из древней напомним лишь синие молнии и синего ворона, а из новой – вороненую сталь).

¹⁰ Когда поэт говорит о весне, он употребляет и такое редчайшее сложное прилагательное, как *краснотеплый* (Полоцкий 1953: 76).

"красную царицу", "красную деву", "красного юношу" и даже "красного раба" (Полоцкий 1990: 324, 364, 370; 1953: 24, 33, 59, 60, 170; Деятельность 1982: 160). Легко заметить, что при характеристике внешней красоты у Симеона *красный* выступает иногда синонимом слова *белый*: *красное лицо* и *белое лицо*, *красное тело* и *белое тело* – иногда неразличимые синонимы. "Красные" люди облечены в красные ризы, одежды; красными Симеон называет палаты (в этих случаях *красный* – синоним *светлому* (Полоцкий 1990: 9, 21, 60, 63) или даже *золотому* (там же, 274, 316)). Сюда же следует отнести и следующие сочетания: "красный рай", "красный свет" (Полоцкий 1990: 277, 303, 310, 370), "красное сияние", "красное небо" и даже "красные лета юности" (Полоцкий 1953: 166, 180); как мы уже отмечали, ко всем эти словам Симеон прилагает и эпитет *светлый*. Свет и красота у Симеона всегда идут рядом: красота всегда светлая, а свет часто красный. Поэтому иногда два "цвета" у него соединяются в одном сложном – *светлокрасный* (Полоцкий 1990: 369).

Красным у Симеона может быть дерево, яблоко, цветок (Полоцкий 1990: 303, 311, 314; Деятельность 1982: 153). При этом красное яблоко вовсе не противопоставляется зеленому яблоку. И красное, и зеленое по цвету яблоко может быть красным, т.е. круглым, совершенным по форме, свежим, сочным. То, что под *красным* понимается красота и форма, Симеон подчеркнул сложным прилагательным *лепокрасный*, говоря о цветах (Полоцкий 1990: 360; Деятельность 1982: 163). Как красота, это прежде всего услаждение цветом, так лепота – услаждение формой. И цветы покоряют поэта не только красками, но и совершенством лепки.

Один раз слово *красный* Симеон употребляет в качестве субстантивированного прилагательного: красным – по контексту красивым, красавцем – он называет сына Соломона Авессалома (Полоцкий 1990: 369). Слову *красный* Симеон придает не только эстетическое, но и моральное значение. Красными могут быть и дела, которые совершает человек в этой жизни: *Краснаа бо прекрасныиъ дѣла подовлаютъ* (там же, 370). Здесь *красный* выступает синонимом *прекрасному*, *доброму* и антонимом *темному*, *черному*. Итак, *красный* у Симеона прежде всего – телесно и душевно красивый; как и *светлый*, *красный* обозначает совокупность внешних и внутренних совершенств.

Интересно отметить, что для обозначения собственно красного цвета Симеон это слово не употребляет, хотя уже начиная с XV века можно встретить такие сравнения: *красьнъ такъ киноварь* (Черных 1994: 1, 440). Для передачи различных оттенков красного цвета Симеон употребляет довольно богатую гамму оттенков: багряный (или цвета багряницы), кровавый, чермный, пурпурный, огненный, румяный, червонный, цвета порфиры, цвета граната, цвета крови, шарлат (багрянец, червленица) – итого, более десяти оттенков.

Кровавый. Слово *кровавый* может выступать у Симеона и в прямом смысле, например, "кровавая рана", "кровавая брань". В этот ряд надо поставить "кровавый пот", с которым молился в последнюю ночь перед Распятием Христос (см. Лк. 22,44). Симеон призывает и верующих при воспоминаниях о страданиях и молитве Христовой проливать "кровавые слезы" (Полоцкий 1990: 26, 51, 231), хотя это словосочетание можно считать "окаменением". Но когда Симеон говорит "кровавый Марс", то он одновременно указывает и на античного бога войны Марса, и на красную планету Марс, на ее цвет. Если солнце, в момент смерти Спасителя у Симеона "чернеет", то месяц становится "кровавым" (там же, 58). Здесь также указание и на цвет, и на событие, на пролитие крови. Также в прямом и переносном смысле Симеон употребляет словосочетание *шарлат кровавый* (там же, 59). Шарлат – это и багряный, червонный цвет, и материя этого цвета; у поэта же получается, что красные одеяния Христа еще окрашены и Его кровью. Также и надпись на Распятии над головой Христа сделана не простыми, а кровавыми чернилами.¹¹

Багряный. Этот цвет у Симеона тесно связан с цветом крови. Христос принес себя в жертву за грехи человеческие, его кровь обновила человеческое естество. Кровь Спасителя Симеон называет багряной (Полоцкий 1990: 57). Багряного цвета у Симеона порфира – царское одеяние (Полоцкий 1953: 132), а также "шипок"¹² – плод граната (Полоцкий 1990: 267, 318), с которым Симеон сравнивает и Спасителя Христа, и царицу Марию Ильиничну. Симеон упоминает о происхождении и добывании "багра", т.е. багряной краски, об окраске в багрец овечьей шерсти (Полоцкий 1953: 132). Поэт не раз говорит о багрянице, как об одеянии, что косвенно также указывает на цвет. При этом Симеон говорит о двух багряницах: одна – царское одеяние, порфира, другая – "душевная багряница", брачная одежда, в которой человек должен предстать перед Богом. Багряный цвет у Симеона, так же как и красный, иногда близок к светлому: *израдлих багранъ цвѣтъъ влнстаетъ и оукрашаетъ* (там же, 132).

Огненный. Огненным в соответствии с Ветхим Заветом Симеон называет столп, который вел израильский народ в его странствии по пустыне (Полоцкий 1990: 54). Огненным Симеон называет раскаленное

¹¹ Чернилами называли всякую темную краску, которую добавляли в основную, чтобы сделать ее более темной. Например, *черниль* – это темно-коричневая краска с красным оттенком.

¹² Издатели Симеона Полоцкого перевели слово *шипок* как яблоко. Это неточно; святые во многих богослужебных текстах сравниваются с плодом граната. В некоторых черногорских диалектах и ныне гранат называют "шипок", а в сербском "шипак". В древнерусском языке *шипок* – это шиповник, дикая роза, гранатовое яблоко, гранатовое дерево (Дьяченко 1900: 834). Поэтому следовало бы перевести это слово как *гранатовое яблоко*.

железо (Полоцкий 1953: 55), также огненный у него и бич, который символизирует такие страшные грехи как богохульство и другие (Полоцкий 1990: 176). У векового же врага человеческого огневидный зрак, т.е. вид (Деятельность 1982: 142). Как видим, в этих случаях у Симеона акцент сделан не столько на цвет предмета или лица, сколько на его состояние, т.е. действительную (прямую или косвенную) связь с огнем.

Чермный – значит 'красный, темно-красный, румяный, рыжий' (Дьяченко 1900: 815–816). В соответствии со словоупотреблением того времени Симеон называет Красное море Чермным; естественно, что вода в нем чермная (Полоцкий 1990: 35, 39). Чермный у Симеона и змий, дракон, который описан в Откровении (12,3) св. Иоанна Богослова.

Румяный. В стихотворении "Новооткрытия", написанном на польском языке, Симеон присваивает честь открытия румяной краски или румян древнегреческому художнику Зевксиду.¹³

Zeukiusz malarz zmyślił color nowy,
"Rumieniec" zacny, z swej dowsipa głowy.

(Полоцкий 1990: 101)¹⁴

В сочетании с белым румяный цвет упоминается в Священном Писании – в Песне Песней (5,10). И поэт цитирует этот библейский стих:

Спойзры, влюбеницо, а познай своегw
Влюбеница ы повѣдзь, така постать Бгw
Въ Песнахъ песней мовилась, же бѣлы рѣманы
Зъ тысячей найсличнейшыхъ Самъ Единъ выбраны.

(Полоцкий 1990: 52)

Однако, нельзя не обратить внимания, что в церковнославянском переводе этого стиха значится **бѣлъ и чермень**.¹⁵ Перевод "бел и румян" появляется в России лишь через двести лет после Симеона в русском пе-

¹³ Зевксид (IV в. до н.э.) – древнегреческий живописец.

¹⁴ В. Былинин перевел эти строки с польского следующим образом: "Зевкий-художник придумал краску новую – "Ромашку" благородную, благодаря своему остроумию" (Полоцкий 1990: 107). Здесь переводчик, очевидно, перепутал два близких по звучанию и написанию слова: *rumianek* 'ромашка' и *rumieniec* 'румянец', в чем легко убедиться, обратившись к польско-русскому словарю.

¹⁵ Хотя в церковнославянском переводе Библии встречается слово *румянство*. В книге "Исход" (4,7) Бог повелевает Моисею положить руку за пазуху, и она покрывается проказой, а когда Моисей совершает это еще раз, то видит руку опять **въ рѣманствѣ плоти**.

реводе Библии. Симеон знает прилагательное *чермен* и употребляет его в другом месте, но в этом стихе вопреки каноническому церковнославянскому тексту он пишет "румян". Откуда же Симеон взял этот перевод? Возможно ли, что он перевел этот стих сам? Мы считаем, что здесь сказалось влияние польского перевода Библии, который Симеон прекрасно знал, а там читаем: "Miły mój biały i rumiany".

Словосочетание *белый и румяный* прочно закрепилось в русском фольклоре и стало в некотором смысле народным идеалом плотской, телесной красоты.¹⁶ Такой белый и румяный, как жених в Песне Песней, у Симеона и Христос в земной жизни (Полоцкий 1990: 52). Эти эпитеты нужны Симеону, чтобы затем по контрасту описать внешний вид Христа, полагаемого во гроб.

Симеон не раз пишет о розах, но они у него всегда просто прекрасные. Какого они цвета, он часто "забывает" упомянуть. Лишь однажды он говорит, что "роза румянеет". Румяных детей рожают у Симеона языческие боги (там же, 60, 117).

Иногда у Симеона разные оттенки красного цвета объединяются, происходит "нагнетание" цветового качества, благодаря богатой синонимии. Так получаются у него такие сочетания красного цвета, как "червенеющий пурпур", "чермно обогранный" гранат, "шарлат кровавый", "кроваво-червонное" облако (там же, 55, 59, 60, 267). По количеству оттенков внутри хроматической гаммы красный цвет стоит у поэта на бесспорном первом месте.

Зеленый. Когда поэт употребляет этот цвет в прямом смысле, мы находим у него преимущественно "окаменения", т.е. устойчивые словосочетания: например, "зеленые листья", "зеленая трава" (Полоцкий 1990: 129, 130, 308, 317; Деятельность 1982: 126). Вместе с тем ни один другой цвет в его символическом аспекте не разработан у Симеона так, как зеленый. В соответствии с многозначностью христианской символики, поэт придает этому цвету сразу несколько взаимодополняющих значений. Это а) цвет радости; б) цвет Входа в Иерусалим, поскольку народ встречал Христа зелеными пальмовыми ветвями; в) цвет милости, покоя и благодати, поскольку голубь принес Ною зеленую масличную ветвь; г) цвет Святого Духа, поскольку зеленые ветви – лишь знамение духовных ветвей, которыми человек встречает сошествие Св. Духа; д) цвет весны и

¹⁶ Ср. выражение *кровь с молоком*, когда говорят о лице девушки или парня. Единомышленник Симона Ушакова и Симеона Полоцкого Иосиф Владимиров в своем знаменитом трактате об иконописании призывал писать святых на иконах живоподобно, бело и румяно, т.е. фактически он уже не различал строгую духовную красоту иконных ликов и живоподобную плотскую красоту живописных лиц, не различал, а смешивал икону и картину; в некотором смысле он навязывал иконе народные представления о телесной красоте.

Нового Завета, поскольку прошла зима (Ветхий Завет); е) цвет вечности и вечной жизни в Духе в Царстве Небесном; ж) цвет воды живой, которую Христос обещал дать всем верующим в Него в беседе с самарянкой (Ин. 4,5–15); з) цвет Церкви Христовой, которая есть древо, а люди суть ветви этого дерева; и) цвет травы и через это цвет бренной человеческой жизни, поскольку грех разрушает человека, как зной иссушает траву; наконец, к) это цвет Богопознания, поскольку только в Духе и с помощью Святого Духа человек может познавать Бога (Полоцкий 1990: 361–362). В стихотворении, озаглавленном автором собирательно "Зеленость" (собственно, качество зеленого цвета), мы находим десять символических значений только зеленого цвета. Такого богатства символики одного цвета не находим у других христианских богословов и писателей.

Обратимся к одному, может быть, самому характерному отрывку из произведений Симеона, в котором встречается особенно много красок. Это девятая строфа из стихотворения "Верше о мэнце панской в церкви мовене", посвященного страданиям Спасителя.

Где свѣтъ лица Твоегѡ, Христось, Боже правы?

Где естъ доброта плоти, где волосъ русавы?

Познай, Петре, по лицѹ ны а Тотѹ взорѣ

Свѣтлы былѣ, такъ слонце, на высокой горѣ.

Чы въ тыхъ рызахъ положенѣ, што на тотѣ часѣ были,

Надѣ день тсны ы надѣ снѣгѣ, надѣ боволнѣ были.

Рекнемѣ подобнѣ не Той, во Сей сини, кровавы,

Ночы, темноты подобны, спѣхлы, безѣ поставы.

Тысяца въ самой главѣ ранѣ, сватое тѣло

Такъ снежнаа хмѣра, шдѣ збитѣа зсинело.

Мѣйсцами такъ облакѣ криваво чырвоны,

Жылы вса поторваны, а Самѣ шенажны.

Страшней нинѣ на раны Бгѡ посмотри,

Нижи гды свѣтла лица не могли терпѣти

Петрѣ-Симѡнѣ ы Іакѡвѣ; они змаловати

Жадны розѹмѣ не можетѣ, во не розезнати

Члонковѣ, ани составовѣ, хыба плащаница

Перѹктворенна вѹдетѣ зѣ Бгѡ лица.

Хто на дрѣвѣ тѣ? а Въ сердцахъ страсти выражаймы,

Слезамы баграины фарбы растворяймы.

(Полоцкий 1990: 55)¹⁷

¹⁷ Перевод: "Стихи о мучениях Господних, произнесенные в церкви". Где свет лица Твоего, Христе, Боже правый? Где красота плоти, где русые Твои во-

В этом отрывке Симеон описывает "Снятие с Креста" или "Положение во гроб" из Страстного цикла иконописных сюжетов; они довольно часто встречаются в русской иконе. Однако, способ изображения поэт выбирает не **иконописный**, а **живописный**.¹⁸ На иконе никогда не подчеркиваются страдания Христа, посиневшее или окровавленное тело; икона сознательно избегает всякого натурализма. Описание же Симеона – натуралистично, "живоподобно" и выполнено в стиле (словесного и иконописного) барокко. Он выбирает тот момент, когда тело Христово только снимают с креста, его еще не успели обернуть плащаницей.

В противоположность живописи Возрождения, которая на многих полотнах изображает Христа обнаженным, тело Спасителя на иконе "Положение во гроб" изображается в ярко-белой плащанице, поскольку белый цвет символически указывает на грядущее Воскресение. На иконе доминируют красный, белый и желтый цвета. Но красный – это платье вскинувшей руки Марии Магдалины и плащ Иоанна Богослова, а не раны на теле Христа; белый – не цвет Преображения, который в стихотворении Симеона присутствует для контраста, а цвет грядущего Воскресения из мертвых; желтым, охристым, которого совсем нет у Симеона, расписаны иконные горки и одеяние одной из жен-мироносиц. Есть на иконе еще вишневый цвет (мафорий Богородицы и плащ Иосифа Аримафейского) и зеленый (одеяние другой жены-мироносицы). А между горок царит и сияет золотой – символ непостижимого Божественного света. И вся икона "Положение во гроб" приобретает от этого праздничный характер: это не прощание с Учителем навсегда, а предвкушение Воскресения. У Симеона не такая богатая палитра, а краски использованы для созда-

---

лосы? Испытай, Петр, лицо Его – Тот в озарении (в Преображении) на высокой горе был светел, как солнце. В тех ли одеждах Он положен, что тогда на Нем были, яснее дня и снега, хлопка белее. Скажем, видимо, не Тот, ибо Этот синий и кровавый, подобный ночи, темноте, опухший и без осанки. Только на голове Его тысяча ран; а святое тело, как снежная туча, от ударов посинело. Местами оно как облако кроваво-червенно, жилы все порваны, и Сам обнажен. Страшнее теперь смотреть на Его раны, чем тогда, когда Петр-Симон и Иаков не могли стерпеть светлого лица Его; никакой разум не сможет нисколько это живописать, потому что невозможно различить ни членов, ни суставов, разве только нерукотворная плащаница возможна с Его лица. Кто здесь на кресте? – Давайте в сердцах выразим страданья и багряные краски растворим слезами (перевод наш – В.Л.).

¹⁸ О сознательном или невольном, но постоянном стремлении Симеона Полоцкого в своей поэзии от иконы к картине, от образа к нравоучению, от иконописи к живописи и от иконичности к живоподобию мы подробно говорим в специальной статье (см. Лепяхин 1999).

ния эффекта трагизма. Если икона своими красками стремится выразить веру в Воскресение Спасителя и всеобщее воскресение, то Симеон хочет вызвать в читателе сочувствие, сопереживание, поэтому он не жалеет красок для описания мертвого тела. И Симеон чувствует себя в этом отрывке даже не столько поэтом, сколько живописцем, что подчеркнуто в последней строке, где поэт призывает растворять краски слезами.

Всего в этой строфе 132 слова, из них 79 самостоятельных и 53 служебных. Мы насчитываем в ней 23 единицы прямо или косвенно обозначающих цвет, либо относящихся к обозначению цвета, например, входящих в цветное сравнение (см. словник стихотворения в приложении). Это очень много на фоне литературы не только предшествующего периода, но и для всей письменности XVII века. Если принимать во внимание служебные слова, то цветковые обозначения (прилагательные, глаголы и существительные) составят почти 17%. Если же мы примем во внимание лишь самостоятельные части речи, а служебные отбросим, то количество слов, относящихся к цвету возрастет до 28% (более четверти!), что не просто много, но представляет в этом отношении уникальный случай в русской литературе. Конечно, следует иметь в виду, что такие отрывки встречаются очень редко не только в письменности той поры, но и у самого Симеона Полоцкого.¹⁹ Мы просто выбрали строфу, в котором в соответствии с темой стихотворения поэт вынужден был обратиться к подробным и красочным описаниям.

Какие слова в этой строфе прямо или косвенно связаны с обозначением цвета? – *Свет* ('свет лика Христова'); *светлое лицо*; *светлый*, как *солнце*; *ясный*, как *день*; *ясный*, как *снег*,²⁰ *белый*, как *хлопок*; *русый* (волосы); *синий* в значении 'черный'; *кровавый* ('крово-красный'); *подобный ночи* ('темный'); *подобный темноте* ('темный'); *синий* в значении 'темно-синий'; *крово-синий* ('темно-красный'); *темно-синий*, как *снежная туча*; *червонный* ('пурпурный'); *багряный*; *живописать* (*змаловати* – 'писать красками'); *фарба* ('краска'); *красота*. Даже слово *плащаница* можно поставить в этот ряд, поскольку зрительно читатель представляет себе белую плащаницу (на иконах она всегда ярко белая), в которую было завернуто тело Христа, с отпечатавшимся на ней, окрашенным кровью ликом Спасителя. Основных цветов в этом отрывке всего четыре: *белый*

¹⁹ Может быть, в виршах поэта найдется еще 2-3 подобных строфы, и все они связаны с положением во гроб и оплакиванием Иисуса Христа.

²⁰ Как уже отмечалось, *светлый* не является цветом в собственном смысле, но в этом отрывке у Симеона заметно настойчивое противопоставление света и тьмы, светлого и темного не только в их моральном значении (как веры и неверия), но и как цвета; речь идет о теле Христовом, полагаемом во гроб, поэтому мы включаем *светлый* в цветовой ряд.

(светлый, ясный) употребляется шесть раз;²¹ красный встречается четыре раза; синий находим два раза; наконец, черный – также два раза. В ахроматической гамме видим не просто двухцветные черно-белые гравюры, а картины с оттенками белого и черного цветов. Когда же обращаемся к хроматической гамме, то находим в этой строфе детально и богато разработанными по оттенкам красный и синий цвета. При всей экономии средств (при отсутствии, например, зеленого, желтого и др.) Симеон смог создать очень красочную, даже натуралистически-красочную, впечатляющую картину.

Однако, исключительность такого рода отрывков подтверждает вся остальная поэзия Симеона Полоцкого. Он многократно описывает цветы, драгоценные камни, короны, царские одеяния, царские палаты, природу в разное время суток и времена года, он посвящает стихи многоцветной живописи, но очень часто в этих стихах нет ни одного упоминания о цвете, о краске (Полоцкий 1990: 82, 104, 112, 137, 148, 197, 321, 355, 364, 379; Деятельность 1982: 128). Когда Симеон пишет о цветах-растениях, то в первую очередь он чувствует их запах, краска же отступает на второй план. Не столь важно красную, белую или чайную розу видит поэт, важно ее благоухание. Роза у Симеона услаждает не зрение, а обоняние (Деятельность 1982: 161; Полоцкий 1990: 205, 268, 318, 349).

Цвет очень часто важен для Симеона своим моральным значением: украшенный – значит украшенный добродетелями, светлый – светлый христианскими достоинствами, красный – красный добрыми делами (Полоцкий 1990: 370, 380; 1953: 107, 205). Это связано с тем, что Симеон в соответствии с христианским учением различал красоту внешнюю, и внутреннюю.

Внѣшню красоту есть любезно зрѣти
Богъ же внѣтрнюю велитъ намъ имѣти.

(Полоцкий 1953: 133)

В соответствии с этим поэт различал и краски. В одном из стихотворений Симеон противопоставляет светлокрасные царские одежды и природные "одеяния" цветов, лилий. Красоту одежд Симеон называет притворной и умерщвленной.

Цвѣтамъ красоты самъ Господь оустроитель,
ризамъ же художникъ оумный претворитель.

(Полоцкий 1990: 369)

---

²¹ Интересно, что А.М. Панченко (1968: 9) отмечает: как в эпосе, так и в письменности наиболее распространенный цвет – белый. Это наблюдение относится и к переводным произведениям.

Всякая внешняя красота условна, преходяща, соблазнительна и может быть даже опасна для спасения души. Внутренняя красота – есть истинная духовная красота души, единственное, к чему должен стремиться человек. Бог призвал свое творение украшать душу, а не тело (Полоцкий 1953: 133). И тогда "в красном небе" человеку, "красному делами" Бог дарует "красоту превечную" (Полоцкий 1990: 370).

Одно из главных произведений Симеона Полоцкого – "Вертоград многоцветный". В каком значении употребляет здесь слово *многоцветный* Симеон? Цветов и красок в этом произведении довольно мало. Во всяком случае недостаточно, чтобы дать книге такое название в прямом смысле. И здесь на память приходят такие широко распространенные в раннехристианской и средневековой литературе сборники как "Луг духовный", "Цветник", "Пчела" и др. Они получили такое название вовсе не потому, что как-то связаны с красками и цветами. Их авторы уподобляли себя пчеле, которая летает от цветка к цветку и собирает нектар. Итак, пчела – автор, цветы – святые Отцы, а нектар – мудрость, заключенная в их писаниях. И Симеон, называя свою книгу "Сад многоцветный", думал не о красках и цветах, а об энциклопедическом разнообразии полезных и умных вещей и идей, которые он собрал в своей книге и облек в стихотворную форму, услаждающую слух. *Многоцветный* у него – значит 'многообразный, разнообразный, пестрый'. И, как ни парадоксально, "многоцветный вертоград" поэта – часто бесцветен либо дан в ахроматической гамме. В одном из стихотворений он говорит о многоцветных подарках, и по контексту ясно, что речь идет о богатых разнообразных подарках. В этом смысле говорят о цветистом слоге, цветистом стиле, т.е. богатом, разнообразном, украшенном стиле, который может быть совсем никак не связан с красками и красочностью в прямом смысле. В предисловии к "Вертограду" Симеон называет цветами жанры, в которых написаны стихи из этого его сборника (Полоцкий 1953: 205, 207).

Для общего названия красок в иконописи с XII по XVIII век употребляли преимущественно два слова: *вапы* и *шары*. *Вапа* (от греч. βαφή) – это краска, естественный пигмент, а *вапница* – палитра. Симеон это слово знает и изредка употребляет, но в значении цветка, а не цвета. Например, в упоминавшемся стихотворении "Зеленость" Симеон пишет:

Паки, такоже Христа на ослѣ сѣдѣща,
во Іерусалимѣ градѣ смиреннѣ вхоѣща,
съ вапами и вѣтвми людѣ срѣтахѣ,
честь ѿмѣ такимъ дѣйствомъ творѣхѣ...

(Полоцкий 1990: 361)

По контексту ясно, что вапы здесь – цветы, однако, ни один словарь такого значения слова *vana* не дает, поэтому в данном случае мы имеем дело с индивидуальным словоупотреблением, с окказионализмом.

Слово *шар* (или *ша́ра*, *ша́ры*) также означает 'краску, красочный слой, мазок, состав для окрашивания', а *шарница* – значит 'палитра'. Эти слова (*vana* и *шар*) могут употребляться как синонимы и заменять друг друга, но иногда они употребляются наряду и тогда дополняют друг друга. В Киево-Печерском патерике иконописца Симеона, чтобы исцелить прокаженного, взял *вапницю и шаровными вапы* украсил его лицо (Памятники 1980: 590–592). В этом случае "шаровные вапы" – это разноцветные краски. Слово *краска* начинает употребляться наряду со словами *шары* и *вапы*, начиная с XVII века. Но Симеон употребляет слово *фарба*, которое не закрепилось в русском языке. Слово это заимствовано из немецкого языка (*die Farbe* – 'цвет, краска, масть'), в стихотворение Симеона оно вошло скорее всего через посредство польского языка (*farba* в польском – 'краска масляная, акварельная, клеевая'). В письменных источниках это слово встречается начиная со второй половины XVII века; в одном источнике, датированном 1685 годом, читаем: **И всакіє розныє фарбы: сін рѣчь, краски** (Замятин 1997: 171); как видим, в то время читателю надо было еще объяснять, что такое фарба. Из четырех синонимов – *vana*, *шар*, *краска*, *фарба* – последний встречается в литературе той поры гораздо реже других. В стихотворениях, написанных на польском языке, Симеон употребляет слово *color* ('цвет, краска') – кстати, в латинском, а не польском (*kolor*) написании (Полоцкий 1990: 101).

При чтении стихов поэта бросается также в глаза то, что Симеон практически не использует цвета и краски из словаря иконописцев, который во второй половине XVII века был исключительно богат. Остается предположить, что Симеону, писавшему богословские труды в защиту икон, иконная гамма, **иконописная** палитра были мало знакомы и чужды, во всяком случае профессионально он их не знал и словесно не воспроизводил. В то время как знакомство с **живописью** того времени Симеон часто обнаруживает.

Итак, употребление Симеоном Полоцким цветов и красок может иметь шесть различных значений (в контексте они, конечно, могут взаимодополнять одно другое):

- 1) окаменевшее, устойчивое (*зеленая трава, белое лицо*);
- 2) прямое (*белая луна, румяное лицо, багряная порфира*);
- 3) метафорическое (*пресветлый царь, огненный бич, золотые тычинки, кровавый месяц*);
- 4) моральное (*человек, красный добродетелями, светлое веселие, темная греховность*);

5) символическое (зеленый – символ Святого Духа, черный – символ монашества, темный зрак – бесы);

6) богословское (*пресветлое небо* = *Царство Божие*).

Говоря о цветовой гамме того или иного писателя, в том или ином произведении, следует различать количественный и качественный подходы. В количественном отношении цветовые определения Симеона многообразны и включают в себя почти все основные цвета спектра. В качественном же отношении красочная гамма Симеона имеет две доминанты – красный и белый (светлый) цвета. В отношении оттенков они у него разработаны наиболее полно и разнообразно. Если говорить о разработке Симеоном символического и богословского значения цвета, то и в этом случае у него три доминантных цвета – белый (светлый), черный (темный) и зеленый. В целом палитру поэта по количеству основных цветов и оттенков нельзя безоговорочно назвать богатой и тем более полной, однако, при необходимости Симеон может до предела насытить какой-либо отрывок цветовыми определениями, и в этом отношении его поэзию можно считать новым этапом в эволюции словесно-изобразительной колористики литературы того времени.²²

ЛИТЕРАТУРА

- Деятельность 1982 – Симеон Полоцкий и его издательская деятельность. М.
 Дьяченко, священник Г. 1900, *Полный церковно-славянский словарь*. М.
 Замятина, Н.А. 1997, *Терминология русской иконописи*. М.
 Лепяхин, В. 1999, Образ, икона и "живоподобие" в виршах Симеона Полоцкого.
 В кн.: *Пятьдесят лет сегедской славистике*. Сегед.
 Моисеенко, В.Е. 1996, Из истории цвета и масти в русском языке. *Studia Slavica Savariensis* № 1–2.
 Моисеенко, Л.Н. 1998, О цвете и цветовых символах в "Слове о полку Игореве".
 In: *VI. Nemzetközi Szlavisztikai Napok*. Szombathely.
 Памятники 1980 – *Памятники литературы Древней Руси: XII век*. М., 1980.
 Панченко, А.М. 1968, О цвете в древней литературе восточных и южных славян:
 Литературные связи древних славян. *ТОДРЛ* XXIII. Л.
 Полоцкий, С. 1953, *Избранные сочинения*. М.–Л.
 Полоцкий, С. 1990, *Вирши*. Минск.
 Трубецкой, кн. Е. 1965, *Умозрение в красках: Три очерка о русской иконе*. Париж.
 Флоренский, священник П. 1996, *Сочинения в четырех томах: т. 2*. М.
 Черных, П.Я. 1994, *Историко-этимологический словарь современного русского языка, т. 1–2*. М.

---

²² Приношу искреннюю благодарность за помощь и консультации при работе над статьей Виктору Моисеенко (BDTF, Szombathely), Миколу Новичу (ELTE, Budapest) и Гизелле Кешерю (SZTE, Szeged).

Приложение²³

Словникъ стихотворенїа Гумешна Полоцкагѡ

<u>а</u>	<u>з.маловати</u>	подобнѡ	составовѣ
<u>ани</u>	<u>зсинѣло</u>	подобны	спѣхлы
<u>багранын</u>	<u>зѣ</u>	познай	страсти
<u>безѣ</u>	<u>Іаковѣ</u>	положенѣ	страшней
<u>бины</u> (белый)	<u>крѡвы</u>	посмотрети	<u>Твоегѡ</u>
<u>во</u> (2)	<u>крѡваво</u>	поставы (осанка,	<u>тѣло</u>
<u>воволнѣ</u> (хлопок)	<u>лица</u> (3)	поза)	<u>тѣ.мноты</u>
<u>Боже</u>	<u>лицѣ</u>	поторваны	<u>терпѣти</u>
<u>бѣдетѣ</u>	<u>мѣйцами</u>	правы	той
<u>былѣ</u>	(местами)	ранѣ	<u>тотѣ</u> (2)
<u>былы</u>	<u>могли</u>	раны	<u>тѣ</u> (тут)
<u>взорѣ</u>	<u>можетѣ</u>	растворай.мы	тысяца
<u>волосѣ</u>	<u>на</u> (4)	рекнѣ.мѣ	<u>тыхѣ</u>
<u>всѣ</u>	<u>надѣ</u> (чем) (3)	<u>розѣзнати</u>	<u>фарбы</u> (краски)
<u>вѣ</u> (3)	<u>нѣ</u> (4)	<u>розѣ.мѣ</u>	<u>хмѣра</u> (туча)
<u>выражай.мы</u>	<u>нерѣкотворенна</u>	<u>рѣсавы</u>	<u>Христосѣ</u>
<u>высокой</u>	<u>нижли</u>	<u>рызахѣ</u>	<u>хто</u>
<u>гдѣ</u> (3)	<u>нинѣ</u> (ныне)	<u>самой</u>	<u>хыба</u>
<u>гды</u>	<u>ночы</u>	<u>самѣ</u>	<u>часть</u>
<u>главѣ</u>	<u>ны</u>	<u>свѣтла</u>	<u>члонковѣ</u> (члены
<u>горѣ</u>	<u>облакѣ</u>	<u>свѣтѣ</u>	тела)
<u>день</u>	<u>обнажены</u>	<u>свѣтлы</u>	<u>чы</u> (разве, ли)
<u>доброта</u>	<u>они</u> (ничуть,	<u>свѣтое</u>	<u>чырвоны</u>
(красота)	<u>нимало)</u>	<u>сей</u>	<u>што</u>
<u>древѣ</u>	<u>удѣ</u> (от)	<u>сердцахѣ</u>	<u>ы</u> (2)
<u>Ѣгѡ</u> (2)	<u>Петре</u>	<u>сини</u>	<u>такѡ</u> (3)
<u>естѣ</u>	<u>Петрѣ-Гумишнѣ</u>	<u>слезамн</u>	<u>пасны</u>
<u>жадны</u> (никакой)	<u>плащеница</u>	<u>слонце</u> (солнце)	
<u>жылы</u>	<u>плоти</u>	<u>снегѣ</u>	
<u>звѣтъѡ</u> (побой)	<u>по</u>	<u>снежнаѡ</u>	

²³ Цифра в скобках показывает, сколько раз данное слово употребляется в тексте. Слова, прямо или косвенно связанные с цветовыми определениями, подчеркнуты.

ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Роланд Билку

(Bilku Roland, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosz Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

В последние годы особое внимание уделяется компьютерной технике, дигитализации данных и развитию вспомогательных программ для скеннеров. В своем докладе я постараюсь показать, как компьютер может помочь филологам. Языковое или литературное изучение лексики одного памятника – работа трудоемкая, отнимающая много времени. До настоящего дня работа филолога, исследующего частоту употребления отдельных лексем даже недлинного текста, могла сравниться только с трудом составителей словаря. Конечно, компьютерная техника не может заменить творческий человеческий разум, однако, она значительно сокращает время, необходимое для формального анализа текста. С помощью компьютера составление частотного словаря и анализ лексики даже довольно длинных текстов выполняется за несколько минут или часов. Для языковедов (в первую очередь для историков языка) компьютер становится даже необходим. При компьютерном анализе языка, при составлении частотного словаря легче заметить случаи разного написания одного и того же слова, "ошибки" писателя или переписчика, связанные с тем, что он "поддался" актуальному словоупотреблению своего времени или своему происхождению и для обозначения одного и того же звука употребил разные графемы. Для языковеда такие "ошибки" являются драгоценнейшими находками, так как именно они составляют базу, конкретный материал для последующих выводов, касающихся языка памятника в целом. Далее я попробую назвать некоторые новые возможности, которые открываются перед литературоведом, благодаря компьютерному анализу лексики художественных произведений.

Языкознание может использовать частотный словарь непосредственно, литературоведение же лишь как важный, даже драгоценный, но дополнительный метод. На первый взгляд кажется, что данные частотного словаря дают возможность только для статистических выкладок, но это далеко не так. Только при конкретной работе литературовед осознает, насколько богаче и доказательнее становится анализ произведения и насколько он может расширить "кругозор" самого исследователя. Самая явная область употребления словаря – это, конечно, стилистический анализ текста. Здесь я должен сразу сделать примечание, что стиль одного,

связного текста не может быть определен с помощью простой дедукции, то есть на основе стилистических оттенков составляющих его слов. Однако, мне кажется, что частотный словарь является наилучшим средством определения таких "стилистических тонкостей", как например, изменение стиля внутри текста или изменения в словоупотреблении у одного и того же лица в разных ситуациях, при общении с другими героями, например, положительными или отрицательными.

Составляя частотный словарь произведения и его отдельных частей (как мы это увидим в случае с "Повестью о житии Петра и Февронии") исследователь получает такие важные данные, с помощью которых легко может определить, какой вид, какой залог, или какое наклонение является доминирующим в тексте, каково процентное соотношение глаголов движения и "статичных" глаголов, кто из действующих лиц является самым "активным" и т.д.

В специальной литературе о "Повести о житии Петра и Февронии", принадлежащей перу Ермолая-Еразма, особое внимание уделяется, с одной стороны, ее "нетипичности" и расхождению с традиционными нормами житийного канона,¹ а, с другой стороны, ее уникальности в "изображении быта" и в детальных, "зрительных изображениях".² Мнение о нетипичности и "нежитийности" произведения основывается на использовании в ней фольклорных мотивов. Односторонность и схематичность такого мнения я стремился показать в другой статье; однако, выводы, к которым я пришел тогда, опирались на анализ основных мотивов "Повести".³ Частотный же словарь ясно указывает, как можно "позвать на помощь" лексику произведения. Из него, например, выясняется, что в лексике "Повести" очень мало глаголов движения, что говорит о статичном, свойственном житийному жанру, характере произведения, а не новеллистическом, как полагает, например, Р.П. Дмитриева.

в первой части	из 144 глаголов	22 глагола движения	15,27 %
во второй части	из 272 глаголов	37 глаголов движения	13,6 %
в третьей части	из 237 глаголов	25 глаголов движения	10,5 %

¹ См. Р.П. Дмитриева, *Повесть о Петре и Февронии*. Ленинград: Наука, 1979: 4–5.

² См. Д.С. Лихачев, Великое наследие. В кн.: *Избранные работы в трех томах: т. 2*. Ленинград: Художественная литература, 1987: 273–277.

³ См. Р. Билку, *Повесть о житии Петра и Февронии муромских: Проблема соотношения фольклорных и житийных мотивов в авторском варианте произведения*. *Diss. Slav.: Hist. Litt.* XXII. Szeged, 1997: 179–192.

Очевидно, что количество глаголов движения уменьшается к концу произведения, то есть автор описывает лишь самые необходимые действия персонажей (*внидѣ, идѣ, возвратися, поѣхавъ*). Поэтому я не могу согласиться с мнением Р.П. Дмитриевой, которая, увидев в "Повести" лишь живое фольклорное творчество, назвала ее части "новеллами".⁴ На мой взгляд, они поражают не столько динамичным повествованием, сколько противоположным ему статичным изображением, в результате которого у читателя скорее остается зрительное впечатление иконных клейм.⁵ Скорее можно согласиться с мнением Д.С. Лихачева, который сравнивал Февронию с "тихими ангелами Рублева".⁶ Кажется, не только образ Февронии, но и образ Петра и всю "Повесть" можно считать близкими к русской житийной иконе той эпохи.

Сопоставительный анализ именования действующих лиц в разных частях произведения также может указывать на незаметные при поверхностном чтении "мелочи". Во второй части "Повести", например, автор называет Февронию прежде всего *девицей* (во второй части 18 раз, в третьей – ни разу); или упоминает ее только как *святую* (в третьей части 8 раз отдельно, и 3 раза вместе с Петром, а во второй части – ни разу). Эта своеобразная статистика подтверждает выводы моей упоминавшейся статьи, посвященной анализу основных мотивов произведения, где показано, что "Повесть" является **настоящим житием** со многими основными **каноническими** приметами жанра, и в ней однозначно описывается и доказывается святость муромских супругов. По ходу повествования заметно уменьшается количество фольклорных элементов (все исследователи согласны, что последняя, "муромская" часть является уже чисто житийной), а рамочная структура (богословское введение и похвала святым в конце) однозначно определяют житийность "Повести".

---

⁴ Дмитриева называет ее части "новеллами", поскольку все построены по определенным структурным правилам: имеют зачин, завязку, узел, развязку и концовку. С этим мнением о сходстве в построении этих эпизодов, можно согласиться, но само слово "новелла" дает впечатление активности, авантюры, интриги и т.д. Такое понимание "Повести" позволяло Лурье связывать ее с Декамероном Бокаччо (Я.С. Лурье, Литература XVI века. In: *История русской литературы XI–XVII веков*. Москва: Просвещение, 1985: 263–264) и с комедиями Шекспира (там же, 264).

⁵ См. Д.С. Лихачев, *История русской беллетристики*. Ленинград, 1970: 495.

⁶ Это сравнение Д.С. Лихачева было вызвано тем, что "Повесть" в то время считалась произведением XV века и, таким образом, входило в стиль той эпохи. В настоящее время "Повесть" единодушно относится учеными к XVI веку.

В первой части произведения также имеются интересные слова, которые дополняют и одновременно подтверждают анализ основных мотивов. Для обозначения дракона, летающего к жене Павла, Ермолай-Еразм употребляет только библейский термин *змий* и ни разу его фольклорный вариант *змей*.

Кроме этого, в лексике произведения невозможно найти чисто фольклорные лексические элементы, большинство же – это нейтральные слова, не имеющие стилистической нагрузки. Однако, чисто житийных терминов у Ермолая-Еразма очень много. В первой части, например: *благовѣрный*, *блаженный*, *блудъ*, *Господи*, *дьяволъ*, *животворящий*, *кончина*, *лѹкавый*, *неприязни*, *олтарный*, *помолитися*, *Предтеча*, *прелестникъ* (и образованные от него слова), *понырьство*, *Христось*, *церковь* и т.д. Во второй части также имеются элементы церковно-житийной лексики, с помощью которых автор перелагал слышанные им сказочно-народные рассказы житийным стилем: *благовѣрный*, *благочестивый*, *Божий*, *дѣвица*, *заповѣдь*, *неприязновый*, *Отець*, *отечество*. В общей сложности условно житийная лексика составляет: во введении 57,3%, в первой части 19,3%, во второй 5,3%, в третьей 31%, в похвале 67,8%.⁷ Трудности подсчета слов того или иного стилистического пласта (нейтральная лексика, житийная, фольклорная) связаны с тем, что одно и то же слово в зависимости от контекста можно отнести к разным стилям. Приведем только несколько примеров. Слово *единый* стилистически нейтрально, но в контексте оно является определением к слову *Бог*, поэтому приобретает житийную окраску. Или слово *меч*: оно нейтрально, но вместе с тем часто употребляется в сказках. Однако, в "Повести" Петр находит меч в алтаре храма, а не в пещере, как это бывает в сказках. Назовем еще такие слова, как *кровь*, *рана*, *труд*, *мудрость*. Все они нейтральны, но в "Повести" речь идет о крови и ранах Христовых, о труде как христианском подвиге, о мудрости не человеческой и не сказочной, а христианской, которую может дать человеку только Бог. Поэтому процесс выделения житийной лексики из общего словарного запаса произведения не так прост, как кажется, и носит в большей или меньшей мере субъективный характер. Все же мы полагаем, что "субъективистская ошибка" в наших подсчетах не превышает 2-3 процентов в ту или другую сторону. Мы приводим процент только житийной лексики, поскольку выделить лексику фольклорную еще труднее, тут возможен еще больший субъективизм, поскольку она в основном совпадает с нейтральной. Эту работу мы считаем делом будущего.

⁷ При подсчетах из словаря исключались служебные слова и местоимения, так как вспомогательные и реляционные слова и информативы, как правило, не имеют стилистической окраски.

В небольшом докладе я попробовал показать лишь несколько возможностей использования в литературоведении частотного словаря. На мой взгляд, древнерусская литература может дать богатейший материал для составления частотных словарей; языковые особенности древнерусских памятников могут лечь в основу не только языковых, но и литературных исследований. Информация лексического характера оказывается ключом для определения не только места и времени написания какого-либо произведения, но и для интерпретации содержания, сюжета, фабулы, жанра, композиции, основных тем и мотивов многих древнерусских произведений. Данные частотных словарей могут подтвердить собственно литературоведческий анализ, но могут вызвать необходимость пересмотра устоявшихся оценок того или иного произведения. Данная работа носит информативный и предварительный характер; конечно, возможны и другие направления использования словаря. Это может быть, например, сопоставительный анализ частотных словарей различных редакций "Повести", или сравнение данных всего произведения с данными отдельных его частей и т.д.

В заключение прилагаю частотный словарь "Повести". Словарь составлен на основе I редакции произведения (Р.П. Дмитриева, Указ. раб.: 209–228). В соответствии с композицией произведения я разделяю словарь, также как и "Повесть", на пять составных частей.

**Повесть о житии
св. Петра и
Февронии
ВВЕДЕНИЕ
(613 слов)**

аггелы
апостоли (2)
аще (3)
вѣ (2)
вдѣнних
бедах
без
безначалный (2)
безстрастие (2)
безстрастно
бестелесная
благовѣрнаго
благовѣрныя
благоволеніем
благоволи
благодаримому

благослови
благости
блзвнители
во (5)
Богъ (3)
Божества (2)
Божественое
Божий (5)
быти (3)
в (24)
вѣроу
вѣруемоу
ведущеу
величество
видимая
во (8)
возвратися
вознесся
воннества
воскресе
воспеваемоу
все (7)

вселенную
всяческая
глаголем
годину
Господь
грѣх
грѣшныя
да (2)
Давида
дарова
девица
день (2)
долготерпении
достохвалнаго
достохвалныя
древу (6)
Духъ (9)
егда
его (8)
единому (2)
единый
еже (3)

елицы
 емү
 естество (2)
 есть (9)
 Еүфросинни
 же (31)
 женам
 животворящему
 животен
 жития
 за
 занеже
 заповедей (2)
 звѣзды (2)
 земли (5)
 земным
 Зижител
 (Зиждитель)
 и (55)
 ибо
 ниже
 избранный
 изо
 ин
 инак
 иноческом (2)
 искони
 искупив
 исперва
 исповѣдуемою
 истинно
 истинный
 Исус
 исходит (3)
 ифнръ
 к
 какову
 ключится
 княгини
 князя
 коегождо
 красотами
 крестѣ
 крестишася
 крещении (2)
 кровню
 куплени

купно
 лестца (2)
 ли
 лстяще
 лүнү
 любви
 любя
 Марня
 милая
 мира
 миродержителя
 может
 молитвъ
 мощно
 мужества
 муромских
 мученицы
 нѣдръ
 на (11)
 надо
 нареченнаго
 нареченныя
 началствует
 наш (2)
 не (8)
 небеси (3)
 небесная
 небо
 невидимая (2)
 невозможно
 него
 недостижно
 неизглаголим
 неизреченно
 несповѣдимю
 нелицемѣрно
 нем
 неописанною
 непродолжим
 нестроених
 ни (3)
 ниже
 никако
 никакою
 них (2)
 но (4)
 новых

ны (4)
 о (5)
 облекошася (2)
 образү
 обычною
 овых (2)
 огонь
 одесную
 они (4)
 оставльше
 от (8)
 Отецъ
 отлучися
 отступит (2)
 Отца (4)
 Отчь (3)
 Павел
 палящъ
 Петра
 плотию (2)
 по (3)
 повесть
 подобие
 покаяния
 понеже
 посекаемою
 послав (2)
 постави
 пострада
 почнет
 почитаемою
 почти
 почтив
 пощених
 праведники
 превысть (2)
 перевозносною
 предлежит (2)
 преложив
 премудростию
 преподобнаго
 преподобныя
 пресвятою
 пречистыя
 привести
 пригвозди
 приложити

притчею
 пророцы
 просвѣтиша (3)
 прослави
 прославляющему
 пятидесятиный
 рави
 ради (3)
 разум
 разумѣ (2)
 ранах
 Распятин
 рече
 роде
 родитися
 с (2)
 сѣде
 самовластнемъ
 самосило
 свѣдоми
 свершающему
 своим (8)
 святѣ
 святии (5)
 святой (2)
 святые
 сей (5)
 сердечныя
 си
 силѣ
 сияюще
 сказати
 скорбех
 славимому
 слово (10)
 слуги
 смирення
 Содѣтель (2)
 созда (2)
 солнечный
 солнце (3)
 сосуд
 сотвори (3)
 спасти
 спосѣкается
 споспѣшествомъ
 сприсносущному

стихия
 стоящу
 страдати (2)
 стражетъ
 страсть
 строящему
 супруги
 сѣть
 существомъ
 сынъ (4)
 ся
 тайны
 тако (2)
 тварь (4)
 Творцу
 темницахъ
 теснотахъ
 той (3)
 тридневно
 трисолнечнаго
 тричислено
 Троица (2)
 трудѣхъ (2)
 ту
 ү
 үбо (2)
 украси
 үмни
 үмъ (4)
 үстъ
 үченики
 Февронии
 хвалимому
 ходя
 хотѣниемъ
 хотя
 хотящу
 Христосъ (5)
 царемъ
 ценою (2)
 человекъ (6)
 человеческу (3)
 чесому
 честною
 четыредесятный
 чину (3)
 чищенихъ

чюдотворении
 чюдотворецъ
 яко (8)

Житие свв. Петра и Февронии ПЕРВАЯ ЧАСТЬ (811 слово)

Агриков (5)
 аз (2)
 аки
 аще (3)
 вѣ (3)
 благовѣрный (2)
 блаженнаго
 блудъ
 во (2)
 воженю
 болезнь
 брат (18)
 вратися
 будетъ (2)
 будущий
 бы
 быти (6)
 вѣше (3)
 в (17)
 вѣк (2)
 вѣрныя
 вѣси (5)
 вземъ (2)
 видѣ (4)
 внѣ
 во (5)
 Воздвижение
 воспросиши (2)
 врачей
 времена (2)
 всего
 всели
 вскорѣ
 вслѣдъ
 встрѣти
 вся (2)
 гдѣ
 глаголати (5)

глаголѣ (2)
 господи
 град (2)
 да (7)
 дни (4)
 добра (4)
 ду́хѡм
 ды́хання
 дьявол
 его (8)
 е́дин (4)
 еже
 ей (2)
 е́мү (9)
 е́стеством (2)
 е́сть (7)
 еще
 же (51)
 желание
 женѣ (11)
 женсте́м
 животворящаго
 здѣ
 зело
 зѣмли
 злаго
 змиа (16)
 зрако́м
 и (48)
 иди (2)
 идү
 из (2)
 изрещи
 изыде (4)
 и́мѣя (3)
 и́менем (2)
 инү (2)
 ис
 искаше (2)
 искони
 исполнити
 исхода́тая
 исцеленна
 к (16)
 кажет
 како (7)
 керемидо́ма

ключи
 ключа́щаяся
 князь (12)
 когда
 кончинү
 коснѣ́вшү
 креста
 крови (2)
 лежаше
 лестнью (2)
 летящаго
 ли (4)
 лука́ваго (3)
 люде́м
 ме́жү
 мене́ (4)
 ме́ртвѣ
 ме́ч (8)
 мечты (2)
 ми
 ми́лостива
 ми́ѣ
 мно́г (4)
 мой (7)
 монастыри
 му́жа (3)
 му́жествене
 му́ром
 мы́сли (2)
 мы́сль (2)
 мя
 нѣ́кли
 нѣ́коего
 нѣ́сть
 на (4)
 над
 нам
 нанесү
 на́пред (3)
 нарече
 нарица́емый (2)
 нача (3)
 не́ (10)
 не́вѣ́дын
 недоу́мѣюся (3)
 ней (8)
 нелице́мѣрнаго

нем (2)
 ненави́дяи
 непри́язни (9)
 непще́ва
 непщү́я
 ни
 ни́гдѣ́ (2)
 ника́ко (4)
 ника́мо
 ничто́ (2)
 но (6)
 ны́нѣ
 ны́нешнем
 нь (2)
 о
 о́брѣ́тется (3)
 обы́чай
 одержани́и
 окро́пи
 олта́рной
 он (5)
 она
 о́сиан
 о́ста
 о́струпѣ́
 от (18)
 отро́ча (2)
 отсю́ду
 отше́ствии (3)
 Павел
 па́ки (3)
 па́мять
 Петро́ва (2)
 Петро́въ (5)
 плеча́ (2)
 по (6)
 повѣ́дати (6)
 подобна
 пока́жү (2)
 покло́нение
 полу́чи
 по́медлив (2)
 по́молитися
 по́мощию
 почте́нием
 поше́д
 предлага́ет

предстоящих
 предтече
 прендоша
 прелестник
 прелестный
 прелщен
 прелщением
 при
 призвав
 прииде (11)
 приимиши
 приснаго
 приходящим
 пронырьство (2)
 рѣчь (3)
 разумѣ
 рече (11)
 роду
 Русийстей
 с (5)
 съдѣяше
 съмо
 сам
 самодержьствуяи
 свѣм
 свободишися
 свое (23)
 се (2)
 себѣ (3)
 сей (6)
 сердци (3)
 си (6)
 снѣдѣща (2)
 снѣнѣния
 скарядѣ
 скважно
 словеса
 слышав (3)
 смерть (5)
 смрадно
 сносѣ (6)
 со
 сотворити (3)
 сохрани
 стенѣ
 сѹдию
 сѹинѣся

ся (3)
 Тѣмн
 тайну
 тако (2)
 тамо
 таяше
 твердо (3)
 твой (4)
 тебѣ (3)
 тезомениита
 ти (4)
 то
 той (10)
 токио
 трепетатися
 тяжка
 ү (4)
 үвити (4)
 үбо (6)
 үвѣрися
 үвѣси
 үдарн
 үединяся
 үмѣ
 үмысли
 хваля
 ходити (2)
 хошет (4)
 храма (2)
 храминѣ (8)
 Христа
 церковь (2)
 частѣ
 чего (2)
 человекъ
 человечю
 честнаго
 что (3)
 чюдѣхся (2)
 шед
 явися (4)
 язвы
 яко (11)
 яков

Житие свв. Петра и Февронии ВТОРАЯ ЧАСТЬ (1232 слова)

а (3)
 абы
 аз (4)
 аще (11)
 бѣ (6)
 баню (6)
 безо (4)
 благовѣрный
 благочестни
 бо (9)
 божних
 болѣзнь (3)
 брат (6)
 брегни
 бы (7)
 быти (15)
 в (32)
 вѣм (3)
 вашемү
 везете
 великия
 весь (3)
 вещь
 взаем (2)
 взаим
 взем (2)
 взыди
 видѣ (6)
 видѣнне
 виною
 вниде (4)
 внят
 во (7)
 возвратися (2)
 возмет (2)
 возможно
 возрастү
 вопрошаем
 восхотѣ
 врача (6)
 врачевание (2)
 врачевати (3)

врачество
 времени
 все (3)
 вскоре
 всяком
 высотѹ (2)
 въ
 гдѣ (2)
 глагола (14)
 гладко
 гнѣву
 годинѹ (3)
 гонзнет
 готовое
 град (2)
 гряд
 дѣлающѹ
 дѣло
 да (12)
 дары
 даст (5)
 девица (18)
 девичьи
 дивлеса (3)
 дни
 дом (10)
 древо (2)
 древолазца (2)
 древцѣ
 дѹнѹ
 дщи
 бгда
 его (6)
 един (11)
 еже (7)
 есть (20)
 же (65)
 женѣ (5)
 живет (2)
 живота
 жилищ (2)
 заец (2)
 замованный
 заповѣдей
 здѣ (2)
 здрав (3)
 здравствѹян

земли (3)
 змя
 зрѣти (4)
 зря (3)
 и (80)
 идѣже
 иде (6)
 иже
 из
 изыде
 имѣние (3)
 имат (5)
 именѹются
 нля (3)
 ннии
 искати (2)
 искусити
 исцеление (4)
 их
 к (19)
 како (2)
 камо
 кий (2)
 князди
 княгини
 князь (22)
 ко.мѹ
 кони
 красна
 крови
 кто (6)
 лѣсе
 лѣсти
 Ласково
 лаял
 летящаго
 ли (4)
 лнѹ (4)
 мал (4)
 мать (2)
 мати (2)
 меа
 мертваго
 ми (11)
 мног (7)
 мог
 мой (11)

мощен
 мѹдра (3)
 мѹдрости
 мѹжеска (2)
 Мѹром (2)
 мѹромскаго
 мы
 мысля
 мытися
 мя (4)
 мяхкосердѣ
 н (2)
 нѣкакн
 на (11)
 нави (3)
 наринающѹся
 начаша
 нашѹ
 наю
 не (20)
 невозможно
 некоего
 нелѣпо (2)
 неприязниваго
 ни (3)
 никого
 ни.мало
 ничто (2)
 но (4)
 ноги (4)
 нынѣ
 о (2)
 обвинѹся
 одержанин
 Он (19)
 Она (42)
 оставит (3)
 острѹпен (2)
 от (17)
 отвѣтѹх (3)
 Отецѣ (5)
 отечества
 от.мѣрив
 отонде
 отрече
 отрок (2)
 отсеки (2)

отчинѹ (3)
 очешѹ
 очи (3)
 пакн (3)
 пей
 перваго (3)
 пес
 Петръ (5)
 пещъ
 плакати (5)
 плач
 по (6)
 поѣхав (2)
 повѣда (4)
 повѣс.мо (3)
 повелѣ (3)
 повелѣннем (4)
 повести
 погребение
 подержав
 подобнѹ
 подробнѹ
 полѣнца (5)
 плотно
 полѹ
 полѹчи (2)
 помазал (6)
 помазание (2)
 помысли
 пондоша
 порты (2)
 посла (6)
 послушав
 почерпе
 пояти (5)
 пребѹдет (2)
 пред (2)
 предѣлех (2)
 предписах
 предстоящих
 преже
 привести (4)
 приготовит
 принде (9)
 принесе (2)
 приспѣ
 приятн (3)

про (4)
 простотѣ
 прося
 пядню
 рѣчь (2)
 ради (5)
 развие
 разѹмѣ (3)
 расходитися
 рек (21)
 рѹкою
 рцы (3)
 Рязаньскія (2)
 с (3)
 сѣмо (3)
 сам
 свой (18)
 се (6)
 себѣ (9)
 сей (9)
 снѣтън (3)
 снй (6)
 синклит
 сицева
 сказа (7)
 скача (2)
 скоро (2)
 слово (6)
 слѹга (6)
 слѹжан
 слыша (6)
 смерть
 смирен
 снем (3)
 сосѹдец
 сотворити (2)
 сочтется
 срациѹ (2)
 станъ
 странны
 строение (2)
 стрѹп (9)
 стѹдом
 сѹпрѹга (2)
 сѹпрѹжник
 сѹть (6)
 съ

тѣло (2)
 тѣх
 таково (6)
 тамо (2)
 твердостню
 твой (5)
 тебѣ (2)
 телѹ
 ти (2)
 ткаше
 то (2)
 тобою
 той (8)
 требовати (4)
 тѹ
 тя (5)
 тяжкѹ
 ѹенл
 ѹбо
 ѹбрѹсець (2)
 ѹбравевати (6)
 ѹзрѣв
 ѹклонися
 ѹмѣ
 ѹрватися (2)
 ѹстнѹ
 ѹтинок (3)
 ѹтрин
 ѹчинит (2)
 ѹчредити (2)
 ѹши (3)
 Февронія (2)
 хотя (4)
 хранинѣ (4)
 храмѹ (3)
 час
 человекѣ (3)
 чрез (4)
 что (3)
 чюв (3)
 чюдеси
 чюдно
 шед (3)
 юноша (8)
 язвы (4)
 яко (16)

**Житіє свв. Петра и
Февронии
ТРЕТЯ ЧАСТЬ**
(1395 слов)

а (3)
аз (2)
аки (2)
алчныя
амо (2)
аще (8)
бѣ (7)
бѣдныя
без (3)
безстудия
безстудныя
благовѣрный (3)
благовѣстни
благослови
благочестное
блаженная (3)
блаженному (10)
бо (13)
богатѣюще
богатество (3)
богогласный
богородица (4)
богъ (6)
божий (4)
боляре (5)
бояся
брате
брега (2)
брѣзѣ (2)
будущаго
бывает
быти (17)
бѣше
в (24)
вѣдуще
вѣроу
вѣтви (2)
вам (4)
велико (2)
вельможа (3)
весели
весь

вечеру (3)
вещает
взем (3)
взнимает
виде (2)
висяху
властию
вложиста (4)
вмени
вметати
внѣ (2)
внегда
внутрь (5)
во (16)
вода (4)
возвратишася (2)
Воздвижения (2)
воздух (4)
возлюбн
возмета (2)
возрѣв
волею
воспрошу
восхощет
вотче
враг
временнаго
время (3)
всѣм (11)
вскоре
встати (3)
вторницею
въ (7)
гаки
глаголя (12)
гладна
гласы
гонзнув
гордостн
Господи (2)
господине
господних
господьствует (3)
Госпоже (3)
готовляху
грабленія
град (18)

гроб (12)
дѣло
да (17)
Давидъ (4)
дай (3)
даръ (2)
два (2)
день
державствовать (2)
держаше (2)
десять
дни (2)
до
добраго
добровонный
доволно (2)
домы
дошню
древне (5)
другую
душа
егда (2)
един (18)
еже (2)
елнка
естество
есть (8)
Еуангелію
Еуфросинна (4)
еще
жду (2)
же (86)
жена (7)
женско (2)
животѣ
животворящаго (2)
житна (2)
за (2)
заповѣди (4)
злочестивни
злый (2)
и (62)
иглу
иже (3)
из
избавляюще
изгубиша

или
 и.мѣти (7)
 ина (4)
 иноческом (2)
 искꙋснѣти (2)
 испити (2)
 истесати
 истинна (2)
 исходит
 исцеление
 июня
 к (14)
 како
 ка.мени (2)
 книждо (2)
 клятвою
 княгини (9)
 князь (20)
 коегождо
 котлы
 креста (2)
 кромѣ
 кротостню
 крохѣ (2)
 купно (2)
 лающе
 ли
 ливан
 лики
 лице
 лнствнѣ (2)
 лꙋкаваго
 любим
 любовь
 любяхꙋ (2)
 люднѣ (5)
 мало (3)
 манастири
 мати
 Матфѣй
 межꙋ
 месяца
 меча
 милостивый
 милостынях
 мнѣ
 мнишестѣм

.мнози (2)
 .моего
 .молбах
 .молн.м (2)
 .мощей
 Мꙋро.ма
 .мы (7)
 .мыслей
 .мыслиши
 .мятꙋщеся
 нѣкогда
 нѣкто (2)
 на (14)
 навадити
 нагия
 над (2)
 нан.мника
 напастн
 наполни (2)
 наречен (7)
 народом
 насыщающе
 начат (3)
 наши (3)
 нашив
 не (20)
 неистовни
 неоскꙋдно
 непрестанных
 неразлꙋчна
 неразꙋмни
 неꙋгодно
 ни (4)
 низшетѣ
 нитью
 ничто
 нншеския
 но (5)
 нынѣ
 о (5)
 обѣдꙋ
 обѣдꙋет
 оба
 обещал (2)
 облекошася
 обличн
 обрѣтоша (4)

образѣ
 общий
 обычай (2)
 одевающе
 одержание
 оженится
 Ока
 он (28)
 она (30)
 они (22)
 оправданных
 особый (5)
 оставит (7)
 остаточное
 от (12)
 отвеща
 отецъ
 отечества
 отечестве
 отнимающе
 отонти (5)
 отрече
 Павел
 паки (5)
 пастыря
 Петрѣ (18)
 пирѣ
 пит (2)
 пловꙋще
 по (11)
 поѣдꙋ
 повѣле (7)
 поварѣ
 погнвоша
 под (2)
 пожди
 положить (4)
 помолвися
 помыслѣ (3)
 помышляти (2)
 понеже
 порока
 послав (2)
 поставят (3)
 потче
 почерпе (4)
 почто

праведно
 правяще
 превертѣ
 преграду
 предаста
 Предивная
 предреченный
 предстоящих
 прекословия
 преложиша
 прелюбодѣйнаго
 прелюбы
 преподобная (2)
 Преподобный
 пресвятыя
 преста
 преставитися
 преставление (5)
 пречистыя (4)
 принимают (2)
 принде (4)
 прим (3)
 прикоснѣтися
 приришѣще
 присла (2)
 приспѣ (2)
 прогнѣвахом
 прозрѣнпя
 промысленик
 просвещение
 проси (4)
 прославляющѣ
 простирати
 пси
 пѣстит
 пятый
 рѣша
 раб (2)
 равна (2)
 ради (4)
 развед
 развие
 раздражихом
 разнесоша
 разрѣшит
 разѣмѣв
 раце

река
 реки
 рецѣ (19)
 риз (2)
 Рождества
 рѣку (5)
 рѣхло
 с (5)
 самодержец
 сам (6)
 самодержавства (2)
 самодержец (4)
 самодержествует
 свое (21)
 святаго (4)
 святая (8)
 святини (3)
 себѣ (6)
 Сей (7)
 сестро
 си
 сирых
 сице
 скончавшѣся
 скорби
 слажеша
 словеси
 слѣжити
 слышим
 смѣяхѣ
 смерти
 смиреннем
 со (4)
 соборная (5)
 собою
 совѣт
 сотворити (4)
 спасение
 ставитися
 стола (3)
 странныя
 странѣ (2)
 сѣна (4)
 сѣды (3)
 сѣпруга
 сѣщим
 съ

сю
 ся
 тѣло (3)
 тѣм
 тако
 таковая
 творец
 творит
 тебѣ (9)
 телеса (3)
 ти
 тѣннаго
 то
 тогда
 Той (14)
 токо (2)
 точѣ
 тощ
 третицею
 тщи
 тя (4)
 ѹ (7)
 ѹбо (6)
 ѹведѣ
 ѹже (5)
 ѹмѣ
 ѹметы
 ѹмолиша
 ѹмыслиша
 ѹсты
 ѹтре
 ѹтрна (4)
 ѹчредити (3)
 Февронна (14)
 финиян
 ходяще (2)
 хотя
 хотя
 хотяхѣ (14)
 храм (2)
 церковь (9)
 чадолюбивни
 час
 человекѣ (3)
 часом
 честнаго (3)
 чинѣ (3)

чюжна
шествѹя
шнѣ (4)
щадыще
я
ядѣ
яко (25)
яроути (3)

**Житіе свв. Петра и
Февронии
ПОХВАЛА ВЯТЫМ
(275 слов)**

аминь
аще (2)
без
безначалным
благим
благодать (2)
благословеніем
во
Бога (2)
Божия (2)
высть
в (4)
вѣдуще
вѣки (2)
вѣрою (2)
вѣтви
ваше
велико
венца (2)
венчани
владыки (2)
власть
во (3)
возрасте
волею
всѣхъ
всяка
въ
вы (10)
выше
главо (2)
гордостн
грѣшен

гровѣ
груб
да (3)
даръ
дасть (2)
дѣвственней
днвная
доблествене
древне
духом (2)
его (2)
едину
еже
елико
ѣмѹ
есн (3)
есмь
есте
же (5)
женстей
животворящим
заповеди
земли
змя
и (22)
изнесоша
има (3)
инни
истинным
исцеление
к
ко
коснѹхся (2)
купно
лежаще
летящаго
листвне
малое
мене (2)
милостынн
моление
молим
молитвахъ
мѹдрость
мѹж
мы (2)
мыслин

на (6)
надѣся
написали
нашей
не (3)
невѣстѹхъ
невѣдын
невидимо
недѹги
неразлѹчно
нетленным
но (2)
нося
нощъ
нынѣ
о (2)
общаго
одержаннн
остатн
от (3)
отступн
Отцемъ
память
Петре (3)
плеести
по (4)
подаете
подобаеъ
пожиста;
поклонение
помолитесь
помянете
почтити
преблуженная (2)
прегрѣшнаго
предстоита
преподовная
преподовства
пресвятымъ
преставленни
претерпел
приложим
присно
приходящимъ
прославлени
ради (2)
радѹйся (6)

радуйтася (2)
 с (2)
 самодержьства (2)
 свнпрѣпаго
 своем
 своея
 святых
 сие
 силе
 скорби
 слава
 славный
 слышах
 смерти (2)
 смиренни

смирненнаго
 со
 списавшаго
 струпы
 супруга (2)
 сѣть
 тѣм
 твоим
 творящих
 теле (2)
 ти
 трудихся
 ѹ
 ѹбити
 ѹбо

ѹплетения
 ѹповая
 Февроние (3)
 хвалами
 хваление
 хвалы
 хотѣх (2)
 Христосъ (4)
 целити
 честная
 честь
 щедроты
 юности
 язвы
 яко (9)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ ВИДОВЫМ ФОРМАМ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Людмила Владимировна Кулакова

(Россия, 198217 Санкт-Петербург, п/о 217, до востребования)

Изучение видового функционирования в настоящее время связано с закономерностями двух уровней – предложения, где определяющую роль играет категориальная видовая семантика, и текста, где различные аспектуальные отношения служат одним из способов внутритекстовых связей и сохранения текста от разрушения.

Аспектологический анализ фрагментов художественного текста дает возможность выделения и последующей типизации аспектуально значимых текстовых единиц, на основе которых строится система, обучающая употреблению видовых форм в монологической речи.

Выделение типового учебного материала при обучении глагольному виду на материале художественных текстов возможно при наличии системы критериев, разработанных на основании принципов отбора грамматического материала. В свою очередь принципы отбора материала соотносятся с методическими принципами обучения русскому языку как иностранному. И обучение грамматике необходимо осуществлять в процессе речевой деятельности при сознательном осмыслении подлежащего усвоению материала. При коммуникативно-системном подходе к преподаванию грамматики учитываются те методические принципы, в которых отражаются требования к отбору и организации грамматического материала: комплексность, взаимосвязь лексики и грамматики, синтаксиса и морфологии, синтаксическая основа организации изучаемого материала. Комплексность при изучении глагольного вида на основе текста понимается как тесная связь синтаксического и морфологического аспектов не только на уровне предложения, но и на уровне текста.

Взаимосвязь лексики и грамматики ясно прослеживается на всех этапах обучения глагольному виду. На начальном этапе некоторые методисты предлагают обучать глагольному виду исключительно на лексической основе. Подобный подход представляется перспективным, т.к. традиционное обучение на морфологической основе в пределах одной видовой пары, функционирующей в одинаковых контекстах, нейтрализует видовые различия. Вид как морфологическая категория в неславянских языках отсутствует и усвоение видовых различий неславянами должно опираться на смысловые структуры родного языка, выражающие соответствующую "зону смыслов". Данное положение относится не только к

начальному этапу обучения употреблению видов, но и к основному. На основном этапе обучения тесная связь лексики и морфологии ярко раскрывается при изучении способов глагольного действия, которые не представляют собой грамматические категории, оставаясь в рамках лексических различий. Морфологическое значение глагольного вида и лексическое определенной группы способов глагольного действия так взаимосвязаны, что учащиеся воспринимают семантическое значение одной группировки способов глагольного действия, например, начинательного, как общее значение совершенного вида (далее СВ).

При обучении глагольному виду на синтаксической основе связь лексики и морфологии раскрывается в необходимости употребления определенных видовых форм в зависимости от лексических показателей процессности, повторяемости, мгновенности действия и с учетом синтаксической структуры предложения. В надфразовом синтаксисе эта связь остается столь же тесной, т.к. указанные показатели могут влиять на выбор формы не только на уровне изолированного предложения, но и на уровне текста.

Из сказанного можно сделать вывод: при коммуниктивно-системном подходе типовой текст как единица обучения глагольному виду, организованная на синтаксической основе, раскрывает тесную взаимосвязь лексики и грамматики, синтаксиса и морфологии.

В традиционной методике отбор материала для обучения основан на лингвистических критериях, отражающих функционирование видов в ограниченном контексте. Главный критерий отбора – частотность употребления глагольных форм времени и наклонения в соответствующих видовых функциях. Принцип коммуникативной необходимости и достаточности реализуется в системе критериев, определяющих употребление определенной видовой формы в соответствующей речевой ситуации, в которой и определяется коммуникативная установка говорящего, влияющая на выбор вида. В настоящее время системы подобных критериев не выработано, т.к. типология речевых ситуаций (на уровне короткого диалогического единства или изолированной фразы) находится в стадии разработки.

Типовой текст – единица обучения глагольному виду. Для отбора текстовых фрагментов предлагается следующая система критериев:

1. Стилистическая маркированность текста – принадлежность к художественному стилю. Данный критерий реализует принцип коммуникативной необходимости и достаточности.

Тексты и текстовые фрагменты из художественных произведений способствуют формированию навыков и умений продуцирования монологической речи в социально-культурной сфере общения, значение кото-

рой на основном этапе обучения возрастает в связи с общим снижением мотивации в изучении русского языка иностранными студентами.

Видовые ошибки – помехи в восприятии и порождении текста, т.е. в коммуникативном акте. Художественный текст наиболее насыщен глаголами в разных видовых функциях, что повышает его значимость и необходимость использования в обучении по сравнению с текстами других стилей. Указанный критерий учитывает принцип мотивации, т.к. художественные произведения значительно повышают интерес к изучаемому языку, оказывают воздействие на чувства и эмоции, повышают речевую культуру, развивают чувство языка. Значимость эмоционального фактора для воспитания устойчивой познавательной мотивации при овладении русским языком заставляет обращаться к художественной литературе во всех формах обучения. Художественный текст, в силу своей специфики, несет большую психолингвистическую информацию о языке, о своеобразии его функционирования в культуре и жизни народа. Это определяет влияние художественной литературы на активизацию эмоционально-мотивационных механизмов усвоения. Таким образом указанный выше критерий соотносится и с принципом методической целесообразности: при использовании художественного текста в обучении видовым формам активность студентов повышается, эффективность усвоения возрастает.

Целесообразность использования художественного текста в качестве материала для обучения глагольному виду подтверждается данными выборки глаголов СВ и НСВ из "Частотного словаря русского языка" под редакцией Л.Н. Засориной (1977). Среднее количество глаголов, функционирующих в тексте художественного стиля составляет 6,8, в тексте научно-публицистического – 3,9. Частотность употребления глаголов в художественном тексте почти в два раза выше. Существенно и качественное различие в употреблении видо-временных форм в художественном и научном стилях речи. Тексты научного стиля не отличаются разнообразием видовых форм глагола: преимущественно употребляются глаголы НСВ в настоящем времени.

2. Второй критерий, по которому проводится отбор текстов, принадлежность к определенным, в терминологии О.А. Нечаевой (1974), функционально-смысловым типам речи, из которых мы рассматриваем описание и повествование. Выделяемые на основе функционально-смысловых типов речи текстовые фрагменты соответствуют реальным коммуникативным актам и являются образцами для построения собственных монологических высказываний.

Анализ видовой соотносительности во фрагментах, представляющих указанные выше функционально-смысловые типы, позволил сделать вывод о преимущественном функционировании глаголов НСВ в описа-

нии и глаголов СВ – в повествовании. Отбор учебных художественных текстов, основанный на функционально-смысловой типологии речи, создает предпосылки для формирования навыков и умений в употреблении вида в соответствии с функционированием их в реальных коммуникативных актах.

3. Смысловая законченность фрагментов выступает в качестве третьего критерия при их отборе. Все предложения во фрагменте связаны единством содержания, развитием одной мысли, составляют одну микро-тему. Смысловую законченность текста или фрагмента организует такой психологический фактор как "влияние (вливание) смыслов" (Выготский 1956), что также учитывается при отборе текстов. "Влияние смыслов" осуществляется и на уровне функционирования форм глагольного вида в тексте. Функциональная зависимость видовых форм в тексте обусловлена не столько языковым значением каждой отдельной формы, сколько тем смыслом, который заложен в этом значении и в окружающем контексте.

4. Четвертый критерий – структурная заданность текста или фрагмента. Большая часть фрагментов состоит из трех частей: экспозиции, основной части или реализации экспозиции и заключения. Функционирование видовых форм, смена глаголов СВ и НСВ связаны со структурно-композиционным построением текста. В экспозиции, представляющей одно-два предложения, могут выступать как глаголы СВ, так и НСВ. И те, и другие выполняют обобщающую функцию и подготавливают к восприятию дальнейшего сообщения, переход к которому в зависимости от типа текста знаменуется сменой видовой глагольной формы. Глагольные действия и состояния в основной части практически всегда выражены формами одного вида. Грамматическим средством оформления заключающей части может быть изменение видо-временного плана, реализованного в основной части. В других случаях это – прерывание цепи однородных сказуемых, выраженных глаголами СВ, с помощью некоторых союзов (*и, но*).

5. При вычленении фрагментов последовательно учитывался такой фактор как насыщенность их глагольными формами, вид и видовая функция которых характерны для соответствующего типа текста: конкретно-фактическая функция глаголов СВ реализуется в динамических текстах, для процессных характерно употребление глаголов НСВ в конкретно-процессной функции и т.д.

В данном критерии реализуется принцип связи грамматики с лексикой: для обучения отбирались те тексты, в которых имелись лексические показатели аспектуальности: процессности, повторяемости, однократности, помогающие студентам при восприятии материала правиль-

но определить тип аспектуальной макроситуации и вид глаголов, а при воспроизведении правильно употребить.

6. В систему критериев входит также связность фрагмента. Наряду с основными способами связи между предложениями, к которым относятся союзы и союзные слова, указательные и анафорические местоимения, лексический повтор, соотношение временных форм глаголов-сказуемых, мы выделяем видовую соотнесенность глагольных форм, которая имеет место как при "цепном" соединении предложений, так и при "параллельном" (Солганик 1973). Единый аспектуальный план, т.е. употребление форм одного глагольного вида на протяжении всего фрагмента, часто является основным формальным средством, при параллельном соединении предложений.

7. Седьмой критерий определяет размеры выделяемых для обучения текстов фрагментов, которые содержат от 2-х до 9-10-ти предложений. Количество глаголов, функционирующих в выделенных текстовых единицах, колеблется от 3-х до 11-ти. В определении протяженности фрагментов учитывались методические, лингвистические и психологические факторы: уровень знаний о функционировании видовых форм в тексте, навыков и умений употребления этих форм в монологической речи, данные о возможностях кратковременной и долговременной памяти, когда имеет значение "магическое" число 7 ± 2 .

8. Восьмой критерий – художественная ценность и лингвистическая значимость отобранных текстов. Повышение речевой культуры студентов, особенно обучение их умениям не использовать в монологической (научной, публичной, художественной) речи вульгарных, жаргонных и просторечных слов и выражений, возможно при использовании лучших в языковом отношении образцов русской прозы XX века. Материалом для отбора послужили произведения М. Алданова, Е. Андреевой-Бальмонт, Б. Зайцева, Ю. Казакова, К. Паустовского, В. Распутина, А. Толстого и других писателей.

Аспектологический анализ выделенных фрагментов проведен в традициях ленинградской аспектологической школы и в соответствии с теорией и методикой анализа видо-временных форм русского глагола в языке художественных произведений, которые были заложены В.В. Виноградовым (1980). Рассматривая глагольные формы в единстве временных и видовых значений, он определил их стилистические функции и композиционно-синтаксическую роль в структуре художественного повествования (в "Пиковой даме" А.С. Пушкина). Концепция В.В. Виноградова получила свое дальнейшее развитие в многочисленных исследованиях русских и зарубежных аспектологов. В России в последние десятилетия видовые функции на уровне целостных художественных текстов и фрагментов изучались в работах Ю.С. Маслова (1984), А.В. Бондарко

(1982), Е.А. Иванчиковой (1976), Е.Н. Прокопович (1982), Л.М. Лосевой (1980), В.П. Лунёвой (1966), Т.А. Калабуховой (1981) и многих других.

В основу выделения и классификации аспектуально значимых текстовых единиц положен тип видового контекста (ТВК), разработанный А.В. Бондарко (1971). Идея ТВК нашла свое отражение в практике преподавания глагольного вида. Употребление вида в изолированном предложении обусловлено как языковыми (лексическое значение глагола, значение грамматической формы времени и наклонения, лексические и грамматические показатели аспектуальности), так и речевыми факторами, основным из которых является коммуникативная задача говорящего.

Функционирование видовых форм в тексте также зависит от перечисленных факторов. Вместе с тем исследованный текстовый материал показывает зависимость использования форм глагольного вида от общего смысла высказывания, от структуры, от стиля и типа речи, реализованных в тексте. Направление аспектологического анализа от семантики к средствам ее выражения дает возможность учесть все элементы высказывания и экстралингвистические факторы, участвующие в выражении аспектуальных отношений во фрагментах текстов.

Принятый нами подход к анализу видовой соотносительности потребовал введения нового понятия **"аспектуальная макроситуация" (АМС)**, в которой рассмотрены **различные комбинации аспектуальных ситуаций, образующие законченный смысловой блок**. Фундаментом для выделения и типизации АМС послужила теория аспектуальных ситуаций А.В. Бондарко (1983). Исследование текстовых фрагментов позволило выделить следующие АМС: процессную, комбинированную процессно-фактическую, макроситуацию повторяющегося действия и динамическую. Каждая из них образует особый тип, обладающий своим набором постоянных и переменных признаков. **Процессная АМС** имеет следующие постоянные признаки: перцептивность (наблюдаемость), конкретность места, локализованность во времени, неограниченность глагольных действий пределом. Примером процессной АМС может служить следующий фрагмент текста:

"Однажды Никита сидел на гребне канавы, у дороги, и, подпершись, глядел, как по берегу верхнего пруда, по ровному зеленому выгону ходит табун. Почтенные мерины, опустив шеи, быстро рвали еще короткую траву, обмахивались хвостами; кобылы поворачивали головы, поглядывая, здесь ли жеребенок" (А. Толстой, Детство Никиты).

Наряду с постоянными признаками процессную АМС характеризуют переменные, к которым относятся единичность и одновременность процессных действий, незамкнутость процессного ряда и целостность

временного периода. В процессной АМС функционируют глаголы НСВ преимущественно в конкретно-процессной функции.

Различные сочетания глаголов СВ и НСВ, соотношения процессов и фактов характеризуют **комбинированную АМС**. Типизация комбинированных АМС (далее – КАМС) может быть только относительной ввиду сложности и многообразия аспектуальных связей в художественных текстах. Определение КАМС: **локализованная в пространстве и времени, комбинированная макроситуация, включающая одно или несколько действий, выраженных глаголами СВ в конкретно-фактической функции или НСВ, процессный, замкнутый/незамкнутый ряд или динамический ряд – "цепь" или "пучок" СВ, вместе составляющие единый смысловой блок**. Анализ КАМС показал, что при отсутствии обычных средств связи только видо-временная соотнесенность глагольных форм и зависимость наблюдаемых глагольных действий от экспозиции перцептивности, то есть от введения в ситуацию наблюдения (визуального, слухового и т.д.) служат средствами связи предложений в текстовое единство. Примерами реализации КАМС являются два следующих фрагмента текста:

"Они подъезжали к Неве. Луна скрылась, стало совершенно темно. Вдруг слева где-то вдали гулко прокатился выстрел. Дамы вскрикнули. Никонов поднял голову. Встрепенулся и Витя. Кучер оглянулся с испуганным выражением на лице. За первым выстрелом последовали другой, третий. Затем все стихло" (М. Алданов, Ключ).

"Он остановился и поднял бобровый воротник шубы, глядя с усмешкой на Брауна, который внимательно его слушал. Они стояли у моста над Зимней канавкой. По Миллионной длинным ровным рядом мерцали желтые огни. Два высоких фонаря по сторонам от Эрмитажного подъема заливали дрожащим светом фигуры каменных гигантов с заломленными за голову руками. Впереди на белом поле темнела тень колоссального дворца. Свет луны играл на снежной пелене Зимней канавки. За нею справа делился матовыми пятнами бесконечный синеватый простор, где-то далеко мигавший разбросанными огоньками" (М. Алданов, Ключ).

В обеих КАМС присутствуют признаки перцептивности, конкретности места, локализованности во времени, но в первом случае в экспозицию перцептивности вводит процессный глагол НСВ *подъезжали*, далее следует "пучок" одновременных динамических действий, выраженных глаголами СВ. Два последних действия "выпадают" из "пучка", т.к. являются последовательными и знаменуют завершение КАМС и смысловую законченность фрагмента.

Во втором отрывке в экспозиции перцептивности два глагола СВ, за которыми следует процессный ряд из семи глаголов НСВ, представляющих картину наблюдения.

В комплексе признаков, характеризующих АМС повторяющегося действия, наиболее значимым, особенно для обучения иностранцев, является признак обусловленности видовой семантики АМС видом глагола в первом предложении, который определяет аспектуальную перспективу, т.е. обязательное употребление аналогичных видовых форм на протяжении всей АМС. Пример данной АМС:

"На масленице мы не учились три дня. Я не любила эти праздники. С пятницы мы начинали есть за завтраком блины. Нам не давали больше шести маленьких тоненьких блинов, и я с большим усилием съедала четыре. Мальчики смеялись надо мной и хвастались, что могут съесть десять. Я из молодечества давилась пятым, но больше не могла. И в субботу были блины, в воскресенье – блины для гостей с зернистой икрой и большой сибирской рыбой" (Е. Андреева-Бальмонт, Детство в Брюсовском переулке).

Рассмотрим динамическую АМС на примере аспектологического анализа отрывка из рассказа Ю. Казакова.

"На лугу уже начался сенокос. Мы с тобой сели в еще не кошенной траве и цветах, и я утонул в них по плечи, ты уже ушел в них головой. Я вспомнил о яблоке, достал его из кармана, до блеска натер о траву и дал тебе. Ты взял обеими руками и сразу откусил и след от укуса был подобен беличьему" (Ю. Казаков, Во сне ты горько плакал).

В первом предложении глагол СВ *начался* в конкретно-фактической функции раскрывает динамичность конкретной ситуации, в которой действует два героя (отец и маленький сын) и сообщает о совершившемся факте.

Так же, как и в ранее проанализированных АМС, в рассматриваемой присутствует постоянный признак конкретности места.

Глагол *начался* является первым в цепи последовательных и параллельных действий и состояний, выраженных глаголами СВ. Следующий за ним глагол *сели* параллелен по отношению к первому, вводящему в динамическую ситуацию. В то же время глагол *сели* – первый в цепи последовательно сменяющихся глагольных действий *утонул, ушел, вспомнил, дослал, натер, дал, взял, откусил*. Одним из переменных признаков, характеризующих данную АМС, является "замкнутость цепи" глагольных форм СВ. "Цепной" ряд можно было бы продолжить, если бы не союз *и* с последующим за ним кратким прилагательным *подобен*, которые

обеспечивают "замкнутость цепи", завершенность АМС и законченность фрагмента.

* * *

Как показал опыт работы с венгерскими студентами основного этапа обучения и анализ видовых ошибок, допущенных ими в монологических высказываниях в устной и письменной речи, обучение видовым формам русского глагола на основе системы АМС целесообразно и эффективно.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко, А.В. 1971, *Вид и время русского глагола*. М.: Просвещение.
- Бондарко, А.В. 1982, Грамматические категории слова в тексте и в системе языка (на материале глагольного вида). В кн.: *Русский язык: Текст как целое и компоненты текста*. М.: Наука.
- Бондарко, А.В. 1983, *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Л.: Наука.
- Виноградов, В.В. 1980, Стиль "Пиковой дамы". В кн.: Он же, *О языке художественной прозы*. М.: Наука, 203–240.
- Выготский, Л.С. 1956, *Избранные психологические исследования: Мышление и речь*. М.: Изд-во АПН РСФСР.
- Засорина, Л.Н. (ред.) 1977, *Частотный словарь русского языка*. М.: Русский язык.
- Иванчикова, Е.А. 1976, Видо-временной контекст в художественном повествовании. В кн.: Золотова, Г.А. (отв. ред.), *Синтаксис и стилистика*. М.: Наука, 272–282.
- Калабухова, Т.А. 1981, Употребление видовых форм в отрицательных структурах как средство организации связного текста. В кн.: *Функционирование синтаксических категорий в тексте*. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена.
- Лосева, Л.М. 1980, *Как строится текст*. М.: Просвещение.
- Лунёва, В.П. 1966, Выражение отношений последовательности в повествовательном сложном синтаксическом целом. В кн.: *Вопросы словосочетания и предложения в русском языке*. Волгоград.
- Маслов, Ю.С. 1984, *Очерки по аспектологии*. Л.: Наука.
- Нечаева, О.А. 1974, *Функционально-смысловые типы речи: Описание, повествование, рассуждение*. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во.
- Прокопович, Е.Н. 1982, *Глагол в предложении: Семантика и стилистика видо-временных форм*. М.: Наука.
- Солганик, Г.Я. 1973, *Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое)*. М.: Высшая школа.

СЛЕНГ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕГО ВЕНГЕРСКИЙ ПЕРЕВОД (ЧАСТОТНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНВАРИАНТНЫХ КОМПОНЕНТОВ)

Иштван Феньвеш

(Fenyvesi István, H-6726 Szeged, Fésű u. 3/B)

1. Как сленг, так и его перевод на другие языки представляют достаточно неизученную сферу. Сложность проблемы обусловлена **принципиальным отличием** этого языкового материала от других языковых слоев.

1.1. Пушкин, как известно, в свое время подвергался гонениям консервативной критики за обилие "мужичких", просторечных слов в "Руслане и Людмиле", хотя они все были частью общенародного языка.

С другой стороны, словечки картежников в "Пиковой даме" или жаргонные слова заключенных в "Записках из мертвого дома" и в "Воскресении" вносили в эти произведения всего до десятка специфических слов, которые оказывались лишь рассыпанными осколками в словесном море данного произведения.

1.2. В современных же русских произведениях, изобилующих сленговой лексикой, употребляется лексика, до последнего времени находившаяся вне закона. (И в буквальном смысле: от Земской знаем, что изучение не только сленга, но даже просторечий, этой, как тогда писали, "мусорной свалки", в брежневские времена объявлялось нежелательным.¹)

1.3. У современных репрезентантов сленг в силу своего насыщенного присутствия уже перестает быть лишь "языковым средством", он создает как бы свою имманентную среду, составляет часть картины мира автора. Глубинное объяснение этому явлению дал один из наших авторов, Юз Алешковский: "Наш великий, могучий, свободный" в советскую эпоху "попал в зловонную камеру. Он постепенно превращается в доходягу, потерявшего достоинство и здоровье, вышибают из него Дух!"²

Как оказалось при собирании материалов для словаря русского сленга, несколько или даже десяток сленговых слов встречалось в большинстве повестей и романов русских писателей 20 века, а также во многих стихах самых известных поэтов во все периоды истории этой литературы. В русской прозе же двадцатых годов появились уже относительно "густо населенные" сленгом произведения – "Ватага" В. Шишкова, "Вор" Л. Леонова, "Рвач" И. Эренбурга и "Растратчики" В. Катаева и многие другие. А ощутимо значи-

---

¹ Е.А. Земская – Е.А. Розина, О словаре современного русского сленга: Принципы составления и образцы словарных статей. *Русистика* 1994, № 1-2, 98.

² Цит.: М. Рошин, Юз и Советский Союз. *Огонек* 1990, № 41, 9.

тельное количество сленга в произведениях таких современных писателей, как Аксенов, Юз Алешковский, Веллер, Войнович, Довлатов, Вен. и Викт. Ерофеевы, Кибиров, Лимонов, Медведева, Сорокин и многих других, порождает, по известному закону диалектики Гегеля, уже новое качество.

2. В этой статье, являющейся второй³ из серии, посвященной переводу трех современных повестей (Василий Аксенов: "Бумажный пейзаж", Юз Алешковский: "Кенгуру", Леонид Габышев: "Одлян или глоток свободы") на венгерский язык ("Tájkép papírból", "Kenguru", "Dúvadnevelde"), мы коснемся лишь некоторых сторон специфики русского сленга, но анализ языкового материала будем проводить с учетом нашего интереса именно к переводу, т.е. в целях выявления инвариантных компонентов темы сленга.

3. Сленг как строительный материал художественного произведения не имеет разработанной методики его изучения. В поисках таковой на данном этапе наиболее экономным путем нам представляется частотно-семантическая методика. Дело в том, что важнейшим из условий изучения сленга в художественной литературе является экзактное измерение не просто наличия, но и частотности слов, относящихся к этой области, поскольку частотность языковых единиц всегда ярко характеризует как данную языковую и культурную эпоху, так и данного автора.⁴ Такие подсчеты, однако, ни по суммарной, ни по общезыковой частотности,⁵ по крайней мере по русскому сленгу, раньше не проводились.⁶

Нами была предпринята попытка интертекстуального измерения, проливающего свет в т.ч. и на индивидуальную частотность у названных современных авторов – репрезентантов сленга. Было проведено сплошное расписывание у них сленговых слов (включением их в базу данных через шестиграфную компьютерную таблицу). Обработка (в значительно упрощенном варианте) следовала за методикой "Частотного словаря русского языка".⁷ Оттуда заимствованы и принципы аналитической грамматики (с. 12–19). Учи-

---

³ И. Феньвеш, Частотный словник русского сленга в трех современных повестях. *Сборник статей по русистике II*. Сегед: Juhász Gyula Tanárképző Főiskola, 1999: 59–66.

⁴ В. Шапошников, *Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отражении*. Москва: МАЛП, 1998: 128.

⁵ Н.Г. Комлев, *Слово в речи*. М., 1994: 180.

⁶ В "Частотном словаре русского языка" (под редакцией Л.Н. Засориной, Москва: Русский язык, 1977: 917–921) приводится паспортизация "некоторых слов, не зарегистрированных словарями" (всего ок. 200), но среди них нет ни одного сленга, что неслучайно при данном подборе источников из художественной литературы.

⁷ *Частотный словарь русского языка*. Под редакцией Л.Н. Засориной. Москва: Русский язык, 1977.

ывалась и методика опыта составления словаря частотности современной венгерской художественной прозы.⁸

Конкретной прикладной целью выявления **квантитативных** данных было установление центра и периферии, в частности, двух основных сфер, представляющих крайние показатели в корпусе всех (сленговых) слов авторов: а) важнейших инвариантов, оказавшихся в трех первых зонах и составляющих лидерный список употребляемости, б) широты зоны слов с частотой 1, характеризующей богатство словаря авторов.⁹ В предыдущей статье был опубликован весь сленговый корпус трех повестей с указанием встречаемости каждого слова у авторов (алфавитно-частотный словник), а также начало (первые три зоны, от 10 и выше) и конец (слова с частотой 1, для экономии места лишь выборочно, по буквам Б, В, К, Р, Ш) частотного списка.

В рамках же **данной** статьи, продолжающей ход мысли предыдущей, с помощью указанной методики мы рассмотрим важнейшие семантические сферы этой лексики в ее самых частотных проявлениях по следующим направлениям:

а) соотношение всего корпуса текста с изучаемой лексической сферой, сравнение высших частотных зон, лексические совпадения в 3 текстах,

б) семантическое распределение наиболее частотных слов вообще, и глаголов, в частности,

в) стратическое распределение изучаемой сферы по стилистическим подслоям.

4. Коротко об авторах и произведениях.¹⁰

4.1. "Бумажный пейзаж" (1982) зачинателя и долгое время лидера русского авангардного направления Василия Аксенова – сатирико-пародийная повесть о рядовом московском инженеру, в которой – через приключения персонажа, попадающего вслед за его письмом к Брежневу в невероятные приключения, в т.ч. и в тюрьму, а в конце концов в эмиграцию, в Америку, – писатель методом абсурда как бы пытается гармонизировать разваливающуюся действительность.

4.2. В повести "Кенгуру" (1974–75) Юза Алешковского, вышедшего – по определению И. Бродского – "из тюремного ватника"¹¹, сам писатель говорит о Фан Фаныче: "асоциальный тип. Он нигде не работает, я его считаю со-

⁸ *A mai magyar nyelv szépprózai gyakorisági szótára (1965–1977)*. Szerk.: Füredi Mihály – Kelemen József. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989.

⁹ *Частотный словарь...*, 1977: 927.

¹⁰ Повесть Аксенова переведена с издания Ann Arbor: Ardis, 1983. Мы пользовались этим же изданием. Повесть Габышева опубликована в "Новом мире", в № 6–7 за 1989 г. В отношении "Кенгуру" мы пользовались текстом 1 тома в собр. соч. в 3 томах (Москва: ННН, 1996).

¹¹ И. Бродский, Предисловие. В кн.: *Юз Алешковский, Собр. соч. в 3 томах, т. 1*. Москва: ННН, 1996: 10.

временным Робин Гудомн. [...] его кредо звучит так: не строить социализм, не участвовать в чуждой ему социальной жизни, он – вор-карманник международного масштаба [...]. [...] сюжет основной в том, что он, однажды попавшись в руки одного работника ЧК, был им предупрежден: ты будешь ждать момента твоего особо важного дела!"¹² Он ждал годами и десятилетиями, в нервном напряжении. Наконец, где-то в конце сороковых годов, он был вызван на Лубянку, ему был предложен выбор дел – от покушения на Сталина до отсоединения Таджикистана и присоединения его к Новой Зеландии. Он выбрал себе самое фантастическое дело, сочиненное электронной машиной – зверское изнасилование и убийство старейшей кенгуру в московском зоопарке в ночь с 14 июля 1793 г. на 5 января 1905 г. Эта дата, ее фантазмагоричность – ключ всего романа. Дальше – предварительное следствие, т. наз. судебный процесс, заключение в лагерь и освобождение – все полно совершенно невероятных мыслей и приключений, нагроможденных друг на друга с такой полнотой, которая питается как бы мыслью Достоевского: все это настолько неправдоподобно, что встречаемся с ним буквально каждый день.

Главная стилевая особенность этого (как и почти каждого) произведения Алешковского – исповедальность в манере сказа. "Рассказчик: бывшая или потенциальная жертва уголовного кодекса, излагает историю своей жизни в стилистике тюремных нар, тискает роман."¹³

4.3. Леонид Габышев, автор повести "Одлян или воздух свободы" (опубликована в 1989 г.) – представитель "жесточкого реализма". Одлянская колония для подростков-заключенных, быт которой он описывает на основе автобиографического опыта, – это современный "мертвый дом" Достоевского. "Жизнь, о которой он пишет, сильнее любого текста. Ее и пережить-то невозможно, не то что о ней повествовать."¹⁴

5.1. Наш тезис, высказанный выше о качественно новом характере текстов этой литературы в результате резкого возрастания в ней доли сленговой лексики по сравнению с упомянутыми произведениями классиков, подтверждается следующей таблицей.¹⁵

---

¹² Джон Глэд, *Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье*. М.: Книжная палата, 1991: 117.

¹³ И. Бродский, Ук. соч. 8.

¹⁴ А. Битов, Человек со шрамом. *Новый мир* 1989, № 6, 150.

¹⁵ Приводятся лишь наиболее важные таблицы, данные об остальных даются в авторском изложении.

автор	всего слов в тексте	число сленговых слов	общее число словоупотребления сленг. сл.	соотношение общего числа и всего текста
Пушкин	7728	13	26	0,33
Достоевский	103300	13	14	0,009
Толстой	150000	5	5	0,004
Аксенов	43000	237	376	0,87
Алешковский	49000	413	899	1,83
Габышев	61000	339	1330	2,18

Правда, требование равнопорционности выборок не могло быть соблюдено, т.к. взятые нами на анализ произведения современных авторов (они просматривались целиком) неодинаковы по объему (столбец 1): разница между двумя крайними составляет 41%. Это, однако, выравняется количеством как сленговых слов в них (ст. 2), которое ранжируется не по линии общего объема, так и их совокупного словоупотребления (ст. 3), в котором сохраняется та же тенденция, что и в объеме, но при более резком скачке от Акс. до Ал., чем от Ал. до Габ. Объяснение этих, казалось бы, капризных цифр будет дано ниже.

5.2. Значительное большинство лексических единиц во всех трех произведениях реализуется через неоднократное их употребление, в результате которого в совокупности покрывается немалое пространство сленгового текста. Рассмотренные произведения в этом аспекте представляют двоякую картину.

5.2.1. Наибольший разброс (причем через максимальную концентрацию) наблюдается в Габ., где первые 28 самых частотных слов (начиная с 10-кратного употребления) появляются в тексте 642 раза (= 48%). Это связано с описательным характером его повествования: здесь реалии колонии, как предметные (*параша*¹⁶ 'бак для испражнений в камере' 34, *воронок* 'автомашина для перевозки арестованных и заключенных' 20, *шконка* 'нары' 29, *кормушка* 'окошко в двери камеры' 12 и др.), так и личностные (*вор* 'член элиты колонии' 70, *рог* 'председатель совета воспитанников колонии' 59, *бугор* 'руководитель отделения в отряде воспитанников колонии' 50, *мент* 'милиционер' 41, *дубак* 'надзиратель' 31, *помогальник* 'зам. руководителя отделения в колонии' 27, *зек* 'заключенный' 26 и др.), равно как и обозначения действий, направленных людьми друг против друга (*дуплить* 'бить' 20, *мочить* 'убивать' 12, *морковка* 'скрученное жгутом полотенце, которым наносят удары' 12, *прописка* 'избиение новичка в камере' 11 и др.) в ходе повествования о жизни в закрытом пространстве исправительного заведения неизбежно снова и снова употребляются автором при каждом обращении к данной микротеме.

¹⁶ Значение слов дается лишь при первом упоминании.

Во вторую обширную зону здесь входят 72 слова, употребляемые 465 раз (34%), зато 231 слово (17% от общего числа) мы находим только 1–2 раза.

5.2.2. В двух других произведениях уже нет такой густоты, что сразу видно по отсутствию в них данных по высшим зонам: здесь данные не доходят дальше 15-кратного употребления. Зато – поскольку повествование в них как тематически, так и в смысле места и времени действия чрезвычайно разнообразно – сленговая лексика и в самых частотных зонах выходит за узкие тематические рамки.

В Акс. это 8 слов, встречающихся 10 раз и выше (*хрен* 'мужской половой член' 15, *слинять* 'уходить', *хавать* 'есть' 14, *гэбист* 'сотрудник КГБ', *просечь* 'понять' 13, *чувак* 'приятель' 12, *урка* 'уголовник', *шнифт* 'глаз' 11, *сука* 1. 'вор и вор в законе, изменившие закону', 2. 'тяжкое оскорбление' 10), 3 слова с частотой 9 (*бич* 'бродяга', *хипежить* 'кричать', *шмалять* 'стрелять'), 2 с 8 (*птюха* 'паек', *хмырина* 'противный человек'), 2 слова с 7 и 4 слова с 6. Все вместе они дают до 194 употребления (54%).

В Ал. спектр наиболее частых слов еще шире. Здесь в высшую зону (10–15) входят 12 слов (*хрен* 15, *Кырла Мырла* 'Карл Маркс', *слинять*, *хавать* 14, *просечь* 13, *говно* 'испражнение', *кнокать* 'смотреть', *ласточка* 'женщина, девушка', *падла* 'противный человек' 12, *урка*, *шнифт* 11 и *сука* 10, всего 150 употреблений, 16%). Еще обширнее у него круг слов с частотой 6–9, которые употребляются всего 130 раз (14%). Это *понт* 'обман', *хипежить*, *шмалять* 9, *мусор* 'милиционер', *птюха*, *хмырина* 8, *жопа* 'задница', *канать* 'идти', *кемарить* 'спать', *ксива* 'бумага, документ', *фраер* 1. 'человек, не имеющий отношения к преступной среде', 2. 'жертва преступника' 7, *водяра* 'водка', *лопата* 'бумажник', *трекать* 'говорить', *хавать* 6. Вместе эти две зоны покрывают, следовательно, уже 30% сленгового пространства.

6. Немалый интерес представляет **распределение наиболее частотных слов по семантике.**

		Габ. (3 зоны) (28 слов: 10–70)	Акс. (2 зоны) (20 слов: 6–15)	Ал. (2 зоны) (31 слово: 6–15)
существит.	со знач. лица	11	4	5
	с оценочн. знач.	1	3	4
	со знач. предмета	9	1	5
	с отвлечен. знач.	4	1	2
	со знач. части тела	–	1	2
глагол		2	10	12

6.1. Здесь бросается в глаза обилие существительных, обозначающих описательные реалии у Габ. (11 + 9 = 55%), близкое к Ал. (5 + 5 = 50%), но резко превышающее имеющееся у Акс. (4 + 1 = 25%).

6.2. Обилие глаголов у Акс. (50%) и Ал. (40%) характеризует динамизм их повествования, а заметное число оценочных слов (соотв. 15 и 13%) – живость их разговорного языка.

6.3. Самораскрытие героя через речь как языковая особенность сказового жанра у Ал. ярко проявляется и в этой наиболее частотной группе наличием разнообразия словесных категорий.

7. Существенные моменты выявляются и при сопоставлении данных о делении сленговых слов по частям речи.

	всего	сущ.	глагол	прилаг.	прочее
Акс.	237	118 = 49%	70 = 29%	11 = 4,6%	38 = 16%
Ал.	413	175 = 42%	189 = 46%	11 = 2,6%	38 = 9%
Габ.	339	169 = 49%	146 = 43%	8 = 2%	16 = 4%

Практически половину слов у Акс. и Габ. составляют существительные. Тенденции они, однако, выражают различные. У Габ. это связано, как уже указывалось, с доминантно номинативным характером текста, где, как также говорилось, напр. первые 6 наиболее частотных слов, обозначающих реалии колонии, употребляются от 31 до 70 раз. Но у него и во второй частотной зоне фигурируют только 8 слов от 20 до 29 раз, и многие из них попадают чуть ли не на каждой странице, иногда даже по несколько раз. В результате этого, несмотря на то, что общее текстовое пространство здесь превосходит наблюдаемое в двух других произведениях (Алешковского на 20%, а Аксенова на 40%), это обстоятельство придает прозе Габ. известную сленговую монотонность.

Ничего подобного нет у Акс. (как и у Ал.): у обоих максимальную частотность достигают лишь 15 употреблений, и первые две зоны наиболее частотных слов составляют также немалую часть сленговой лексики (31 слово 280 уп. = 31% у Ал. и 20 слов 202 уп. = 53% у Акс.).

7.1. Почти половина из них означает уже в основном "внешние", находящиеся за пределами колонии предметные реалии (не только *птюха*, но и *водяра*, *ксива*, *лопатник*), людей (не только *зек*, *урка*, но и *бич*, *мусор*, *чувак*) или части человеческого тела (*жопа*, *шнифт*).

7.2. Уже не одно слово, как у Габ. (*падла*), а 3 у Акс. и даже 6 у Ал. носят оценочный характер (*сука*, *хмырина*, то же *падла* и др.).

С номинативным характером сленговой лексики у Габ. связано и своеобразие его глагольного употребления. Формально по числу глаголов он стоит на 2 месте, мало "отставая" в этом от Ал. Анализ частотности, однако, показывает: в 1 зоне у него совсем нет глаголов, и только во второй и третьей обнаруживаются 2 (*дуплить* 20 и *мочить* 12). Около половины же глаголов мы находим у него только один раз.

Акс. как будто "отстает" от Ал. по числу сленговых глаголов. Общее же у них – важное место глаголов у обоих в первых двух зонах частотности (Ал. 12 глаголов из 31 слова, Акс. 10 из 20). Это *линять*, *просечь*, *тискать*

'рассказывать', *хавать*, *хипежить* и др. У них сравнительно мало глаголов, употребляющихся всего один раз. Об этом подробнее см. в следующем пункте.

8. Семантика глаголов. 1 всего глаголов, обозначающие: 2 речь, 3 эмоциональное состояние, 4 умственную деятельность, 5 прием пищи, 6 физиологические отправления, 7 интенсивные действия, 8 интенсивные действия против других, 9 насилие, 10 "выпить спиртного", 11 секс, 12 физическое состояние, 13 движение.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Акс.	70	2	7	–	1	–	1	2	2	4	1	1	10
Ал.	189	13	12	3	6	4	1	3	11	4	8	10	11
Габ.	146	5	14	4	1	–	3	9	14	–	5	2	1

Хотя в таблицу включены лишь глаголы, поддающиеся однозначной семантической категоризации (это ок. половины у Акс. и Ал. и примерно треть у Габ.), даже по ним у каждого из писателей выявляются характерные лишь для него моменты.

8.1. Акс. усиленно употребляет самые различные глаголы, передающие движение и эмоциональное состояние, и в то же время у него на заднем плане находятся сленговые глаголы, выражающие телесную часть жизни человека, что вообще совершенно нехарактерно для него как врача по первоначальной профессии и поэтому проявляющего особое внимание к психосоматическим проявлениям людей: дело лишь в том, что эта часть изображения персонажей осуществляется им с помощью не сленговой, а нормативной лексики.

8.2. У Ал. весьма разнообразны способы называния выражения мысли, эмоционального состояния, движения, физического состояния, а также приемов насильственных действий против других людей. Он безусловный лидер по глаголам, выражающим сексуальную деятельность, и почти единственный из троих, который вообще останавливает свое "сленговое" внимание на физиологической стороне их жизни.

8.3. Персонажи Габ. характеризуются обилием глаголов, передающих интенсивные действия, направленные против других (особенно насильственные), эмоциональное состояние и способ говорения. У них также заметен интерес к сексу (отчасти, ввиду специфики тюремных условий, к гомосексуальному).

9. На основе сказанного можно сделать определенные выводы о существовании в сленговой лексике трех писателей-репрезентантов определенной **лидерской группы слов**. Нам представляются три возможных подхода к ее установлению.

9.1. Сопоставление всего сленгового состава этих произведений в аспекте наличия общих для этих произведений слов выявляет 61 слово, встре-

чающееся у двух или трех авторов. Из этого общего числа у всех троих мы находим всего 8 слов: *бардак* 1. 'публичный дом', 2. 'беспорядок' 2-4-1, *говно* 5-12-2, *падла* 1-12-11, *слинять* 2-14-1, *сука* 1-10-5, *хер* 'мужской половой член' 2-1-5, *шестерка* 'человек, прислуживающий вора' 3-4-1 и *шмалять* 1-9-1. Небезынтересны сочетания и "двоечников": у Ал. и Габ. совпадают 28 слов, это в основном слова уголовной лексики (*баланда* 'тюремная похлебка' 3-5, *дергать* 1. 'уходить', 2. 'воровать', 3. 'пить спиртное' 2-2, *замочить* 2-12, *канать* 7-2, *параши* 3-34 и др.), у Акс. и Ал. это 15 слов, причем преимущественно просторечных (*блядь* 'проститутка' 2-2, *жопа* 5-7 и др.), и только 10 у Акс. и Габ., это снова преимущественно слова уголовников (*базар* 1. 'разговор', 2. 'шум, скандал' 1-5, *борзеть* 'нагнать, хамить' 2-3, *мент* 1-42 и др.).

9.2. Можно составить также и список "суперслов" (идею этого "термина" мы заимствовали, но в преобразованном смысле, из частотного словаря современной венгерской художественной прозы¹⁷), с максимальной частотностью встречающихся у наших авторов. Естественно, из этого списка выпадают такие слова, которые хоть и являются "чемпионами" впереди всех остальных у Габ., как *вор* 70, *рог* 59, *бугор* 50 или *помогальник* 27, но нет их у других двух авторов. Зато полноправно входят от всех трех 2 слова: *сука* 25 и *урка* 23 и 11 от двух: *мент* 42, *параши* 37, *зек* 33, *слинять*, *хавать* 28, *просечь* 26, *падла*, *шнифт* 22, *воронок* 21, *хрен* 18 и *говно* 12.

9.3. Лексический контингент, практически совпадающий со словами предыдущих двух групп, мы получаем и при сопоставлении слов-лидеров подстилевых групп (см. следующий пункт) с добавлением отсюда же разве что (из встречающихся свыше 10 раз) *кемарить* – *закемарить* 11, *кнокать* – *покнокать* 16, *мусор* 12, в натуре 'правда, серьезно' 11, *толчок* 'унитаз' 23, *хмырь* – *хмырина* 11, *чувак* 12.

(В связи с этим позволим себе чисто прикладное замечание: 28 слов этих трех групп, думается, вполне созрели для включения хотя бы в пассивный список по разговорной речи в процессе обучения студентов-филологов. Кстати, слова *говно* и *жопа*, а также *хреновый* 'плохой' (само слово *хрен* продолжает фигурировать лишь в значении растения сем. крестоцветных и т.д.) с пометой "прост. груб." уже вошли в последние издания словаря Ожегова-Шведовой.)

10. Последний из интересующих нас вопросов в первом приближении к сленговой лексике – это **стратическое распределение отдельных стилистических слоев**, "подъязыков" сленга. Рассмотренный выше с других позиций материал в этом аспекте дает следующую картину.

1 разговорные, 2 просторечия, 3 грубые просторечия, 4 городской сленг, 5 профессиональный сленг, 6 тюремно-лагерно-воровской жаргон, 7 мат (обценная лексика), 8 эвфемизмы (в основном слов седьмой категории).

¹⁷ *A mai magyar nyelv...*, XXI.

	1	2	3	4	5	6	7	8
Акс.	39 = 10,3%	17 = 4,5%	42 = 11%	168 = 44,6%	12 = 3,1%	62 = 16,4%	3 = 0,07%	34 = 8,7%
Ал.	77 = 8,5%	141 = 15,6%	37 = 4,1%	186 20,6%	1 0,1%	423 47%	11 1,2%	24 2,6%
Габ.	66 = 4,9%	78 5,8%	22 1,6%	132 9,9%	3 0,2%	101 76%	4 0,3%	13 0,9%
% в среднем	7,9	8,6	5,5	25	1,1	46,4	0,5	4

10.1. С точки зрения характеристики индивидуального сленгового "почерка" авторов можно сказать, что Акс. пользуется преимущественно лексикой городского сленга, которая составляет почти половину всех его сленгизмов, при значительном однако присутствии у него как уголовного жаргона, так и разговорного и грубо-просторечного слоев. В этом характерная социопрофессиональная черта его персонажей из интеллигенции, а также его авторской речи, чутко принаравливающейся к их индивидуальным особенностям.

У Ал. почти такую же доминантную роль играют элементы уголовной лексики, при более высокой, чем у Акс., доле городского сленга и просторечий. Все это прямо вытекает из индивидуальности его главного героя, от имени которого ведется повествования – международного урки с широким умственным кругозором.

Лексику Габ. на 3/4 покрывает уголовный жаргон, но весьма скромна здесь доля как городского сленга, так и разговорных и просторечных элементов, что непосредственно связано как с характером авторского описательного текста, так и с низким интеллектуальным уровнем его персонажей – в основном подростков из деревень и поселков.

10.2. Небезынтересно отношение авторов к обценной лексике и ее заменителям. У Акс. и Ал. совместное число слов этих двух групп практически одинаково, но герой Ал. употребляет почти в 4 раза больше "прямого" мата, чем герои Акс., зато эвфемизмы, заменяющие его, в тексте Акс. в 10 раз превышают число самих обценных слов. Эти цифры свидетельствуют о том, что героям-интеллигентам Акс. достаточно лишь намекнуть на мат, (напр., *жул моржовый* собственно *хуй м.* 'противный человек', *фля* собственно *бля* сокращение от *блядь*: 'слово-паразит'), в то время как у Ал. это числовое превосходство только двойное, поскольку его герой-рассказчик сам не прочь иной раз "выразиться" открытым текстом.

10.3. Наконец, "усредненный" показатель употребления отдельных слоев может показаться чисто теоретическим. Однако именно он подтверждает уже повсеместно встречающееся положение о том, что уголовная лексика является основным, все время обогащающим компонентом русского сленга.

11. Выявленный выше частотный материал, а также сделанные из него выводы лягут в основу детального анализа художественных переводов трех произведений на венгерский язык. Этот анализ мы намереваемся провести в трех отдельных статьях.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА СТИХОВ ИЗ РОМАНА ПАСТЕРНАКА "ДОКТОР ЖИВАГО"

Терез Л. Мураи

(L. Murai Teréz, Szegedi Tudományegyetem, JGyTFK, Magyar Nyelvi Tanszék
H-6725 Szeged, Boldogasszony sgt. 6.)

Общеизвестно, что значение слова играет определяющую роль в переводе. Часто сущность перевода даже определяют через значение: говорят, что перевод должен иметь "то же значение", что и оригинал. Но другие теоретики перевода ставят задачу не столько передать значение, смысл слова и стихотворения в целом, сколько создать у читателя перевода такое же настроение, вызвать те же чувства, какими вдохновлялся автор стихотворения-оригинала, какие испытывает читатель оригинала. Это наблюдение особенно верно по отношению к поэзии. В стихах формальные элементы (размер, рифма и т.д.) занимают более значительное место, чем в прозе. Вместе с тем нельзя сказать, что в поэзии содержание приносится в жертву форме, хотя переводчик всегда вынужден "втискивать" заданное содержание в заданную форму. Воспроизвести с одинаковым совершенством и содержание, и форму удастся довольно редко, поэтому сознательно или бессознательно одни переводчики жертвуют содержанием ради формы (кажется, такое чаще встречается, когда переводит поэт), другие переводчики ради точной передачи содержания идут на уступки в области формы (что встречается чаще у профессиональных переводчиков).

Когда две разноязычные культуры имеют общие корни и тесно взаимосвязаны, переводчику приходится преодолевать преимущественно языковые трудности. Общие черты двух культур делают процесс перевода менее трудным. Особые задачи приходится решать при переводе текстов, принадлежащих к другой – совершенно чужой или далекой по своему содержанию и своим формам – культуре. Тогда на чисто языковые трудности накладываются проблемы перевода мировоззренческих понятий или реалий другой культуры, другой жизни, другого быта.

В нашем докладе мы хотели бы обратить внимание на такие ситуации при переводах, когда сходство двух культур, их общие корни подсказывают переводчику выбор понятия и слова. Если переводчик не внимательно относится к этой "подсказке", то совершает ошибку. Перейдем к конкретным трудностям, которые встречаются при переводе на венгерский язык стихотворений Юрия Живаго из романа "Доктор Живаго" Бориса Пастернака. Проблемы встречаются уже в первом произведении – в стихотворении "Гамлет". Последние две строки первой строфы звучат так:

Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку (Пастернак 1989: 387).

"На моем веку" переведено как "századom" (Paszternak 1988: 581), хотя и по смыслу стихотворения, и лексически, и грамматически ясно, что речь здесь идет о человеческой жизни. В русском языке слово *век* может употребляться в значении не только 'столетие', но и 'жизнь'. В. Даль в своем знаменитом словаре (1880: 330) приводит несколько значений слова *век*: 1) срок жизни человека или годности предмета; 2) быт, бытие вселенной; 3) столетие. Как видим 'столетие' стоит у Даля лишь на третьем месте. Со словом *век* в первом значении имеется много фразеологизмов и словосочетаний. Например: *Он много повидал на своем веку*; *Господь века не дал*, т.е. он жил недолго; *век мой впереди* или, наоборот, *век мой позади*; *век дуба – тысячелетие*; наконец, общеизвестное *век живи, век учись, а на старости дураком помрешь* и т.п. Грамматическим же указателем на то, что здесь имеется в виду жизнь человека, а не столетие служит предлог *на*. *Век* в значении 'столетие' употребляется с предлогом *в*. Поэтому перевести эту строку следовало бы, конечно, *életem folyamán*.¹

В том же стихотворении во второй строфе есть такие две строки:

Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси (Пастернак 1989: 387).

Авва – арамейское слово, которое значит 'отец'. На Востоке аввой называли настоятеля монастыря. Но у Пастернака здесь – новозаветное употребление слова. В Евангелии и в Посланиях апостолов молитвенные обращения к Богу Отцу начинаются иногда именно этой формой – "Авва Отче!" (см. Мк. 14,36; Рим. 8,15; Гал. 4,6). В переводе же мы видим лишь "atyám" без важного дополнения *авва*, а кроме того, оно написано с маленькой буквы, что значительно принижает смысл обращения (см. Paszternak 1988: 581). Гамлет Пастернака обращается не к какому-то отцу, а к Богу Отцу.

Поэт (Гамлет) просит избавить его от смерти и для этого употребляет скрытую цитату из Евангелия. "Чашу эту мимо пронеси" – парафраз слов Христа в его молитве в Гефсиманском саду по Евангелию от Марка (14,36): "Пронеси чашу сию мимо Меня".² Кстати, в этом стихе Евангелия Христос обращается к Отцу именно так, как у Пастернака: "Авва Отче!" (Мк. 14,36).

¹ Кстати, именно так перевели эту строчку другие переводчики стихотворения.

² В других Евангелиях эти слова приводятся в другой редакции (см. Мф. 26,39–42; Лк. 22,42; Ин. 18,11).

"Я люблю Твой замысел упрямый", читаем в следующей строфе (Пастернак 1989: 387). Ясно, что у Пастернака речь идет о Божием Промысле, который человек не может изменить, но может познать волю Божию и действовать в соответствии с ней. Лирический герой Пастернака "любит", т.е. принимает "упрямый" (в переводе – "makacs") Промысл Божий. Слово *упрямый* употреблено здесь не в буквальном смысле (*упрямый, как осел*), а в переносном: Промысл неизменный и неизменяемый; *упрямый* – от слова *прямой*.

Фарисейство, наряду с саддукейством, было одним из течений в иудаизме. Со временем под влиянием евангельских текстов, слово *фарисейство* стало синонимом *лицемерия*. Прежде всего в лицемерии обвинял фарисеев Христос. Строчка Пастернака "все тонет в фарисействе" еще раз указывает на религиозный, евангельский смысл стихотворения. В переводе же, как нам кажется, все христианские мотивы переводчиком приглушены, тогда как в оригинале они явны и даже подчеркнуты поэтом.

Стихотворение кончается известнейшей поговоркой "Жизнь прожить – не поле перейти", которая есть во всех, даже самых кратких словарях русских пословиц и поговорок. Смысл ее в том, что человек, идущий полем (а не лесом, например), хорошо видит дорогу, видит и конец пути, на него трудно напасть неожиданно. На жизненном же пути человека может встретить множество неожиданностей, много непредвиденного, и в самом прямом смысле "жизнь прожить" неизмеримо труднее, чем перейти поле. Поэтому перевод "Végig kell élnem. Magam vagyok" (Paszternak 1988: 581), можно считать очень неточным.

В конце стихотворения "Август" поэт прощается со всем земным. Не совсем удачно, на наш взгляд, переведена последняя строфа этого стихотворения.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество и чудотворство (Пастернак 1989: 395).

"Ég áldjon, konok, szabad lendület, kiterjesztett, szép ívű szárnyak, szóba formált világ, isten veled, csoda, teremtés és varázslat" (Paszternak 1988: 601). У Пастернака речь идет о поэтическом творчестве, с которым прощается лирический герой стихотворения. Поэт, когда его посещает вдохновение, чувствует себя птицей, парящей над землей. Этот образ встречается в русской поэзии уже у Державина. Сочинение стихотворения – это полет. Полет вольный, потому что вдохновение дает поэту высшую свободу творчества, но вместе с тем – упорный, поскольку поэт знает, что хочет сказать, ищет слова, чувствует сопротивление материала (языка), как птица сопротивление возду-

ха. Задача поэта, по мысли Пастернака, **явить** в своей поэзии **образ** мира. Поэт не должен описывать, копировать мир (реализм, натурализм), не должен искажать его (карикатура, антиэстетизм) или идеализировать (классицизм, романтизм, сентиментализм), а должен стремиться увидеть и открыть для читателя невидимую образную подоснову мира. Образ не придумывается художником, а открывается им, является ему.³ И тогда поэтическое творчество становится **чудотворством**: поэт, как святой, совершает чудо, он открывает перед читателем то, чего тот раньше не замечал, не видел или во что не верил. Это только краткое толкование трех последних строф "Августа"; они конечно, богаче по своему содержанию, чем нам удалось это показать. Но и такого краткого анализа достаточно, чтобы отметить недостатки таких словосочетаний как "szóba formált világ", "teremtés és varázslat" (Paszternak 1988: 601). Какой смысл вкладывает Пастернак в слово *творчество*? Это одновременно *alkotás*, *teremtés* и *művészet*. И чудотворство – это не *varázslat*, не 'колдовство', не 'чародейство', а *csodatétel*, поэт же не волшебник, не колдун, а чудотворец – *csodatevő*. Христианское словоупотребление здесь нельзя подменять языческим, сказочным, фольклорным или народно-бытовым.

В стихотворении "Гефсиманский сад" есть такая строфа:

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть (Пастернак 1989: 407).

Слово *маслины* Пастернак употребляет здесь в значении 'деревья', а не 'ягоды', 'плоды маслины', как это значит в переводе. Эта строка очень важна для понимания особенностей изображения пространства в поэзии Пастернака: лужайка обрывается, как обрывается физическое земное пространство, дальше же начинается бесконечное пространство космоса; одно переходит в другое, и деревья хотят как бы преодолеть этот разрыв, они не хотят смириться со своей неподвижностью, они стремятся "шагнуть" в это космическое бесконечное пространство. Поэтому вместо "ezüstös ősz olajbo-gyószemek [...] tapossák a híg levegőeget" (Paszternak 1988: 616) надо было бы перевести эту строчку так: *ezüstös ősz olajfák lépegetnek a messzeségbe*.

В стихотворении "Рассвет" есть такая строфа:

---

³ Об этом на основе высказываний о поэтическом творчестве самого поэта подробно пишет Д.С. Лихачев в предисловии к собранию сочинений Пастернака (см. Пастернак 1989а, т. I, 11–24).

И через много-много лет
 Твой голос вновь меня встревожил.
 Всю ночь читал я Твой Завет
 И как от обморока ожил (Пастернак 1989: 401).

Чей голос встревожил лирического героя, или чей Завет читал он? По смыслу всего стихотворения ясно, что речь идет о Христе, который напомнил о Себе доктору Живаго, и о Евангелии, которое он читал всю ночь. Эта вторая строфа стихотворения является ключом ко всем шести последующим, она объясняет и название стихотворения. Итак, перевести надо было бы не "éjjelente hagyatékod olvasva" (Paszternak 1988: 608), но *egész éjjel az Újszövetségedet olvastam*. Так становится ясно, почему лирическому герою после чтения хочется бежать в мир, к людям. Поэт обрел Бога и своей радостью он хочет поделиться с людьми, хочет всех привести ко Христу. Он "готов [...] всех поставить на колени". Здесь переводчик употребил глагол *legyűrti* (Paszternak 1988: 608), но, может быть, следовало бы сказать *imára hívni*. Отметим и такую неожиданную для перевода проблему, как правописание. По проведенной большевиками сразу после революции реформе подавляющая часть христианских церковных слов – даже слово Бог – стала писаться с маленькой буквы. Если мы напишем два слова по дореволюционной орфографии – "Твой Завет", то у переводчика не будет сомнений, о каком Завете идет речь. Именно так и напечатано у Пастернака в неподцензурных изданиях.

Стихотворение "Дурные дни" посвящено важному событию – Входу Господню в Иерусалим.

Когда на последней неделе
 Входил Он в Иерусалим,
 Осанны навстречу гремели,
 Бежали с ветвями за ним (Пастернак 1989: 404).

Так встречали Христа только один раз – за пять дней до распятия. Этот праздник называется еще "Вербное воскресенье", а в Венгрии "Virágvasárnap". Словосочетание "на последней неделе" переведено как "legutóbb". В венгерском толковом словаре даются два значения слова *legutóbb*: а) A mostanihoz legközelebbi elmúlt alkalommal, ill. a közelmúltban, б) Utolsónak, legutoljára (ÉKsz. 1978: 833). С другой стороны, это слово употребляется скорее в живой разговорной речи и обозначает событие, последнее по отношению к моменту разговора. Христос вошел в Иерусалим в воскресенье на последней неделе, но не в последний раз. Из Евангелия известно, что вечером Он вышел из Иерусалима и опять вернулся в город на следующий день.

Это, конечно, тонкость, но все же немаловажная для человека, знающего евангельскую историю.

В этом же стихотворении перечисляются события, которые вспоминает Христос при входе в Иерусалим, причем поэт сохраняет евангельскую хронологию. Это бегство в Египет, детство в Назарете, искушение в пустыне, брачный пир в Кане Галилейской, умножение хлебов для голодного народа, хождение по морю, яко по суку, воскрешение Лазаря (Пастернак 1989: 404–405). Переводчик допустил небольшую вольность: он поменял местами претворение воды в вино и умножение хлебов (Paszternak 1988: 613). Конечно, в обычном случае такое допустимо в переводе, но в этом стихотворении у Пастернака воспоминания по их значимости идут не просто хронологически, но и по нарастающему вектору, поэтому в переводе происходит и хронологический и семантический сбой, сдвиг.

И еще одно замечание по поводу этого стихотворения. У Пастернака все повествование идет в прошедшем времени: Христос вспоминает. В переводе же мы видим настоящее время. Конечно, настоящее время во многих языках, в том числе в венгерском и русском, может употребляться в значении прошедшего. Но Пастернаку было важно подчеркнуть, что все эти события вспоминались Христом как нечто прошедшее, минувшее, "как сон". Даже воскрешение Лазаря описано в прошедшем времени, потому что это уже минуло. И прошедшим временем кончается все стихотворение. Но читателю ясно, что теперь приближается самое главное – воскресение Самого Христа. Оно еще в будущем, но его не может не быть. И отсюда в стихотворении такой контраст между прошлым, которое описано, и будущим, на которое только сделан легкий намек воскрешением Лазаря. Если же все стихотворение переведено в план настоящего времени, то этот контраст, который Пастернак выразил последней строкой, исчезает.

В стихотворении "На Страстной" есть строфа, в которой речь идет о выносе плащаницы из храма и крестном ходе с ней вокруг церкви, который совершается в пятницу на Страстной неделе Великого поста.

А в городе на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.
И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога (Пастернак 1989: 388).

В русском языке нет категории артикля. В венгерском языке артикль может отсутствовать, может употребляться определенный или неопределен-

ный артикль в зависимости от смысла предложения. Таким образом, употребление переводчиком артикля может или помочь выявлению смысла оригинала, или, наоборот, исказить его. В венгерском переводе этих строк читаем: "megreng belé a földi rend, most egy Istent temetnek" (Paszternak 1988: 583). В данном случае употребление неопределенного артикля, как нам кажется, неудачно. Следовало бы или совсем не употреблять его, или поставить определенный: *most temetik az Istent*. В венгерском языке неопределенный артикль перед именем собственным превращает его в нарицательное или выражает сравнение или, как в данном переводе, имеет такой смысл – 'один из богов'. В стихотворении Пастернака речь идет о Христе, о Сыне Божием, которого хоронят, чтобы Он воскрес. В переводе же этот смысл принижен, затушеван.

В стихотворении "Магдалина II" есть такая строка: "Завтра упадет завеса в храме" (Пастернак 1989: 406). У Пастернака речь идет о той завесе, которая, согласно Евангелию, "раздралась надвое" (Мф. 27,51; Мк. 15,38; Лк. 23,45). Поэтому правильно было бы перевести *a templom kárpitja*, в переводе же мы находим "frigyláda leple" (Paszternak 1988: 615). Здесь перевод заметно пострадал от неточности, от неверного выбора евангельской реалии.

Следует сказать и о неточностях, которые связаны с переводом близких по звучанию, по конструкции словосочетаний, но заметно отличающихся между собой по своему значению. Это своеобразные "ложные друзья" переводчика. Уже упоминавшееся стихотворение "На Страстной" кончается в романе так:

Смерть можно будет побороть
Усильем Воскресенья (Пастернак 1989: 389).

Здесь совершенно очевидна полная уверенность автора оригинала в победе над смертью, ее **можно** побороть. Об этом неоднократно говорит в своих Посланиях апостол Павел. В переводе же читаем следующее: "s a feltámadás, úgy lehet, megbír majd a halállal" (Paszternak 1988: 584). Возможно, переводчик перепутал здесь два сходных по звучанию выражения *может быть* и *можно будем*. Если первое выражает сомнение, то второе – уверенность: *a feltámadás erejével le lehet győzni a halált*.

На основе анализа отдельных переводов стихов из романа можно сделать некоторые выводы о причинах неточностей при переводе Пастернака:

1. Переводчик может не знать некоторые сугубо узкие реалии той общественно-политической, культурной, церковной жизни, о которых идет речь в стихотворении и перевести их приблизительно или совсем неточно.
2. Переводчик может неверно передать то или иное слово, поняв его в прямом смысле, тогда как оно употреблено в переносном или, наоборот, понять слово в переносном смысле, тогда как оно употреблено в прямом.

3. Переводчик может, верно передавая смысл стиха или отрывка, подменить лексику, характерную для одной сферы употребления лексикой из другой сферы, и тем самым исказить не только стиль, но и оттенки смысла оригинала (например, христианское языческим).
4. Переводчик может при переводе заменять лексику высокого стиля лексикой нейтрального стиля (и иногда даже разговорного), что встречается довольно часто, поскольку высокий стиль в русском языке благодаря церковнославянизмам, особенно богат по своим лексическим возможностям. При этом принижается не только стиль, но и смысл, содержание стихотворения.
5. Перед переводчиком стоит задача перевести стихотворение не только **точно** по значению, но и **художественно**. И иногда по техническим причинам ему приходится ради поэтических красот поступаться точностью. Иногда красота перевода искупает неточности, но чаще всего неточности разрушают красоту.
6. Переводчик может сместить смысловые акценты внутри стихотворения, и тогда более важное для оригинала уходит в тень, а менее значительное получает вес. Это может незаметно исказить и смысл стихотворения в целом.
7. Переводчик может довериться контексту и перевести слово "по контексту". Нередко такой прием проходит. Но иногда контекст также может выступить в роли "ложного друга".
8. К сожалению, приходится констатировать, что иногда переводчик просто ленится посмотреть какое-либо слово в других более полных или авторитетных словарях, в частности, русских дореволюционных и довольствуется приблизительным смыслом вместо точного.

Конечно, все эти замечания делаются от лица человека, который хорошо знает оба языка. Большая же часть читателей не знает оригинала и потому ценит в переводе прежде всего его красоту, ценит возможность прикоснуться к творчеству иноязычного поэта, к его мыслям и чувствам. Переводчик должен чувствовать ответственность прежде всего именно перед таким читателем.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль, В. 1880, *Толковый словарь живого великорусского языка I: А–З*. СПб.–М., 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора.
- Пастернак, Б. 1989, *Доктор Живаго*. М.
- Пастернак, Б. 1989а, *Собрание сочинений в пяти томах*. М.
- ÉKsz. – *Magyar értelmző kéziszótár*. Budapest, 1978, 3., változatlan kiadás.
- Paszternak, B. 1988, *Zsivago doktor*. Budapest.

ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГИЯДОРА СТРИПСКОГО

Иштван Удвари

(Udvari István, Nyíregyházi Főiskola, Ukrán és Ruszin Filológiai Tanszék
H-4400 Nyíregyháza, Sóstói út 31/B)

Научной общественности Гиядор Стрипский (1875–1946) известен как венгерский и русинский этнограф¹, библиограф² и литературовед³, менее известна его языковедческая деятельность⁴.

Важнейшие направления его научных интересов сформировались в коложварский период жизни – 1897–1908 гг., во время пребывания в Университете им. Ференца Йोजефа и в музеях города Коложвара (рум.: Cluj). Уже ранее мы обращали внимание на то, что все, чему ученый научился в столице Трансильвании, он непосредственно использовал в своих

---

¹ См. *Magyar Néprajzi Lexikon* V. Bp., 1982: 118; Udvari István – Viga Gyula, Sztripszky Hiador és négy levele Herman Ottóhoz. *Herman Ottó Múzeum Évkönyve* XXXVIII. Miskolc, 1999: 1299–1314; Udvari István, Sztripszky Hiador a budapesti Néprajzi Múzeumban. *Kárpátaljai Szemle* VI, 1998, № 3, 22–23.

² См. Borsa Gedeon, Sztripszky Hiador. *Könyvtáros* IX, 1959, № 4, 263–266; Udvari István, Adatok Sztripszky Hiador könyvészeti munkásságáról. *Könyv és Könyvtár* XX. Debrecen, 1998: 67–97.

³ См. *Magyar Irodalmi Lexikon* III. Bp., 1965: 284; *Új Magyar Irodalmi Lexikon* III. Bp., 1994: 2023; *Világirodalmi Lexikon* XIV. Bp., 1992: 786; см. еще: К.Й. Галас, Закарпатоукраїнський ономаст Гіядор Миколайович Стрипський. *Onomastica* XV. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1971: 301–307; *Українська радянська енциклопедія* II, книга перша. Київ, 1984: 23; П. Марочій, *Формування національної самосвідомості: Подкарпатська Русь (1848–1948)*. Ужгород, 1984: 189; М. Мушинка, Світлий дух Угорської Русі: До 120-ліття з дня народження Гіядора Стрипського. *Карпатський край* V. Ужгород, 1995, 1–4 (№ 110), 46–50; P.R. Magocsi, *The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus' 1848–1948*. Cambridge–London, 1979 (2), 328; В. Бирчак, *Літературні стремління Подкарпатської Русі*. Ужгород, 1921: 89–91; І.В. Хланта, Гіядор Стрипський, прозаїк, перекладач, фольклорист. In: Его же, *Літературне Закарпаття у XX столітті: Бібліографічний покажчик*. Ужгород, 1995: 675–678. Об этом подробнее см. Udvari István, Adatok Sztripszky Hiador műfordítói munkásságához. *Könyv és Könyvtár* XXI. Debrecen, 1999: 105–151; Его же, Sztripszky Hiador nagyszombati hagyatékának bibliográfiai vonatkozású adatai. *Könyv és Könyvtár* XXI. Debrecen, 1999: 265–284.

⁴ О его смерти из отечественных научных журналов лишь "Magyar Nyelv" (42, 1946: 88) упомянул: "Из числа основателей журнала умерли [...] Гиадор Стрипский, советник министра, заслуженный сотрудник журнала".

работах, связанных с фольклористикой и библиографией карпатских русинов.⁵ На мой взгляд, как раз коложварский период жизни ученого, традиции и направления коложварской научной школы на всю жизнь определили характер языковедческой деятельности Гиядора Стрипского.

Ономастика

В кругах тогдашних коложварских филологов считалось, что важнейшим предметом языковедческих исследований является живой народный язык. Интерес к изучению народной жизни и живой народной речи возник у Стрипского в главном городе Ерделя и не покидал ученого до конца жизни. Программа сбора русинских межевых названий и названий местностей сформирована Стрипским в Коложваре,⁶ где он ввел (уже существовавший в венгерской языковедческой литературе) термин *межевые* в русинский и русский языки.⁷

В своих языковедческих исследованиях Г. Стрипский обращал пристальное внимание на ономастику, на русинские письменные памятники и их язык, вопросы прикладной лингвистики.

Ученый, следуя знаниям и традициям, приобретенным в стенах Коложварского университета, существенной частью полевых исследований по этнографии считал описание важнейших особенностей языково-диалектных элементов, сбор межевых и названий местностей, учет древних рукописей и изданий. В статье "Кое-что о нашей этнографии",⁸ по-

⁵ См. Udvari István, Adatok Sztripszky Hiador késői alkotói korszakához. Magyar szavak szótára lengyelek részére (1939), Vörösmarty Mihály: Szózat c. költeményének ruszin fordítása. In: Bańcerowski Janusz (szerk.), *Hungaro-Polonica* 1998–1999. Bp., 2000: 370–377.

⁶ Коложварские периодические издания "Erdély" ("Трансильвания"), "Erdélyi Múzeum" ("Трансильванский музей") и "Erdély Népei" ("Народы Трансильвании") регулярно публиковали ономастический материал. См., например, Kelemen Lajos, Erdélyi határ- és helynevek. *Erdély Népei* IV, 1901, № 2, 26–31.

⁷ Sztripszky Hiador, *Гдѣ документи старшей исторіи Подкарпатской Руси? О межевыхъ названіяхъ*. Ужгород, 1924. У Гиядора Стрипского русский термин *межевые названия* соответствует русинскому: *хотарные назвиска*, под которым подразумевается макро- и микропонимический материал. См. синонимические выражения: *хотарные назвиска*, *межевые названия*, используемые несколько раз в его книге. Термин *межевые названия* в значении 'географические названия' заимствовал у Стрипского русский исследователь карпатских русинов Алексей Петров. См. А. Petrov, *Karpatoruské pomístní názvy. Karpatorusskijá mezevöyá názvany*. Praha, 1929. См. еще *Magyar Nyelv* 39, 1943: 386.

⁸ Гиядор Стрипский использовал работу "Об этнографической выставке Трансильванского карпатского музея" Антала Геррманна при выработке прин-

явившейся в журнале "Келет" в 1900 году в Ужгороде, Стрипский поместил обширный этнографический вопросник, в котором были представлены вопросы по ономастике, например: как называется село; имело ли оно ранее другое название; топографические названия (речка, ручеек, лес, источник, гора, вершина, полонина, пещера); наиболее распространенные фамилии.⁹

Зафиксированные ученым во время экспедиций по сбору этнографического материала топонимические данные он опубликовал в то время лишь частично. По поручению этнографического музея в 1909 году, например, Стрипский провел сбор экспонатов и наблюдения в трансильванском селе Бикфалва,¹⁰ однако названия местностей этого села опубликовал лишь в 1945 году.¹¹ Собранный Стрипским в русинских селах в 1900–1913 гг. материал по названиям местностей опубликовал в 1929 году Алексей Петров в своей книге, изданной в Праге.¹² В предисловии русскоязычной книги Алексея Петрова о названиях местностей карпатских русинов автор пишет, что в 1924 году Г. Стрипский передал ему карточки с названиями местностей 50 сел, а именно с Мароморошского комитата – 17, Берегского комитата – 21, Унг – 5, Угоча – 4, Земплен – 3. С профессиональной точки зрения эта часть книги русского автора самая ценная и достоверная.

ципов сбора и обработки этнографических материалов, адаптировал их к исследованиям карпатских русинов и опубликовал в ужгородском "Келете" в 1900 г. в апрельском и майском номерах журнала.

⁹ См. Olena Rudlovcsák, *A kárpátukrán néprajzkutatás története (1914-ig)*. *Folk-lór és Etnográfia* 26. Debrecen, 1986: 52–60; Mayer Mária, *A kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860–1910*. Вр., 1977: 90–91.

¹⁰ См. письма Стрипского об этом вопросе. *Budapesti Néprajzi Múzeum Irattára*. N.O. 105/1909; N.O. 151/1909. Udvari István, *Adatok Sztripszky Hiador néprajzi munkásságához*. In: Punykó Mária (szerk.), *Madarak voltunk*. Beregszász–Budapest, 1999.

¹¹ См. *Helynevek a háromszéki Bükkfalváról*. *Magyar Nyelv* 41, 1945: 94–95. Рукопись сообщения см.: Рукописный отдел библиотеки ВАН 5187/34. Из этого можно определить, что название статье дал Дежё Паиш. В 1945 г. в журнале "Magyar Nyelv" опубликованы географические названия некоторых сел области Барани – Сентлёринц, Качата, Чонкаминдсент, поданные Стрипским. См. *Baranyamegyei helynevek*. *Magyar Nyelv* 41, 1945: 94.

¹² См. Стрипский 1924. В 1910 г. Стрипский познакомился с Петровым, к книге которого о пределах распространения русинского языка подготовил русинскую часть указателя названий местности, а на основании "Lexicon locorum" (1772) и нарисовал карты комитатов. См. А. Петровъ, Предѣлы угрорусской рѣчи въ 1773 г. по официальнымъ даннымъ. *Материалы для исторіи Угорской Руси* VI. Спб., 1911.

В 1924 году Стрипский снова передал Петрову материал из 201 поселения, которые, однако, были собраны не им лично, а были ответами на разосланные исследователем в 1923 и 1924 годах вопросники, заполненные подкарпатскими учителями. Эти материалы были весьма пестрыми, отличались разнообразием как с точки зрения правописания, так и профессионализма в целом. География этих материалов: Мароморош – 42, Берег – 68, Унг – 27, Угоча – 14, Земплин – 47, Шарош – 3.¹³ По оценке Петрова, эти материалы не достигают научного уровня, по сравнению с материалами, собранными самим Стрипским.

В 1923 г. при помощи Подкарпатского инспектората Стрипский разослал учителям русинских сел "Вопросный листъ для собиранія межевыхъ названий и иншихъ культурно-историческихъ свѣдений". Этот вопросник под названием "Инструкціи для собираній межевыхъ названий Притисянской Руси"¹⁴ Стрипский опубликовал и в своей книге по ономастике, которая была издана в 1924 г. в Ужгороде.¹⁵ Вопросник рассылался для того, чтобы из ответов получить, во-первых, языковую информацию по истории русинских поселений, во-вторых, достоверные сведения по языку местных подкарпатских русинов с тем, чтобы на ее основе в дальнейшем развивать научную терминологию. Анкета состоит из двух частей: а) общие указания из 6 пунктов; б) подробные указания из 25 пунктов.

Общие указания касаются вопросов выбора реципиента, техники записи и т.д. По мнению ученого, например, опрашиваемый должен быть местным жителем, желательно постарше, без дефектов речи (беззубые, например, не годятся); должен чисто и внятно произносить слова; во время коммуникации реципиент не должен держать во рту трубку и т.д. Собиратели материала должны фонетической транскрипцией записать географические названия, поставить ударение; свои личные комментарии собиратели должны отделить от ответов реципиентов; к собранным материалам необходимо начертить карту села. Особое внимание обращал Стрипский на то, что пользование поземельными книгами (кадастрами), картами или другими готовыми и менее ценными источниками с языковой точки зрения неуместно. Главным источником должны быть образцы живой разговорной речи.

¹³ См. А. Петров 1929: 23–27; Стрипский, *Magyar Nyelv* 39, 1943: 386.

¹⁴ См. Стрипский 1924: 52–60.

¹⁵ Здесь требует внимания географическое название *Притисянская Русь*, которое наряду с принятым чехами *Подкарпатская Русь* 'Подкарпатская русинская земля', и ранее распространенное в этнографической литературе русское *Угорская Русь* 'Венгерская русинская земля' использовалось Гиядором Стрипским.

Среди подробных указаний большинство носило ономастический характер; 2) названия соседних поселений; 3) русинское название села; 4) предыдущее название села; 5) ответ на вопрос: откуда вы? 6) как прозывают село или его жителей жители соседних поселений; 7) формы существительных, образованных от названия села и называющих его жителей (в единственном и множественном числе); 11) названия соседних сел и их жителей; 12) названия частей села 12) названия реки, озера рядом с селением; 13) межевые названия; 14) названия источников.

В анкете представлены и вопросы, относящиеся к именам лиц и кличкам животных: 18) фамилии; 19) прозвища; 20) клички лошадей, волов, коров, собак.

Несмотря на то, что в этой анкете доминировали вопросы по ономастике, чувствуется стремление ученого получить в ее ответах и сведения по этнографии, и по истории культуры, лингвистической географии. Для подготовки Диалектологического атласа "Притисянской Руси" он подготовил 10 дополнительных вопросов, ответы на которые должны были высветить фонетические, морфологические и лексические особенности собранного материала.

Идеи, представленные позже в научных статьях ученого, часто находим как раз в книге (Стрипский 1924), поместившей эту анкету, поэтому ей посвятим несколько предложений. В книге о межевых названиях на 65 страницах, автор в научно-популярном стиле рассматривает особенности названий местностей, их значение в аспекте исторической географии и лингвистики. На богатом языковедческом материале со значительным привлечением собственных фактических материалов высказывается о необходимости использования географических названий при формировании специальных терминов в школьных учебниках.

Названия местностей способствуют развитию терминологии других отраслей науки и представляют полезный материал. При этом, как отмечает Г. Стрипский, "кто берется за тяжку работу составлять терминологию школьных подручниковъ, имѣть начинати свое дѣло тутъ таки дома, на своей Руси, вмѣсто того, чтобы хапатися ко крайностямъ, выписуючи легкою рукою слова то изъ російскихъ книгъ, то изъ украинскихъ-галиційскихъ".¹⁶ По мнению Стрипского, то, чего специалист фор-

---

¹⁶ Между двумя мировыми войнами в Подкарпатье прибыло много россиян и украинцев, обучение в местных школах и учебных заведениях в большинстве своем проводилось на русском или украинском языках. Сторонники русской ориентации провозглашали единственно возможным русский, а украинофилы – украинский язык. Для культурной и научной жизни русинов, таким образом, были характерны разногласия в области мировоззрения, идеологии и языковой ориентации. Сторонники русской и украинской языковой ориентации объ-

мирующий терминологию, не находит в материале географических названий, найдет в на удивление богатом живом народном языке местных крестьян. Если же и у них не найдет нужное слово, только тогда может обратиться к заграничным книгам. Стрипский считал, что из ответов, полученных в результате заполнения вопросников, возможно начать составление историко-географической энциклопедии Подкарпатья.¹⁷

Говоря об источниках ономастических примеров, которые представлены в книге, Стрипский выделяет собранные лично им материалы, а также рукописный сборник названий местностей Фридьеша Пешти. По этому поводу пишет он и о конкурсе по сбору названий местностей 1837 года, который был объявлен Венгерской Академией Наук. С сожалением ученый несколько раз замечает о том, что в материалах Пешти, относящихся к русинской территории, много недоработок. Стрипский считает, что ответы на анкету, заполненную в венгерских селах, точны. Такими же добросовестными, на его взгляд, являются и ответы из словацких и немецких сел.

Слабо представлены здесь румынские села, а русинские и того хуже. В ответах, присланных с русинских территорий, граничащих с венгерскими селами, можно найти приемлемые ответы, но в более 60% русинских сел северных и горных районов комитатов Берег и Унг не заполнили анкету. Нотариусы и священники этих поселений либо не поняли важности этого дела, либо были очень ленивыми – пишет Стрипский.¹⁸ Неудовлетворен Стрипский и качеством ответов на вопросы анкеты из русинских сел. Ответы считает краткими, записанные географические названия неточными. Причина – большинство реципиентов слабо или совсем не знали русинского народного языка.¹⁹ В записях мараморошской Верхней Апши находим 6 географических названий, а между тем автор в 1909 г. записал 95 прекрасных и поучительных примеров.²⁰ Записи

единились в отдельные общества. См. Bonkáló Sándor, *A rutének (Ruszinok)*. Bp., 1940: 130–134.

¹⁷ См. Стрипский 1924: 5.

¹⁸ См. Стрипский 1924: 49–51.

¹⁹ А. Петров отклоняет это мнение Стрипского, посвятив сборнику названий местностей, подготовленному Пешти, целую книгу. См. A. Petrov, *Neznámy rukopisný materiál pro historickou demografii Slovenska a Podkarpatské Rusi z r. 1864–65. Fr. Pesty: Helységnévtára. – Seznam osad Uher*. Praha, 1926: 70–92. Петров последовательно использовал в своем исследовании об исторической демографии Словакии 18–19 вв. рукопись сборника местностей Пешти. См. *Příspěvky k historické demografii Slovenska v XVIII–XIX století*. Praha, 1928.

²⁰ Стрипский собирал материал в 1907 г. в Верхней Апше. См. Ego, *Halot-tasházi játékok Máramarosban. Erdélyi Múzeum XXVI (új folyam IV). 1909: 188.*

Фридьеша Пешти, относящиеся к русинским поселениям, бедны, неточны, иногда недостоверны; на их основе невозможно проводить серьезные исследования, поэтому их не следует издавать. Невыполненную работу в период деятельности Пешти нужно сделать сейчас, в 1924 г. – утверждает Стрипский.

Высказывается ученый и об ответах, полученных в 1923–24 гг. в связи с этимологией названия *Освай* < *Осой*, указывая, что этот географический термин мало известен за Карпатами,²¹ а в Подкарпатье в "хотаре" 30 сел²² встречается для обозначения названия горы.²³

В статье о селе Боржава и одноименном названии реки упоминает, что данные о названиях местностей, находящиеся в книге А. Петрова "Межевые названия...", изданной в 1929 г., могут быть использованы как лингвистический материал лишь после критического отбора. В противовес Мелиху и Паижу происхождение названия Боржава объясняет от слова *берег*. Одним из главных доказательств, на взгляд ученого, является то, что в языке русинов название реки и села звучит как "Бережава" а в *Lexicon locorum* также находим форму: *Beresava* 'Бережава'. Название реки Стрипский считает первичным, а название села – вторичным.²⁴

В статье "Erge"²⁵ он материалами из Подкарпатья способствует освещению значения и истории данного слова. Дежё Паиж на его рукописи заметил²⁶, что автор должен был взять во внимание статью Аттилы Т. Сабо²⁷.

²¹ См. Sztripszky, *Magyar Nyelv* 39, 1943: 386–389. Рукопись статьи с замечаниями редактора Дежё Паиж в рукописном отделе библиотеки Венгерской Академии Наук MS 5179/164. См. исследование Стрипского на русинском языке о названии села Осой: Путаница около назвы Осой. *Литературна недѣля* (далее – ЛН) II. Ужгород, 1942. 4. 23. 246–249. Другой выпуск про Осоя. ЛН III. 1943. 4. 11. 81–83.

²² Перечисление см. в варианте статьи о с. Осой на русинском языке.

²³ Большинство материалов тогдашней научной дискуссии по поводу названия *Осой* – как и другие сведения о селении – представлены в специальном номере газеты "Русинська бисіда" (Ужгород, 1999, ч. 11), редактор которой Иван Петровций – выходец из этого села.

²⁴ См. Sztripszky, *Magyar Nyelv* 40, 1944: 348–353. Об этимологии Боржава см. еще: Benkő Loránd, Bors vezértől Borzsováig. In: Zoltán András (szerk.), *Nyelv, stílus, irodalom: Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára*. Budapest, 1998: 62–67.

²⁵ Sztripszky, *Magyar Nyelv* 39, 1943: 325–326; *Magyar Nyelv* 40, 1944: 71.

²⁶ Рукописный отдел Библиотеки ВАН Magyar Szemle 179 179/140; Magyar Szemle 5184/172.

²⁷ Szabó T. Attila, *Magyar Nyelv* 29, 1933: 242–243.

В 1942 году Г. Стрипский высказывается об истории названия Ужгород²⁸ и Чинадиево²⁹ (Берегсентмиклош). В том же году в письме Анталу Годинке сообщает, что закончил работу "Название села Нелипино".³⁰ Венгерский перевод *Hársfa* этого названия села считает ошибочным, происшедшим в 1848–1858 в канцелярии епископата. Стрипский считает, что название села связано не со славянским нарицательным именем *lipa*, а собственным именем *Hel'fna* 'некрасивая'. В отношении подобных этимологий, как и в отношении истории церкви, вспомним о весьма ценной публикации Гиядора Стрипского: "Церковнѣ схематизмы и назвы нашихъ сель".³¹ Как раз в этой статье он снова возвращается к названию *Нелипино*, отмечает, в частности: "Из собственного опыта утверждаю, что толкование русинских названий местностей наши словари дают в 40–50 случаях из 100 ошибочно. Опираясь на эти ошибочные названия, исследователь не может их использовать правильно. Как когда-то Като о Карфагене я тоже настаиваю: надо определить точную форму названий местностей и собрать названия в границах села. Из этих данных узнаем историю части венгерских земель".

На основе исследований Иштвана Книежи остроумно сопоставляет этимологически взаимосвязанные венгерскую фамилию Илошвай и русинскую Ольшавский.³² В 1942 г. он побуждает своих читателей к сбору образцов народной речи.³³ Примерами подтверждает, что в русинском языке есть фрикативный и взрывной звук *g*, одновременно обращая внимание читателей на то, что в славянских по происхождению фамилиях с фрикативным звуком *g* нельзя его произносить как взрывной.³⁴

На страницах газеты Подкарпатского Общества Наук "Литературна недѣля" объясняет представленное в словаре Митрака³⁵ русинское

²⁸ Hogy lett Ungvárból Užhorod. *Kárpáti Híradó*. Ungvár, 1942. május 30–31. Переиздание: *Kárpátaljai Szemle* V, 1997, № 2, 20–22.

²⁹ Magyar eredetű ruszin helységnevek: Beregszentmiklós – Csinagyievo. *Kárpáti Híradó*. Ungvár, 1942. április. IV/5, IV/9.

³⁰ См. Udvari István, Mikor keletkezett a Hársfalva név? Sztripszky Hiador levele Hodinka Antalhoz. *Névtani Értesítő* 21, 1999: 99–102.

³¹ Egyházi schematizmusaink és a helynevek. *Зоря – Hajnal* III. Ужгород, 1943: 206–228.

³² По мадярски Ilosvay – по руськи Ольшавский. *ЛН* 1942, ч. 6, с. 47–49.

³³ Як треба збирати матеріал для словаря. *ЛН* 1942, ч. 19, с. 199–201.

³⁴ Чи єсть справнымъ высловити прозв'иско "Гомичко" звуком *g*, яко Gomiczko. Чи правду учать наші грамматики, что в руськомъ языці звука *g* не єсть? *ЛН* 1943, ч. 2, с. 21–23.

³⁵ Mitrák Sándor, *Orosz–magyar szótár*. Ungvár, 1881.

слово *сакалаш* 'пасхальный фейерверк'³⁶, и просит помощи у читателей для уточнения значения некоторых непонятных и неизвестных ему слов.

Гиядор Стрипский высказывается и об этимологии многих других слов. В статье "Что обозначает в русинском языке слово *синетар*?" Стрипский определяет, что это слово румынского происхождения, встречающееся в Марамороше, этимологически совпадает с латинским "сона-тор" и обозначает 'сопилкарь',³⁷ а не 'работник, красящий ткань'. В статье "Стронга, загонять в стронгу"³⁸ вступает в полемику с историком Шандором Такачем, иллюстрирует этнографическими примерами доказательства того, что первичное значение слова *стронга* 'место для доения овец', а значение 'вид налога' – вторичное. Ссылаясь на словарь Гергеля Цуцора – Яноша Фогараши цитирует фразеологизм: "толкаются как овцы в стронге".

Слово *bajka* определяет как ошибочное прочтение Шандора Такача. Стрипский считает, что относящееся к тополчанскому имени слово *lajka* обозначает 'черная овца', которое в словацком языке является румынским по происхождению.³⁹ Развивая эту мысль, Стрипский венгерское слово *rajkó* также считает словакизмом.⁴⁰ В статье "Orszok", подобно Анталу Горгеру и его статье с похожим названием,⁴¹ ссылается на славянские и румынские языковые данные.⁴²

Собирая материал к теме "Народы Венгрии в зеркале народных пословиц",⁴³ он обращает внимание на глумливое название одного села –

³⁶ Обясніть сі слова. *ЛН* III. 1943, ч. 11, с. 131; там же ч. 14, с. 166–167. См. еще: Из життя слов *ЛН* III. 1943, ч. 19, с. 227–228.

³⁷ Что значить слово "синетар"? *ЛН* 1941, ч. 10, с. 79–81.

³⁸ Sztronga, esztrengába fog. *Magyar Nyelv* 20, 1924: 80–84.

³⁹ A bajka juhról meg a cigányrajkóról. *Nép és Nyelv* IV, 1944: 37–40.

⁴⁰ См. *Magyar Nyelv* 40, 1944: 297–299.

⁴¹ См. Horger, *Magyar Nyelv* 40, 1944: 279–299.

⁴² Краткое сообщение в рукописи Дежё Паижа. См. Рукописный отдел Библиотеки Венгерской Академии Наук. MS 5180/104.

⁴³ Стрипский работал над составлением сборника пословиц и поговорок под названием "Народы Венгрии в зеркале народных пословиц". Об этом он сообщает и в письме к литературоведу Арону Силади. Опубликовано: *Könyv és Könyvtár* XX. Debrecen, 1998. По этому поводу Г. Стрипский обращался за помощью и к украинскому исследователю В. Гнатиюку:

Ljubyj davnyj staryj Pryjatelju!

Buv by nezvyčajno vdjačnyj, koly b ty buv v položenju menji dopomohty osj v jakim djilji. Pracuju nad tematom: "Narody Ugorščyny v zerkalji svojich vysloviv". Choču predstavty narodnyj duch, jak vin vyjavljuje svoji osudy pro narody joho okružajuči osudy

Kajántó,⁴⁴ которое, на его взгляд, возникло в средние века, в 15–16 веке. Янош Горват глумливое стихотворение, относящееся к трансильванскому селу *Kajántó*, считает подделкой.⁴⁵ Поддержали его мнение и редакторы журнала "Magyar Nyelv" Калман Сили и Янош Мелих,⁴⁶ которым Стрипский ответил статьей "И все же подделка?"⁴⁷

otsji vyjavljautsa – ty duže dobre znaješ – v rižnych anekdotach, facecjach, prypovidkach, považnych narodnych pisnjach, djitočych ihraškach, hlumlyvych spivankach, de mova pro jakoho-budj naroda i v zadyrankach pro susidni sela. Chodytj meni holovno ob Uhrach ale pryrodno potrebujy osjaky pryčynky dlja porivnanja vysloviv iz usjich literatur slovjanskyh i neslovjanskyh iz ciloji Austro-Uhorščyny.

Jak by ty otže sam buv pry sylach menji rejestryk takych ukrajinskich, polskych, moskovskych... volosjnych etc. knych, brošur, etnografičnych zbirnych vydanj ta žurnaliv, v jakych nachodjatj sja pryčynky do tematu, se buloby krašče, bo spodivaju sja, ščo ty ponadavav by zarazom i storinky danyh žerel, jakych ty duže dobre znaješ, a ja nji, ale jak by ty ne buv v položenju ceho zrobyty, predať spravu komusj tjamuščomu. Zarazom podaj menji i dekiljka nazvysjk: do koho b menji zvernutysj iz etnografii po rižnych krajach monarchii? Ty jich pevne znaješ.

Pod rukamy maju vseho lyš (Zatureckoho Slovenska prislovi, ta Čelakovskoho Mudroslovi 1852)

Iz ukrainskich vydanj ne staje menji bahato, bo z Etnog. zbirnyka n. t. Ševčenka i t. i. vypožyčyv kiljkanajcatj tomiv Bonkalovy, ale vin, neborak, cilkovyto zhoriv, knyžky propaly z cilym mistom Gyöngyös, jak se ty pevno čytav v gazetach seho roku v maju.

Žyvemo jak znajemo; teper až v čvircji, bo svekra iz donjkoju musily bihty izza romanskojji invaziji iz Semyhorodu, chata zrujnovana, a vony žyvutj uže vyšše roku u mene. Zdorovlju tebe serdečno i bažaju tobi vsjoho dobra.

Tvij H. Sztripszky
Budapest, 30. IX. 1917

Место нахождения письма: Отдел рукописей Львовской научной библиотеки им. Стефаника АН Украины. Фонд В. Гнатюка. № 539. На этом месте выражаю глубокую благодарность доценту тернопольского университета им. В. Гнатюка господину Сергею Ткачову, который любезно обратил наше внимание на письмо Стрипского.

⁴⁴ См. *Magyar Nyelvőr* 47, 1918: 20–26. О предложенном им термине в отношении глумливого названия считает, что оно намного лучше других слов, использованных в ж. "Magyar Nyelvőr".

⁴⁵ См. Horváth János, Ősi nyolcas szerkezetek időrendje (Egy állítólagos nyelvemlék korkérdéséhez). *Magyar Nyelv* 14, 1918: 49–53.

⁴⁶ *Magyar Nyelv* 14, 1918: 54–55.

⁴⁷ *Magyar Nyelvőr* 47, 1918: 125–128.

Прикладное языкознание

Гиадор Стрипский как филолог в 1939 году предоставил активную помощь полякам-беженцам, составив для них малый венгерско-польский словарь,⁴⁸ содержащий наиболее распространенные слова с обозначением произношения. Я представил этот, соответствующий эпохе филологический документ на VIII-ой полонистической научной конференции в Будапеште.⁴⁹ Во время Второй мировой войны в двух изданиях появился труд Стрипского "Русский разговорник для венгров...", заслуживающий также внимания с точки зрения истории преподавания русского языка в Венгрии. По мнению монографа истории отечественного преподавания русского языка Калмана Кишша,⁵⁰ это был мирный, гражданский, непредназначенный для армейского (солдатского) пользования разговорник, который содержит основанную на текстах о выдуманном путешествии элементарную лексику и примеры с минимальным предоставлением грамматических знаний. Интересным в этой работе является то, что грамматическая часть полностью соответствует русскому варианту грамматического раздела в серийном издании ("Rozsnyai gyors nyelvmesterei...") 1906-го года. Участников вымышленного путешествия автор отправляет не в один из больших русских городов, например, Москву или бывший Ленинград, а в столицу Украины – Киев.

Русинский литературный язык

О русинском литературном языке Стрипский имел ярко выраженное свое мнение. Во многих своих трудах он настаивает на том, что русинская интеллигенция должна отказаться от традиций XIX века, которые ориентировались на великорусский литературный язык, и на основе языковых традиций памятников XVI–XVIII вв. создать современный ру-

⁴⁸ *Słowniczek najniezbędniejszych słów węgierskich dla Polaków, z wymową.* Bp., 1939.

⁴⁹ См. Udvari István, *Adatok Sztripszky Hiador késői alkotói korszakához* (Magyar szavak szótára lengyelek részére (1939); Vörösmarty Mihály: Szózat c. költeményének ruszin fordítása. In: Bańcerowski Janusz (szerk.), *Hungaro-Polonica* 1998–1999. Bp., 2000: 370–377.

⁵⁰ Kiss Kálmán, *A magyarországi orosznyelv-oktatás történetének száz esztendeje (1849–1949). Bölcsészdoktori disszertáció.* Nyiregyháza–Debrecen, 1993: 28–30 (kézirat); Он же, *A magyarországi orosznyelv-oktatás első korszaka (1849–1949).* Debrecen, 1995: 24–25.

синский литературный язык, поскольку язык этих памятников был близким к живой разговорной речи подкарпатских русинов.⁵¹

В труде, обобщающем историю письменности венгерских русинов, он в 8-ми пунктах излагает советы для специалистов в области новой русинской литературы. Ученый, в частности, советует: сохранить особенности, характерные для языка малороссов Подкарпатья и Закарпатья; следовать определенным традициям, сложившимся в литературе подкарпатских русинов; сохранить этимологическое *о*, избегать русских слов; бережно относиться к неизбежным в результате языкового сожительства соседних народов венгерским словам.⁵²

Свои мысли по этому поводу в этой объемной работе исследователь резюмирует следующим образом: "не с иншоѣ дороги, якъ сеся: мы повиннѣ обновити тоті руснацько-літературні змагання, котрыхъ розпочали наші предки и продовжати їхъ. Бо они выросли у насъ, отже корінь їхъ живе еще и нынѣ у насъ; а на живое, хоть и старое дерево прискіплені вітвы набизовно приймуться".⁵³

В написанной в 1913 году статье говорится: "Так как этот простой крестьянский язык (венгерских руснаков) самостоятельный, развился в хунгаро-рутенскую форму, которая далека от украинской, но от русских еще дальше, поэтому ничего другого нам не остается делать, как на основе особенностей живой крестьянской речи, создать собственный литературный язык венгерских крестьян-руснаков.

Естественно, что поскольку он очень отличается от них по содержанию, правописание его должно отличаться как от украинского, так и от русского".⁵⁴ Правописание "должно иметь целью, чтобы крестьянский язык "был одет" в такую одежду, чтоб из внешнего его вида было понят-

⁵¹ Язык литературной традиции Подкарпатской Руси. *Карпатский свѣтъ* 1930, № 9–10, 1083–1093.

⁵² См. в оригинале: "Та якихъ правилъ повинна держатися наша обновлена письменность? 1. Задержати усѣ свойства малоруського языка, котрі спольні такъ у нашої бесѣдѣ, якъ у Закарпатськихъ Русиновъ [...]. 2. Задержати Угорськї свойства: здоровый, доброе, Ісусовы родичі, быкъ и мыло, быти, што, най, пишеме, Иванъ, письменность, ци. 3. Задержати коренный звукъ "о" для золляня трехъ нарічій на пр.: отъ Бога, червеный конь, только на томъ дѣлѣ, у немъ, добрыхъ творовъ, на Угорськой Руси. [...] 6. Уминати московькї слова, коли маеме своѣ. 7. Мадяризмы, котрыхъ не можъ уходити, треба задержати. 8. У небизовныхъ випадкахъ научити и напутити насъ практіка." См. Старша руська письменность на Угорщинѣ. Написавъ: Біленькій. *Наука* 1907, № 12, 11–28.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Moskophilismus, ukrainismus és a hazai rusznákok. Budapesti Szemle* 153. K. 1913, ч. 434, 292.

но, что это ни русский, ни украинский языки, но пусть соответствует требованиям всех четырех диалектов".⁵⁵ Свои представления о правописании Стрипский внедрил на практике, в период Гражданской революции и Венгерской Советской Республики (1918–1919). Он был редактором издаваемой в декабре 1918 г. для венгерских русинов официальной еженедельной газеты "Руско-Краинская Правда", которая была официальным органом для русинов, проживающих в образованной в то время автономной территории "Руска крайня", и стал основателем серии изданий "Руско-Краинская Библиотека", первый номер которой он сам и составил.⁵⁶ В сборнике "Читанка для дорослих" Г. Стрипский поместил несколько языковых памятков карпатских русинов и статью "Из чого нам научитися по руськи?". В ней автор поддерживает идею развития литературного языка карпатских русинов. По его мнению, развитие русинского литературного языка должно опираться на два источника: отечественные русинские литературные традиции, содержащиеся в основном в народно-язычных литературных памятниках, и современные местные диалекты. В этой статье Стрипский выступает против использования церковнославянских и великорусских элементов в русинском литературном языке.⁵⁷ С целью обозначить всю важность литературных текстов, основанных на живой разговорной речи местных крестьян, Стрипский начал издание в будапештской университетской типографии переведенной в 1791 году с венгерского на русинский рукописной книги советов по хозяйству. Текст, однако, не был напечатан и сохранился лишь в корректурном экземпляре.⁵⁸

Язык появившейся в 1924 году книги по ономастике,⁵⁹ с минимальным использованием элементов русинского разговорного языка, является шагом назад по сравнению с языком его предыдущих работ. Лексика, правописание этой работы приближается к великорусскому языку, грамматические формы также приближены к русским. Приспосабливание к русскому языку, которое было характерным для традиций русинского литературного языка, Г. Стрипский объясняет адаптацией к органическому развитию русинского литературного языка. "Чтобы не ввойти въ теченіе сущихъ на Подк. Руси языковыхъ споровъ, прелагаю свой

⁵⁵ Там же 296.

⁵⁶ Ю.Я. Яворский, Литературные отголоски "русько-краинского" периода в Закарпатской Руси 1919 года. In: *Подкарпатская Русь въ честь президента Т.Г. Масарика*. Ужгородъ, 1931: 79–87.

⁵⁷ Там же 83.

⁵⁸ П.П. Чучка, Закарпатоукраїнська пам'ятка науково-популярного стилю кінця XVIII ст. *Записки наукового товариства*. Пряшів, 1997, № 4–5, 135–166.

⁵⁹ *Гдѣ документи...* См. Стрипский 1924.

трудъ въ одеждѣ пережнихъ литературныхъ традицій, излагая свои мысли малорусскими словами и въ граматичныхъ видахъ, что въ природѣ нѣтъ скока безъ помсти самой природы, а укрѣпяти свой домъ можно лишь на *существующимъ* уже фундаментѣ.⁶⁰

После возвращения Подкарпатья в 1938–39 гг. в состав Венгрии, ученый включается в активную деятельность секции русинского языка и литературы Подкарпатского Общества Наук. Систематически публикуется в издаваемой обществом периодике, в первую очередь в журналах "Литературна Недѣля" и "Зоря – Hajnal".

На страницах "Литературной недѣль" публикует несколько русинских языковых памятников.⁶¹ Согласно изданной в 1942 г. в Ужгороде истории литературы, "Гиадор Стрипский большой поклонник стремлений тех закарпатских русинов, которые стремятся поднять свой язык на уровень литературного".⁶²

В письме к профессору Иштвану Чекей Стрипский протестует против того, что в книге профессора русинский перевод Е. Балецким произведения "Szózat" Михая Вёрёшмрти представлен на русском языке.⁶³

Многие другие работы Стрипского также заслуживают внимание языковедов.⁶⁴

Требуя самостоятельного и отдельного исследования отзыв, который Гиадор Стрипский дал на габилитационное прошение словенского филолога и переводчика Агоштона Павела (1886–1946), представлен-

⁶⁰ Там же 5–6.

⁶¹ Турки подъ Віднемъ: Пісня из 1686 р. ЛН 1941, ч. 14, с. 122–124; Шаришський романъ изъ року 1550. ЛН II. 1942, ч. 20, 208–209; Пісьнь о Еп. Михаїлѣ Олшавскомъ. ЛН III. 1943, ч. 12, с. 141; Соборникъ Іерея Ігнатія (около 1660 г.). ЛН III. 1943, ч. 13, с. 149–152; Языкова памятка изъ р. 1703. ЛН III. 1943, ч. 13, с. 153–154.

⁶² См. *Исторія подкарпатурськой литературы*. Ужгород, 1942: 63.

⁶³ См. Udvari István, Adatok Sztripszky Hiador késői alkotói korszakához. Magyar szavak szótára lengyelek részére (1939), Vörösmarty Mihály: Szózat c. költeményének ruszin fordítása. In: Bańcerowski Janusz (szerk.), *Hungaro-Polonica* 1998–1999. Bp., 2000: 370–377.

⁶⁴ A magyar vezényszó történetéhez. *Századok* 43, 1909: 129–142; 203–217; Sztojka püspök újonnan felfedezett antimensionja és az irholczi monostor. Ungvár, 1910. Отдельный оттиск. *Görög Katholikus Szemle*; A Halotti Beszéd és Könyörgés, mint a görög szertartás emléke. In: Sztripszky H., *Jegyzetek a görög kultúra árpádkori nyomairól*. Bp., 1913: 51–71; *Szegedi Gergely énekeskönyve XVI. századbéli román fordításban: Protestáns hatások a hazai románságra*. Bp., 1911 (в соавторстве с Дёрдем Алексичем (Alexics György)).

ное в Сегедский университет.⁶⁵ Здесь уместно отметить, как Г. Стрипский мотивировал свое внимание к исследованиям специалиста в области словенского языка и этнографии: "Кроме общих вопросов славянского языкознания меня особо интересовал язык словенского народа, потому что из всех славянских языков только в словенском и русинском наблюдается языковое явление, когда исконно славянское закрытое *o* в отдельных случаях переходит в *ь*. Можно сказать, что именно этот звук заставил меня тщательное внимание уделять научным исследованиям Ашбота и Павела, за публикациями последнего я следил с особым интересом с самого начала".⁶⁶ Агоштон Павел подал прошение на габилизацию на историко-филологический факультет Сегедского университета по теме: "Южнославянско-венгерские языковые и литературные контакты". Габилизационное выступление его было на тему: "Король Матяш в словенской литературе и народных традициях".⁶⁷

* * *

Прошло уже более ста лет с начала научной деятельности настоящего патриота своей земли, неутомимого собирателя материальных и духовных ценностей народов, населяющих Северо-Восточную часть Карпатского бассейна. Удивительная целенаправленность в деле сохранения этих ценностей, его по-настоящему подвижническая деятельность на своем посту на протяжении столь непростого для Европы и лично для самого ученого полувека и культивируемый им комплексный подход при собирании этнографических, языковых и общекультурных ценностей являются весомым основанием для новых поколений исследователей культуры Карпатского бассейна тщательнее относиться к научному и общественному наследию крупного ученого первой половины XX века – Гиядора Стрипского.

---

⁶⁵ Место нахождения: Csongrád Megyei Levéltár. Szeged, № 117.40.41. На этом месте выражаю глубокую благодарность архивисту Илоне Х. Тот (H. Tóth Ilona), которая обратила наше внимание на весьма ценный документ. Текст отзыва Ф. Стрипского о габилизации А. Павела см. Udvari István, Adatok Sztripszky Híador műfordítói munkásságához. *Könyv és Könyvtár* XXI. Debrecen, 1999: 141–147.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Об этом см.: H. Tóth Imre, Pável Ágoston 1886–1946. In. Pável Ágoston, *A szlovén irodalom vázlatos áttekintése (Történelmi áttekintés)*. Szeged, 1976: 61–62.

Приложение
Лингвистические работы Гиядора Стрипского

- Старша руська письменность на Угорщинѣ. Написавъ: Біленькій, *Наука* 1907. № 10, 11–13, 29.
- A magyar vezényszó történetéhez [К истории венгерских слов, обозначающих команды]. *Századok* 43, 1909: 129–142; 203–217.
- A Halotti Beszéd és Könyörgés, mint a görög szertartás emléke [Проповедь и молитва над усопшим как памятка греческого обряда]. In: Sztripszky H., *Jegyzetek a görög kultúra árpádkori nyomairól*. Вр., 1913.
- Hogyan ingerkedtek a szomszéd falusiak [Как подшучивали друг над другом соседние села]. *Pesti Hírlap* 1917. VI. 3.
- Egy erdélyi nyelvemlék [Об одной памятке из Трансильвании]. *Magyar Nyelvőr* 47, 1918: 20–26.
- Csakugyan ál-nyelvemlék? [Действительно ли псевдопамятка?] *Magyar Nyelvőr* 47, 1918: 125–128.
- Гдѣ документи старшей исторіи Подкарпатской Руси? О межевыхъ названияхъ. Ужгород, 1924.
- Sztronga, esztrengába fog [Значение слова *стронга* и выражения *загонять в стронгу*]. *Magyar Nyelv* 20, 1924: 80–84.
- Язык литературной традиции Подкарпатской Руси. *Карпатский свѣтъ* 1930, № 9–10, 1083–1093.
- Słowniczek najniezbędniejszych słów węgierskich dla Polaków, z wymową – A legszükségesebb magyar szavak szótára lengyelek részére, kiejtéssel*. Budapest: Aczél Testvérek, 1939.
- Что значить слово "синетарь"? *ЛН* 1941, ч. 10, с. 79–81.
- Якъ збирати и упорядковувати народні пісні? *ЛН* 1941, ч. 11, с. 86–87; ч. 12, с. 99–100.
- Турки подъ Віднемъ: Пісня изъ 1686 р. *ЛН* 1941, ч. 14, с. 122–124.
- Magyar eredetű ruszin helységnevé: Beregszentmiklós – Csinagyievo [Венгерское происхождение русинского названия селения Чинадиево]. *Kárpáti Híradó*. Ungvár, 1942. április. IV/5, IV/9.
- Hogy lett Ungvárból Uzsgorod? [Как из Унгвара возник Ужгород?] *Kárpáti Híradó*. Ungvár, 1942. május 30–31.
- Чи знаєте назву свого села? *ЛН* 1942, ч. 4, с. 28–30.
- По мадярски Posvay – по руськи Ольшавский. *ЛН* 1942, ч. 6, с. 47–49.
- Якъ треба збирати матеріал для словаря. *ЛН* 1942, ч. 19, с. 199–201.
- Штефанъ воевода. *ЛН* 1942, ч. 20, с. 202–209.
- Путаниця около назвы Осой. *ЛН* 1942, ч. 23, с. 246–249; *Русинська бисіда* 1999, ч. 11, с. 2.
- Egyházi schematizmusaink és a helynevek. *Зоря – Hajnal* III. Ужгород, 1943: 206–228.
- Чи есть справнымъ высловити прозвисько "Гомичко" звуком g, яко Gomiczko. Чи правду учать наші грамматики, что в руськомъ языці звука g не есть? *ЛН* 1943, ч. 2, с. 21–23.
- Другий выпускъ про Осоя. *ЛН* 1943, с. 81–83; *Русинська бисіда* 1999, ч. 11, с. 2.

- Обясніть сі слова. *ЛН* 1943, ч. 11, с. 131; ч. 14, с. 166–167.
- Соборникъ Іерея Ігнатія (около 1660 г.). *ЛН* 1943, ч. 13, с. 149–153.
- Піснь о Еп. Михаїлі Олшавскомъ. *ЛН* 1943, ч. 12, с. 141.
- Язикова памятка изъ р. 1703. *ЛН* 1943, ч. 13, с. 153–154.
- Изъ життя слов. *ЛН* 1943, ч. 19, с. 227–228.
- Oszvaj [Значение названия села Освай]. *Magyar Nyelv* 39, 1943: 386–389.
- Erge [О слове *erge*]. *Magyar Nyelv* 39, 1943: 325–326; 40, 1944: 71.
- Bajka [О слове *байка*]. *Magyar Nyelv* 40, 1944: 71.
- Borzsava [О названии реки Боржава]. *Magyar Nyelv* 40, 1944: 348–353.
- Orszok [О слове *орсок*]. *Magyar Nyelv* 40, 1944: 378.
- A bajka juhról meg a cigányrajkóról [О "черной овце" и "цыганском ребенке"]. *Nép és Nyelv* IV, 1944: 37–40.
- Baranyamegyei helynevek [Топонимы области Бараня]. *Magyar Nyelv* 41, 1945: 94.
- Helynevek a háromszéki Bikfalváról [Топонимы харомсекского села Бикфолва]. *Magyar Nyelv* 41, 1945: 94–95.

ИСПОЛЬЗУЮТ ЛИ (ПОЛНОСТЬЮ) СЛАВИСТЫ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ МАШИНЫ?

Габор Л. Балаж

(Balázs L. Gábor, Szegedi Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

На двойной вопрос заглавия одновременно ответить невозможно, поэтому в дальнейшем мы попытаемся изложить свои мысли об этой проблеме по очереди. На вопрос: **используют ли** слависты компьютер, можно с радостью и большей уверенностью ответить: да, все больше, все чаще и все многостороннее. Это безусловно факт, несмотря на то, что полный ответ существенно сложнее, ведь подразумевается и то, что есть и такие коллеги, которые или вообще не пользуются компьютером, или прибегают к нему лишь изредка, для решения отдельных конкретных задач. Только одной возможной причиной этому может быть то, что не у всех имеется компьютер дома, а на местах работы количество вычислительных машин, приходящих на человека, меньше одного, хотя данное обстоятельство само по себе оказывает значительное влияние на формирование настоящего положения. К тому же, надо принять во внимание и трудности приобретения программных обеспечений, юридические вопросы пользования им, а также иногда и недостаток или недоступность специальных целевых программ. Нам кажется, однако, что кроме материальных факторов существуют и иные, не менее значительные аспекты, которые часто не принимаются к сведению, в то время как в известном смысле от этого зависит – по меньшей мере отчасти – будущее исследований и обучения. Дело в том, что даже имеющимися компьютерами не пользуется каждый, кто имеет на это возможность, потому что или он чуждается техники, или не верит в то, что ему вообще удастся усвоить, как пользоваться той или иной программой. Многие до сих пор думают, что для работы с компьютером нужны математические знания, осведомленность в специальных языках программирования, и, пожалуй, в электротехнике. Те, кто хотя бы однажды попробовали, как можно работать с помощью вычислительной машины, легко могли убедиться в том, что это вовсе не так. Настороженность такого типа не является новым явлением в обучении и исследовательской работе, ведь было время, когда эпидиаскопы, проекторы, магнитофоны, а позже видеоаппаратура и лазерные приборы разделили работников исследовательских институтов на две партии. Есть специалисты, которые до сих пор не пользуются этими наглядными пособиями,

вопреки тому, что уже никто не может сомневаться в том, что применяя их можно повышать уровень отдельных лекций. Естественно не случайно, что все эти замечания относятся прежде всего к представителям гуманитарных наук, ведь, например, в кругу работников естественных и медицинских наук картина намного благоприятнее. Вместо чрезмерных обобщений или упрощений, однако, стоит конкретнее и более оптимистически рассмотреть положение пользования вычислительными машинами у славистов. Мы на- рочно не будем стремиться к полноте раскрытия данного вопроса, нашей целью является, в первую очередь, привлечение внимания и побуждение к нему, ведь тема лежит на улице...

Что касается тривиальных, рутинных программных обеспечений, к счастью, пользование вычислительными машинами становится все благо-получнее как с количественной, так и с качественной точки зрения. Вместо точных статистик здесь мы намереваемся сослаться лишь на самые общие явления. Например на то, что уже очень многие признали, что применение какой-либо редакторской программы намного удобнее и эффективнее даже самой лучшей пишущей машины, потому что таким образом растрачиваем меньше бумаги, из-за незначительных поправок не приходится заново напечатывать весь текст, на одной дискетке помещается целая книга. Более того, всю рукопись можно послать с помощью электронной почты в любой край света или по нескольким адресам, если это нужно, и таким образом, что адресат через пару минут уже может прочитать ее. За относительно не-долгое время можем составить глоссарии, указатели, содержание к суще-ствующему документу. И это, конечно, еще не все. Те, кто пользуются ка-кой-нибудь редакторской программой, знают, что кроме перечисленных возможностей в ходе работы можно пользоваться десятками или сотнями удобных функций и практичных услуг. Подобное положение имеется и в случае программ для обработки базы данных или сложных таблиц. В то время как обработка данного текста раньше была немыслима без карточек и картотеки, сегодня можно не только избежать этой операции, но даже желательно заменить ее компьютерной обработкой. Правда, и таким обра-зом приходится как-нибудь ввести данные в машину, но после этого предоставляется возможным систематизирование, добавление, отпечатание, пересылка и т.д. материала, причем на основе любых точек зрения, после любых поправок, и сколько раз угодно, практически без объемных огра-ничений. К тому же, даже внос данных можно облегчить путем применения в наши дни уже недорогих сканнеров и т.н. программ оптического рас-познавания текста. А что касается возможностей поиска в документах, закрепленных электронным, т.е. в конечном счете бинарным способом, они уже почти сами по себе представляют достаточную причину на пользование вычислительной машиной, просто потому, что предоставляют удобные, не-

трудные, полностью надежные (практически без ошибок) операции, независимо от того, какое программное обеспечение имеется в виду.

Из ежедневных рутинных действий, совершаемых с помощью компьютерной сети следует припомнить скорее всего электронную почту (*e-mail*) и пользование Интернетом. Первое, к счастью, уже применяется и такими коллегами, которые раньше вообще не пользовались компьютером. Нет надобности особо утверждать преимущества данной услуги, ведь общеизвестно, что *e-mail* является быстрой, удобной и даже бесплатной возможностью. Стоит подчеркнуть, однако, что с помощью электронной почты кроме простой переписки – как мы отметили выше – можно послать адресату (или одновременно нескольким адресатам) большие и маленькие файлы данных, программы, даже звуковые или видеозаписи. Для осуществления последних задач, конечно, имеются и другие способы (FTP, Internet), но безусловно самым распространенным (и самым простым) остается *e-mail*. Об Интернете можно слышать самые разные ошибочные мнения, поэтому важно осознать, что, несмотря на безусловно встречающиеся отрицательные явления, мировая сеть представляет собой, в первую очередь, неисчерпаемый источник, международный форум, который доступен всем, и хотя существуют и платные услуги, он обеспечивает в сущности неограниченное количество знаний, данных, программ, адресов, телефонных номеров и т.д., бесплатно и быстро, для каждого. В наши дни, когда приобретение все более дорогой специальной литературы и межбиблиотечные заказы часто затруднительны или требуют слишком много времени, данное обстоятельство само по себе заслуживает внимания. Такие возможности, как например видеоконференция, известны пока лишь немногим, но это вовсе не означает, что они не могут стать обыкновенным коммуникационным средством в течение нескольких лет, даже для славистов. К такому положению, с другой стороны, надо подготовиться вовремя, ведь развитие технического фона – очевидно – поразительно ускоренное.

На второй вопрос, заданный в заглавии, т.е. **используют ли полностью** слависты компьютеры, нам хочется дать немного более подробный и конкретный ответ. Кроме выше перечисленных наспех рутинных, практически независимых от языкового посредства и темы областей применения, вычислительные машины – если мы снабжаем их надлежащими программами – способны решать значительно более сложные и специализированные задачи или ряд комплексных задач. Именно из-за специфичности задач, однако, в дальнейшем мы попытаемся сосредоточиться на одной – хотя довольно сложной – области исследования: на палеославистике. В ходе обзора, однако, будут затронуты и общие, толкуемые и в более широком ракурсе аспекты.

На основе доступных мне данных,¹ в рамках палеославистики впервые стали пользоваться компьютером в августе 1980 г. в Голландии, в Ниймегенском университете. Группа ученых, управляемая профессорами Груйсом и Костером, к которой позже присоединился и В. Федер, на основе голландской версии программы SDDR, написанной для операционной системы CP/M, разработала систему, подходящую для описания и каталогизации рукописей, обширная документация которой закончилась в 1983 г. В 1986 г. болгарский профессор Денев подготовил доступную для более широкой исследовательской среды разновидность этой программы для MS-DOS, для компьютеров типа IBM ПК, дополнив ее кириллическим, свободно изменяемым шрифтом. В 1987 г. журнал *Полати књигописьная* опубликовала материал запланированной в Ниймегене,² но в конце концов неосуществленной конференции, посвященной международной базе данных средневековых рукописей. В том же году, по инициативе CIBAL, появилось описание другой системы для базы данных, которое вышло в свет также в журнале *Полати књигописьная*. По разным причинам ни одна из упомянутых программ не распространилась среди славистов. К попыткам прошлых двух десятилетий относится инициатива Института русского языка *Машинный фонд русского языка*, первичной целью которой было создание электронного собрания русских текстов (прежде всего с лексикографической целью), но из-за местной платформы и эта программа не могла стать популярной. В наши дни существует немало коммерческих продуктов, предлагаемых специально для палеославистов (TSAR, IS T и т.п.), но, с одной стороны, они являются довольно дорогими, а, с другой стороны, их нельзя назвать удобными для использования. К тому же, в них имеются определенные недостатки. Из более надежных инициатив – опять не претендуя на полноту – мы хотим обратить внимание на три.

Первая инициатива – финская попытка описать морфологию старославянского языка на двух уровнях. Ее разработал Линдстедт, адаптируя модель Коскенниemi для старославянского языка.³ Главными чертами модели являются следующие: 1) она описывает морфологическую систему старославянского языка с помощью правил, действующих на двух уровнях, определяющих соотношение между лексическим и поверхностным представлением данной словоформы, 2) правила не однонаправленные, то есть

---

¹ *The First International Conference on Computer Processing of Medieval Slavic Manuscripts, 24–29 July 1995, Blagoevgrad, Bulgaria.* <http://www.ccu.hu/medstud/ralph/report.htm>.

² *Полати књигописьная*, December 1987: 17–18.

³ J. Lindstedt, *A Two-Level Description of Old Church Slavic Morphology. Scando-Slavica* 30, 1984: 165–189.

модель одинаково подходит как для образования (порождения), так и для распознавания (анализа), 3) для иллюстрации действия системы Линдстедт написал компьютерную программу, которая на ограниченном наборе лексем, но убедительно показывает функционирование данной модели.

Модель, выбранная нами в качестве второго примера – т.н. программа OCSGen, которая является старославянской имплементацией системы BETA, разработанной в Стокгольмском университете.⁴ Она симулирует исторические фонологические процессы с индоевропейской эпохи до старославянской, в форме хронологически систематизированных правил (rewriting rules). Система при входе принимает индоевропейские словоформы, а при выходе обеспечивает старославянские рефлексy. Эта модель предназначена для облегчения сравнительно-исторических исследований тем, что она способна порождать все фонологически возможные старославянские словоформы, естественно, за существенно более короткое время, чем это можно было бы делать без вычислительной машины.

Третье программное обеспечение является примером того, как можно использовать компьютер для текстологической обработки старых славянских текстов. М. Камулья из Пизы сделала сопоставительный анализ семи славянских псалтырей с помощью программы DBT.⁵ В ходе работы, сделанной действительно эффективной именно при помощи компьютера, проливался свет на многочисленные лексические варианты, которые различаются от текста выбранной образцом Синайской псалтыри. Рассмотрение собранных пар слов по автору подтвердило такое мнение, согласно которому славянскую традицию псалтыри следует считать единой. В связи с программой DBT, разработанной в Институте компьютерной лингвистики в Пизе, Камулья замечает, что она делает возможным невероятно быстрое и точное совершение «операций» на (в данном случае) старых славянских текстах, в реальном времени и интерактивно.

Из вышеупомянутых осязаемо, что в славистических исследованиях пользование вычислительными машинами стало все популярнее и распространеннее за прошлые два десятилетия. Нельзя не признать, однако, что время от времени возникают и определенные трудности. Самой серьезной проблемой является отсутствие унифицированности почти во всех областях. Что касается аппаратных средств, известно, что наряду с наиболее распространенными в Венгрии ПК типа IBM, многие пользуются машинами

---

⁴ L. Borin, A Computer Model of Sound Change: an Example from Old Church Slavic. *Literary and Linguistic Computing* 3, No. 2, 1988: 105–108.

⁵ M. Camuglia, The Psalter, its tradition and the computer: a new method of textual analysis. *Paleobulgarica/Старобългаристика* XX, No. 1, 1996: 3–13.

иной архитектуры, прежде всего Apple Macintosh и Sun. Часто бывает, что обмен данными между этими компьютерами затруднителен, что дальше осложняется разнообразием операционных систем (MS-DOS, Windows, Mac OS, OS/2, UNIX, LINUX). Нередко даже внутри одной платформы проблематична конверсия данных, переносимость документов, шрифтов, программ. В качестве характерного примера можно сослаться на следующее обстоятельство. Хотя и чрезвычайно распространенная редакторская программа Microsoft Word, и подобно популярная WordPerfect имеют версии для операционной системы Windows, все равно нельзя беспрепятственно прочитать текст, написанный с помощью одной программы, на компьютере, где доступна только другая программа, несмотря на то, что теоретически обе поддерживают конверсию туда и обратно. Это особенно так, если в данном тексте одинаково встречаются, например, и кириллические, и латинские буквы. До сих пор исследования немало затруднил тот факт, что нет настоящей координации между славистами, с одной стороны, и специалистами, занимающимися греческой, латинской и еврейской палеографией и кодексами, с другой. Именно поэтому следует считать важной вехой возникновение проекта под названием "Компьютерная обработка старых славянских рукописей",⁶ представленного следующими исследователями: Д. Бирнбаум (Питтсбургский университет), А. Бояджиев (Софийский университет), М. Добрева (Институт математики БАН), А. Милтенова (Институт литературы БАН). Проект основывается на следующих принципах: 1) унифицирование файлового формата документов, 2) многократная применимость (данные независимы от переработки), 3) переносимость электронных текстов (независимость от местных платформ), 4) необходимость сохранения в электронной форме языковых памятников, 5) стремление к структурированному распределению данных в соответствии со славянскими традициями орфографии, текстологии, палеографии и т.д.

В рамках данного проекта осуществилась в июле 1995 г., в Благоевграде (Болгария) конференция, превзошедшая все ожидания, под названием "Компьютерная обработка средневековых славянских рукописей". На пятидневное мероприятие приехали свыше семидесяти участников из одиннадцати стран. Тридцать четыре доклада были распределены в десяти секциях, а именно: I. Состояние исследования, II. Проблемы кодирования, III. Обработка текстов: проблемы, методы и средства, IV. Сравнение сводов, V. Шрифты и графическая обработка, VI. Компьютерная обработка дан-

---

⁶ Л. Тасева, М. Йовчева, Компютърна обработка на средновековни славянски ръкописи. *Paleobulgaria/Старобългаристика* XX, No. 1, 1996: 121–127. См. еще: *The First International Conference on Computer Processing of Medieval Slavic Manuscripts, 24–29 July 1995, Blagoevgrad, Bulgaria*. <http://www.ceu.hu/medstud/ralph/report.htm>.

ных из средневековых славянских рукописей путем использования языка SGML, VII. Применение систем для базы данных, VIII. Частные исследования: типы рукописей, IX. Multimedia, X. Программа KLEIO. На конференции участники пришли к общему согласию в том, что т.н. язык SGML (Стандартизированный генерализированный Markup язык, англ. Standard Generalized Markup Language), особенно его применение TEI (см. подробнее об этом ниже), предоставляет адекватные рамки для удовлетворения нужд исследователей, работающих в разных областях, в то время как он обеспечивает стандартизированную модель для членения документов и для кодирования знаков препинания и символов. Несколько специалистов, принимающих участие в значительных проектах кодирования, согласилось о том, что они объединенными усилиями будут стремиться к приспособлению директив TEI к особым требованиям славянских филологических исследований (TEI = Text Encoding Initiative, т.е. Инициатива для кодирования текстов). Другим конкретным результатом конференции было немедленное создание доступного каждому архива FTP для ранних кириллических текстов и связанных с ними электронных файлов (<ftp://ftp.pitt.edu/dept/slavic>), и создание информационной страницы в мировой сети (<http://www.ceu.hu/medstud/obsht.htm>). На этой странице можно найти, между прочим, проекты в связи с кириллическими и глаголическими рукописями, данные бесплатно доступных в электронной форме памятников, библиографические подробности опубликованных в прошлые годы изданий, касающихся данной проблематики, новейшие микрофильмы Хиландарской библиотеки в Огайо, немало полезных адресов по Интернету, местонахождение основных документов и т.д. Можно только пожалеть, что на этой значительной и результативной международной конференции – насколько нам известно – не принимал участие ни один венгерский славист. Несколько смягчает положение, однако, что в представленный здесь проект можно включиться в любое время.

Ввиду важности двух вышеупомянутых понятий (язык SGML и система TEI), нам хотелось бы остановиться на них кратко.

SGML является международным стандартом, определяющим независимые от средств и систем методы для представления текстов в электронной форме. Другими словами, SGML – это метаязык, формально описывающий какой-либо язык, в данном случае т.н. "этикетировочный" язык (markup language). Этикетирование означает снабжение текста такой дополнительной информацией (замечания, комментарии), которая содержит в себе эксплицитные указания в связи с интерпретацией текста. Таким образом, этикетировочный язык является множеством правил маркировки для кодирования текстов, определяющих, что считается допустимым, какая маркировка нужна, и как следует ее разграничивать от самого текста. Здесь важно подчеркнуть независимость от средств и систем, ведь это значит, что

совершенно все равно, на каком компьютере, под какой операционной системой и с помощью какой редакторской программы вводится текст для обработки. Благодаря стандартизированному формату, текст, написанный на языке SGML, можно изобразить на мониторе в готовом для отпечатки виде. Одни редакторские программы, как например последние версии Corel WordPerfect для Windows, содержат удобные возможности изображения и манипулирования текстов в формате SGML. (Microsoft Word, к сожалению, пока не поддерживает стандарт SGML, но ввод таких текстов возможен.)

Данный стандарт был принят и используется вышеупомянутой инициативой для кодирования текстов TEI, разработка которой началась в 1987 г., также в форме международного проекта. Ее возникновению содействовала возникшая у филологов потребность, согласно которой для сложных текстовых структур необходима единая система кодирования. Таким образом предоставится возможным минимизировать многообразие существующей практики кодирования, упростить машинную обработку и стимулировать обмен электронными документами. Скоро выяснилось, что одна достаточно гибкая схема может обеспечить общее решение для проблем кодирования. Для такой цели систему TEI стали распространять таким образом, чтобы она была пригодной для удовлетворения многообразным требованиям практически любой области науки или любого применения. Следовательно, TEI стала единственной систематизированной попыткой разработать всеобщую модель кодирования текстов, подходящей как для обработки и анализа любого текста, написанного на любом языке, так и для обслуживания широкого круга существующих и будущих применений. Подробная документация системы общедоступна, между прочим, по Интернету, в форме так называемых директив (TEI Guidelines). Эти директивы, без ограничений в форме или содержании, действительны для любого текста, написанного на естественном языке, независимо от того, когда написали данный текст, или к какому литературному жанру или типу он принадлежит. Сверх того, эти же директивы относятся и к связным текстам, и к словарным материалам, и к лингвистическим корпусам. Стоит обратить внимание и на то, что правила и рекомендации, сформулированные директивами, соответствуют качественному стандарту ISO 8879, определяющему язык SGML, и стандарту ISO 646, определяющему семибитовый набор знаков для взаимного обмена кодированных текстов. Самыми важными целевыми установками директив TEI являются следующие: обеспечение стандартного формата для обмена данными, указания для кодирования текстов в таком формате, поддержка для кодирования всякого рода свойств изучаемого исследователями всякого рода текста, независимость от программных обеспечений. Кроме этого, важной целью является и стремление к сохранению как можно большей взаимозаменяемости со существующими

стандартами, и поддержка для конверсии уже существующих электронных текстов в новый формат. Представление системы конкретных этикеток для кодирования текстов, а также и описание синтаксиса, определяющего употребление таких этикеток, намного вышло бы за рамки настоящей работы, поэтому здесь не будем заниматься этим. Основная идея, которую мы попытались очертить выше, однако, сама по себе пригодна для возбуждения интереса. Для тех, кто интересуется подробностями, свободно доступна целая система TEI, включительно и описание метаязыка SGML, как об этом уже говорилось.

Мы приготовили этот беглый обзор в надежде, что более точное понимание настоящего положения и возможностей придаст новый размах компьютерной обработке текстов среди славистов Венгрии. Ведь уже с полным правом можно установить, что слависты все чаще и все удачнее используют вычислительные машины, хотя возможности практически неограничены, следовательно, обязанностей в данной области еще много. Машины, конечно, никогда не заменят деятельность креативного человеческого ума, но дело не в этом. Пользоваться компьютером стоит для того, чтобы облегчить механические, продолжительные, иногда монотонные рабочие процессы и одновременно сократить количество ошибок. А результат: единообразная обработка, точность, экономность времени и энергии, стандартизированные методы и форматы (т.е. переносимость), взаимозаменяемость, копируемость, сохраняемость, простая пересылаемость. С другой стороны, нам нечего терять, ведь не нужно отказываться от традиционных, проверенных исследовательских принципов, значит не надо приносить никаких жертв. Несколько лет тому назад – особенно в Средней и Восточной Европе – пользование компьютером считалось редкой привилегией. Сегодня, однако, не можем позволить себе пренебрегать доступными нам средствами информатики или оставлять их невключенными на долгое время. В завершение хочется всем нам пожелать пользоваться вычислительными машинами как можно больше, лучше и результативнее, во славу науки и в назидание самим себе.

RUSSIAN LEXICON IN CROATIAN

Károly Gadányi

(Gadányi Károly, Berzsényi Dániel Főiskola, Szláv Filológiai Tanszékcsoport,
H-9701 Szombathely, Károlyi Gáspár tér 4.)

Despite the absence of large-scale direct linguistic contacts between Croats and Russians in the course of their respective cultural development, the penetration of Russian words into Croatian has a long history. For the most part, the entry of russianisms took place across written channels and by means of various intermediary languages: Church Slavonic in its Eastern Slavic redaction, Serbian, Czech, and Polish. Thus it is often difficult, and in certain cases impossible, to determine precisely whether we are dealing with an "authentic" russianism, as opposed to a "pseudo" or "false" slavonicism. The closely-related Slavic languages share many words of Common Slavic origin which display complete semantic equivalency alongside minimal distinctions with respect to grammatical or word-formational properties.

In the mid-19th century, a small but characteristic stratum of the Russian lexicon began to enter Croatian directly from Russian *belles lettres*, primarily from the works of such "classic" authors as Pushkin, Gogol, Turgenev, Goncharov, Dostoevsky, and Tolstoy. This was a continuous process, despite the fact that, for various reasons, Russian books and other publications reached the Croats on an irregular basis and in limited quantities.

At the end of the 19th century and over the following decades, the new Russian lexicon appeared on an occasional basis in the Croatian press and in artistic and publicistic works of Croatian writers (A. Matoš, M. Krleža, A. Cesarec, D. Cesarić and others). Over time, some of these words gained a firmer footing in the language with their appearance in Croatian dictionaries of various types.

The identification of lexical borrowings from Russian into Croatian and other Slavic literary languages has often drawn the attention of researchers. Beginning with the scholarly activity of J. Dobrovský, the "father of Slavic philology", various aspects of this topic have been addressed, such as the complications involved in identifying genuine russianisms in connection with individual Slavic languages. Attempts have also been made to differentiate etymologically Russian neologisms from the church slavonicisms which have functioned in the written forms of all the Slavic languages since ancient times. The list of researchers who have taken up the topic of Russian borrowings in Croatian includes several Croatian linguists, such as T. Maretić (*Ruske i češke riječi u književnom hrvatskom jeziku*. In: *Rad JAZU*, knj. 108. Zagreb, 1892: 68–98; *Gramatika i stilistika hrvat-*

skog ili srpskog književnog jezika. Zagreb, 1899, I. izd., 1931, II. izd., 1971, III. izd.; *Hrvatski ili srpski savjetnik za sve koji žele dobro govoriti i pisati književnim jezikom našim*. Zagreb, 1924; Pregled srpskohrvatske gramatičke terminologije XVII., XVIII. i XIX. vijeka. In: *Rad JAZU*, knj. 243. Zagreb, 1932: 13–90), St. Ivšić (Slavenske tudice u Petra Preradovića. In: *Hrvatska njiva*, br. 2. Zagreb, 1918), M. Hraste (Strani elementi u srpskohrvatskom narodnom i književnom jeziku. In: *Radovi slavenskog instituta*. Zagreb, 1958: 43–50), Lj. Jonke (*Književni jezik u teoriji i praksi*. Zagreb, 1964; *Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća*. Zagreb, 1971; Zasluge i slabosti hrvatskih vukovaca. In: *Jezik*, br. I. Zagreb, 1978/1979), and Z. Vince (*Putovima hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb, 1978). Scholars of other nationalities who have dealt with the same topic include the historian of the Slovenian literary language A. Breznik (*Jezikoslovne rasprave*. Ljubljana, 1982; *Življenje besed*. Ljubljana, 1967), the distinguished Czech comparative linguists B. Havránek (*Studie o spisovném jazyce*. Praha, 1963) and A. Jedlička (*Josef Jungmann a obrozená terminologie literární vědná a lingvističká*. Praha, 1948), the Finnish Slavist and Russist V. Kiparsky (*Russische historische Grammatik*. Band III. Heidelberg, 1975), the English specialist in the history of the Slavic literary languages R. Auty (Uzajamni utjecaji u jezičkom preporodu Čeha, Slovaka i Južnih Slavena. In: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane. MSC. Referati i saopštenja*. Sv. 1. Beograd, 1977), the Polish Slavist T. Orłóš (*Zapożyczenia słowiańskie w czeskiej terminologii botanicznej i zoologicznej*. Kraków, 1972), the Bohemianist V. Šmilauer (Jungmannův Slovník Česko-německý. In: *Slavica Pragensia XVII. Philologica* 3–4. Praha, 1974), the Canadian Slavist G. Thomas (*Linguistic Purism*. London – New York, 1991), the specialist in Russian historical lexicology L. L. Kutina (Jazykovye processy, vznikajuščie pri stanovlenii naučnyx terminologičeskix sistem. In: *Lingvističeskie problemy naučno-texničeskoj terminologii*. Moskva, 1970), the Ukrainian lexicologist E. V. Opel'baum (*Vostočno-slavjanskije leksičeskie elementy v nemeckom jazyke*. Kiev, 1971), the historian of Slavic literary languages and lexicologist G. A. Lilič (*Rol' russkogo jazyka v razvitii slovarnogo sostava češskogo literaturnogo jazyka: konec 18 – načalo 19 veka*. Leningrad, 1982).

Several russianisms can be found in the first Croatian lexicographical publications (F. Vrančić, B. Kašić, J. Habelić, I. Belostenec, A. Jambrešić, I. Mažuranić – who studied in Szombathely and was governor of Croatia – and others) and in the works of such Croatian writers as M. Bogović, K. S. Đalski, M. Krleža, and A. Matoš.

Many Russian words are recorded with commentaries in contemporary lexicographical publications, such as the 23-volume historical dictionary published in Zagreb by the Yugoslavian Academy of Science and Arts (*Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. I–XXIII, sv. 1–97. Zagreb: Jugoslavenska akademija zna-

nosti i umjetnosti, 1881–1973), the dictionary of Church Slavonic in its Croatian redaction (*Rječnik crkvenoslavenskog jezika hrvatske redakcije. Lexicon linguae slavonicae redactionis croatica*, sv. 1–3. Zagreb, 1991–1993), the etymological dictionaries of P. Skok (*Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. I–IV. Zagreb, 1971–1974, I. izd., 1988, II. izd.) and A. Gluhak (*Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb, 1993), and B. Klaić's dictionary of foreign words and borrowings (*Rječnik stranih riječi: Tuđice i posuđenice*. Zagreb, 1978, I. izd.) and others.

The larger part of the Russian lexicon borrowed into Croatian reflects prominent events and names connected with various periods of Russian history. The lexically diverse material collected by the present author and his colleague Viktor Moiseenko includes important geographical terms (such as the names of historical and ethnic territories), Christian names and surnames, and other notions and terms which are linked to the history of Russia from antiquity through the post-Soviet period. Our listings also included the names of personages represented in Russian folklore and in Russian *belles lettres* from the nineteenth and twentieth centuries. Elements of Russian popular speech (*prostorečie*) and urban slang, as well as the most common abbreviated and compound forms, are also listed. We have also included a number of words which reflect cultural traditions and folkways characteristic of the Russian people and of the numerous non-Slavic peoples who have inhabited Russia in the past or continue to do so in our own day.

With respect to some of these words, their designation as "russianisms" is hypothetical to a certain degree. However, for all of the items in the collection, the Russian language served as the intermediary for their borrowing into Croatian, and borrowing took place only after the items had been grammatically and semantically incorporated into Russian.

In the recent past, the Croatian literary language has witnessed the appearance of certain new words and expressions which reflect the realities of Russia in the *perestrojka* and post-*perestrojka* periods. As *sui generis* and sporadic "lexical meteorites", they occupy the periphery of Croatian literary usage and must undergo the test of time before they are fully established in the language.

Our list includes a certain number of recent Russian lexical and semantic neologisms which rarely appear in the Croatian press and other publications. Such items have their source in Russian political jargon and contemporary urban vernacular; most of them have not found their way into bilingual Croatian–Russian and Russian–Croatian lexicographic publications.

Below are some items from our collection: *aršin* ('ancient unit of measurement, 72.12 cm'; found in the expression *mjeriti koga na svoj aršin* 'according to one's material circumstances'), *ataman*, *avgustejši* (epithet applied to members of the tsar's family), *baba* (Croatian meaning: 'married village woman'; 'simple, uneducated woman'; 'wife' (ironic), [of men] 'henpecked husband, timorous man' –

(three-day observation period) *zašto gladiš tuđe babe?*), *banja* ('ruskoparno kupalište' (recently) 'girl'), *barišnja*, *bogatir* ('hero in works of ancient Croatian writers'), *boljarin* ('wealthy person'), *boljševik*, *boljševikinja*, *boljševizacija*, *Car Puška* (found in writings of Krleža), *celina*, *crnorizac* ((Church Slavonic) 'monk'), *čaj*, *čarodej* ('magician, sorcerer'), *častuška*, *čeka*, *čin*, *dača*, *dnevnik*, *dobrovoljac*, *duhovenstvo*, *durakdvornik*, *golovomojka*, *graždanka*, *jamščik*, *jantar*, *ježemjesičnik* ('periodical'), *knjaz*, *komsomolac*, *kozmodrom*, *kurgan*, *lunohod*, *ljubaznost*, *rubaska*, *samovar*, *šči*, *točka*, *tovarišč*, *udarnik*, *volokita*, *vražda*, *žemčug*, *žulik*.

СЛАВЯНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ТРАНСИЛЬВАНИИ ВО ВРЕМЯ ОБРЕТЕНИЯ ВЕНГРАМИ РОДИНЫ

Сильвия Сабо

(Szabó Szilvia, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

В данной работе мы стремились к тому, чтобы собрать и наглядно показать результаты историко-лингвистических, исторических и археологических исследований, касающиеся трансильванского славянства IX в., т.к. работы по лингвистике естественно не могут обойтись без данных исторических исследований, исторических источников и результатов археологии.

Относительно Трансильванской территории мы располагаем значительно бóльшим количеством источников, чем, например, о территории венгерского Алфёльда. Однако, только языковедческие исследования дают нам гораздо меньше бесспорных материалов для ближайшего определения славянского населения средневековой Трансильвании, чем на территории Большой Низменности. В этом случае большим подспорьем служат результаты истории и археологии.

В первой части настоящей работы мы попытались показать основные методические приемы, с помощью которых можно определить на основе огромного количества славянской по происхождению топонимии и гидронимии, когда и какие по ближайшему происхождению славяне жили на территории средневековой Трансильвании. Во второй части дается обзор истории Трансильванской территории с появления первых славянских племен в Карпатском бассейне до обретения венграми родины.

Тот факт, что венгры нашли в Карпатском бассейне славянские племена во время обретения родины, доказывают все венгерские топонимические названия, заимствованные из славянского, в которых сохранились общеславянские носовые гласные. В большинстве же славянских языков звуки *ę* и *ǫ* до конца X в. утратили свой назальный характер, поэтому древние славянские заимствования в венгерском языке, в первую очередь, свидетельствуют о том, что в славянских диалектах Карпатского бассейна в конце IX – начала X в. еще произносились носовые гласные, а, во вторую очередь, доказывают, что венгры сталкивались с славянами еще в течение X или до середины XI в. – значит, до времени утраты носовых гласных. Топоним *Dombó* восходит к общеславянскому **dobovo*.

Эта населенная местность находится в Трансильвании, на берегу реки Küküllő. Другим примером служит топонимическое название *Gambus*, относящееся к этой же области.

В огромном количестве трансильванской топонимии, очевидно, отсутствуют названия, содержащие старые носовые гласные. Причиной этого служит, что края Мезёшег и Секейфёльд (Mezőség, Székelyföld), находящиеся к северу от Мароша, которые венгры завоевали очень рано, были большей частью незаселенными во время обретения родины, а территорию, лежащую к югу от Мароша, завоевали намного позже, уже после утраты носовых гласных.

Кроме топонимии с общеславянскими носовыми гласными на славянское население IX–X вв. указывает еще гидронимия, называющая более значительные реки и озера на территориях, где венгры заселились уже в XI в. Нельзя допустить, что венгры приняли их не от славян, а от заселившихся (позже, чем венгры) населений. Так, например, многочисленные названия рек и озер, находящихся к югу от Мароша (*Добра, Черна, Стридь, Чернавода* и т.п.), ясно свидетельствуют о том, что венгры нашли на этой территории славян, от которых заимствовали указанную гидронимию.

На основе топонимии, которая сохранила старые носовые гласные, и гидронимии, заимствованной венграми из славянского языка, можно сделать вывод, что в течение X в. в Трансильвании жили славяне, от которых венгры заимствовали названия местностей и водоемов до середины XI в.

Ближайшее определение славянского населения Трансильвании является для лингвистов уже более проблематичным вопросом, ведь в звуковом составе славянские языки X–XI вв. мало чем отличались друг от друга, за исключением нескольких особенностей. Венгерское звуковое развитие почти все эти различия оттенков изгладило.

Во II в. началось формирование звуковых особенностей, которые вели к отходу друг от друга славянских диалектов. Из этих особенностей следует вспомнить о различном развитии общеславянских сочетаний **tj*, **dj* в южно-, восточно- и западнославянских языках. Это изменение относится к древнейшим славянским диалектным изменениям, которое очень важно для классификации славянских заимствований и географических названий славянского происхождения в венгерском языке. Это изменение произошло в начале IX в., когда славянские диалекты уже не были в близких отношениях друг с другом.

В этом отношении гидронимия и топонимия Трансильвании, к сожалению, довольно нейтрального характера. Среди географических названий, рассмотренных нашими славистами, нет таких, о которых можно

было бы единогласно определить их ближайшее славянское происхождение.

Если посмотрим исторические и археологические данные, относящиеся к Трансильвании, можно заметить, что они не противоречат тезисам, подведенным лингвистами.

Самые первые неопровержимые археологические доказательства появления славянских племен в Карпатском бассейне были найдены на территории Трансильвании.

Археологическая находка, т.н. "клебец", найденная в одной из могил кладбища Мезёбанда (Mezőbánd), свидетельствует об очень раннем появлении славян в Трансильвании. Кроме этого, много славянских по происхождению археологических и топонимических материалов доказывает, что значительное количество славянских групп населения пришло в начале VII в., возможно, и раньше, в Трансильванию через расщелины Бекаш, Тъёлдеш и Ойтози (Békás, Tölgyes, Ojtozi) и создали ряд поселений сельского типа вдоль верхнего течения Мароша. В центре Трансильванского бассейна и на Кирайфёльде (Királyföld) были найдены славянские могилы с сожженными телами покойников VII в. В бедных колумбариях славян можно обнаружить и следы погребений высшего сословия общины с захоронением тел усопших в землю по обряду "трупоположения". Это, по всей вероятности, были могилы аварских, но славянских по происхождению вождей славянских общин.

Еще во время аварской власти, около VIII в. значительная по количеству, восточно-славянская по происхождению народность, вероятно, через Северо-восточные Карпаты, пришла на территорию Силадьшага (Szilágyság) и междуречье Самоша, как об этом свидетельствуют и топонимические названия, и особое погребение в виде курганов, названное "группа Силадьнадьфалу" (Szilágynagyfalusi csoport). По свидетельству археологических находок из могильников, раскопанных на окраине деревни Силадьнадьфалу и деревни Самошфальва, можно заключить, что аварская власть признавала вождя этой народности в одинаковом ранге с высшими аварскими старейшинами. Свою независимость эта народность более или менее неповрежденной сохранила и во время болгарской власти в IX в., и, хотя "количество непосредственных археологических данных, которые свидетельствовали бы о том, что это восточнославянское население дожило до обретения венграми родины, является незначительным, все-таки их существование в этот период подтверждается значительным количеством материала топонимических названий в долинах рек Красна и Береттьё (Kraszna, Berettyó) в Силадьшаге, а также венгер-

ским наконечником стрелы из времен обретения венграми родины, найденным в одном из погребальных курганов".¹

Можно сказать, что жизнь славян в разных краях Трансильвании берет свое начало уже в начале VII в., а их поселения и погребения в течение VII–VIII вв. продолжают распространяться по Трансильвании, и по свидетельству их колумбариев, они жили в полном язычестве и исключительной нищете. Названные ими деревни до сегодняшнего дня сохранили свои славянские по происхождению наименования, а находящиеся в их окрестностях ручьи и реки также получили от них известные до сих пор названия.

Вопрос болгарской власти в Трансильвании – это отдельная глава истории трансильванского славянства. Для ее существования служит косвенным, но неопровержимым доказательством запись Фульдайских Анналов. По свидетельству Анналов в 892 году франкский король Арнульф послал делегата "в сентябре с подарками к болгарам и их королю Владимиру с целью обновления бывшего мира и попросил у них, чтобы не разрешали делать покупку соли моравцам".² По свидетельству этого источника является вполне вероятным, что Трансильвания и имеющиеся там соляные копи в конце IX века находились под болгарской властью.

Нет достоверных данных для доказательства того, когда могли болгары завоевать указанную территорию. Мы предполагаем, что во время военной акции против ободрит войсками Омуртага могло произойти и завоевание соляных копей Марошуйвара, Кишакны, Визакны и Торды (Marosújvár, Kisakna, Vizakna, Torda). Может быть, что в то время копиями владели уже болгары, ведь бежавшие к аварам в 670 годах оногуры расселились по разным территориям аварской империи (между прочим и в Трансильвании), и возможно, что их задачей было добывание и транспортировка трансильванской соли.

С 830 годов началось переселение населения из Болгарии. Большинство поселенного и насильно заселенного в Трансильванию населения являлось народностью болгаро-славянского происхождения. Его высший слой, в задачи которого входил надзор за беспрепятственной добычей и транспортировкой соли, по всей вероятности, состоял из военных болгаро-турецких лиц. Об этом свидетельствуют погребения по обряду "трупоположения", которые были сугубо характерны для бол-

¹ Bóna István, A szlávok. In: *Erdély története három kötetben*. Főszerk.: Köpeczi Béla. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987: 181.

² Fulldai Évkönyv (ford.: Géczi Lajos). In: *A honfoglalás korának írott forrásai*. Szerk.: Kristó Gyula. Szeged, 1995: 189.

гарских погребений на территориях нижнедунайской Болгарии VIII–IX веков.

Хотя из немногих славянских топонимических названий, находящихся в южной части Трансильвании, нет таких, которые бесспорно болгаро-славянские по происхождению, И. Мелих считает возможным, что названия *Küküllő* (< тур. *Kükeley*) и *Krassó* (< болг.-тур. *Kara-şu*) попали в венгерский и румынский язык из болгаро-турецкого, а названия *Тарнава* (ю.-сл. *Trnava*), *Белград* (ю.-сл. *Belъ Gradъ*) и *Залатна* из болгарского. И. Книежа указал на то, что число славянских топонимических названий к югу от Мароша является более значительным, чем в Северной Трансильвании. Из этого факта и археологических результатов можно сделать вывод, что центр болгарской власти находился в Южной Трансильвании. Здесь болгары могли создать режим военной оккупации, как об этом и свидетельствует распространение "градов" (= крепость), как Телиград, Белград и т.п.

О дальнейшей судьбе болгарской власти в Южной Трансильвании мнения разделились. Д. Дьёрфи и И. Бона считают, что венгры получили власть над болгарами на территориях к югу от Мароша уже в конце IX в., по мнению Л. Маккаи завоевание венграми Южной Трансильвании произошло позже, но не позднее 932 г.

Из существенных различий археологических и лингвистических находок Северной и Южной Трансильвании Д. Кришто сделал вывод, что в 895 году венгры еще не завоевали территории к югу от Мароша, ведь в противном случае был бы не так заметен контраст между этими двумя территориями, а Южная Трансильвания до самого начала XI в. находилась бы под болгарской военной оккупацией.

Хотя предположение Кришто подвергают сомнению, неоспоримым является тот факт, что после обретения венграми родины трансильванское славянство еще долгое время сохранялось на южных территориях и только в конце средних веков исчезло окончательно в венгерской, но преимущественно в румынской среде.

ЛИТЕРАТУРА

- A honfoglalás korának írott forrásai.* Szerk.: Kristó Gyula. Szeged, 1995.
 Bálint Csanád, A Dél-Alföld a IX–X. században. *Tiszatáj* 30, № 10, 1976.
 Bóna István, A szlávok. In: *Erdély története három kötetben.* Főszerk.: Köpeczi Béla. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1987.
 Györffy György, *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza II.* Budapest, 1987.

- Györffy György, Honfoglalás és megtelepedés. In: *Magyarország története. Előzmények és magyar történet 1242-ig I/I*. Főszerk.: Székely György. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984.
- H. Tóth Imre, A magyarok és a szlávok a 9–11. században. In: *Árpád előtt és után. Tanulmányok a magyarság és hazája korai történetéről*. Szerk.: Kristó Gyula, Makk Ferenc. Szeged, 1996.
- Kiss Lajos, Erdély vízneveinek rétegződése. In: *Honfoglalás és nyelvészet*. Szerk.: Kovács L., Veszprémy L. Budapest: Balassi Kiadó, 1997.
- Kniezsa István, Magyarország népei a XI-ik században. In: *Emlékkönyv Szt. István király halálának kilencszázadik évfordulójára II*. Szerk.: Serédi Justinien. Budapest, 1938.
- Kristó Gyula, *A feudális széttagolódás Magyarországon*. Szeged, 1979.
- Kristó Gyula, *Magyar honfoglalás. Honfoglaló magyarok*. Kossuth Könyvkiadó, 1996.
- Kristó Gyula, A 10. századi Erdély politikai történetéhez. *Századok* 122, № 1–2, 1988.
- Kristó Gyula, Keán, Szt. István király ellenfele. *Acta Historica* 98. Szeged, 1993.
- Кришто, Дьюла, О топонимических названиях Карпатского бассейна со вторым членом – град (grad ~ grád). In: *Szlávok – protobolgárok – Bizánc*. Szeged, 1986. (Hungaro-Bulgarica 4.)
- Melich János, A honfoglaláskori Magyarország. In: *A Magyar Nyelvtudomány Kézikönyve I/6*. 1925–1929.
- Niederhauser Emil, *Bulgária története*. Budapest, 1959.

КОРНЕВЫЕ РЕДУЦИРОВАННЫЕ ГЛАСНЫЕ В ПЕРВОМ СЛОГЕ В СИНАЙСКОМ ПАТЕРИКЕ

Иштван Пожгаи

(Pozsgai István, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

1. Введение

Синайский патерик (Син. 551) был списан со старославянского оригинала в XI–XII вв. на восточнославянской территории. Памятник хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Он состоит из 184 листов. Рукопись была издана В.С. Голышенко и В.Ф. Дубровиной в 1967 г. в Москве.¹ Наш анализ проводится по их изданию. В рукописи кроме основного почерка различается еще 7 иных почерков. Иные почерки мы будем указывать под общим названием "иной почерк", приписывая к этому римские цифры от II по VIII (основной почерк был бы I, но этого мы не будем указывать отдельно). В заключении и подсчетах все иные почерки мы будем брать вместе из-за незначительного их количества. В работе будут указаны все примеры, содержащие буквы ѡ, ѡ̑ и апостроф, или показывающие отсутствие как букв ѡ, ѡ̑, так и апострофа на месте редуцированных гласных, но где примеров будет слишком много, там в виде исключения, после нескольких примеров будет дано лишь количество примеров. Примеры будут помещены по алфавитному порядку, и слова, образованные от тех же корней, будут отделены друг от друга запятой. Примеры будут представлены по своему наиболее употребляемому правописанию. В этой работе будет указано и несколько таких слов, редуцированные в которых искони принадлежали теме, или, точнее, они сами являлись тематическими гласными, так как эти редуцированные уже в эпоху письменных памятников не могли восприниматься как темы; и вообще их принято перечислять среди корневых редуцированных. Эта работа является сокращенною частью нашей докторской диссертации.

До середины 1920 гг. в славистике считалось общепринятым то мнение, что падение редуцированных началось в первом слоге.² Однако, с появлением статьи И. Фалева обстоятельства изменились. Ученый пришел к следующему выводу: "Падение глухих в русском языке началось не в первом слоге, а в корнях, где ѡ и ѡ̑ не чередовались с ѡ, ѡ̑ сильными или

¹ В.С. Голышенко – В.Ф. Дубровина, *Синайский патерик*. Москва, 1967.

² М.А. Соколова, *Очерки по исторической грамматике русского языка*. Ленинград, 1962: 31.

были 'пустыми', 'лишними' для языкового сознания".³ Соглашаясь с этим выводом, мы тоже признаем определение И. Фалева убедительным. Однако, наше нынешнее ограничение на редуцированные, находящиеся или находившиеся в первом слоге, вызвано не столько почитанием традиционных взглядов, сколько чисто техническим приемом и удобным обращением с довольно объемистым материалом. Стоит заметить, что начало падения редуцированных можно связывать и с концом слова. По мнению П.Я. Черных в древнерусском языке X в. редуцированные уже не произносились в конце слова, о чем свидетельствуют Записки Константина Багрянородного ("Περὶ ἔθνων"), не передававшие конечных редуцированных древнерусских слов.⁴

2. Органические редуцированные в слабой позиции

2.1. Органические редуцированные заднего ряда в слабой позиции

На месте слабого органического редуцированного заднего ряда найдена буква ѡ в следующих корнях:

2.1.1. На месте изолированного редуцированного. бѡд-: (бѡдѣти) 45v.13, 70.16 (иной почерк V), 176.12, 180.4,8, (бѡдѣни) 40.3, 176.10–11. вѡдок-: (вѡдокѣ) 58v.20 (иной почерк V), 103v.19, 149v.20, 150.11, (вѡдокѣстѣ) 56.15, 90.17, (вѡдокѣ) 169.1. На праславянский язык этот корень реконструирован с ѡ,⁵ однако мена редуцированного смогла произойти рано, может быть, в праславянском языке, поскольку как в старославянских, так и в древнерусских рукописях этот корень в большинстве случаев пишется через ѡ. Поэтому нам кажется целесообразным указать его тут, хотя А.М. Селищев этот корень помещает у мены редуцированных.⁶ вѡтор-: (вѡторѣи) 6.12–13, 7v.3, 15.7, всего 16 примеров (1 в ином почерке), (вѡторѣицѣ) 105.3, 143.17–18. гѡн-: (гѡнѣти) 12.5, 64.10, 159.18. дѡк-: (дѡкѣ, дѡкѣ) 6.12, 8v.6, 10.4, 10v.9, всего 101 пример (5 в ином почерке), (дѡкѣшѣдѣ) 23v.14, 45v.16, 113.16. кѡ-: (кѡдѣ) 44.7, 44v.20, 51v.17, всего 22 примера – редуцированный первоначально являлся темой. кѡниг-/кѡниж-: (кѡнига) 27.2, (кѡнижѣицѣ) 28.14. мѡш-: (мѡшица) 98.9,12. мѡн-: (мѡнѣ – древнерусская форма, в противоположность старославянской, содержащей редуцированный переднего ряда⁷) 5v.8, 8.3, 9.4–5, всего

³ И. Фалев, О редуцированных гласных в древнерусском языке. In: *Язык и литература 1927*, т. II, вып. 1. Ленинград, с. 121.

⁴ П.Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*. Москва, 1954: 109.

⁵ M. Vasmer, *Russisches Etymologisches Wörterbuch. Erster Band*. Heidelberg, 1953: 175.

⁶ А.М. Селищев, *Старославянский язык. Часть I*. Москва, 1951: 287.

⁷ A. Leskien, *Grammatik der albulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*. София, 1981, фототипно издание, р. 128; А. Вайан, *Руководство по старославянско-*

17 примеров (5 в ином почерке), (мъноу) 26.19 (иной почерк IV). мѣног-/мѣноз-: (мѣногъ) 25.15, 26v.1, 28.1 (иной почерк IV), 32.20–21, 45v.12–13, 52.11, 100.10–11, 118v.13, 166v.10, 16, 169.3 (иной почерк VI), 174.5, (мѣногаци (sic!)) 166v.10 (иной почерк VI). пѣт-: (пѣтица) 12v.9. сѣп-: (сѣпати) 8.18, 10v.8, всего 11 примеров, (сѣпаниа) 126v.1–2. тѣк-/тѣч-: (тѣкати) 40v.2–3, 13, 69v.12, (тѣчити) 30.16, 49.11, 132v.15.

Следующие 3 корня имеют и написания через ѡ, поэтому мы поставили их в конец перечисления: кѣ-: (кѣгда): 89.3. Этот корень первоначально не содержал редуцированного, исходная форма вероятно была *koda, в которой редуцированный возник под влиянием форм *kъde, *kъto еще в праславянском языке. Таким образом появилось две параллельные формы, которые потом изменились и дальше.⁸ пѣв-: (пѣвати) 140v.16–17, 180.13. тѣ-: (тѣгда): 4.4, 20v.9, 27v.8 (иной почерк IV), 69.6, 71.19 (иной почерк V), 79.7, 83.1, 97.14, 93v.14, 121.13, 153.6 (иной почерк VI), 157v.1. Редуцированный стоит на месте темы. Первоначально и в этом корне не было редуцированного, подобно наречию кѣгда, а он представлял собою сочетание с формой среднего рода указательного местоимения то.⁹

2.1.2. На месте неизолированного редуцированного. вѣн-: (вѣнѣ – указаны лишь те случаи, когда это слово выполняет функцию наречия, остальные примеры указаны у предлогов) 30.13, 88.13, 142.8, 163.5, 163v.10, 177v.12, (вѣнѣждоу/вѣнѣждѣ) 53v.16, 88.13, 94.1, (вѣнѣ|шнни) 7v.12–13. вѣп-: (вѣпити) 56.18, 144v.12, 159.19, 174.7, (вѣпла) 75v.8, 11, 169.5. дѣжд-: (дѣждевѣныа) 167.9. дѣн-: (дѣнѣ) 46.5. зѣв-: (зѣвати) 20v.6–7, 49.2, 179v.3, (зѣваниа) 100v.17–18, 20v.9. зѣл-: (зѣло) 31.4, 33.2, 3, 7, 51v.14, всего 40 примеров, (зѣлын и несколько кратких форм) 25v.11 (иной почерк IV), 44.18, всего 11 примеров (1 в ином почерке), (зѣловѣриѣ) 17v.4, 23.19, всего 7 примеров, (зѣловѣр'ныи (sic!)) и несколько кратких форм) 17v.11, 32v.5, 55.18, 102v.18, 103v.6–7, (зѣлоба) 26v.1, 10 (иной почерк IV), 134v.10–11, 150.4–5, 180v.16, (зѣлобн|вѣн и зѣ|лобнѣ) 33.16–17, 57v.18–19, (зѣлодѣиствѣнѣ) 158.15, (зѣлострадани|емь) 127v.14–15, (зѣлогрѣшныа) 50.12, (зѣлодѣ|а) 44.14–15, (зѣлопамѣтныкоу) 53.3. В.В. Колесов позицию редуцированного в существительном зѣло считает изолированной, так как оно часто составляло проклитику с другими словами, теряя таким способом свое экспираторное ударение, а также форма зѣлѣ (род. п. мн. ч.) встречалась очень редко.¹⁰ Мы однако, учитывая и воздействие прилагательного зѣлѣ (в изучаемом памятнике зарегистрировано 8 кратких форм в им. п. ед. ч. м. р.), считаем обоснованным указать здесь это су-

му языку. Москва, 1952: 175; М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Москва, 1986–1987, т. II, 632.

⁸ М. Фасмер, *Ibidem*, т. II, 274.

⁹ М. Фасмер, *Ibidem*, т. IV, 68–69.

¹⁰ В.В. Колесов, *Историческая фонетика русского языка*. Москва, 1980: 110.

существительное. **кѣбѣл-** (**кѣбѣлѣ**) 59v.4. **лѣг-/лѣж-** (косвенные падежи существительного **лѣжѣ**) 53.2, 76v.10, (**лѣжа**) 125.8, 143v.3, (**лѣгати** (в 3 случаях в спряженной форме)) 26.21 (*иной почерк IV*), 112v.5, 119v.19, 181v.6, (**лѣжанме|нанааго**) 180v.6–7. **мѣск-** (**мѣскѣ**) 69v.3. **сѣн-** (**сѣнѣ**) 3v.5, 23v.11, всего 16 примеров (1 в ином почерке). **сѣт-** (**сѣто**) 57v.16, 66.4, 71.15 (*иной почерк V*), 124.18, 20, 20, 132v.10, 170.13. **тѣщ-** (**тѣщание**) 28.11, 100.9, 11, (**тѣщати (сѣ)**) 143.1, 148v.19, 171v.8–9, 175.8, 9, (**тѣщета**) 182.3, (**тѣщетаѣ|хѣ**) 179.20–180.1, (**тѣщеславнѣ**) 78v.10–11, 78v.20–79.1, 100.12, 108v.13.

2.2. Органические редуцированные переднего ряда в слабой позиции

На месте слабого органического редуцированного заднего ряда найдена буква **ѣ** в следующих корнях:

2.2.1. На месте изолированного редуцированного. **вѣр-** (**вѣран**) 17v.16, (**вѣрѣни**) 17v.14. **вѣчер-** (**вѣчера**) 62v.7, 83.2, 172v.2. **жѣд-** (**жѣды**) 176v.4. **жѣж-** (**жѣжашѣ**) 63v.20. **зѣр-** (**зѣрѣти**) 5.16, 12v.7, всего 15 примеров. **лѣз-** (**лѣзѣ**) 126v.19, 148v.9, 156v.11. **мѣн-** (**мѣнѣ**) 97.5, 177.13 (старославянские формы,¹¹ они восходят к протографу). **мѣн-** (**мѣнѣти (сѣ)**) 8v.18, 17v.5, 8, 18.14, всего 35 примеров. **пѣр-** (**пѣраше**) 118v.3. **пѣц-** (**пѣци сѣ**) 165v.11, 181.17. **пѣш-** (**пѣшеница**) 16v.17–18 (*иной почерк II*), 17.12, 59.2, 4, 5, 9–10, 19, 59v.6–7, 9–10, 75.3, 128.4, 12, 128v.16–17, 140.20. **пѣш-** (**пѣшевани**) 148v.12. **рѣц-** (**рѣци**) 8v.10, 36v.2, 39.11, всего 25 примеров (3 в ином почерке). **сѣт-** (**сѣтѣста сѣ**) 70v.14 (*иной почерк V*). **сѣ-** (**сѣде**): 3v.19, 4.1, 8.1, 3, всего 60 примеров (2 в ином почерке) – редуцированный первоначально был темой. **тѣл-** (**тѣлѣннѣ**) 43.5, (**тѣла**) 143.12. **чѣван-** (**чѣванѣчию**) 65v.2, (**чѣ|ван-ноуѣщию**) 65v.3–4. **чѣ-** (**чѣто**): 3v.12, 6.10, 8.1, 8v.2, 11.5, 14v.18, всего 113 примеров (6 в ином почерке) – редуцированный первоначально являлся темой, (**чѣсо** – род. п. предыдущего местоимения): 26.3 (*иной почерк IV*), 40v.4–5, 103v.1, 113.12, 114.14, 115.9, 135v.14, 146.4, 147.20.

2.2.2. На месте неизолированного редуцированного. **вѣс-** (косвенные падежи определительного местоимения **вѣсь** 'πᾶς, omnis') 5v.18, 6v.5, 7v.11, 8.11, 11v.14, всего 148 примеров (16 в ином почерке), (**вѣсемѣсьнѣ**) 143v.14, (**вѣсѣдрѣжителемѣ**) 54v.10, (**вѣсѣкѣ/вѣсѣкѣти**) 18v.14, 19.11, 13, 22v.1 (*иной почерк III*), 37v.4, 44.9, 63.11, 70.3, 15 (*иной почерк V*), 119.12, (**вѣсѣ-чѣскѣ/вѣсѣ|чѣскаѣ**) 20v.1, 31.19, 39v.6–7 (*иной почерк V*), (**вѣсѣконоуѣнѣ**) 118v.11. Первый редуцированный в определительном местоимении **вѣсь** В.В. Колесов принимает за изолированным, ссылаясь на большое количество проклитик и формы **вѣс** и **вѣсе** (им. п. ед. ч.) (ср. сказанное выше у слова **зѣло**).¹² **вѣс-** (**вѣси 'vicus, kómĭ'**) 64v.13. **дѣвр-** (косвенные падежи существительного **дѣврѣ**) 37.10, 49.3, 73.15–16, 77.2, 84v.13, 91v.11, 93.7, 111.6, 7, 128v.20, 20, 131.5, 152v.6, 162v.17. **дѣн-** (некоторые косвенные падежи существительного **дѣнѣ**) 3.1, 3v.4, 4v.10, 6.2, 6v.5, 6, 8, всего 71 пример (2

¹¹ A. Leskien, *Ibidem*, 128; A. Вайан, *Ibidem*, 175; М. Фасмер, *Ibidem*, т. II, 632.

¹² В.В. Колесов, *Ibidem*, 110.

в ином почерке), (ДНЬСЬ) 6.11, 17.1 (иной почерк II), 21v.19 (иной почерк III), 52.16, 61.6, 83.2, 104v.19, 105.11, 140v.18–19, 153.4, (ДНЬШНДГО) 18.9–10, 27.20 (иной почерк IV), 19.16, 55.2, 109.14, (ДНЬСНДГО) 20.1. ЖН-: (спряженные формы глагола жати) 128.5,9–10, 128.20–128v.1. ЗД-: (ЗДАТИ) 64.12, 67v.1, 145.19, (ЗДАНИЕ) 23v.6, 52.4, 172v.6, (ЗДѢ) 68.15. ЛВ-: (косвенные падежи существительного лвь) 4.9, 39v.4,8 (иной почерк V), всего 20 примеров (2 в ином почерке), (ЛВНЧА) 10v.9, (ЛВКОВО) 10v.8. ЛСТ-: (ЛСТАТЬ) 182.14, (ЛСТИ (существительное)) 142v.19, 177.4, (ЛСТИКА) 173v.11 (иной почерк VIII). МЗД-: (МЗДА) 5.8,10, 95.10, 118.14, 149v.18, 150.1,9 172v.12. МСТ-: (МСТИ) 121.7. МЧ -: (МЧѢТЬ) 173v.3–4 (иной почерк VIII), 182.13. ПР-: (ПРѢТИ СЯ) 21v.20 (иной почерк III), 164v.12,14–15. ПС-: (ПСѢ) 177v.11. СГН-: (СГНАХЪ) 79v.3 – этот корень по словарю имеет и вариант с редуцированным заднего ряда.¹³ СЪКЛ-: (СЪКЛАНИЧНОУЪ) 51v.6. ТМ-: (ТМѢ) 133.11. ТМ-: (ТМА (μῆρας)) 35v.4, 57v.14, 162v.6. ЦВТ-: (ЦВѢТЫ) 176v.10. ЧСТ-: (ЧСТИ) 19v.18, 44v.18, (ЧСТИВЪ) 149v.15, (ЧСТИ|МО) 51.11–12, (ЧСТЫНЪ) 136.15, 175v.18, (ЧСТЫНСТВОУ) 138.16. ЧТ-: (спряженные формы глагола чисти, которые этимологически связаны и с предыдущим корнем¹⁴) 19.4, 19.5–6, 25.8 (иной почерк IV), 28v.8,11, 94.16, 119.16, 159.9, 159v.7, (ЧТЕНИЕ) 32v.1–2, 118v.4, (ЧѢТЬЦА) 80.14, 117v.11. Ш- (первоначально *šyd-l-): (Ш|ЛА) 177.19–20.

3. Вторичные редуцированные в слабой позиции

Мы принимаем за вторичными все редуцированные, которые нельзя возвести к праславянским редуцированным. Таким способом мы считаем вторичными как редуцированные в словах, заимствованных не в эпоху праславянского языка, так и редуцированные, встречающиеся в транскрипции греческих, латинских и еврейских слов. В нашем перечислении различаются вторичные редуцированные, передающие какие-то иноязычные звуки, и редуцированные, вставленные как в заимствованные или в иностранные, так и в славянские слова. При иностранных или заимствованных по принятии христианства словах преимущественно мы не указали корней отдельно. Наше решение обусловлено тем, что иностранные суффиксы в славянских языках вряд ли функционируют в качестве суффикса. Таким образом однозначное отделение корней стало бы довольно трудным.

3.1. Вторичные редуцированные заднего ряда в слабой позиции

Лишь в одном случае найдена буква ѣ на месте этимологического иноязычного гласного: сѣмидаль 128v.16 (в греческом σεμίδαλις). Передача греческого ε буквой ѣ может указать или на мену редуцированного,

¹³ И.И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка*. Москва, 1989, репринтное издание, т. III, часть I, 579.

¹⁴ М. Фасмер, *Ibidem*, т. IV, 350.

или на его исчезновение, и именно поэтому могло быть безразлично, какую букву написать тут.

3.2. Вторичные редуцированные переднего ряда в слабой позиции

3.2.1. Не вставные вторичные редуцированные. На месте этимологического иностранного гласного полного образования найдена буква **ь** в следующих случаях: **вьстроѣнѣхъ** 65.20 (встречается и написание через **о**: **востроѣнемъ** 65.18). **самьонъ** 83v.16, 84.14. Встречаются и написания через **е** и **у**, напр.: **семьонъ** 83v.4, **сумьона** 84v.8. По мнению А. Вайана формы, написанные через **у**, являются книжными (ср. гр. Συμεών), написанные через **е**, являются народными, написанные через **ь**, являются полународными.¹⁵

3.2.2. Вставные вторичные редуцированные. На месте вставного вторичного редуцированного переднего ряда найдена буква **ь** в следующем имени: **пѣтолеман** 38.16.

4. Органические редуцированные в сильной позиции

4.1. Органические редуцированные заднего ряда в сильной позиции

На месте сильного органического редуцированного заднего ряда найдена буква **ѣ** в следующих корнях: **бѣш-**: (**бѣшию/бѣшиа**) 179v.1–2,3. **вѣн-**: (**вѣнѣ**) 19v.15, 91v.9, 170.16–17, 171.9. **вѣш-**: (**вѣшѣи**) 118v.8. **дѣч-**: (**дѣчѣкѣ**) 151.2. **зѣл-**: (**зѣлѣ**) 162v.6, 175.2, (**зѣлѣца**) 30.14, 107.3. **кѣбѣл-**: (**кѣбѣла**) 59.6. **кѣ-**: (**кѣждѣ**) 9v.19, 106.5, 118v.14, 121v.1 (редуцированный первоначально был темой). **кѣзн-**: (**кѣзнѣ**) 174.13. **лѣж-**: (**лѣжѣ**) 179v.20. **мѣск-**: (**мѣскѣ**) 69v.5, (**мѣщаникѣ**) 69v.2, 88.6. **нѣщ-**: (**нѣщѣка**) 130.9 (это существительное восходит к праславянской форме *nъkiju,¹⁶ но в рукописях оно встречается с буквой **ѣ**, поэтому мы не считали бы обоснованным указать его у меня редуцированных). **сѣл-**: (**сѣлѣ**) 154.2. **сѣн-**: (**сѣнѣ**) 144.20. **сѣт-**: (**сѣтѣ**) 59v.3–4, 81.17, 124v.1, 132v.5. **тѣк-/тѣч-**: (**тѣчинѣ/тѣчию/тѣчѣѣ**) 7.14, 10v.1, 19v.17, всего 54 примера (4 в ином почерке), (формы ср. и ж. рода прилагательного **тѣчѣнѣ**) 100.16–17, 108.2, (**тѣкѣмо/тѣкѣмо/тѣкѣмо**) 7.18, 18.11, всего 37 примеров (3 в ином почерке).

4.2. Органические редуцированные переднего ряда в сильной позиции

На месте сильного органического редуцированного найдена буква **ь** в следующих корнях: **вѣс-**: (**вѣсь** 'pās, omnis') 9.12, 13v.9, всего 21 пример (1 в ином почерке), (**вѣсьма**) 48.2, 156v.19, (**вѣсьжде**) 100.19, 178.1. **вѣс-**: (**вѣсь** 'vicus, kōmъ') 65.9, 145.5, 154.4, 179.16. **дѣвр-**: (**дѣврѣ**) 17.11, 37.8, 78.10 (иной почерк V), 112.13, 113.11, 159v.12, 173v.6 (иной почерк VIII), (**дѣврѣца** (всегда во мн. ч.)) 35v.18, 45v.3, 46.6, 70v.5 (иной почерк V), 111v.15, 137.5, 166v.13 (иной почерк VI), (**дѣврѣникѣ**) 79.18, 102.13–14. **дѣн-**: (**дѣнѣ**, а также род. и творит. п. мн. ч. и дат.-творит. п. дв. ч.) 6.12, 13, 7.12, 8v.19, всего 73

¹⁵ А. Вайан, *Ibidem*, 53.

¹⁶ М. Фасмер, *Ibidem*, т. III, 86.

примера (6 в ином почерке). **жъзл-:** (**жъзлѣ**) 11.17, 64.10, 168.7, 18. **жъл-:** (**жълѣви|нѣ**) 85v.12–13. **лък-:** (**лъкѣ**) 39.19, 39v.10 (иной почерк V), всего 32 примера (1 в ином почерке). **лъст-:** (**лъстнѣ**) 174.6. **ман-:** (**манин** и **манѣшин**) 135.6, 8, 11, 148v.6. **мъст-:** (**мъстѣ**) 121.10. **мъч-:** (**мъчѣта**) 30v.12, 182.8–9, 18. **пъс-:** (**пъсѣ**) 110v.14. **рък-:** (**ръкѣнѣсть**) 27v.11–12 (иной почерк IV), 32v.13, 175v.20, (**ръкѣннѣтель**) 22.5 (иной почерк III). **стъгн-:** (**стъгнѣ**) 79v.10. **тъм-:** (**тъмѣно**, **тъмѣна**) 15.11, 73.15, (**тъмѣница**) 76v.12, 15, всего 30 примеров, (**тъмѣннѣчнѣникѣ**) 77v.6, 136.18–19. **тъм-:** (**тъмѣ** (**μυρίδων**)) 138.3. **чъст-:** (**чъстѣ**) 134.15, 181.9, (косвенные падежи за исключением род. п. мн. ч. и членные формы прилагательного **чъстѣнѣ**) 27.4 (иной почерк IV), 32.2, 63v.6, 72.20, 72v.8–9, 73.9, 107v.11 (иной почерк VI), 125v.20, 156.17, 161.3. **чът-:** (**чътѣцѣ**) 118.5. **шъд-/шъ-** (прасл. *šьd-l-): (**шъдѣ(-)**) 5v.2, 8.15, 18v.2, всего 45 примеров (1 в ином почерке), (**шълѣ**) 154v.13. **шъп-:** (**шъпѣтати**) 138.19, 152v.19.

4.3. Сильные редуцированные под ударением в первом слоге

Это положение не всеми исследователями считается сильным.¹⁷ Тут нужно учесть и то, если бы эти редуцированные выпали, возникли бы трудно произносимые сочетания согласных, вследствие чего произошли бы разного рода ассимиляции. (Между прочим процессы такого типа действительно произошли, напр., в слове **цка**,¹⁸ но здесь ударение было в конце слова.) На месте этимологически не сильного, но стоящего под ударением в первом слоге, органического редуцированного заднего ряда найдена буква **ѣ** в следующих корнях: **дѣск-:** (**дѣскѣ**) 61.3. **тѣч-:** (**тѣчѣнѣ**) 104.12. **дѣщ-:** (**дѣщнѣ**) 25v.6 (иной почерк IV), 48v.7, 53v.14, 90.5, 90v.2, 121.5, 151.1, 154.5, 156v.16–17.

5. Вторичные редуцированные в сильной позиции

При передаче следующих имен латинского и еврейского происхождения (но попавшие в славянские рукописи с посредничеством греческого языка) на месте иностранных гласных полного образования найдена буква **ѣ**: **съѣѣровѣ** 17v.1 (гр. Σειήρου). **съѣѣонѣ** 83v.6, 17–18, 20, 84.10 (гр. Συμεών).

6. Выпавшие редуцированные

6.1. Выпавшие редуцированные без апострофа

6.1.1. Выпавшие редуцированные заднего ряда. На месте слабого органического редуцированного заднего ряда не найдена ни буква **ѣ**, ни апостроф в следующих корнях:

¹⁷ М. Петер, *Историческая грамматика русского языка I: Введение и фонетика*. Budapest, 1976: 70.

¹⁸ И. И. Срезневский, *Ibidem*, т. III, часть 2, 1441; М. Петер, *Ibidem*, 74.

6.1.1.1. На месте изолированного редуцированного. книг-: (книга) 38.4,10, 32v.14, 182v.12. **к-: (кто)** 18v.12, 70v.8, 78.7,9,10 (иной почерк *V*). Редуцированный первоначально являлся темой. Можно заметить, что, собственно говоря, эта тема была вторичной, поскольку на индоевропейскую язык-основу это местоимение реконструировано с основой на -й-, и оно только потом стало местоимением с основой на -ѡ-, как и в нескольких других индоевропейских языках.¹⁹ **мних-: (мнихъ)** 26v.21 (иной почерк *IV*), 130.1. **мног-/мноз-/множ-: (многъ)** 17.18, 32.9, 33v.12, всего 23 примера (4 в ином почерке), **(многашъдъ)** 65.4, **(многощъньного)** 153.1, **(множество)** 148v.1.

6.1.1.2. На месте неизолированного редуцированного. зл-: (зло) 98.11, 166.5, **(зловѣриа)** 17v.1, **(зловѣрънънхъ)** 17v.2.

6.1.2. Выпадение редуцированные переднего ряда. На месте слабого органического редуцированного переднего ряда не найдена ни буква **к**, ни апостроф в следующих корнях:

6.1.2.1. На месте изолированного редуцированного. бр-: (брати сѧ) 42v.15 (иной почерк *VI*), 43.2,5,6,7. **мн-: (мнѣхъмъ)** 60v.6 (иной почерк *VII*). **мн-: (мнѣ)** 71.8 (иной почерк *V*), 91v.12, 102.11, 104.6, 167v.9. **сребр-: (сребро)** 132.13, **(сребрънѣ)** 171v.20, **(сребръникъ)** 130v.10, 131.8, 131v.8, 132.10,17,19, 132v.3,5-6,10,15, **(сребръница)** 131.15, 131v.1,7, 132.14-15, **(сребродавъчин)** 132.16, 135.5, **(сребропродавъчин)** 132.6,8,12-13,19, 135.8-9, **(сребропродавъчин** (sic!)) 132.4-5. По мнению Ф.Ф. Фортунатова этот корень мог иметь и форму без редуцированного.²⁰ В появлении гласного *e* между *s* и *r* могли сыграть роль полногласные формы типа *берег*.²¹ **тл-: (тлѣти сѧ)**: 8v.18.

6.1.2.2. На месте неизолированного редуцированного. вс-: (косвенные падежи м. р. и формы ж. и ср. родов определительного местоимения всъ) 66v.18, 81v.19, 90v.1, 99.14, 105v.10, 167.12 (иной почерк *VIII*), 169v.10, 173.19, 182.6, 182v.1,2, **(всѧко)** 44.17, **(всѧчьско)** 182v.15. **дн-: (днн)** 60v.7 (иной почерк *VII*).

6.2. Выпадение редуцированные с апострофом

В 4 главе нашей диссертации изложены подробно те доводы, на основе которых мы не придаем фонетического значения паеркам, т.е. апострофам, но тут за недостатком места мы не будем касаться их.

6.2.1. Выпадение редуцированные заднего ряда с апострофом. На месте изолированного органического редуцированного заднего ряда найден апостроф в следующих корнях: **к'нѧз-: (к'нѧзь)** 56.14, 114v.4,20. **к'ниг-/к'ниж-: (к'нигъ)** 32v.1,2,4,5,8,9, 38.3,13, всего 35 примеров, **(к'нигъчнѣ)** 166.12, **(к'нижница)** 140.11-12, 140v.5, всего 11 примеров. **к'-: (к'дѣ)** 141.11,

¹⁹ I. Tegyei – J. Vekerdy, *Bevezetés az indoeurópai nyelvtudományba*. Budapest. 1990: 48.

²⁰ И. Х. Тот, Музейное евангелие. *Studia Slavica Hungarica* XI, 1965: 217.

²¹ М. Петер, *Ibidem*, 75.

(к'то) 3v.15, 28.16, 37.20, 41v.1, всего 33 примера (1 в ином почерке). м'них-/м'нис-/м'ниш-: (м'нихъ) 64.14, 70.15 (иной почерк V), всего 23 примера (1 в ином почерке), (м'нишѣстѣмъ) 128v.11. м'ног-/м'ноз-/м'нож-: (м'ногъ и м'ногын) 7.7, 9v.16, 10.11, 11v.6,15, 12.6, всего 155 примеров (1 в ином почерке), (м'ножество) 30v.14, 93.9, 118v.8, 163.6, (м'ножыцѣхъ) 92.17, (м'ногашъды) 3v.18–19, 5.2, 10v.6, 23v.14, 30v.3, 34v.7, всего 17 примеров, (м'ногогрѣшнъ) 18.8, (м'ногѣвѣшемъ) 123.14, (м'ногѣчѣннъ) 152v.13. п'т-: (п'тица) 79.14–15, 128v.18.

6.2.2. Выпадение редуцированные переднего ряда с апострофом. На месте слабого органического редуцированного переднего ряда найден апостроф в следующих корнях:

6.2.2.1. На месте изолированного редуцированного. м'н-: (м'нѣ) 43.17, 49.20, 50.8, 52v.6, всего 67 примеров (1 в ином почерке). м'н-: (м'нитѣсѣ) 147.4. п'с-: (п'сати) 104v.1, 110v.12, 146v.15. ч'-: (ч'то) 54.8, 58.1, 71v.14, 86v.7, всего 43 примера.

6.2.2.2. На месте неизолированного редуцированного. в'с-: (косвенные падежи м. р. и формы ж. и ср. родов определительного местоимения в'сѣ) 14v.16, 36.16, 45v.13, 48v.6, всего 81 пример, (в'сѣдѣннѣхъ) 118v.11, (в'сѣдръжителемъ) 135v.11, (в'сѣко и в'сѣкын) 43.7, 53v.11, 56.6–7,7, 109.4, 111v.3, 118v.10, 156.1, 158v.12, (в'сѣчѣскын) 143.19, 180.8. п'с-: (косвенные падежи существительного п'сѣ) 116.1, 128v.15, (п'сѣта) 110v.16.

6.2.3. Апостроф на месте неэтимологического редуцированного. Тут указаны те корни, в которых не было ни органического ни вторичного редуцированных по свидетельству памятников. В.М. Марков считает, что эти апострофы обозначали редуцированные, вставленные с целью облегчения произношения.²² По нашему мнению эти апострофы смогли возникнуть или по описке, или под воздействием аналогии с теми случаями, в которых апостроф стоял между теми же буквами, обозначающими согласные. Такой апостроф наблюдается в следующих корнях: д'вѣр-: (д'вѣрѣмъ) 152v.6 (это была бы сильная позиция). н'рак-: (н'ракы) 15v.2. п'рекон (с буквой ѣ вместо к) 165v.15.

6.2.4. Выпадение вторичные редуцированные с апострофом. На месте вторичного вставного редуцированного найден апостроф в следующих примерах: На месте вторичного редуцированного переднего ряда: п'сал'- (п'сал'мъ) 101v.19, 102.7, 107.4,10, 112.1–2, 139v.10, (п'сал'ттырь) 67v.8, 73.5, 76v.7, 107.10, 111.14,17, 115.4. Нельзя решить, каким был вторичный редуцированный: к'сан'ноу: 66.3. п'памята: 61.10 (слово является неправильной транскрипцией гр. Αλαμείας).

²² В.М. Марков, *К истории редуцированных гласных в русском языке*. Казань, 1964: 101–104.

7. Мена редуцированных

7.1. Простая мена редуцированных

На месте органического редуцированного переднего ряда, находившегося перед слогом, содержащим гласный переднего ряда (по крайней мере первоначально переднего ряда), найдена буква **ѣ** в следующих корнях: В изолированной позиции: **ѣч-**: (**ѣчѣра**) 113v.1. В неизолированной позиции: **ѣс-**: (**ѣ|сѣмѣ**) 47v.8–9, (**ѣсѣ**) 67v.15, (**ѣсѣи**) 175.5. В сильной позиции: **ѣс-**: (**ѣсѣ** 'vīcus, kómŋ') 160.15 (и на месте 2 редуцированного переднего ряда найдена буква **ѣ**, но слово согласуется со следующим за ним местоимением в женском роде: **ѣсѣ нѣкаѣ**). **ѣс-**: (**ѣсѣ** 'pās, omnis') 94v.2.

На месте органического редуцированного заднего ряда, находившегося перед слогом, содержащим гласный заднего ряда, найдена буква **ѡ** в следующих корнях: В изолированной позиции: **пѡ-**: (**пѡѡше**) 173v.2 (*иной почерк VIII*). **мѡн-**: (**мѡнѡмѣ/мѡнѡю**) 10.13, 31.6, 47.8, всего 26 примеров. Хотя это местоимение на праславянский язык реконструируется с редуцированным переднего ряда *тъноје,²³ мы все-таки указали его у мены редуцированных, так как в рукописях засвидетельствованы формы, написанные через **ѡ**. Читая старославянские тексты, мы лишь однажды имели возможность встретиться с формой, написанной через **ѡ**, в Ассемановом недельном евангелии, возникшем в Македонии: **мѡнѡмѣ** (sic!)²⁴ (в нашем источнике это слово дано в кирилловской транскрипции). В неизолированной позиции: **зѡл-**: (**зѡ|лѡѣрнаго**) 22v.1–2 (*иной почерк III*). **дѡн-**: (**дѡ**) 50v.19. В сильной позиции: **бѡх-**: (**бѡх'**) 8v.18, (**бѡхѣма**) 65v.10. Этот корень встречается в памятниках как с буквой **ѡ**, так и с буквой **ѣ**,²⁵ но первоначально он содержал редуцированный заднего ряда.²⁶

7.2. Межслоговая ассимиляция

На месте органического редуцированного переднего ряда, находившегося перед слогом, содержащим гласный заднего ряда, найдена буква **ѣ** в следующем корне: **дѣл-**: (**дѣ|лѣи**) 171.2–3.

На месте органического редуцированного заднего ряда, находившегося перед слогом, содержащим гласный переднего ряда, найдена буква **ѡ** в следующих корнях: В изолированной позиции: **мѡниѡ-/мѡниш-**: (**мѡниѡѣ**) 18.3, 21v.9–10, всего 28 примеров (4 в ином почерке), (**мѡнишѡ-скѣи**) 46.1, 71.10 (*иной почерк V*), 83v.13, 107v.13–14, (**мѡнишѡство**) 45.12. В неизолированной позиции: **тѡщ-**: (**тѡщаниѡ|мѡ**) 5v.18–19. Хотя во 2 слоге

²³ О.Н. Трубачев (под его ред.), *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Вып. 21. Москва, 1994: 116.

²⁴ Св. Николић, *Старословенски језик II: Примери са речником*. Београд, 1995: 71 (По Јовану, гл. XIV, 6).

²⁵ И.И. Срезневский, *Ibidem*, т. I, часть 1, 199–200.

²⁶ M. Vasmer, *Ibidem*. Erster Band, 114.

находится буква **а**, вероятно, после смягченного **щ** не мог произноситься гласный заднего ряда. О мягкости **щ** ярко свидетельствуют следующие написания изучаемого памятника: **зѣрѣщю** 147.10, **плѣщю сѧ** 133v.17, **рѣдѣщю** 133v.18. В сильной позиции: **бѣш-** (**бѣшьѧ**) 173v.17 (*иной почерк VIII*). **сѣс-** (**сѣсѣци**) 38v.16.

8. Вокализация редуцированных

Перечисленные тут случаи в собственном смысле слова не являются прояснениями, ведь они произошли не в сильной позиции, сочтенной по правилу Гавлика, и тут речь может идти и о двояких формах. Следует учесть и то обстоятельство, что выведение этих гласных полного образования из праславянских редуцированных этимологически не доказано.

8.1. У редуцированных заднего ряда

Найдена буква **о** в следующих корнях: **ко-** (**когда**) 13v.10, 25v.13 (*иной почерк IV*), 92.8, 180.20, 180v.3. В праславянском языке предположительно существовали две параллельные формы.²⁷ Исходная форма, вероятно, была **koda*, из которой под влиянием форм **kъde*, **kъto* возникла форма **kъda*, которая изменилась еще дальше, причем существовала и параллельная форма, содержащая **о**.²⁸ И.И. Еленски эту форму не причисляет к примерам вокализации (хотя он указал ее там), он говорит о мене **о** — **ѡ**.²⁹ **то-** (**тогда**) 10.12,15, 14.3,16.16, всего 131 пример (7 в ином почерке). Однажды найден и такой пример: **тогда** (43.1). Тут можно упомянуть, что некоторые лингвисты на праславянский язык реконструируют формы **tъ-kъda*, **tъ-kъdy*, как напр. Й. Гебауер, который из них выводит древнечешские формы *tehda*, *tehdy*,³⁰ но ему возражает Б.М. Ляпунов.³¹ Реконструкция этого слова на праславянский язык неоднозначна.³² По поводу написания этого наречия расходятся и старославянские памятники.³³ Б.М. Ляпунов предполагает, что в праславянском языке было две формы **togda* и **tъgda*, так как, по его мнению, форму **тогда**

²⁷ М. Фасмер, *Ibidem*, т. II, 274–275.

²⁸ М. Фасмер, *Ibidem*, т. II, 274–275.

²⁹ И.И. Еленски, *Редуцированные гласные в Святославовом изборнике 1073 года*. Автореферат. Москва, 1955: 9.

³⁰ Б.М. Ляпуновъ, *Изслѣдование о языкѣ Синодальнаго списка I-й Новгородской лѣтописи*. Т. I, часть I. Санкт-Петербургъ, 1899: 48 (в подстрочных примечаниях).

³¹ Б.М. Ляпуновъ, *Изслѣдование о языкѣ...* Т. I, часть I, 48 (в подстрочных примечаниях).

³² М. Фасмер, *Ibidem*, т. IV, 68–69.

³³ Б.М. Ляпунов, *Лекции по истории русского языка*, 147. (Рукопись учебного (ксерокопия), написанная в 1907 г., уже подготовлена к изданию. Нумерация страниц еще может измениться. Книга будет издана в Сегеде.)

невозможно вывести из **тъгда**, и данные славянских языков подтверждают это предположение.³⁴ Если бы в этом наречии первоначально был редуцированный, тогда вокализация была бы вызвана избежанием стечения трех согласных, как и у предыдущего корня. Если бы так было, в этом случае начало падения редуцированных нужно было бы отнести к очень ранней эпохе, поскольку написания **тогда** и **когда** уже в древнейших памятниках преобладают над формами **тъгда** и **къгда**. С.П. Обнорский подчеркивает, что прояснение в первом слоге наблюдается уже в старославянских рукописях, и он сюда причисляет и вышеуказанные примеры.³⁵ Не принимая этих наречий за однозначными примерами вокализации, однако, не исключаем, что в случае написания этих слов через **ъ**, в говоре писцов (может быть в говорах, ведь их было 8) произносился не редуцированный, а гласный полного образования, как и в случае написания через **о**. **встрѣнемъ** 65.18. С этой "вокализацией" повидимому ничего невозможно сделать, по крайней мере, этот пример может отражать трудности транскрипции иностранных слов, так как название этого города встречается и с буквой **ъ** (**къстрѣнхъ**: 65.20, см. 3.2.1.).

8.2. У редуцированных переднего ряда

Тут мы имеем 4 довольно сомнительных примера: (**ни о**) **чесомъ** 35v.9. Это старославянская форма. В старославянских памятниках рядом друг с другом наблюдаются формы, написанные через **ъ** и формы, написанные через **е**, но вообще последние считаются первичными.³⁶ Форма **чѣсо** смогла возникнуть и по аналогии с формой **чѣто**.³⁷ Можно провести параллель между родительным п. этого местоимения (**чѣсо**, **чѣсо**) и древнечешской формой **čso**,³⁸ где редуцированный очевидно выпал. По мнению С.П. Обнорского форма **чѣсо** возникла морфологическим путем.³⁹ **стѣгну** (род. п. ед. ч. – **лязски**) 130.11. Это существительное имеет и форму с **ъ**, но на праславянский язык невозможно реконструировать формы с редуцированным, и установление однозначного родства с другими индоевропейскими языками сталкивается с трудностями.⁴⁰ **сѣр'бръниѣ** 130v.8. Тут скорее всего мы имеем дело не с вокализацией, а с заменой апострофа буквой **е**, пока апостроф, наоборот, стоит на месте буквы **е**, т.е. этот пример является несомненной опiskeй. **стѣгна** 177v.12 – это очевидная опис-

³⁴ Б.М. Ляпуновъ, *Изслѣдование о языкъ...* Т. I, часть I, 50–52.

³⁵ С.П. Обнорский, *Къ истории глухихъ въ Чудовской псалтыри XI вѣка*. In: *РФВ*, т. 68, 1912: 348.

³⁶ А. Вайан, *Ibidem*, 170.

³⁷ E. Balczyk – A. Hollós, *Ószláv nyelv*. Budapest, 1987: 121.

³⁸ М. Фасмер, *Ibidem*, т. IV, 374.

³⁹ С.П. Обнорский, *Ibidem*, 348.

⁴⁰ М. Фасмер, *Ibidem*, т. III, 751.

ка вместо аориста глагола **стенати**, тут и речи не может быть о существительном **стыгна** (*улица*) (ср.: **тогда стегна и плака**).

9. Мелкие явления

В двух случаях найден апостроф вместо *е* в местоименной форме **мене**: (**прѣжде**) **м'не** 55.16 и (**съкончаша**) **м'не** 178v.3. Тут речь идет о родительном п., и с большой долей вероятности можно исключить опisku. Написание **мне** (род. п.), как вариант **мене**, часто (16 раз) встречается в Синайской псалтыри, написанной глаголицей в XI в. в Македонии, а также в глаголическом Синайском требнике, возникшем в XI в. тоже в Македонии, варианты **мне** и **м'не** преобладают над формой **мене** (16 примеров против 7).⁴¹ Этот вариант предположительно является формой моравского происхождения.⁴² На основе всего вышесказанного можем предположить, что протограф изучаемого памятника смог возникнуть в Македонии.

В одном случае на месте этимологического гласного *е* найдена буква **к**: **вселекъство** 103v.19. Остальная часть слова тоже не совсем ясна. Если этот пример не является опискою, тогда можно предположить, что буква **к** уже могла обозначать и гласный полного образования.

В следующих случаях появление буквы **ъ** на месте этимологического *у* объясняется опиской: **нънѣшнькоу** 58v.2, **въшньаго** 100v.17, **слѣшанню** 104v.9, **мѣсъ** 162.2.

В одном случае найдена буква **к** на таком месте, где не было никакого этимологического гласного: **жълъдн** 11v.10. Конечно, тут речь может идти и о вторичном редуцированном, но эта форма повидимому очень редко встречается в рукописях. В Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского эта форма не сообщена. В Словаре русского языка XI–XVII вв. эта форма указана, но только в скобках, и единственным примером на форму **жълъдъ** является вышеуказанный нами пример,⁴³ таким образом на основе одного примера мы не вправе решить, был ли в нем вторичный редуцированный. Между прочим, все примеры на основную форму взяты из Синайского патерика.⁴⁴

10. Заключение

Сопоставляя корневые редуцированные в первом слоге с редуцированными, находящимися в предлогах, в префиксах, в суффиксах и окончаниях, тут найдено гораздо больше отступлений от нормы. 1003

⁴¹ А. Вайан, *Ibidem*, 176.

⁴² А. Вайан, *Ibidem*, 176–177.

⁴³ С.Г. Бархударов (гл. ред.), *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 5, Москва, 1978: 120.

⁴⁴ И.И. Срезневский, *Ibidem*, т. I, часть 2, 881.

органических редуцированных звука сохранилось без изменения в слабой позиции (74 примера в ином почерке). При помощи следующей таблицы (с. 161) мы подытожили, в каких корнях или в каких основах, вероятно, уже не произносились слабые органические редуцированные в говоре (или в говорах) писцов. Здесь мы приняли во внимание лишь те корни или основы, где в довольно большом проценте отсутствуют буквы **ѣ**, **ѡ**, или стоит апостроф. У личного местоимения **мѣню** мы сделали исключение ввиду того, что оно постоянно пишется через **ѣ** вместо **ѡ**, и на основе этого можно предположить, что здесь редуцированные уже не слышались в говоре (или в говорах) писцов. (Хотя это местоимение на праславянский язык реконструировано с редуцированным переднего ряда *тънојѣ,⁴⁵ форма **мѣню**, с буквой **ѡ**, считается единственной нормой как в старославянских, так и в древнерусских рукописях.) В таблице мы не указали всех форм корней, полученных в результате палатализации разного рода. В последнем столбце показано, что органический редуцированный в слабой позиции в каком проценте не обозначен подходящим способом. Тут мы не учли примеров, показывающих мену редуцированных (за исключением местоимения **мѣню**), так как еще не решено окончательно, представляет ли собой мена редуцированных в изучаемом памятнике явление живое или мертвое, хотя на основе проведенного над памятником анализа мы склонны видеть тут не столько живой факт говора (или говоров) писцов, сколько отражение падение редуцированных или влияние протографа. Рядом с цифрами в скобках отмечено, что из указанных примеров сколько находится в ином почерке. Примеры указаны в своих правильных видах.

---

⁴⁵ О.Н. Трубачев (под его ред.), *Ibidem*. Вып. 21. Москва, 1994: 116.

Корни или основы или слова	Формы, написанные через ѣ или ѣ	Формы, написанные с апострофом	Не найдена ни буква ѣ или ѣ, ни апостроф	В каком проценте редуцированный не обозначен правильно
КѢНАЗ-		3		100%
КѢНИГ-	2	47	4	96,23%
КѢ-ТО		33 (1)	5 (4)	100%
МѢНИИХ-		24 (1)	2 (1)	100%
МѢНОГ-	13 (6)	181 (1)	26 (4)	94,09%
МѢН-Ѣ/МѢН-Ѣ	19 (5)	67 (1)	5	79,13%
МѢН-Ю	26, но все с буквой ѣ			100%
ПѢТ-НИ-	1	2		66,67%
БѢР-А-ТИ			5 (1)	100%
БѢС- 'παῖς'	164 (19)	94	13 (1)	39,48%
ПѢС-А-ТИ		3		100%
ПѢС-	1	3		75%
СѢРБѢР-			24	100%
ЧѢ-ТО	113 (6)	43		27,56%

Из 14 указанных тут корней, в 12 корнях редуцированный был в изолированной позиции, что вновь оправдывает определение И. Фалева, согласно которому падение редуцированных началось в изолированной позиции.⁴⁶ Этот вывод подтверждается и другими памятниками, как напр. Кирилловской частью Реймского евангелия.⁴⁷

Следующей таблицей проиллюстрировано состояние органических редуцированных в слабом положении:

Сохранившиеся редуцированные	Выпавшие редуцированные	Выпавшие редуцированные с апострофом	Мена редуцированных	В каком проценте редуцированные не обозначены правильно
1003 (74)	91 (13)	467 (4)	72 (6)	38,5%

⁴⁶ И. Фалев, *Ibidem*, 121.

⁴⁷ И. Х. Тот, Редуцированные гласные в Реймском евангелии. *Studia Slavica Hungarica* XXV, 1979: 439.

Слабые корневые редуцированные в первом слове по сравнению со всеми слабыми положениями (т.е. где редуцированные обозначены правильно, и где они не обозначены правильно) (1633 примера (97 в ином почерке)) в 32,88% (537 примеров (22 в ином почерке)) не обозначены правильно в изолированной позиции. В изучаемом памятнике округленно 61% слабых органических редуцированных сохранился без изменения, 33% было подвергнуто изменению (выпадению или простой мене или межслоговой ассимиляции) в изолированной позиции, а в неизоллированной позиции лишь 6% подверглось изменению.

После этого еще одной таблицей показано, между какими согласными произошли изменения у органических редуцированных:

Между какими согласными	Выпавшие редуцированные	Мена редуцированных	Межслоговая ассимиляция	Все изменения итого
б р	5 (1)			5
б ш			1 в ин. поч. и в сильн. п.	1
б х		2 в сильн. п.		2
в с	13 (1) + 96 с апостр. (2 в сильн. п.)	3	2	114
в ч		1		1
д л			1	1
д н	1 в ин. поч.	1		2
з л	4	1 в ин. поч.		5
к н	4 + 50 с апостр.			54
к т	5 (4) + 33 с апостр. (1)			38
м н	34 (6) + 272 с апостр. (3)	26	34 (5)	366
п в		1		1
п с	6 с апостр.			6
п т	2 с апостр.			2
с р	24			24
с с			1 в сильн. п.	1
т л	1			1
т ш			1	1
ч т	43 с апостр.			43

По таблице можно установить, что изменения произошли между билабиальным и зубным или между билабиальным и лабиодентальным согласными в 375 случаях (14 примеров в ином почерке), между билабиальным и переднеязычным в 6 случаях (1 пример в ином почерке и в сильной позиции), между зубными или между лабиодентальным и зубным в 124 случаях (3 примера в ином почерке, 3 в сильной позиции), между зубным или лабиодентальным и переднеязычным в 69 случаях, между зубным и заднеязычным в 92 случаях (5 примеров в ином почерке), между билабиальным и заднеязычным в 2 случаях, в сильной позиции.

По таблице тоже можно определить, что изменения произошли между акустически низким и высоким согласными в 588 случаях (20 примеров в ином почерке, 1 в сильной позиции, 1 в ином почерке и в сильной позиции), между высокими в 78 случаях (2 примера в ином почерке, 1 в сильной позиции), между низкими в 2 случаях. Изменения произошли между акустически диффузными согласными в 499 случаях (17 примеров в ином почерке, 3 в сильной позиции), между диффузным и компактным в 169 случаях (6 примеров в ином почерке, 2 в сильной позиции, 1 в ином почерке и в сильной позиции).

Из таблицы видно, что имея в виду место образования согласных, большинство изменений произошло между билабиальным и зубным или между билабиальным и лабиодентальным согласными (подсчитано всего 375 примеров (14 в ином почерке)). Это количество является 56,14% всех изменений (всего 668 примеров (23 в ином почерке), пока из сохранившихся без изменений слабых редуцированных лишь 114 (13 в ином почерке) приходится на положения, находящиеся между билабиальным и зубным согласными (положения между билабиальным и лабиодентальным не было), что составляет 11,37% всех примеров (1003 (74 в ином почерке)). Таким образом можно определить, что между билабиальным и зубным или между билабиальным и лабиодентальным согласными изменения произошли даже и пропорционально с большей вероятностью, чем между согласными, образованными в других местах полости рта.

ДОПОЛНЕНИЯ К ОПИСАНИЮ СЕГЕДСКИХ ЛИСТКОВ

Михай Кочиш

(Kocsis Mihály, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Сегедские листки (в дальнейшем: СЛ) представляют собой те отрывки памятника языка, которые дошли до нас в виде бумаг, приклеенных к деревянному переплету Сегедской минеи, написанной во второй половине XVI в. и хранящейся в Отделе старых книг Сегедской университетской библиотеки под шифром Ms. № 1. До 1999 г. читались только две стороны СЛ: наружная сторона листа, приклеенного к передней обложке, и внутренняя сторона листа нескольких бумаг, плотно склеившихся между собой и плохо приклеенных к задней обложке Сегедской минеи. Сохраненный на этих двух сторонах текст был издан и проанализирован нами в 1996 г.¹

По анализе текста двух сторон мы пришли к следующим выводам:

– Оформление букв очень мало отличается от почерка, характерного для Сегедской минеи, написанной на бумаге, известной, судя по водяным знакам, от 1557 г.

– Начальные **а** и **ѧ** не встречаются, в этой позиции **ѧ** читается только 1 раз.

– После букв **л**, **н**, **с** наблюдается лишь **ѧ**, а не **ѧ**.

– **є** употребляется только в начале слова.

– **ѡ** встречается, за одним исключением, в начале слова и в корне **мнѡгѡ**.

– В конце слова последовательно пишется **ѡ**, а в предлогах и префиксах – **ѡ**.

– На месте праславянских звуко сочетаний ***tьrt**, ***tьlt**, ***tьrt**, ***tьlt** и ***trьt**, ***tlьt**, ***trьt**, ***tlьt** наблюдаются **рѡ** и **лѡ**.

– После **к**, **г**, **х** не обнаружена буква **и**.

– Употребление надстрочных букв характерно для церковнославянских рукописей конца XV в.

– Звук **ѣ** передается обычно буквой **ѣ**.

– Древний носовой переднего ряда обозначается только юсом **ма-лым**.

---

¹ Сегедские листки. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN, t. XLI*. Łódź, 1996: 33–44.

– На месте носового заднего ряда читаются **ж**, **оу**, **ю**, и 1 раз даже **а** (мена юсов). Юс большой для передачи другого звука не употребляется.

– Рефлексами праславянских **lj*, **dj* являются, за одним исключением (**Ѡхожаѡ**), **щ** и **жд**.

– Стяженная имперфектная форма **трѣпаше** представляет собой черту древнерусской письменности.

Суммируя перечисленные выше графико-орфографические, фонетические и морфологические особенности, мы предполагали, что СЛ возникли в XVI в., и, вероятнее всего, в его первой, а не второй половине.

В 1998 г. Сегедская минея была подвергнута реставрации, в ходе которой приклеенные к ней бумаги были от нее (и, кроме того, склеенные между собой бумаги – друг от друга) отделены. Следовательно, в наши дни СЛ состоят из трех, более или менее уцелевших, листов, среди которых мы не находим ни одного полного. Но, несмотря на все это, объем читаемого текста СЛ возрос в три раза, таким образом, нам приходится пополнить описание СЛ, выполненное несколько лет тому назад.

Наши новые наблюдения сводятся в следующем.

Палеография

Нашему коллеге Валерию Лепяхину удалось идентифицировать текст на полуторах листах СЛ: он взят из Октоиха и представляет собой отрывки канона третьего гласа Честному и Животворящему Кресту, который читается в среду на утрени. Эти страницы получили от нас нумерацию 1а, 1б и 2а. Обратная сторона последнего листа, само собой разумеется, отмечена как 2б. Остальной лист условно назван нами листом третьим, но, так как его внутренний и внешний края можно определить, мы будем ссылаться на его страницы как на 3а и 3б.²

В бумаге л. 2 вырисовываются контуры водяного знака, но по этой маленькой детали (креста, рукоятки меча, или же листа дерева) нам не удалось идентифицировать его.

Размер листов 20х14 см, размер же рабочей территории 15,5х10–11 см. Текст написан в один столбец, на каждой стороне мы находим по 24 строки.

---

² Автор выражает искреннюю благодарность Валерию Лепяхину за его любезную помощь, оказанную ему в работе над рукописью. Его наблюдения также будут использованы при издании полного текста СЛ. (Здесь же отметим, что ранее изданные страницы СЛ – в издании лист А и лист Б – представляют собой, по новой нумерации, лицевые стороны лл. 3 и 2.)

Графика и орфография

Буква **га** в начале слова пишется последовательно: **газвы** 1а, **гако** 1б, **га[к]о** 2а, **гакоже** 1б, **гавоу** 2б.

Звук **а** после **л'** и **н'** 3 раза передается буквой **ѣ**: **исплѣнѣюще** 1а, **въсхвалѣюще** 1б, **покланѣ(м)** 2б.

е встречается не только в начале слова, но и в его середине после гласного: **[въ]пїемь** 1б, **овоемь** 3б.

ѡ часто пишется не в начале, а в середине слова: **бѡлезнїи** 1а, **нѡгами** 1б, **разѡвнник[...]** 2б.

Буква **з** наблюдается в форме **змїєви** 1а.

В предлоге и префиксе **съ** буква **ъ** часто опускается: **стажасте** 1б, **с нимиже** 2а, **спжтницѣ** 2б, **скончеваеца** 2б, **смиренаго** 2б, **смѣшенїа** 3б.

На месте звуко сочетания **tʁt* 1 раз читаем **-ор-**, на месте же **tʁlt* 1 раз – **-л-**; рефлексом звуко сочетания **tʁyl* 1 раз является **-ро-**: **гордостїю** 1б, **санце** 1а, **тростїю** 1б.

Вслед за буквами **г**, **к**, **х** наблюдается лишь **ы** (а не **и**): **аггльскыа** 1а, **лыкы** 1а.

Среди надстрочных букв находим также **и**: **истин(н)ын** 1б.

Оставляя без внимания последовательную форму написания **пре-**, мы видим, что этимологический **л'** передается буквами **и**, **ѣ**, и **и**: **бѡлезнїи** 1а, **телесемь** 1б, **сѡвлекохса** 2б, **телесе** 2б; **оутиши** 1а. В первых четырех формах может отражаться церковное произношение;³ форма же последняя возникла, по всей вероятности, путем ассимиляции: подобные формы читаются также в Сегедской минее, напр. **оутишивь**.⁴

На месте этимологического носового переднего ряда читаем **-а**: **дѣша** (род. п. ед. ч.) 2б. Юс большой в форме **ѡвоудѣ** 2б передает не прежний носовой заднего ряда (на его месте, наоборот, читается **ю**).

Праславянское звуко сочетание **dj* 1 раз передается буквой **ж**: **преже** 3б. Однако формы **подаи ж(д)є** 1а и **даи ж(д)є** 2б, написанные с излишней надстрочной буквой, свидетельствуют о том, что надстрочные буквы были поставлены писцом позднее, следовательно, он, по отношению к форме **преже**, мог и просто забыть о написании **д** над **ж**.

³ Об этом см. также нашу статью о т.н. мнимых полонизмах: *Polonizmusok és vélt polonizmusok. Polono-Hungarica* 6. Budapest, 1992: 50–53.

⁴ *The Szeged Minea: A Cyrillic Manuscript from the Late 16th Century*. (A text edition by Mihály Kocsis.) Part Two. Szombathely, 2000: 38. (Bibliotheca Slavica Savariensis VI/2.)

Морфология

С точки зрения морфологии заслуживают внимания следующие формы: *въ п(с)ѣнѣхъ* и *при дверѣ(х)* (местн. п. мн. ч.) обе 2а, *кознен* (род. п. мн. ч.) 2б; *вѣстр(с)тномоу* (дат. п. ед. ч.) 1б.

Итоги

Проанализировав ранее не доступные для нас страницы СЛ, приходится повторить то, что было сказано нами после разбора двух страниц: хотя архаизирующее правописание во многом скрывает особенности языка переписчика, СЛ, по всей вероятности, возникли на восточнославянской языковой территории. В пользу южнославянской по происхождению орфографии говорит и ряд свежих наблюдений: написание буквы *ѣ* после *л* и *н*, широкое употребление *є* и *ѡ*, присутствие буквы *ѣ*. Формы *гордостію* и *тростію*, однако, убеждают нас в том, что переписчик этих листков был восточнославянского происхождения.

Скромный объем СЛ не позволяет нам сделать вывод о бесспорном языковом значении последовательного написания буквы *ы* после *г*, *к*, *х*. В наши дни подобные звуко сочетания, правда, характерны для карпатского ареала,⁵ но в отсутствие других диалектных черт мы считали бы слишком смелым поставить гипотезу о том, что переписчик СЛ говорил на одном из говоров карпатской группы юго-западного наречия украинского языка.

---

⁵ С.П. Бевзенко, *Українська діалектологія*. Київ, 1980: 83; Галина Чуба, Орфографія учительних євангелій кінця XVI – початку XVII ст. в процесі становлення української правописної системи. В кн.: *Українська мова: з минулого в майбутнє*. Київ, 1998: 83.

CULTURAL-HISTORICAL PRELIMINARIES TO THE FORMATION OF THE SLOVENIAN NATIONAL LITERARY LANGUAGE. PART II¹

Károly Gadányi

(Gadányi Károly, Berzsenyi Dániel Főiskola, Szláv Filológiai Intézet
H-9701 Szombathely, Károlyi Gáspár tér 4.)

1. Slovenian ortographic reforms in the nineteenth century

The formulation of spelling norms and a suitable system of graphic representations was one of the most pressing tasks facing Slovenian philologists at the end of the eighteenth and beginning of the nineteenth centuries. The Slovenian writing system was the subject of a special convention in Vienna in 1820 in which E. Kopitar, M. Ravnika, F. Metelko, and Dobrovský took part.

It should be noted that there had been a longstanding and rich tradition of cardinal reforms or partial modifications in the graphic systems of the Slavs residing in the Austrian Empire, one which dates to the epoch of Jan Hus's activities (Мойсеєнко 1989). Such attempts had often been undertaken on Slovenian linguistic territory.

During the period of national revival, extralinguistic factors were the primary impetus for orthographic reform. As Jakovlev (Яковлев 35) has remarked, "a graphic system is not only a means for recording a given language, but also a reflection of that language's ideology." Among the Slavs, for instance, the existence from ancient times of various alphabets – Glagolitic, Cyrillic, and Latin – was conditioned by historical-cultural and confessional factors.

From the time of the early middle ages all of the Slavs in the ACQ (Austroslavic Cultural-historical Quasi-area) had been compelled to use the Latin alphabet in a variant close to that of a non-Slavic "command" language (primarily German, but, in some cases, Hungarian). During the nineteenth-century national revival the Czechs, Slovaks, Croats, and Slovenians "reject" these orthographical practices and reorient themselves to a more distinctly Slavic orthography. In the long run this tendency resulted in the adaptation of the reformed Czech diacritical orthography on the part of these languages (albeit with some modifications, depending on the particular language involved), the Czech innovations were regarded as a part of "one's own" Slavic heritage and a departure from the "alien."

The first Southern Slavs to employ elements of the new Czech system were the Croat Ljudevit Gaj, the future leader of the Illyrian Movement, and the

---

¹ Part I has been published in *Diss. Slav.: Ling.* XXIV. Szeged, 1996: 69–85.

Slovenians Stanko Vraz and Matija Majar Ziljskij (Kidrič 1908: 658). Gaj championed the adoption of the new Czech ligatures by appealing to the notion of Slavic mutuality: "the letters 'č,' 'ć,' 'š,' and 'ž' [...] are used by our brothers the Czechs, Poles, Slovaks, and Moravians" (Vince 1978: 208). In the face of strong resistance from various quarters of literate Croatian society, Gaj was compelled to abandon some of the Czech innovations. The resulting system – called the *gajica*, *gajčica*, or *gajevica* – was subsequently taken up by Slovenian national leaders in the 1830s under the direct influence of Gaj and in response to J. Kollár's notion of Slavic mutuality (Kidrič 1908: 657).

However, Slovenian orthography was the subject of other proposals in the 1820s and 1830s. In 1824 the Styrian Peter Dajnko published a grammar which reflected the peculiarities of the Styrian dialect and in which he employed an alphabet of his own invention – the so-called *dajnčica*, a modified version of the *bohoričica* into which Dajnko introduced Cyrillic letters.

One year later, Franc Metelko, a student of Kopitar's, published his "Lehrgebäude der slowenischen Sprache," a grammar based on the Krajn dialect. Metelko, like Dajnko, also introduced a new alphabet in his grammar. The *metelčica* featured twenty new letters, including Cyrillic letters to render Slovenian [č], [h], [š], [z], and [ž]. In the description of the phonetic features of norms proposed for the literary-written language, Metelko looked to the Dolenjsko dialect.

Metelko was actively supported by Kopitar, while Dajnko was championed by many Styrian writers. Dajnko's grammatical principles were taken account of in publications by Anton Šerf and Koloman Kvas. Dajnko himself published a large number of books.

The principles of Metelko's graphic system were attended to in the publication of textbooks and religious literature up until 1833, when the use of *metelčica* was officially banned in Slovenian schools.

Thus, at the beginning of the 1830s, books were being published in three different orthographies – *dajnčica*, *metelčica*, and the older *bohoričica*. Moreover, the unity of the Slovenian literary language faced a very real danger. Alongside an actively functioning literary model based on the Gorenjsko dialect (established at the beginning of the national revival), models based on the Eastern-Styrian and Dolenjsko dialects began to be used.

The orthographic reforms of Dajnko and Metelko provoked criticism on the part of the majority of Slovenian national leaders. The young philologist Anton Murko (1809–1871) in his grammar of Slovenian written for Germans ("Theoretisch-praktische slawische Sprachlehre für Deutsche," 1832) wrote: "Adam Bohorič's orthography was no worse than that of the other Europeans. Until now we, the Styrian Slovenians, were closely connected to the Krajnians by both language and

orthography. Now between us there stands a wall which threatens the Slovenian language as well as Slovenian culture" (Jezikovni pogovori 30). France Prešeren voiced his objections to Metelko's mixed Latin-Cyrillic orthography in his satiric "Poem about kasha," which was published in 1832 in the literary almanac "Kranjska čbelica."

The "Ilirske novice / Illirische Blatt" published a series of installments devoted to questions of Slovenian orthography. They were written by Matija Čop (1797–1835), a historian of literature and the first Slovenian literary critic in the modern sense of the term. In the "alphabet war" of the 1830s Metelko and Kopitar tried to fend off attacks by Čop and Prešeren, who were also joined by F. Celakovsky, Murko, and Kopitar's associate J. Zupan. The arguments against the use of *metelčica* eventually led in 1833 to an official ban on its use in Slovenian schools.

In criticizing a "mixed" orthography, Čop also rejected the phonetic principle as the basis for orthography. Čop reasoned that the phonetic diversity of the Slovenian dialects necessitated the adoption of an etymologically-based orthography. In his publications, Čop was a consistent and forthright advocate of a literary norm which would accommodate all the dialects rather than use a single one of them as its base.

Čop advocated the use of diacritical marks, in the manner of Czech, in order to represent sibilants. M. Majar, St. Vraz, J. Bleiweis and other leaders in the Slovenian revival were also in favor of such Czech-inspired innovations. Šafařík and Celakovsky openly urged the Slovenians to adopt the Czech orthography. Initially, a few articles in Bleiweis's "Novice" were printed in the *gaica*, but by 1848 *gaica* had become more or less universally accepted as the orthography of literary Slovenian. The acceptance of the *gaica* represents the sole victory of the Illyrian movement with respect to the formation of literary Slovenian.

* * *

The bases of Slovenian national culture were laid at the end of the eighteenth century and in the first third of the nineteenth. The main achievements of this period were the creation of a national Slovenian literary language, the emergence of various individual genres of Slovenian literature, and the development of national elements in other spheres of Slovenian culture such as music, architecture, and painting. The development of Slovenian literature was not uniform; whereas it reached a very high level of poetry in the oeuvre of F. Prešeren, prose and drama were still at a rudimentary stage.

Different views with respect to the development of a Slovenian national culture and literary language were to be found among various nationally minded Slovenian intellectuals, who can be roughly divided into "archaicists" and "pro-

gressives." Sometimes competing conceptions were drawn into persistent struggle. All the same, each of them in one way or another played a role in the formation of Slovenian culture.

In many ways the conceptions of national development displayed the influence of leading figures in European culture like Herder, Adelung, the Schlegels, and the French encyclopedists. They were also shaped by the views of prominent Slavic thinkers: the Czechs Dobrovský and Celakovský, the Slovak J. Kollár, the Pole Mickiewicz, the Croat L. Gaj, and the Serb O. Utješenović.

At the same time, the notions of cultural development which emerged among the Slovenes influenced the cultures of other Slavic peoples. Of particular significance in this respect were the views of Kopitar – the greatest Slovenian philologist of all times, a brilliant and contradictory personality, and a man of great erudition and critical cast of mind who, as a highly placed official, promoted the development not only of Slovenian culture but that of the other Slavic nations living in the Austrian empire as well. In his grammar Kopitar expressed an important aspect of his cultural philosophy by citing the following idea of Schlözer's: "Not a single people has ever broken out of slavery with the aid of mathematics. Nature does not change its customs: the Greeks and the Romans, the Italians, French, Germans, and English attained civilization with the help of culture and science, writers and poets" (Pogačnik 1977: 131).

2. Romantic and utilitarian currents in Slovenian culture and the development of literary Slovenian

The 1830s and 1840s constitute an important stage in the development of Slovenian language and culture. This period is distinguished by notable social changes in the Slovenian lands. The impoverishment of the peasants and their migration into urban centers fostered their **Slovenization**. This, in turn, induced ever increasing numbers of the newly forming Slovenian national bourgeoisie in the cities to join the national movement. The numbers of the Slovenian secular intelligentsia increase at this time. However, the clergy continued to play an important role in the development of Slovenian culture right up until 1848. The social transformations taking place at this time aggravated contradictions in Slovenian society and led to certain ideological changes.

The culture of the previous stage was imbued with optimism, a belief in rationalism, and the conviction that all contradictions could be surmounted by means of enlightenment. But under the impact of events taking place at the beginning of the nineteenth century, confidence in the inevitability of progress gave way to doubts and a new thoughtfulness permeated with a consciousness of the unavoidability of catastrophes. All this was reflected in the emergence of Roman-

ticism, a distinctive reaction on the part of the bourgeois intelligentsia to the cosmopolitanism of Enlightenment ideology. The most important goals of Romanticism were the creation and affirmation of national culture.

In the Slovenian lands Romanticism was represented by two remarkable men – the critic and historian of literature Matija Čop (1797–1835) and the great Slovenian poet France Prešeren (1800–1849), whose oeuvre was qualitatively comparable to that of the leading poets of Europe. The views of Prešeren and Čop were publicized in the "Kranjska čbelica" ("The Krajna Bee"), an almanac issued four times between 1830 and 1834. Edited and published by Miha Kastelič, librarian of the lycee in Ljubljana, the "Kranjska čbelica" printed the work of Kopitar's student Jakob Zupan, the librarian Jurij Kosmač, and the priests Blaž Potočnik and Ignac Kholcapfel (both of whom were students of Metelko). The almanac criticized the views of Kopitar and the Jansenists with respect to the national-cultural development of the Slovenes, particularly where questions of the Slovenian language and literature were concerned.

The ideology of Slovenian Romanticism held language to be the primary index of national cultural development. As champions of this idea, Čop and Prešeren drew from the Schlegel brothers certain characteristically romantic principals which, in their view, were most conducive to the needs of Slovenian cultural life:

1. the potentialities and talent of a people attains its fullest expression in literature, and poetry places that people on the highest level of cultural development;
2. cultural development necessitates an effort to perfect a system of versification;
3. the successful development of national culture presupposes openness to the influences of all other cultures (Paternu 1976: 97–103).

As early as the 1820s Čop and Prešeren keenly sensed the need for a wider sphere of Slovenian cultural activity which would extend beyond the rural population and the clergy. Čop enunciated his credo in the section devoted to Slovenian literature which he wrote for P. I. Šafařík's "History of Slavic literatures." However, Prešeren was the first to openly attack Kopitar's theory of language. In his article "The new orthography," which appeared in the "Kranjska čbelica" in 1831, he emphatically rejected the idea that unrefined peasant speech could be regarded as a ready-made literary language. Čop fully concurred with Prešeren, and he ridiculed attempts to use peasant forms of speech in books. He recommended the study of literary style as found in writers of those parts of the Slavic world where an abundant literature was already in existence and rejected "labelling as impermissible Germanisms or Gallicisms those words which are merely professional terms accepted in all European languages." Čop openly declared that the development of Slovenian would proceed more successfully if more educated people were to take part in Slovenian culture. In such a case, they would place new

demands upon writers which the latter would have to meet in their works (Čop 1935: 50–51).

Čop and Prešeren advocated the creation of a Slovenian literary language which would be comparable to the languages of the developed European peoples. Their activities in this respect signified a new stage in the growth of Slovenian national consciousness. Rejecting the notion of the Slovenian language's limited potentialities, the Romantics began to contemplate the development of Slovenian literature from other directions. The confinement of Slovenian literature to books for the peasantry they regarded as inexpedient, the more so as the city dwellers and intelligentsia began to display increasing interest in the national movement at the end of the 1820s. According to Čop, Slovenian literature had to stimulate interest among the educated circles of Slovenian society, a conception which was realized in the "*Kranjska čbelica*," whose readership was composed primarily of students and officials.

As an opponent of the "restrictive" aspects in the program of Kopitar and the Jansenists, Čop thought highly of "*Pisanice*," an almanac which he considered a forerunner of "*Kranjska čbelica*" and the comedies of Linhart. He regretfully noted that save for the poetry of Vodnik and Jarnik and some translations of the Gorica enlightener Stanič, nothing which did not pursue narrow didactic ends had appeared in print in Slovenia after 1790.

Despite his thorough familiarity with and love for the poetry of Goethe, Byron, Lamartine, Mickiewicz and other Romantics, Čop repudiated such Romantic features as mysticism, fantasy, and demonism, which were also alien to Prešeren (Paternu 1963: 153–154). The Romantic poet who most influenced Prešeren was Uhland, whose poetry was distinguished by ingenuousness, gaiety, and earthly love (Prijetelj 1931: 129). Prešeren had a high regard for the German Romantics and was enormously fond of Dante, Byron, and Goethe. Čop acquainted Prešeren with Mickiewicz's work, and the Polish poet's patriotism and aspiration to realize the role of poet in the life of his people inspired his Slovenian counterpart. Mickiewicz's epic poem "*Konrad Wallenrod*," a fragment of which Prešeren translated into Slovenian, influenced Prešeren's "*Baptism in the Savica*" (Štefan 1963: 184–191). Prešeren was also influenced by Jan Kollár, another Slavic Romantic poet, and he took an interest in "*Slovo o polku Igoreve*," the anonymous Old Russian epic (Nartnik 1982: 263).

Prešeren devoted some attention to the notion of Slavic mutuality. Some of his ideas in this area can be found in his poem "*Zdravica*," where he connects love of the native land (Slovenia) with love for Slavdom ("God preserve our land and the entire Slavic world which surrounds it!"). Mutual cooperation of all free peoples in a world from which national enmity is exiled also figures as a motif in this

poem. Prešeren's work furthers the democratic traditions of the Slovenian national movement which were laid down by Linhart. On the whole, Prešeren's attitude to Slavic mutuality was two-sided; in spite of his love and sympathy for Slavdom, he made sober assessments of the lifelessness and naivete of such cultural-ideological movements as Illyrism. Prešeren regarded Illyrianism as a harmful theory which lacked vitality. If the hopes of the Illyrianism were realized, he wrote, then the Slavs would deprive themselves of the cultures of four living Slavic peoples – the Kajkavian Croats, the Rusins, the Slovaks, and the Slovenes – and those peoples, in turn, would be deprived of an autonomous literary language. The creation of a single literary language for all the Slavs Prešeren regarded as an impossibility. In a letter of 1837 to Stanko Vraz he wrote that "the union of all the Slavs in a single literary language will in all likelihood remain no more than a good intention" (Pri-jatelj 1931: 151).

Prešeren and Čop did much to enrich Slovenian poetry. Like the brothers Schelling, Čop believed that a mastery of the forms of Italian Renaissance poetry could raise the people's cultural level. Prešeren was alien to purism and the fear of influences from other languages.

Thanks to Prešeren's efforts, Slovenian poetry liberated itself from didacticism and utilitarianism and became a truly national poetry. After Prešeren one could with complete justification speak of an established Slovenian literary language.

Prešeren's poetry met with earnest sympathy on the part of leading cultural activists in both Slovenia and other parts of the Austrian Empire. However, he also provoked sharp criticism, particularly on the part of Kopitar and the Jansenists, who considered his love lyrics improper and amoral. In both German and Slovenian publications Čop ardently championed Prešeren's poetry, praising him for the introduction of new verse forms and the elevation of Slovenian style to the level of artistically developed literatures. Supporters of Prešeren appeared in other Slavic lands; among them, for instance, was the Czech poet F. Celakovsky. In Prešeren's genius Slovenian Romantic poetry attained a very high level.

* * *

In the 1840s the movement headed by Janez Bleiweis (1808–1881) vanquished the Jansenists. Bleiweis published and edited the "Kmetijske in rokodelske novice," a popular newspaper whose diverse contents included articles on medicine and economics as well as critical reviews. Although Bleiweis's activities were conducted on a lower cultural level than those of Prešeren and Čop, they succeeded in provoking interest in Slovenian culture in a wider sphere of the population which included the peasantry.

Compared with that of the Jansenists, Bleiweis's literary program was a step forward. Both Bleiweis and the Jansenists were conservative in their views; however, whereas the Jansenist center of gravity was occupied by religious-moralistic concerns, the primary direction of Bleiweis's activities was instructive and patriotic in character. Bleiweis was no theoretician. His efforts were primarily aimed at the "education and ennoblement" of the mass reader. He advocated the publication of books for the common people which would provide information about trade and agriculture, history, geography, ethnography, and law.

Bleiweis was firmly convinced that popular literature should inspire loyalty to and love for homeland and emperor, rather than amuse. He called for the creation of libraries for the common people and envisioned the appearance of inexpensive books in mass editions, whose publication would be undertaken by wealthy patrons and various national societies (Kmetijske in rokodelske novice VI). Bleiweis advocated a simplicity of style which bordered on the primitive: a writer ought to write in such a way that children could understand him. The esthetic merits of a given work did not interest Bleiweis; he evaluated literature on practical, material, or moral grounds. The Illyrian Matija Majar propagated views similar to those of Bleiweis in the latter's newspaper. He urged writers to create "noble and useful" works which would instill in their readers honesty, a sober way of life, love of peace, and industriousness. Furthermore, Majar actively promoted the literatures of the other Slavic peoples.

The territory of Krajna was the principal center of both the Romantic current (Čop and Prešeren) and the utilitarian current (Kopitar, followed by Bleiweis) in Slovenian culture at this time.

3. Slavic mutuality, Illyrianism, and the Slovenian literary language

A third national-cultural movement – so-called "Illyrianism" – appeared among the Slovenes at the end of the 1830s. The city of Graz served as something of a center for Slovenian Illyrianism, which was for the most part confined to Styria and Carinthia, areas in which the Slovenian populace was particularly threatened by Germanization and a local literary-written tradition was absent.

In the central areas of Slovenia, where normalization of the national literary language was proceeding more actively and an artistic literature in that language was developing successfully, Illyrianism had practically no support.

The history of Illyrianism among the Slovenians and the Southern Slavs as a whole left a deep imprint on the lexical composition of the Slovenian literary language.

As Kulakovsky (Кулаковский 1885) noted more than 100 years ago, the Austrian Empire was the birthplace of all initiatives with respect to the linguistic

unification of the Western and Southern Slavs, although such initiatives often drew their inspiration from elsewhere.

The notion of Slavic mutuality often took root in the educated layers of Slovenian society. Its history in Slovenia must be viewed in the context of the development of Slovenian national consciousness.

One ought first to note that the Slovenes became a nation in the absence of a state of their own or even of a single Slovenian administrative-political territory. The lands of the Slovenes spread over several provinces of the Habsburg monarchy – Carinthia, Styria, Gorica, Primorje, Krajna – and the lands of the Hungarian crown. In the predominantly Austrian German provinces of Carinthia and Styria the Slovenes comprised a third of the population. In Primorje there was a large population of Romance language speakers, and in Hungary the Slovenians resided in only two counties. As a result of such administrative splintering, at the beginning of the nineteenth century most Slovenians regarded themselves as *Krajinians*, *Styrians*, *Carinthians* etc. rather than as members of a single Slovenian nation.

The Austrian ascendancy, established in the Slovenian lands during the institution of feudalism, retarded the political and cultural development of the Slovenes. Unable to develop their own class of feudal lords, the Slovenes could not look back to a tradition of statehood and political struggle, in contrast to other peoples wholly or partially included in the Austrian Empire such as the Hungarians, the Croats, and the Poles. In the absence of such traditions, Slovenian culture somewhat lagged behind the cultures of its Slavic neighbors. Although the activities of the Slovenian Protestants in the sixteenth century led to the appearance of a Slovenian alphabet and grammar as well as a few books in Slovenian, the traditions of written language were still very weak. In many cases the results of Slovenian Protestant activities were nullified by the Counterreformation; moreover, their achievements were too modest to justify speaking of a full-fledged Slovenian written language and book printing industry. For instance, they did not put out any Slovenian texts of a geographical, historical, or literary nature.

Unlike its Polish, Hungarian, and Croatian counterparts, Slovenian national consciousness did not bear the stamp of an aristocratic tradition. Democratic tendencies were quite prominent in its development from the very beginning. In the closed territory of the Austrian monarchy the thrust of Slovenian national consciousness was primarily directed against Austro-German cultural-linguistic expansion. The most farsighted Slovenian cultural nationalists, such as F. Levstik, stressed that the "civilizing" mission of the Germans with respect to the Slavs culture had always aimed at annihilation of Slavic culture in the conquered territories in order to facilitate the transformation of a "conquered people into an illiterate herd at the service of the German lords" (Levstik 1961: 35–37). In contrast, "our Slovenian mission is thoroughly democratic" (Ibid.: 320).

The absence of political traditions and of a firmly established written culture account for two characteristic features in the formation of Slovenian national consciousness: the significant role of the folk tradition and, for a brief period, the importance attached to the notion of Slavic mutuality. With respect to the latter feature, development of Slovenian national consciousness mirrored the experience of other Slavic peoples within the Habsburg monarchy, such as the Czechs, Croats, and Galician Ukrainians, among others. Like the Slovenes, they regarded themselves as both individual peoples and representatives of Slavdom as a whole. To justify their national development, the young nations in formation drew upon aspects of the history, traditions, and cultural achievements of their respective peoples. Among the majority of the smaller Slavic peoples such traditions were weak. In such cases they affirmed their right to national existence on the basis of history and the cultural achievements of all the Slavic peoples. The national leaders of the Slovenes endeavored to instill in their people a feeling of Slavic mutuality – according to their credo, "national pride is essential to the Slovenes, but above all else they can take pride in the Slavic world in general" (Slovanski svet 1895, № 29, 271).

Pan-Slavic ideas developed among the Slovenes in the guise of **Yugoslavism**, **Austro-Slavism**, and **Russophilism**, which in their Slovenian manifestations were cultural-ethnic, rather than political, in character prior to 1848.

Whereas Austro-Slavism and Russophilism influenced the formation of Slovenian national consciousness in its initial stages, the appearance of Yugoslavism a few decades later was directly connected to that social-political and cultural movement known as Illyrianism, which had originated in Croatia in the 1830s.

Ljudevit Gaj, the founder of Illyrianism, regarded the Southern Slavs as a single people and actively campaigned for their cultural-linguistic unification. Illyrianism met with a warm response among many Slovenian cultural nationalists. In the overwhelming majority of Slovenian Illyrians Illyrian ideas were interwoven with a notion of Slovenian national consciousness.

Whatever one might think of Illyrianism from a social-political or cultural point of view, it cannot be disputed that it left a deep imprint on the development of the Slovenian national literary language, especially in the area of its vocabulary.

The Slovenian Illyrians championed the cause of the *Gajica*. The chief points in its favor, they argued, were its simplicity and its status as the Latin-based orthography most widely used among the Slavs. According to Majar, one of the most fervent Slovenian Illyrians, this latter feature would enable the Slovenes together with the other Slavs who employed the *Gajica* to read books written in each other's language (Kmetijske in rokodelske novice 1845, № 1). Majar advised

Slovenian writers to study the vocabularies of all the Slavic languages with the goal of creating neologisms which were both Slovenian and Slavic in sound (Kmetijske in rokodelske novice 1847, № 2, 7–8).

1848 was a turning point in the development of Slovenian national consciousness. Whereas it had previously evolved along primarily cultural-ethnic lines, it now began to take on a more and more active political cast.

The Revolution of 1848 marks both the heyday and, to a certain degree, the downfall of Austro-Slavism in the consciousness of the Slovenian cultural nationalists. Although Slovenian political agendas include elements of Austro-Slavism in the 1860s and even later, its influence on Slovenian national thinking greatly declined after 1848. Yugoslavism played a clearly subordinate role to that of Austro-Slavism during the revolutionary period; the influence of Russophilism had considerably weakened by the turn of the century, as the Slovenian liberals were opponents of serfdom.

In the area of language development, after 1848 a number of Slovenians pursued more ambitious goals, attempting to bring Slovenian into greater conformity not only with Serbian and Croatian, but with the other Slavic languages as well. Leading Slovenian cultural nationalists devoted great attention to the traditions of general – Slavic culture as found in Old Church Slavonic and the culture of the Cyrillian – Methodian epoch. Their efforts to use Old Church Slavonic as a model for the construction of modern Slovenian as well as a general Slavic literary language were based to a great extent on Kopitar's and F. Miklošič's "Pannonian" hypothesis with respect to the origin of Old Church Slavonic.² This hypothesis, which enjoyed great prestige throughout the nineteenth century, identifies Old Church Slavic with **Old Slovenian** (*altslovenisch*) and refers to modern Slovenian as **New Slovenian** (*neuslovenisch*).

In connection with the matters mentioned above, we now turn our attention to extralinguistic factors which influenced the evolution of the Slovenian literary language. We concur with I. V. Churkina (Чуркина 1977: 250), the noted Slovenist and cultural historian, when she remarks that "the 'Pannonian' hypothesis [...] **played an enormous role in the formation of the Slovenian literary language, especially in its vocabulary**" (our emphasis). By the mid-nineteenth century Slovenian society had produced a pleiade of highly educated philologists, representing two generations, who were in a position to pursue a single-minded

---

² Data assembled in the last few decades by Slavists and Indo-Europeanists has led leading Slavists to take a new look at the dispersal of the ancient Slavs in the light of the Pannonian and Danubian theories. See in this connection the work of O. N. Trubachev (Трубачёв 1993), who discusses early Slavic ethnolinguistic groupings on the Middle Danube.

linguistic politics. Furthermore, many words and expressions which had entered the conversational language from German and Italian were eradicated and **replaced by words and expressions from Old Church Slavic or other Slavic languages**. Among the fervent advocates of such a practice was the well-known Slovenian philologist F. Levstik. Levstik, a staunch adherent of Slavic cultural mutuality, regarded Old Church Slavic as the language from which the modern Slavic languages had evolved; for this reason, he argued, its syntax, morphology, and lexicon should serve as the basis for the linguistic convergence of the Slavic peoples. In addition to Kopitar and his student Miklošić, M. Pleteršnik, author of the celebrated "Slovenian-German dictionary," stood close to Levstik's view.

In the second half of the nineteenth century another movement arose among Slovenian philologists and cultural nationalists. According to its representatives, the Slovenian language had not yet attained a high enough level of development to function as an independent literary language. They envisioned the creation of a general Slavic literary language using elements from all the Slavic languages. This utopian goal fell on fertile soil in the Slovenian lands inasmuch as the Slovenian literary language itself was formed to a great extent as a **koine**, i.e. as an alloy of all the Slovenian dialects wherein no single dialect served as its base. Such a pattern of development induced many Slovenian philologists to envision the creation of an artificial general Slavic language along the lines of literary Slovenian; however, socioeconomic and political factors constituted an insurmountable barrier to the success of such a project.

* * *

In summing up the contents of this section, we will attempt to look at the problem against a broader general-Slavic "typologized" background.

In the mid-nineteenth century the situation of the South Slavic literary languages – their structural design and mutual relations – significantly differed from the situations of such West and East Slavic literary languages as Polish, Czech, and Russian. The mid-nineteenth century was a period in which the structures and basic features characterizing the contemporary Polish, Czech, and Russian literary languages were established. This process included the institution of norms which allowed for a limited range of variation and the settling of questions regarding relations with the dialects and traditional models – Church Slavonic for Russian, the language of the "Golden Age" for Polish, and the language of the Hussite era (the *bibličtina*) for Czech.

It is important to remember that the position of these three languages was the result of a rather long period of development. It should also be noted that in the

first half of the nineteenth century relations with these languages exerted an impact on the formation of other East and West Slavic literary languages – Russian and Polish in the case of Byelorussian and Ukrainian, and Czech in the case of Slovak. Here the principle of "rejection" was not the only factor at work; a general, fairly abstract structural base was maintained, and attempts were made to bring the relevant two languages closer to each other and to formulate the younger literary language as a "local" variant of the more "universal" one.

As a result of their very rapid development, the situation of the South Slavic literary languages in the middle of the nineteenth century was qualitatively different.

Formation of modern literary Slovenian, Croatian, and Serbian³ necessitated the resolution of two fundamental questions:

1. the relation to tradition (to Church Slavonic and to other varieties of written language dating to previous epochs);
2. the relation to the dialectal base (choice of a primary dialectal base, attempts to create a mixed dialectal base).

These interrelated questions were complicated by a number of other important factors, such as the presence of "regional" literatures, the competition between different cultural centers (in the case of Slovenian, between Ljubljana, Celovec (Klagenfurt), Graz, and, to some extent, Vienna), the presence or absence of urban koines, and **the influence of other Slavic and non-Slavic literary languages**. Finally, extralinguistic factors – and national consciousness above all – played a very significant role.

The western part of the South Slavic dialectal continuum is distinguished by a great degree of fragmentation and differentiation of dialectal features. The well-known dialectal diversity of Slovenian and the relative isolation of many of its dialects prompted I. A. Boudouain de Courtenay to regard the Režjansk and Tersk dialects as separate languages. In general, the phonetic, morphological, and lexical distinctions between the Kajkavian, Čakavian, and Štokavian dialects is equal to (or even greater than) the distinctions between the Russian, Ukrainian, and Byelorussian languages.

The eastern Štokavian dialect spreads over a wider expanse of territory but is more uniform than the Slovenian dialects or Čakavian and Kajkavian considered as a whole. With respect to the selection of a dialectal base for the Southern Slavic languages, it was important that the number of Croats, Serbs, Bosnians, and Chernogorians who spoke Štokavian was substantially greater than that of Croats who spoke Kajkavian or Čakavian.

---

³ As the Bulgarian and Macedonian linguistic territories were not formally part of the ACQ, we do not treat them here.

On the entire territory of the eastern part or, to be more precise, the Orthodox zone of Eastern Slavdom, Church Slavonic was the unifying element in the literary language.

In the western zone of Southern Slavdom, there was no single Slavic language suitable for supradialectal use and capable of serving as a base and model for the unification of the dialects. The use of Church Slavonic by the Croats was an extremely local phenomenon and restricted in large measure to the clergy. A number of "local" literary varieties were to be found among the Croats in the seventeenth and eighteenth centuries – Kajkavian, Slavonian-Štokavian, Bosnian-Štokavian, Čakavian.

A similar situation prevailed in Slovenia, where at the end of the eighteenth and beginning of the nineteenth century Dolenjsko (F. Metelko et al.) competed with Gorenjsko (M. Pohlin et al.) and attempts were made to introduce Styrian (P. Danko), Carinthian, and Prekmurian literary norms.

The language of writers who represented the various "regional" literatures was generally close to the popular, dialectical speech of their respective territories. Making the written word comprehensible and accessible for the wider populace did not constitute a particularly complicated problem as it did in the eastern Southern Slavic zone at that time. However, the western zone was confronted with the problem of creating a unified oral literary standard, and alongside this task there soon arose another – the sphere of the literary language's dispersal, a problem called forth by the need to facilitate communication over a large territorial expanse, free cultural exchange, and the liquidation of local isolation.

It became necessary to unite the various local literary languages, to choose a wider dialectal base, and to determine the relation to tradition – for the Slovenes this meant the language of Trubar and Dalmatin, for the Croats the language of Dubrovnik literature, and for the Orthodox Balkan Slavs Church Slavonic. The need for linguistic and literary unification was dictated in part by such essentially extralinguistic factors as the yearning for national-ethnic solidarity in the face of Ottoman expansion and Habsburg policies of Germanization.

The task of unification involved more than the selection of a dialectal base; on the practical level it resulted among the Slovenians in the **elaboration of a number of possible models**, distinguished from each other by degree of closeness to one or another dialect as well as by the extent to which the traditions of the sixteenth, seventeenth, and eighteenth centuries had been taken into account. These two variables were interconnected, since the language of preceding epochs was related in various degrees to one dialect or another.

With regard to the scope of the abovementioned models at one end were those like the Slovenian *metelčica*, which fixed in almost phonetic transcription

the Dolensko dialect as spoken in F. Metelko's time, while at the other were St. Vraz's project for the creation of a general Slovenian-Croatian-Serbian literary language and even projects which outlined the creation of a general Slavic language capable of serving all the Slavs. But as we now know, middle-of-the-road solutions prevailed in the establishment of the structures of the modern Slovenian and Croatian literary languages. Slovenian did not merge with Croatian; instead a "general Slovenian" language was elaborated by employing, in part, the general fund of other Slavic languages. The literary norms of Croatian and Serbian were formally united in 1850 on the basis of a general neo-Štokavian dialect in the spirit of Karadžić and Gaj.

It is important to note that, on the whole the more ambitious of the above-mentioned projects were more than abstract attempts to create something on the lines of a "Slavic Esperanto" – as vital responses to the problems of creating national literary languages, they represent attempts to find an optimal model for uniting the largest number and widest range of dialects within a single literary language (Толстой 1988: 205).

There was little, if any, practical demand for the unification of all Slavic languages, and the "general-Slavic" projects were ultimately rejected. Nonetheless, their emergence is a very important landmark in the history of the Slovenian language – they exerted an influence on literary Slovenian both before and after 1848, the year in which, according to widespread scholarly convention, the norms of national literary Slovenian were established.

We will discuss the character of these "general-Slavic" projects below. For the moment it is important to stress once more that from the seventeenth century onward in the Slavic world as a whole, such projects arose primarily in present-day Slovenian and Croatian linguistic territory. No such projects were entertained among the Poles. "General-Slavic" projects among the Eastern Slavs were exclusively directed at bringing the other Slavic languages closer to Church Slavonic or Russian (Пыпин 1892). Among the Czechs and the Slovaks, attempts were made to draw Slovak closer to Czech. Serbian and Bulgarian efforts in this respect mirrored those of the Eastern Slavs. On the other hand the variety and number of Slovenian and Croatian "general-Slavic" projects was quite extensive (Кулаковский 1885).

Although the "general-Slavic" projects did not involve the reintroduction of Old Church Slavonic or its graphics, an Old Church Slavonic element was reflected in all of them to some extent. In their efforts to reduce the various Slavic forms to a common denominator, the authors of these projects produced something akin to a "reconstruction" of Late Common Slavic, which, as A. Meillet pointed out, is nearly identical to Old Church Slavonic both structurally and formally. Furthermore, the creation of a "unified" norm necessitated a graphic system capa-

ble of various phonetic realizations – e.g. **а** could be read as [u], [o], and [a] depending on the reader's native Slavic tongue.

Beginning with that of J. Križanić, Cyrillic served as the alphabet for almost all the Slovenian and Croatian "general-Slavic" projects (Экман 1963). Križanić hailed from Ribnik, a village near the juncture of the Čakavian, Kajkavian, and Slovenian linguistic territories. The vocabulary of his "inter-Slavic" language was up to ten percent Croatian and from five to ten percent Russian in composition. Words common to all the Slavic languages comprised fifty to sixty percent of the vocabulary (Ibid.: 76).

The bases of other "mutual" Slavic language projects which followed were roughly the same, though they contained a somewhat smaller portion of Russianisms and Church Slavonicisms. Of particular interest in this regard are the previously mentioned scholastic efforts of Matija Majar Zilskij, the "Illyrian" – Slovene from Carinthia who published the book "Pravila kako izobraževati ilirsko narečje i u obće slovenski jezik" in 1848 in Ljubljana. Under the influence of the Slovak Jan Kollár's ideas, Majar called for the linguistic unification of the Slovenes, Croats, Serbs, and Bulgarians and envisioned the existence of a single unified Slavic language with four dialects – Czech, Polish, Russian, and Illyrian (Lenček 1968).

In the abovementioned work Majar (1848: 12) issues the following recommendation: "When writing in your native Illyrian dialect do so in conformity with the other Illyrian dialects and do not wander too far from the practice of the other Slavic languages [...] Slovenian, Croatian, Serbian, Bulgarian, [...] Old Church Slavonic – none of these can serve us as a literary language."

In 1863–1865 Majar publishes "Узаємні правопис славянські, то је: Uzajemna slovnica ali mluvnica slavyjanska" in Prague. This book included a rather detailed survey of the phonetic, morphological, and word-formational features of Church Slavonic, Russian, Croatian, Czech, and Polish together with examples from Bulgarian, Lusatian, "Carinthian-Slovenian," and "Ugorsk-Slovenian"; at the end of each section "mutual-Slavic" forms and lexemes were proposed. Most of Majar's suggestions leaned in the direction of Russian and Church Slavonic. He also considered Cyrillic (in its "civic" form) to be the only alphabet appropriate for pan-Slavic usage (Majar 1865: 30).

I. Navratil and J. Drobníč also supported the introduction of Cyrillic into Slovenian schools (Priatelj 1937: 39–41). Other Slovenian projects envisioned the use of one or another existing Slavic language as the basis for a general-Slavic language. In 1849 I. Pokljukar proposed that Serbian be used, while P. Hicinger advanced the candidacy of Old Church Slavic (but three years later transferred his support to Russian). Among the supporters of Church Slavic were Oroslav Caf,

who believed that Russian was the existing Slavic literary language which stood closest to Church Slavic; in Caf's opinion, replacing the Russian pleophonic forms (e.g. *болото*) with their Old Church Slavic equivalents would render Russian and Old Church Slavonic formally identical.

R. Razlag, editor of the journal "Zor," advocated a mixed "all-Slavic" language which would include a sizable number of Russian, Czech, and Serbian words. Such a language, according to Razlag, should serve as the basis for the "rectification" of the Slovenian literary language itself.

These are just some of the many Slovenian writers, philologists, and other cultural nationalists who promoted the creation of a general-Slavic language. However, the line of Prešeren, Čop, and Zupan, all of whom opposed such projects, was developed and strengthened in the second half of the nineteenth century by cultural and social activists like J. Trdina, F. Levstik, L. Svetec, M. Cigale, and F. Cegnar, among others. Toward the end of the 1860s most Slovenian philologists recognized the impossibility of inventing a general-Slavic language, inasmuch as the entire course of historical development had been leading to the creation of independent Slavic nations.

* * *

Summary: By the 1870s the basic norms of the Slovenian literary language were almost finalized, in a form close to their contemporary equivalents. The Slovenes rejected "general-Slavic" projects, just as a few decades earlier they had ultimately rejected St. Vraz's attempt to introduce the "Illyrian" language into their midst. However the notion of a general-Slavic language exerted a definite influence on the **general structure** of the Slovenian literary language. For instance, according to J. Toporišić, the very same F. Levstik who "did much to create a beautiful, vital, popular, and general Slovenian literary language in the 1850s undertook its rectification on the basis of Old Church Slavic in 1868" (*Enciklopedija Jugoslavije*. Vol. IV: 449).

Our observations indicate that the abovementioned currents in Slovenian intellectual and cultural life of the nineteenth century exerted a significant influence on the formation of the vocabulary of literary Slovenian, a view which conforms to that of other scholars (Чуркина 1977: 252). As an indirect result of the notion of Slavic mutuality in its various guises, various elements from other Slavic languages were drawn into the process of formation – they left a visible imprint on the literary language both in orthography (the introduction of the *Gaica*) and in the lexicon where an enormous number of other-Slavic borrowings entered the language.

The period from 1848 until the end of the nineteenth century was crucial in the development of the modern Slovenian literary language.

At a time when Illyrianism had begun its decline, Majar represented the most extreme Illyrian position vis a vis the literary language of the Slovenians. His ideas with respect to an artificial literary language ("Pravila, kako izobraževati ilirsko narečje i u obče slovenski jezik," 1848) left no heritage. However, the polemics surrounding Majar's program induced the Slovenian intelligentsia to take an ever-increasing interest in those problems connected with the formation and perfection of the national literary language.

The other extreme was represented by the conservative position of Janez Bleiweis, editor of the newspaper "Rokodelske in kmetijske novice." Extremely jealous of his status as the "father of the Slovenian people," Bleiweis rejected all innovations in the literary language and its lexicon.

The mid-nineteenth century witnessed the formation of a group of young Slovenian intellectuals at the University of Vienna. Under the leadership of Matij Cigal and Luka Svetec, they elaborated a strategy which occupied a position midway between the diametrically opposed views of Majar and Bleiweis.

At the close of the nineteenth century the entirety of the Slovenian lexicon which had been employed in the bookish-written language of the previous epoch (especially from the 1830s on) was consolidated by Maksim Pleteršnik on the pages of the two-volume "Slovensko-nemški slovar" (Ljubljana, 1894–1895), the largest bilingual Slovenian dictionary ever published.

During the last decades of the nineteenth century Slovenian literary usage incorporated certain Styrian (*stajerske*) and Carinthian (*koruske*) phonetic and morphological features. In declension the adjectival endings *-iga* and *-imu* gave way to *-ega* and *-egu* (*lepiga* and *lepigu* vs. *lepega* and *lepegu*). Differentiation of gender in the comparative degree of adjectives was established (*lepši dan*, *lepša njiva*, *lepše polje* in place of the former *lepši dan*, *lepši njiva*, *lepši polje*). The superlative prefix *-naj* was adopted (*najlepši* in place of *narlepši*), the dative plural endings of masculine nouns *-om/-em* were introduced (*bratom*, *krajem*, *Sloven-cem*), the cluster *šč* replaced the Gorenjsko *š* (*klešče* in place of *kleše*), etc.

In many respects Slovenian literary usage realized the proposals which A. Murko had made in his Slovenian grammar in the 1830s. After the 1830s Murko's proposals were supplemented by, among others, those of a younger generation of Slovenian philologists. They based their recommendations on a detailed comparative study of Old Church Slavic, Common Slavic, and Slovenian. They introduced the substitution of *videti*, *videl* for *viditi*, *vidil*; use of *e* in case endings which followed palatal consonants: *licem*, *stricem*, *lovcem*, *beračev*, etc.; use of the letter "r" by itself to represent syllabic /r/: *smrt*, *srce* in place of *smèrt*, *sèrce*

(an innovation drawn from the Eastern-Styrian dialect); institution of the prefix *pro-*: *prodreti* in place of *predreti*; use of the formant *-lec* instead of *-vec*: *brelec*, *poslušalec* instead of *bravec*, *poslušavec*; etc.

Certain specialists refer to the second half of the nineteenth century as the "Epoch of Slavicization" in the history of literary Slovenian (Jurančič 1981: 12). During this time Slovenian took in an enormous amount of lexical material, both in the form of calques and direct borrowings, from Old Church Slavic, Croatian, Serbian, Czech, Russian, and Polish.

The considerable cultural-literary and political activity of Slovenian society in the second half of the nineteenth century furthered the dissemination and gradual fixing of these new features and elements in the lexicon throughout the territory embraced by the Slovenian literary language.

REFERENCES

- Čop, M. 1935, *Izbrano delo*. Celje.
- Jurančič, I. 1981, *Slovensko-srbskohrvatski slovar. Predgovor*. Ljubljana, 3–14.
- Kidrič, F. 1908, Česko-ilirski pravopis na Štajerskem do "Novic". In: *Zbornik u slavu Vatroslava Jagića*. Berlin, 656–662.
- Lenček, R. L. 1968, The Theme of the Greek Koine in the Concept of a Slavic Common Language and Matija Majar's Model. In: *American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists. Prague. Vol. I*.
- Levstik, F. 1961, *Zbrano delo*. Ljubljana.
- Majar, M. 1848, *Pravila kako izobraževati ilirsko narečje i u obće slovenski jezik*. Ljubljana.
- Majar, M. 1863–1865, *Uzajemni npravonik slavjanski, to je: Uzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska*. Prague.
- Nartnik, V. 1982, Ob prvem prevodu "Slova o polku Igoreve" v slovenščino. In: *Obdobje realizma v slovenskem jeziku...* Ljubljana.
- Paternu, B. 1963, Nastanek teorije realizma v slovenski književnosti. *Slavistična revija* № 1–4, 153–154.
- Paternu, B. 1976, *France Prešeren in njegovo pesniško delo*. Ljubljana.
- Pogačnik, J. 1977, *Jernej Kopitar (Znameniti Slovenci)*. Ljubljana.
- Prijatelj, I. 1937, *Borba za individualnost slovenskega knjižnega jezika 1848–1857*. Ljubljana.
- Vince, Z. 1978, *Putovima hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb.
- Кулаковский, П.А. 1885, Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян. В кн.: *Мифодиевский юбилейный сборник*. Варшава, 127–136.

- Мойсеєнко, В.Ю. 1989, Чеський діакритичний правопис і розвиток слов'янських графічних систем на базі латиниці в ХІХ ст. *Проблеми слов'янознавства*. Львів, № 39, 34–41.
- Пыпин, А.Н. 1892, Теория общеславянского языка. *Вестник Европы*. Кн. 4–5.
- Толстой, Н.И. 1988, *История и структура славянских литературных языков*. М.
- Чуркина, И.В. 1977, Идея славянской взаимности в словенском национальном самосознании. В кн.: *Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 245–251.
- Трубачёв, О.Н. 1993, Древние славяне на Дунае (южный фланг): Лингвистические наблюдения. В кн.: *Славянское языкознание: XI Международный съезд славистов, Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации*. М., 3–23.
- Экман, Т. 1963, Грамматический и лексический состав языка Юрия Крижанича. В кн.: *Dutch Contributions to the V. International Congress of Slavists*. The Hague.

ПАЛАТАЛИЗОВАННОСТЬ И ПАЛАТАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ И ВЕНГЕРСКОЙ КОНСОНАНТНЫХ СИСТЕМАХ

Елена Леоновна Бархударова

(МГУ, Филфак, Кафедра русского языка как иностранного
России. Москва, Воробьёвы горы)

Соотношение категорий палатализованности и палатальности – один из самых интересных вопросов теоретической и практической фонетики. С фонетической точки зрения палатализация, как известно, представлена рядом параметров, главный из которых определяется артикуляцией, связанной с поднятием средней части языка к твердому небу. Это сопровождается продвижением языка вперед, расширением глоточного пространства, увеличением площади соприкосновения активных и пассивных речевых органов и некоторыми другими параметрами.

Палатализованные фонемы отличаются от палатальных, которые входят в противопоставление не по отсутствию/наличию палатализации (твердости–мягкости), а по месту образования. Палатализованные согласные могут быть губными, переднеязычными и заднеязычными. Палатальные согласные являются среднеязычными.

Артикуляцию палатализации принято считать дополнительной, а артикуляцию палатальности – основной. Это объясняется тем, что для палатальных согласных поднятием средней части языка к твердому небу образуется основной и единственный фокус артикуляции, а для палатализованных согласных этот фокус дополнителен и единственным не является. Артикуляционное различие между палатальными и палатализованными состоит и в том, что при образовании палатальных согласных средняя часть языка обычно соприкасается с твердым небом (смычные палатальные) или приближается к твердому небу, образуя щель (фрикативные палатальные), на большей площади, чем при образовании палатализованных согласных.

Наличие в русском языке палатализованных согласных, образующих вместе с непалатализованными корреляцию по твердости–мягкости, является наиболее яркой особенностью русского консонантизма. Данный фонологический признак многое определяет в системе русских согласных. В отличие от русского языка, в венгерском языке нет палатализованных,

но есть смычные палатальные согласные: взрывные <ty>, <gy> и носовая <ny>, а также их долгие корреляты.

Обычно в фонетической системе языка имеется либо корреляции по твердости-мягкости, либо локальный ряд палатальных согласных. Палатализованные и палатальные язычные согласные, как правило, избегают совместимости. В книге "Принцип экономии в фонетических изменениях" А. Мартине указал, что приметы корреляций по тембру, к которым относятся и корреляции по твердости-мягкости, "артикулируются в самой полости рта и поэтому могут приходить в столкновение с артикуляциями, характеризующими различные ряды. Было бы довольно трудно отличить палатализованные палатальные от непалатализованных" (Мартине 1960: 158–159).

В свете данного положения А. Мартине наличие среднеязычных (палатальных) краткой и долгой фонем <j> и <jj> в локальном ряду венгерских палатальных согласных представляется естественным. Напротив, фонема <j> в фонетической системе современного русского языка находится в относительной изоляции. Для нее значим только один дифференциальный признак "место образования", по которому она противопоставлена сразу всем остальным русским согласным фонемам, являясь единственным представителем локального ряда среднеязычных согласных.

Соответственно совершенно разным является и поведение венгерских и русской палатальных звуковых единиц. Если венгерские среднеязычные никогда не исчезают, а краткая, наоборот, достаточно часто появляется в словах, как вставка на стыке двух гласных, один из которых [i] (*si[j]et* 'он спешит', *fi[j]atal* 'молодой') (Шальга 1984: 229), то русская среднеязычная нередко выпадает в произношении, реализуясь нулем звука. Звуки [j] и [i], представляющие данную фонему, могут быть факультативными в целом ряде словоформ: *язык* [i изы́к] и [изы́к], *моему* [мьíьмú] и [мььмú]. Нередко нулевая реализация фонемы <j> является обязательной: *поймать* [пáймáт'] – *поймка* [пáймкь], *стройка* [стрóйкь] – *строить* [стрóйт']. Иногда [i] можно рассматривать как позиционную реализацию фонемы <и> (Аванесов 1974: 200–216).

Разумеется, рано говорить о полном исчезновении фонемы <j> в современном русском языке. Существуют такие оппозиции словоформ, как *саран* – *сарай*, *трамваи* – *трамвай*, *воин* – *войн* и т.п. Данные словоформы внешне отличаются друг от друга только наличием звуковых единиц *и* и *í*, причем *í* в данном случае не может рассматриваться как позиционная реализация <и>, так как фонетически обе звуковые единицы находятся в одной и той же позиции. Конечно, фонологически словоформы *трамваи*,

сараи и т.п. также содержат фонему <j>, которая в позиции перед [и] фонетически реализуется нулем звука.

Таким образом, подчеркивая особое положение <j> в системе русских согласных фонем, все же нельзя отказать данной звуковой единице в статусе фонемы. В силу плохой совместимости палатализованных и палатальных в одной и той же фонетической системе, по мере дальнейшего развития в русском языке оппозиции согласных фонем по палатализованности-непалатализованности вполне возможна, хотя и необязательна, постепенная потеря фонемой <j> своего фонологического статуса. Возможны и какие-то иные пути системного изменения, при котором данное противоречие будет преодолено.

Сопоставительный анализ категорий палатализованности в русском языке и палатальности в венгерском не только интересен в теоретическом плане, но и полезен в практическом отношении. Определение сходства и различий в звуковом строе родного и изучаемого языков необходимо в целях практического обучения фонетике.

При этом, с одной стороны, как указывал А.А. Реформатский (1959: 145), "самое опасное при изучении языков – это найти "похожее" и принять его за "то же"", с другой же стороны – не только абсолютное, но и относительное сходство звуковых систем своего и чужого языков может послужить опорой для построения курсов по звучащей речи. Об этом свидетельствует многолетний опыт преподавания русского языка как иностранного в различных в языковом отношении аудиториях, в том числе, в венгерской.

Как уже отмечалось, среднеязычная фонема <j> в русском языке и соответствующая краткая среднеязычная фонема <j> в венгерском языке характеризуются различным функционированием, то есть различным позиционным поведением. В то же время в сильных позициях, то есть в позициях, где данные фонемы реализуются своим основным представителем [j], можно констатировать абсолютное сходство в обоих языках как в восприятии, так и в произношении данных звуковых единиц. Этим сходством обычно с успехом пользуются при обучении венгерских учащихся русской фонетике.

Противопоставление венгерских палатальных смычных <ty>, <gy>, <ny> непалатальным смычным <t>, <d>, <n> похоже на оппозицию русских палатализованных непалатализованным лишь внешне. Во-первых, противопоставление по твердости-мягкости охватывает в русском языке 12 пар фонем: <п>-<п'>, <б>-<б'>, <ф>-<ф'>, <в>-<в'>, <м>-<м'>, <т>-<т'>, <д>-<д'>, <с>-<с'>, <з>-<з'>, <н>-<н'>, <л>-<л'>, <р>-<р'>.

принадлежащих к разным локальным рядам, в то время как в венгерском только шесть (три краткие и три длинные) палатальных фонем противопоставлено шести (трем краткими тем долгим) альвеолярным фонемам.

Во-вторых, противопоставление в русском языке происходит по наличию/отсутствию дополнительной артикуляции палатализации, а в венгерском языке – по месту образования. В-третьих, и артикуляционно, и акустически венгерские палатальные, хотя и незначительно, отличаются от соответствующих русских палатализованных, что проявляется, например, некоторой аффрикатизации русских взрывных палатализованных согласных [т'] и [д'], по сравнению с венгерскими взрывными палатальными согласными [ty] и [gy].

Однако, несмотря на указанные различия, в ходе изучения русской фонетики оказывается возможной опора на категорию палатальности в венгерском языке. Фонологическая противопоставленность перед гласными в венгерском языке смычного альвеолярного ([ta]nulni 'учиться'), смычного палатального (ku[tya] 'собака') и сочетания смычного альвеолярного с [j] (á[tjá]rás 'проход') существенно облегчает восприятие венграм русских сочетаний типа ТА–ТЯ–ТЬЯ с соответствующими смычными зубными согласными *m-m'*, *ð-ð'*, *n-n'*.

Постановка фонологического слуха при работе над сочетаниями "та-тя-тья", "да-дя-дья", "на-ня-нья" идет намного проще и быстрее, чем при работе над сочетаниями "па-пя-пья", "фа-фя-фья", "са-ся-сья" и т.д. Сами учащиеся отмечают разницу в своем восприятии имеющих и не имеющих соответствия в венгерском языке сочетаний. Не обладая возможностью опереться на венгерские палатальные при постановке артикуляции русских палатализованных согласных, преподаватель-фонетист тем не менее может принять во внимание особенности восприятия венгерскими учащимися противопоставления русских твердых и мягких согласных.

С учетом этого восприятия рекомендуемая для общих фонетических курсов последовательность изучения русских твердых и мягких согласных, в соответствии с которой сначала изучаются губные (<п>-<п'>, <б>-<б'>, <ф>-<ф'>, <в>-<в'>, <м>-<м'>), затем зубные фрикативные (<с>-<с'>, <з>-<з'>), а после этого зубные смычные (<т>-<т'>, <д>-<д'>, <н>-<н'>) (Брызгунова 1977), для венгерских учащихся может быть скорректирована. Поскольку начинать изучение любой темы лучше с более легкого материала, то в курсе русской звучащей речи для венгерских учащихся целесообразно приступить к изучению темы "Русские твердые и мягкие согласные" с противопоставления <т>-<т'>, <д>-<д'>, <н>-<н'>, а затем постепенно подключать и другие противопоставления.

Изучение категорий палатализованности и палатальности в русском и венгерском языках позволяет сформулировать положение, касающееся функционирования (т.е. реализация в звуках) согласных фонем и до некоторой степени объясняющее фонетическую особенность русского языка, которую Н.К. Пирогова (1985: 178) определяет как "коррелятивную непроницаемость" отдельных локальных классов и зон. Суть "коррелятивной непроницаемости" состоит в том, что все "коррелятивные процессы ограничены пределами определенных локальных классов": например, "губные не нейтрализуются с заднеязычными или переднеязычными" (там же).

Можно предложить, что такая локальная замкнутость в русском консонантизме определяется развитием палатализованных согласных, слабо совместимых с палатальными, и шире – органичным количеством локальных рядов в русском языке, по сравнению с другими языками. Дело в том, что класс палатальных, входя, в отличие от палатализованных, в многочисленные, а не двучленные оппозиции, автоматически увеличивает количество оппозиций по месту образования.

Поэтому наличие в языке данного локального ряда должно не только приводить к более активному варьированию согласных по месту образования, но и способствовать появлению многочисленных нейтрализаций по данному признаку. Есть основания полагать, что увеличение количества оппозиций по месту образования создает для этого условия.

Особенно очевидным подтверждением связи между наличием палатального ряда в языке и более активным варьированием согласных по месту образования является поведение носовых сонорных. Анализ материала различных языков (английского, венгерского, испанского, китайского, русского и ряда других) позволяет сделать вывод о существующей в языках общей тенденции к ассимиляции носовых сонорных согласных по месту образования перед последующими шумными. Однако тенденция эта по-разному реализуется в разных языковых системах.

В русском языке, для фонетической системы которого характерны палатализованные, а не палатальные согласные, она реализуется неполно, неопределенно и, безусловно, не превратилась в закономерность. Вопрос о поведении носовых сонорных согласных перед последующими шумными в русском языке подробно освещен в статье Р.И. Аванесова "Соотносительный ряд носовых согласных фонем по признаку денгальность-лабиальность".

В ней Р.И. Аванесов (1974: 190–191) указывал, что губная и зубная носовые сонорные согласные фонемы русского языка <м> и <н> чаще всего не различаются в положении перед тождественным по месту образо-

вания смычными губными и зубными: перед губными [п] и [б], как правило, употребляется только губной [м], перед зубными [т] и [д] – только зубной [н]: *и[мп']ератор*, *бо[мб]а*, *ле[нт]а*, *кома[нд]а*. Р.И. Аванесов (1974: 196) отмечал, что данная тенденция вызвана в русском языке большим количеством лексических заимствований из языков, где ассимиляция носовых сонорных согласных фонем по месту образования существует как фонетическая закономерность.

Само по себе такое положение указывает на то, что ассимиляция носовых сонорных по месту образования как последовательная фонетическая закономерность не характерна для русского языка и во многом является чем-то привнесенным извне. В той же статье Р.И. Аванесов приводит ряд примеров, в которых ассимиляция не происходит: *экспромт* [икспр'омт], *почтамт* [пачт'амт]. К этому можно добавить, что русские губные и зубные носовые достаточно часто различаются в рамках фонетического слова на стыках знаменательных слов со служебной частицей *бы*: *то[м] бы* и *то[н] бы*, *со[м] бы* и *со[н] бы*, *те[м'] бы* и *те[н'] бы*.

Из сказанного следует, что русские губные и зубные носовые сонорные фонемы имеют пока лишь тенденцию к ассимиляции по месту образования, хотя тенденцию достаточно устойчивую. Напротив, в венгерском языке, где локальный ряд палатальных насчитывает восемь фонем, ассимиляция альвеолярной носовой по месту образования является фонетической закономерностью. Фонема <n> перед [p], [b] реализуется в звуке [m]: *sz[ɪ]m* 'сцена', *azo[m]* 'однако'. Перед палатальным та же фонема реализуется палатальным носовым [ɲ]: *mo[ɲyɡ]* 'он говорит', *ko[ɲy]tu* 'пучок волос' (Шальга 1984: 28). Упомянутые реализации выступают в позиции нейтрализации альвеолярной <n> соответственно с губной <m> и среднеязычной <ny>.

В позициях перед заднеязычными <n> реализуется в венгерском заднеязычном [ŋ], который, в отличие от [m] и [n], не является основным видом одной из фонем венгерского языка: *hara[ŋ]g* 'колокол', *e[ŋ]gem* 'меч', *so[ŋ]ka* 'ветчина' (Шальга 1984: 29). В этих позициях нет нейтрализации, однако также наблюдается варьирование венгерской носовой по месту образования.

Следует обратить внимание на то, что при наличии в русском языке большого количества разнообразных фонетических позиционных чередований, по сравнению с венгерским языком, в нем, тем не менее, отсутствуют фонетические чередования губных и зубных носовых в пределах одной морфемы. Наоборот, в венгерском языке, где достаточно часто отношения дополнительной дистрибуции между звуковыми единицами не

сопровождаются наличием фонетических чередований в пределах одной морфемы, можно найти немало случаев приводящих к нейтрализации чередований носовых сонорных по месту образования – *n//m*: *szí[n]* 'цвет' – *szí[m]pad* 'сцена', *n//ny*: *mo[nd]ani* 'говорить' – *mo[nyu]a* 'он говорит'.

Таким образом, из сопоставительного анализа материала русского и венгерского языков можно заключить, что тенденция к ассимиляции носовых сонорных по месту образования может поддерживаться фонологической системой языка, в зависимости от характера самой этой системы, допускающей или не допускающей "коррелятивную проницаемость" локальных рядов. Система, для которой типичны палатализованные и нетипичны палатальные согласные, препятствует осуществлению отмеченной тенденции. Система, в которой основательно представлен класс палатальных согласных, способствует реализации данной тенденции.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов, Р.И. 1974, *Русская литературная и диалектная фонетика*. Москва.
 Брызгунова, Е.А. 1977, *Звуки и интонация русской речи*. Москва.
 Мартинс, А. 1960, *Принцип экономии в фонетических изменениях*. Москва.
 Пирогова, Н.К. 1985, *Вокализм и консонантизм русского языка (синтагматика, парадигматика)*: Дис. ... доктора филол. наук. Москва.
 Реформатский, А.А. 1959, Обучение произношению и фонология. *Филологические науки*, № 2.
 Шальга, А. 1984, *Венгерский язык в зеркале русского языка*. Будапешт.

GRAMATIČKA KATEGORIJA RODA U MAĐARSKO-SRPSKOM DVOJEZIČJU

Nada Arsenijević

(Univerzitet u Novom Sadu, Katedra za srpski jezik i lingvistiku
Jugoslavija, 21000 Novi Sad, ul. Stevana Musića 24)

1. Na kulturni život naših sunarodnika u susednim zemljama svakako utiče i nivo njihove obrazovanosti na svom maternjem jeziku. Nažalost, kao jezik nacionalne manjine, srpski se obično neguje ili u porodičnom krugu ili ako je učenje organizovano, to je po pravilu lokalnog karaktera. Srbima u Mađarskoj maternji jezik i nije primarni pa su problemi pri usvajanju norme standardnog srpskog jezika brojni.

S obzirom na to da sa obe strane administrativne granice egzistira mađarsko/srpski bilingvizam (M/S) sa dominantnim mađarskim, može se napraviti paralela u vezi sa problemima koji proizilaze iz međujezičkog kontakta. Neke zajedničke crte uočljive su već na prvi pogled što se i očekuje, no naš cilj ovoga puta biće proučavanje jedne od interferentnih pojava u jeziku Srba. I pored želje da se maternjim jezikom ovlada i više nego što je to potrebno za običnu porodičnu komunikaciju, greše i obrazovani ljudi, jer potpuno ovladavanje normom jednog jezika svakako je znatan napor, a pogotovo kada se to odvija u već pomenutim uslovima i van matične zemlje.

2. Kao svoju osnovnu građu izabrali smo "Srpske narodne novine" koje izlaze u Budimpešti.² Pregledali smo 36 brojeva iz 1993, 1994, 1995 i 1996. godine. Budući da se radi o pisanom jezičkom izrazu, a ne o neposrednoj komunikaciji u vidu dijaloga, autorima tekstova je ostajala mogućnost isvesnih korekcija u jezičkom smislu. S druge, pak, strane neka ogrešenja nije bilo moguće evidentirati, jer se ispoljavaju isključivo u akustičkom vidu.

Neka ranija istraživanja pokazala su da je kategorija roda upravo jedno od onih obeležja srpskog jezika koja najčešće prouzrokuju veliki broj ogrešenja u

---

¹ O problemima koje imaju ove dvojezične osobe već pisano isp.: J. Jerković, Negovanje maternjeg jezika u dijaspori. *Pedagoška stvarnost*. N. Sad, 1990/9–10, 398–405; M. Burzan, Problemi standardnog srpskog jezika u dijaspori. *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku* XXXVII. Novi Sad, 1994: 105–109.

² *Srpske narodne novine* izlaze u Budimpešti jednom nedeljno u izdanju Srpskog demokratskog saveza, dalje ćemo uz primere navoditi samo datum izdanja novina i broj strane na kojoj je primer zabeležen.

ovom međujezičkom kontaktu.³ Prelistavajući "Srpske narodne novine" zapazili smo da je pojava narušavanja standardna i tu frekventna, pa smo odlučili da je detaljnije proučimo. Mađarski koji je primarni jezik naših ispitanika ovu kategoriju nema, dok se u srpskom jeziku odnos subjekta i predikata upravo i tiče kongruencije u rodu i broju, pa se izvesni problemi pojavljuju i u jeziku tamošnjih obrazovanih Srba.

3. Pojavu nekongruentnog predikata zabeležili smo u rečenicama u kojima je on udaljen od subjekta ili, ako je s njim u neposrednom kontaktu, ali je pri tome narušen uobičajeni redosled: subjekat, predikat, objekat. Ogrešenja koja se mogu okvalifikovati kao nekongruentnost u rodu evidentirali smo takođe i u obrazovanju predikata impersonalne rečenice, kao i u realizaciji odnosnih i ličnih zamenica.

4. U rečenicama bez agensa veza subjekta i predikata je formalna. Gramatički rod datog subjekta uslovljava realizaciju predikata u istom rodu. Među zabeleženim ogrešenjima naročito su uočljivi primeri sa narušenom subjekatsko-predikatskom vezom koju inače karakteriše subjekat srednjega roda:

Bend je dobio 250 miliona forinti i **iznajmljivanje stadiona koštao je** 20 miliona. (17. VIII 1995, 2)

Obeštećivanje građana se pokazao kao jedan predugačak proces kome se još ni ne nazire kraja... (22. XII 1994, 2)

U februaru 19, a u martu samo **14 posto stanovništva nije** svoju mesečnu platu *potrošila* u celini. (30. VII 1994, 2)

... bilo je mnogo **obećanja** ali konkretno *oni nisu stigli*. (20. VII 1995, 11)

Složeni subjekt sa determinatorom u genitivu, u prva dva primera, zapravo je rečenični kondenzator sa evidentnim pacijensom muškoga roda u genitivu i radnjom u vidu deverbativne imenice srednjega roda u nominativu (*iznajmljivanje stadiona* ← *neko iznajmljuje stadion*). Rečenični predikat u prezentiranim realizacijama kongruirao je po pravilu sa drugim delom neagentivnog subjekta, imenicom muškog roda, koja mu je i distribuciono bliža. U trećem primeru predikat je ženskoga roda. Postoji mogućnost da je ovu pojavu uslovio neposredni kontakt sa genitivnim oblikom imenice *stanovništvo* koja, kao nominativ većine imenica ženskog roda, u ovom padežu ima nastavak *-a* (*stanovništva* ~ *žena*).

³ Isp. M. Burzan, *Interferencija u predikatu srpskohrvatske rečenice u jeziku učenika mađarske narodnosti*. N. Sad, 1984; M. Burzan, Problemi kongruencije u rodu pri savlađivanju srpskohrvatskog jezika. *Oktatás és Nevelés* XIV. Szabadka, 1986/4, 34–45; N. Arsenijević, Interferencija u mađarsko-srpskohrvatskom dvojezičju – greške u gramatičkoj kategoriji roda. *Pedagoška stvarnost*. N. Sad, 1988/9–10, 639–647.

4.1. Kada se u inicijalnom položaju srpske rečenice realizuje imenica u nominativu, ona obično ima subjekatsku funkciju. Ovo, međutim, nije uvek pravilo, jer je red reči u ovom jeziku relativno slobodan. Da bi se naročito istakao, ponekad se na prvo mesto stavlja imenski deo predikata, a subjekat se distribuira iza glagolskog dela kao što pokazuju sledeći primeri:

... a *prava atrakcija je bila izvođenje narodnih kola* iz Srbije KUD-a Taban (25. V 1955, 11)

Gost ove večeri bio je folklorno društvo... (22. VI 1995, 5)

U oba slučaja subjekat je srednjega roda dok je glagolski deo predikata u prvom muškoga, a u drugom ženskoga roda. Pretpostavljamo da je neslaganje dva-ju osnovnih konstituenata u rodu posledica njihove specifične distribucije na koju smo već upozorili. Glagolski deo predikata kongruira sa svojim imenskim delom (*je bila ~ atrakcija*), a ne sa postponovanim subjektom (*izvođenje*).

5. Muški i ženski gramatički rod u srpskom jeziku imaju i svoje prirodne ekvivalente, dok kod srednjeg roda to nije slučaj, pa se za njega konstatuje da i nije nikakav roda.⁴ Upravo zbog ovakve svoje karakteristike srednji rod se pojavljuje u produkciji dvojezičnih osoba čiji primarni jezik ne razlikuje kategoriju roda, npr.:

Izgleda da **izbor Lajoša Fira** za predsednika partije *nije isključilo* međusobne sukobe. (29. IX 1994, 2)

Prestanak izlaženja Pešti Hirlapa *zapečatilo je* sudbinu i Nogradske Hronike. (30. VI 1994, 2)

Vrela gibanica, lep doček *nagoveštavalo je* lep boravak. (23. II 1995, 11)

Vest o tome unapređenju u SAD *je naišlo* na iznenađenje. (23. XI 1995, 3)

Moje školstvo su, dakle, prekidali i to je *jedno* od najneprijatnijih **epizoda** u mom životu *koje me je* kao mladog čoveka bez svršene učiteljske škole, diplome *zadesilo...* (22. XII 1994, 9)

Zapazili smo da se ovaj tip grešaka obično realizuje u primerima gde je predikat udaljen od subjekta. Umetanjem nekih drugih rečeničnih konstituenata gubi se svest o tome da je predikat markiran istom kategorijom. Otuda je razumljiva i pojava neutralnog predikata uz subjekat muškoga roda u prva tri primera i ženskoga u četvrtom i petom.

⁴ Isp. M. Ivić, Osnovne tipološke karakteristike srpskohrvatske impersonalne rečenice. *Književnost i jezik* 1. Beograd, 1963: 18–24.

5.1. Takođe, uz subjekte muškoga i ženskoga roda u pluralu beležili smo pluralne oblike srednjega roda:

Događaji koji su se zbili na zasjedanju vlade 12. marta *dala su* odgovor na mnoga pitanja. (16. III 1995, 2)

Date mogućnosti *su*, prema tome, *odlučila* za kakvu vrstu predstave da se opredeli. (29. IV 1993, 7)

Ostali nazivi ministara *su nepromenjena*. (30. VI 1994, 2)

O pojavi nastavka *-a* u leksičkom delu predikata iniciranog genitivnim oblikom imenice iz neposrednog okruženja već smo govorili. Još jednom to pominjemo u vezi sa trećom rečenicom gde postoji takva mogućnost (*nazivi ministara su nepromenjena*). U prilog tome govori i činjenica da se pojavljuju i drugi slučajevi npr. nastavak pridevskog predikata odgovara nastavku prethodne reči:

Među uzročnicima se nalaze i gubitci koji su za milijarde veće. (23. XI 1995, 2)

5.2. Isti tip ogrešenja zabeležili smo i u rečenicama u kojima je subjekat muškoga roda realizovan u inicijalnom položaju neposredno ispred predikata. Iako ovakvih primera nema mnogo ipak bismo i na njih skrenuli pažnju kako bi se ubuduće ta nekonkretnost izbegla.

Svatovski bal *je bilo pravo mesto* za vedrinu i dobru pesmu. (9. II 1995, 4)

Taj čin *je značilo otvaranje novog fronta* u bivšoj B i H... (7. X 1993, 3)

U oba slučaja leksički deo predikata predstavljen je imenicom, odnosno sintagmom srednjega roda. Budući da zajedno sa glagolskim konstituentom ona tvori jednu sintaksičku celinu nije slučajno što su kod naših ispitanika i u rodu kongruentni. Međutim, po pravilu koje važi za standardni srpski jezik zavisnost u pogledu roda karakteristična je za subjekatsko-predikatsku vezu i onda kada se radi o složenom predikatu gde je njegov glagolski deo osim sa subjektom u relaciji sa još jednim imenskim delom (*Svetosavski bal ~ je bilo ~ pravo mesto*).

6. Restriktivna uloga subjekta u realizaciji predikata odgovarajućeg roda i broja, kao što je već rečeno, nije ograničena ni u rečenicama gde su oni razdvojeni nekim drugim rečeničnim elementima. Greške u subjekatsko-predikatskoj vezi ženskoga roda gde prvi član obično znači nešto neživo odnose se na neadekvatnu pojavu predikata muškoga roda:

Tišina u kojoj je protekao kongres socijalističke partije *začudio je* kako koalicionog partnera, tako i opoziciju. (7. XII 1995, 2)

... **stopa smrtnosti muškaraca u Mađarskoj** je najviša u svetu i *pao je* na nivo dvadesetih-tridesetih godina ovog veka. (1. IX 1994, 2)

Ne sme se zanemariti ni sve življa aktivnost opozicionih partija, **koje su** – uviđajući propuste koalicionih partnera *rešili* da pređu u ofanzivu. (23. II 1995, 2)

Kada su subjekat i predikat udaljeni i razdvojeni šanse da kongriencija ne bude ostvarena time su veće. To potvrđuju i prva tri primera gde distribuciono bliže reči imaju isti rod i broj kao subjekat. U ženskom rodu su, kao i subjekt, realizovane npr. odnosne zamenice iz neposrednog okruženja (*tišina u kojoj...; opozicione partije koje su...*) u prvom i trećem primeru. Isto tako u drugom primeru od više radnji koje se pripisuju subjektu sa njim u rodu kongruira ona koju iskazuje glagolski oblike iz neposrednog kontakta (*stopa smrtnosti muškaraca u Mađarskoj je najviša...*).

Dešava se, međutim, da i pri takvoj distribuciji nastaju greške. Njih iniciraju neki drugi faktori kao što su npr. sintagmatski odnosi koji vladaju na dubinskom nivou up.:

A nisu izostali ni izuzetne zakuske balkanska kuhinje – čevapi. (2. XII 1995, 11)

Pretpostavljamo da je predikat muškoga roda ostvaren prema apozitivno upotrebnoj imenici *čevapi*. Sintagma ženskoga roda (*izuzetne zakuske balkanske kuhinje*) realizovana neposredno iza njega (predikata), ima funkciju subjekta ali se, s obzirom na svoju semantiku ona doživljava zapravo kao apozitiv.

7. Srednji rod kao najneutralniji rod pogodan je u realizaciji radnji koje se ne vezuju za neki određeni subjekat, već su shvaćene uopšteno. Beležili smo, međutim, u "Srpskim narodnim novinam" i impersonalne rečenice sa predikatom muškoga roda:

Ježeva odvažnost je bila za svaku pohvalu i divljenje, ali *se video* da je samo pitanje trenutka... (18. III 1993, 11),

kao i primere sa ženskim rodnom koji je, kao što smo već konstatovali, obično iniciran nekom imenicom ženskoga roda iz njegove blizine: Prema zamisli vlade inflacija dogodine ne *bi trebala* da nadmaši ovogodišnju kao što ni deficit centralnog budžeta ne *bi trebalo* da bude veći od 480–500 miliona forinti.

Otežavajuću okolnost u drugom primeru predstavlja i činjenica da se glagol *trebati* u srpskom jeziku ponaša dvojako. U zavisnosti od njegove semantičke pozadine može imati sve karakteristike ličnog, ali i bezličnog oblika.⁵

8. Sasvim je razumljivo da se interferentne pojave u kategoriji roda registruju i kod realizacije zameničkih reči.⁶ U sekundarnom jeziku zamenice nose ista gramatička obeležja kao i reči sa kojima su u korelaciji, dok za mađarski kao primarni jezik ova pravila ne važe, jer on tu kategoriju i ne poznaje. Nepoštovanje kongruencije najviše se odrazilo u interpretaciji ličnih i odnosnih zamenica.

8.1. Pojavu odnosne zamenice neodgovarajućeg roda ilustrujemo sa nekoliko sledećih primera:

Bilo je i siromašne **dece** kojima roditelji nisu mogli da kupe šta je potrebno. (8. IV 1993, 14)

... teta Zorka mirno uživa u svojim penzionerskim danima, odmarajući se od **dece**, **sa kojima** je provela svoj radni vek. (11. XI 1993, 5)

Nije slučajno što su nekonkretno realizovane zamenice koje se odnose na imenicu *deca*. Radi se, naime, o imenskoj reči koja znači prirodno mnoštvo, a gramatički se ponaša kao singularski oblik ženskoga roda (*ta deca ~ ta žena*), dok je u jednini srednjega roda (*to dete*). Ogrešenje koje se ispoljava u realizaciji zamenice, tiče se, dakle, i pogrešne procene u pogledu roda same zbirne imenice *deca*. Na to ukazuje i činjenica da se greške registruju u kongruenciji dveju reči iz neposrednog kontakta što nije tako često u jeziku ovih ispitanika.

8.2. Nekongruentni odnosi u imeničko-zameničkoj vezi evidentirani su najčešće u rečenicama gde su ova dva konstituenta udaljena jedan od drugoga, npr.:

... promišljena taktika izigravanja sa strane mađarskog **lobija** u kojem su složni i Horn i Tordan, a protiv **koje** bi trebalo ... stvoriti jedan srpski lobi (23. II 1995, 5)

Ukida se **zajednička škola** a **stari datumi** će ostati samo u našim uspomenama, **koja** su bila odraz drugog vremena i duha. (11. III 1993, 1)

⁵ Isp. M. Stefanović, *Savremeni srpskohrvatski jezik (Gramatički sistemi i književnojezička norma) II*. Beograd, 1979: 603–604.

⁶ O supstandarnim pojavama u vezi sa rodom zamenica kod dvojezičnih M/S osoba već je pisano, isp. M. Burzan, Interferentne pojave u upotrebi ličnih zamenica srpskohrvatskog jezika registrovane u govoru učenika pripadnika mađarske narodnosti. U knj.: *Kontrastivna jezička istraživanja: Zbornik radova sa Simpozijuma održanog u Novom Sadu, 7. i 8. XII 1979*. N. Sad, 1980; J. Jerković, Interferencija u mađarsko-srpskohrvatskom dvojezičju. *Pedagoška stvarnost*. N. Sad, 1988/9–10, 623–628.

Da na realizaciju roda zamenice utiče udaljenost odgovarajuće imenske reči na koju se odnosni pokazuje pre svega prvi primer. Odnosna zamenica koja se nalazi neposredno iza imenice *lobi* ima obeležje muškoga roda kao i sama imenica, dok druga odnosna zamenica znatno udaljenija od ove imenice ne kongruira sa njom u rodu. Između ostalog ova interferentna pojava inicirana je i samom imenicom *lobi* koja je stranog porekla, pa se i svest o njenom rodu lakše gubi.

8.3. Greške u vezi sa rodom odnosne zamenice evidentirali smo i u primerima gde je ona realizovana iza sintagme čiji je konstituent i imenica na koju se odnosi, ali nije neposredno uz ovu imenicu, npr.:

Ipak, pored ovih velikih imena nalazimo i imena **grupa iz okolnih zemalja... koji** su došli predstavljajući tamošnju omladinu. (1. IX 1994, 11)
... učestvovali (smo) **na predstavi Narodnog pozorišta iz Niša koji** su izveli predstavu "Karadorđe". (28. IX 1995, 11)

Kao dominantan pokazao se u ovom slučaju muški rod, jer se uz imenice *grupa* i *predstava* koje su ženskoga roda realizuje zamenica *koji*. Pretpostavljamo da je ovakva odnosna zamenica nastala, zapravo, iz relacije prema imenici *učesnici (izvođači)*, koja je muškoga roda; na koju asociraju imenske reči *grupa* i *Narodno pozorište*.

8.4. Interesantno je što smo odnosne zamenice srednjega roda umesto odgovarajućeg ženskog ili muškog roda zabeležili upravo u primerima u kojima su distribuirane neposredno uz imenicu, npr.:

Od planirane uštede koje je predložilo finansijsko rukovodstvo... (18. VIII 1994, 2)

Na karnevalu cveća, koje će se održati... (28. VIII 1994, 2)

Svoje tumačenje ovih grešaka zasnivamo na mogućim pretpostavkama. U prvom primeru nastavak zamenice podudara se sa nastavkom imenice (*uštede koje*) što je mogući uzrok ovakve greške. Inače, imenska reč i odnosna zamenica, budući da imaju različite funkcije, prva subjekatsku, a druga objekatsku, ne bi trebalo da su upotrebljene u istom padežnom obliku. Imenica je u genitivu, a zamenica bi, s obzirom na upravni glagol u zavisnoj rečenici (*predložiti nešto*), trebalo da bude u akuzativu, i u ženskom rodu ima nastavak *-u*, a ne *-e*. Imenska sintagma *karneval cveća* sastavljena je od upravne imenice muškoga roda i determinativne imenice srednjega roda. Kod našeg ispitanika odnosna zamenica kongruira sa ovom drugom, bližom, pa je i sama srednjega roda (*cveće koje*).

9. Najzad bismo ilustrovali ogrešenja u realizaciji ličnih zamenica. I ovde, kao i u prethodnom slučaju, restriktivnu ulogu imaju određene imenske reči iz prethodnog konteksta. Lične zamenice neodgovarajućeg roda registrovali smo kako u nominativu, tako i u kosim padežima, što se iz primera može videti:

Ako vam se Sejšeli čine nepoznati, **filmovi** kao "Plava laguna" ili "Emanuela" će vas uveriti da ste i sami uživali u lepoti prirode Sejšela, naime *ona* su baš ovde snimljeni. (15. XII 1994, 11)

Najteže mi je pala **podela**, raskol. Toga sam se najviše plašio, a *ono* je usledilo. (22. XII 1994, 8)

Carstvo je uspelo da zaustavi tek 626. godine, kada *joj* je... (1. VII 1993, 6)

Pored osnovnog uzroka navedenih pojava, nepostojanju kategorije roda u mađarskom jeziku, značajan uticaj imala je svakako i distribucija zamenica u odnosu na imenske reči. Nekada su one konstituenti različitih rečenica. Pored toga, osim o rodu, trebalo je voditi računa i o drugim gramatičkim obeležjima, broju i padežu. Ova složenost na nekoga kome je srpski jezik i pored svega sekundarni, rezultirala je pojavom zamenica za srednji umesto muškoga roda u prvom primeru, odnosno ženskoga u drugom, i zamenica za ženski rod umesto za srednji u trećem slučaju.

10. Svoje interesovanje za maternji jezik naših sunarodnika u dijaspori ograničili smo na interferentne pojave i mađarsko-srpskom dvojezičju kod Srba u Mađarskoj. Iz ovog međujezičkog kontakta u izbor su ušle interferentne pojave vezane za kategoriju roda u standardnom srpskom jeziku. Pod uticajem mađarskog kao dominantnog jezika tipična je manifestacija nekongruentnog predikata u rečenicama u kojima je on udaljen od subjekta. Najčešća ogrešenja vezana su za upotrebu srednjega roda, bilo da je upotrebljen tamo gde se ne očekuje ili se umesto njega pojavljuju ostala dva roda. Poseban problem predstavlja realizacija odnosnih i ličnih zamenica u odgovarajućem rodu. Prema evidentiranim ogrešenjima kao relevantna se pokazala njihova distribucija u odnosu na imensku leksemu sa kojom su u korelaciji.

СТИХОТВОРНОЕ НАЧАЛО ПРИПИСКИ ЛАВРЕНТИЯ К "ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ" ЛЕТОПИСИ?

Гелиан Михайлович Прохоров

(ИРЛИ АН России (Пушкинский дом), Отдел древнерусской литературы
Россия, Санкт-Петербург, наб. Макарова 4)

"Лаврентий мних", завершив 20 марта 1377 года написание летописи, названной впоследствии по его имени "Лаврентьевской", сделал к ней большую приписку, где назвал и себя, и время начала и окончания своего труда, и великого князя Дмитрия Константиновича, как человека, которому предназначалась книга, и благословившего работу **свѣщѣнна-го епископа Дионисія**, Суздальского, Нижегородского и Городецкого.

В приписке три части: средняя – информативная, а первая и последняя, можно сказать, литературные. Хотя это не совсем точно: Лаврентий называет себя именно в первой части, где уподобляет труд книгописца и радость окончания этого труда трудам и радостям купца, капитана и странника: **Радѣтсѧ кѹпецъ, прикѹпъ створивъ, и кормьчии въ ѡтишьѣ приставъ, и странникъ въ ѡтъчство свое пришедъ, тако же радѣтсѧ и книжныи списатель, дошедъ конца книгамъ. Тако же и азъ, хѹдыи недостойныи и многгрѣшныи рабъ Божии Лаврентеи мнихъ.**¹

Знал ли писец-мних Лаврентий, что прототипом этой части его приписки являются греческие двенадцатисложные ямбические стихи? Стихи эти довольно обычны в приписках писцов греческих рукописей. Вот как они выглядят, к примеру, в греческой, хранящейся в Риме рукописи 1397 года:

Ωσπερ ξένοι χαίρουσιν ἰδεῖν π(α)τρίδα,
καὶ οἱ θαλαττεύοντες ἰδεῖν λιμένα,
καὶ οἱ πραγματεύοντες ἰδεῖν τὸ κέρδος,
καὶ οἱ ἀσθενοῦντες ἰδεῖν ὑγείαν, οὕτω
καὶ οἱ γράφοντες ἰδεῖν βιβλίου τέλος.²

¹ См.: Лаврентьевская летопись. В кн.: *ПСРЛ, т. 1*. Л., 1926: 487. Приписку Лаврентия воспроизведенной можно видеть также в книге: Л.В. Столярова, *Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах*. М., 1998: 354, № 52 (28).

² Rome, Bibl. Vallicelliana, ms. F 25, 1397, f. 32 r. См.: *Dated greek manuscripts of the thirteenth and fourteenth centuries in the libraries of Italy, vol. 1: Text*. By Alexander Turin. Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press, 1972: 260. А. Турин пишет, что такого рода ямбические стихи довольно обычны в приписках писцов греческих рукописей, и указывает в качестве примера манускрипт 1301/1302 года из миланской Библиотеки Амброджиана, см. с. 102; ср. с. 58–59. 127. 215.

В пословном переводе их можно представить так:

Как странники радуются, видя³ отечество,
и плавающие по морю, видя гавань,
и торгующие, видя прибыль,
и болеющие, видя здоровье, так
и пишущий, видя книги конец.

В третьей, заключительной части своей приписки (И нынѣ, господа ѡтци и братиѣ, ѡже сѧ гдѣ бѣдѣ ѡписалѣ, или переписалѣ, или не дописалѣ, чтите исправляѣѣ, Бога дѣла, а не клените...) Лаврентий вполне мог подражать писцу какой-то славянской или русской рукописи, так как в рукописях предшествующего времени обороты такого типа в приписках писцов довольно обычны.⁴ Но предшественницы первой части его приписки, кажется, неизвестны. Нечто похожее на нее мы находим в несколько более поздней выходной записи писца-черноризца Иоанна, спустя двадцать один год после Лаврентия, в марте 1398 года, переписавшего Студийский устав:⁵ Радѹтсѧ кѹпецѣ, в домѣ свои прішедѣ, а корабль в тихѣ пристанищѣ прішедѣ, тако же ѡтрѣшитсѧ волѣ ѿ ярма, так писатель, книги кончавѣ...⁶ Если писец Иоанн и знал приписку Лаврентия, то, явно, не имел ее перед глазами и не очень задумывался о том, что пишет, так что у него получилось, что "радуется [...] корабль", и эта радость корабля, как и радость купца, оказалась вообще не связанной с радостью книгописца, так как между ними поместилось сравнение: "яко же отрешится волѣ от ярма". И, конечно же, черноризец Иоанн совершенно не задумывался о метрической основе греческого прототипа двух первых использованных им сравнений. Но задумывался ли об этом мних Лаврентий? Знал ли он эти стихи? Если он списывал первую часть своей приписки с какой-то русской или славянской рукописи, то мог и не знать; если же брал за образец непосредственно приписку, завершающую труд какого-то книгописца-грека, или вообще ему были известны такого рода греческие приписки, то знать это вполне мог.

Так серб Исайя на шесть лет раньше Лаврентия, в 1371 году закончивший свой труд перевода на славянский язык корпуса сочинений, надписываемых именем Дионисия Ареопагита, несомненно знал о стихотворной природе – ямбической и гекзаметрической – эпиграмм-эпиграфов, предшествующих и всему корпусу, и его частям, и стремился подражать им по количеству слогов. Вот два примера.

³ По-гречески здесь и далее буквально – "видеть".

⁴ См.: Л.В. Столярова, Ук. раб.

⁵ Рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 333. Л. 151 об.

⁶ Л.В. Столярова, Ук. раб., с. 374. № 69 (46).

Ямбы: Τῶν τοῦ μεγίστου Διονυσίου λόγων
οὐκ ἄν τις εὖροι βιβλὸν ἀκριβεστεράν,
οὐκοῦν δικαίως, οὐδὲ κομπωδεστέραν,
εἰ τὰυτὰ κόμπος, ἄργυρος καὶ πορφύρα.

От великаго Діонѣсна словъ⁷

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

не ѹбо ктѡ ѡврѣщеть книгѣ скѣпѣишѣ,⁸

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

всако праведнѣ, ни же высочанишѣю,

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

аще снѡ висока, сребро и порфіра.⁹

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Гексаметры: Αγγελικῆς σοφίης ἀμαρύγματα πολλὰ κιχήσας
Ἀνθρώποις ἀνεφήνας ἰδεῖν νοοσύνθενον Ἀστρον.

Аггльскыѣ прѣмѣдрости свѣтлости мнѡгыѣ разѣмѣвъ,

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17

чловѣкъмъ явиль еси видѣти ѹмосьставнѣю звѣздѣ.¹⁰

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17

Разложить начало приписки Лаврентия на строки, соответствующие строкам греческого двенадцатисложника не трудно:

Радѣтсѡ кѣпецъ, прикѣпъ створивъ,
и кормьчинъ вѣ ѡтишьѣ приставъ,
и странникъ вѣ ѡтьчьство свое пришедъ,
такѡ же радѣтсѡ и книжныи списатель,
дошедъ конца книгѡмъ. Тако же и азъ,
хѣдынъ недостойнынъ и многогрѣшнынъ
равъ Божиѣ Лаврентеѣ мнихъ.

Но по каким же правилам следовало бы читать этот текст, если бы Лаврентий действительно знал, как строятся соответствующие греческие стихи и стремился им подражать? Очевидно, прежде всего, по греческим. Это означает, что при встрече гласных в конце одного и начале другого слова должна происходить элизия, слияние звуков. Если допустить также, что редуцированный в конце слова внутри строки является у Лаврентия слогаобразующим, что *ни*, *еи* и *ои* надо читать как *ии* (а не

⁷ "Ерь" в конце генитива плюралис читался в сербском языке как *a* и часто бывал на письме удвоен.

⁸ Здесь и далее подчеркиваю буквы, обозначающие звуки, подлежащие элизии.

⁹ См.: Г.М. Прохоров, *Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв.* Л., 1987: 28–29.

¹⁰ Там же. 30–32.

как *ий*), *ей* (а не *ей*) и *ои* (а не *ой*), а *ыи* – как *ый*, то можно прочесть эту часть приписки Лаврентия как двенадцатисложные ямбы, за исключением только завершающей строки, тоже поддающейся прочтению в ритме ямба, но десятисложной, либо восьмисложной:

Радѣтсѧ кѹпецъ, прикѹпъ створивъ,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 и кормъчии въ ѡтишьѣ приставъ,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 и странникъ въ ѡтъчство свое пришедъ,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 тако же радѣтсѧ и книжныи списатель,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 дошедъ конца книгамъ. Тако же и азъ,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 хѹдыи недостойныи и многорѣшныи
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 рабъ Божии Лаврентеи мнихъ.
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

А вот другой вариант прочтения этих строк, при котором ни читаем как *ий*, *ей* как *ей*, а "ер" перед *о* и *ѡ* считаем сливающимися с этими гласными:

Радѣтсѧ кѹпецъ, прикѹпъ створивъ,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 и кормъчии въ ѡтишьѣ приставъ,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
 и странникъ въ ѡтъчство свое пришедъ,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 тако же радѣтсѧ и книжныи списатель,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 дошедъ конца книгамъ. Тако же и азъ,
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 хѹдыи недостойныи и многорѣшныи
 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12
 рабъ Божии Лаврентеи мнихъ.
 1 2 3 4 5 6 7 8

В таком случае вторая строка оказывается не двенадцати-, а десятисложной, а последняя, седьмая – не десяти-, а восьмисложной. Обе они остаются при этом ямбическими.

Уверенности, что я не делаю ошибок при счете слогов в обоих вариантах, у меня нет. Но, во всяком случае, то, что нижегородский писец Лаврентий, как и его современник серб Исайя на Балканах, имел какое-то представление о греческом стихосложении, и, начиная свою знаменитую приписку, старался подражать двенадцатисложным ямбам, мне кажется весьма и весьма вероятным.

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА В КУЛЬТУРЕ ВЕНГРИИ

Д.В. Герасимова – Е.С. Роговер

(РГПУ им. А.И. Герцена, Кафедра уральских языков – Кафедра литературы
Россия, 198097 Санкт-Петербург, пр. Стачек 30)

Имя Пушкина стало известно в Венгрии в середине 20-х годов XIX века, когда в печати стали появляться обзоры, посвященные русской литературе того времени. В одном из них ("Русская поэзия"), опубликованном в "Научном сборнике" (1828) критик Ференц Тольди сообщал своим читателям о Пушкине, этой новой яркой звезде на русском поэтическом небосклоне. С этой поры имя этого художника слова начнет часто встречаться в венгерской печати, а творчество его получит интерпретацию в шестнадцати статьях, напечатанных еще до той поры, когда появится ряд первых переводов пушкинских творений на язык мадьяр. В 1837 году "Jelenkor" и "Haza! és Külföldi Tudósítások" известили подписчиков о трагической гибели Пушкина, последовавшей после роковой дуэли. Грубый заслон австрийской и русской цензуры от проникновения в придунайские страны известий о передовой культуре России был преодолен.

В 1844 году в апрельском номере "Пештского модного журнала" появляется первый перевод произведения Пушкина: им стала повесть "Выстрел". Доступной венгерским читателям ее сделал Габор Казинци, воспользовавшись для этого немецким ее текстом. Примечательно, что в Чехии перевод этой повести будет впервые осуществлен почти на полстолетия позже.

Бурные события в Венгрии конца 40-х годов стали импульсом для приобщения ее вольнолюбивого народа к творчеству Пушкина, проникнутому пафосом свободы. Особый интерес вызвала проза поэта, в которой получил выражение зрелый реализм основоположника новой русской литературы. В 1855 году была издана "Пиковая дама", в 1857 году – "Метель" (в переводе Д. Ургази); в следующем году появляется новый переводческий вариант повести о тайне трех карт, осуществленный Фекете Шома; в 1864 году напечатана "Капитанская дочка" (ее перевод, выдержавший десять изданий, был выполнен Каролом Зилахи). Названные произведения поэта помогли венгерским художникам слова в их постепенной ориентации на реалистическое воссоздание действительности. Этому служили и последующие переводы из Пушкина: стихотворений (1864), "Евгения Онегина" и "Бориса Годунова" (1866).

Замечательное венгерское переводческое искусство как одна из сфер национальной культуры находило в творчестве русского гения важный источник. Переводчики оттачивали свое мастерство и существенно

раздвигали прежние горизонты, вводя в свою орбиту всё новые и новые пушкинские творения. Так, в 60-е годы было переложено на венгерский язык свыше пятидесяти произведений поэта, то есть больше, чем в Италии переведено в течение всего XIX века.

В этой связи необходимо сказать о целой плеяде ярких переводчиков, сложившейся в это время. Здесь нужно назвать в числе первых Кароля и Имре Зилахи, которые познакомили венгров с "Бахчисарайским фонтаном", поэмой "Братья-разбойники", "Борисом Годуновым", балладой "Песнь о вещем Олеге", стихотворениями "Желание", "Не пой красавица, при мне..." и другими шедеврами. Сборник избранных стихотворений Пушкина, подготовленный Имре Черени (псевдоним Имре Зилахи) сделал имя автора необычайно популярным. Как писал исследователь Г. Хаупт, "одним из первых русских писателей, с которыми познакомились венгерские читатели и которого они действительно полюбили и оценили, был Пушкин".¹ Поэт стал в широких массах, одушевленных идеей свободы, самым популярным зарубежным автором и в значительной мере ассоциировался с пламенным национальным поэтом – Шандором Петёфи.

Вслед за скромной книжкой "Поэтические произведения Пушкина" Имре Черени выпускает солидный том "Северное сияние", вобравший в себя в первую очередь стихи Пушкина (1866). Эта антология, составленная из 370 страниц, явилась для читателей столь же чудесным и захватывающим явлением, как само "северное сияние", в честь которого назван этот том. Здесь же перед читателем впервые предстали "Цыганы", "Кавказский пленник" и "Граф Нулин", открывшие пушкинскую "всечеловечность", его "протеизм" и удивительное художественное совершенство письма, основанное на эстетических принципах простоты, музыкальности и гармонии. Не менее существенными были присущие поэту реалистическая правдивость и демократизм, непримиримость к деспотии и выражение национального самосознания, соответствующие тем устремлениям, которые тогда, в 60-е годы, переживала передовая общественность и писатели Венгрии. Именно этими причинами объяснял критик Аладар Комлош симпатии своего народа к русской литературе вообще и к Пушкину в частности.

К числу замечательных венгерских переводчиков русского поэта следует отнести и Ласло Араня, который великолепно перевел "Каменного гостя" (1865), отталкиваясь от переложения Ф. Боденштедта.

Но самым значительным явлением в области переводческого искусства Венгрии нужно признать перевод "Евгения Онегина", выполнен-

---

¹ Г. Хаупт, Пушкин и венгерская литература XIX в.: Историко-литературные заметки. *Вестник Ленинградского ун-та* 1946, № 6, 103.

ный Каролем Берци в 1866 году. По признанию последнего, он был захвачен самобытностью и красотой текста настолько, что, переведя первую строку, увлеченно перешел к первой главе, а затем к переводу и всего романа в целом. Как вспоминает Ласло Арань, Берци осуществлял свой труд в течение почти четырех лет, освоил русский язык, консультировался у выдающегося ученого Йожефа Ференца, осмыслял каждую строку оригинала. Работа К. Берци стала одним из лучших европейских переводов этого романа и по праву обрела исключительный успех.² В переводе К. Берци "Евгений Онегин" будет издан в Венгрии 19 раз. По словам Беоти, автора "Истории венгерской литературы", в труде К. Берци оказался передан дух и колорит, своеобразие и совершенство пушкинского подлинника, что сделало эту работу одной из самых популярных в Венгрии книг, близких к жизни современного венгерского общества.

Пушкин и его творчество стали объектом пристального изучения мадьярских критиков и ученых, особой темой венгерской науки. Ряд статей о поэте и его окружении опубликовал Кароль Зилахи, несколько работ создал известный литературовед и критик Пал Дьюлаи, напечатав их в своем журнале "Будапешти Семле", в котором он проникновенно говорил об общности двух культур, где происходит борьба с французоманией (в России) и онемечиванием (в Венгрии), где живет неизменное стремление к свободе, демократии и национальному достоинству и где проявляется неприятие современного положения вещей в обеих странах. Наиболее ярким выразителем этих тенденций являлся в России Пушкин, которого Пал Дьюлаи называл "первым в ряду других".³ Так же оценивали корифея русской литературы критики Ференц Шаламон и Ласло Арань, литературоведы Ференц Жигмонди и Бёти.

Присутствие Пушкина было ощутимо и в такой сфере венгерской культуры, как словесное творчество. Художественную преемственность с автором "Евгения Онегина" мы находим у Дьюлы Круди, интересного прозаика и эссеиста. Герой его произведения "Почтовая кибитка" Резеда испытывает непосредственное воздействие романа Пушкина, который определяет его первые зрелые и сознательные шаги в жизни. "Чтение "Онегина", – читаем мы в книге Круди, – распахнуло перед ним двери нового мира. Резеда решил, что наконец-то он нашел себе цель в жизни: он станет журналистом, поэтом, наконец, он станет таким, как Пушкин... И все это произошло в одну ночь, когда с горящими глазами и с замиранием сердца он прочел звучные строки русского поэта". Сходные чувства от встречи с творчеством Пушкина переживает и героиня повествования:

² J. Kont, *Histoire de la littérature hongroise*. Budapest–Wien–Paris, 1900: 387.

³ Цит. по ст.: А.С. Стыкалин, Творчество А.С. Пушкина в контексте восприятия русской литературной классики в Венгрии (XIX – первая половина XX века): *Славяноведение* 1999, № 3, 76.

"Онегин! О, как бы я хотела опять стать молодой лишь для того, чтобы хоть раз, как в былые годы, снова прочесть "Онегина" и перестрадать вместе с ним! Уехать бы в Москву... Взять письмо Татьяны и пройтись по берегам Невы! Все мы Онегины в молодости!"⁴

Видный мастер прозы Мор Йокаи начал с переводов пушкинской поэзии (он перевел "Цыган", этот шедевр в жанре поэмы); позже он перешел к приключенческой прозе и – в ряду других произведений – создал роман "Свобода под снегом или зеленая книга". Он посвящен декабристскому движению в России и рисует среди его многочисленных реальных и вымышленных персонажей фигуру Пушкина, связанного как с заговорщиками, так и с вымышленными героями: цыганской девушкой (именно под таким названием выпустил Йокаи свой перевод поэмы "Цыгане") и финской певицей Зинаидой Ильмеринен, спасающей великого поэта от сибирской каторги. Хотя роман Йокаи отличается острой занимательностью и благородным обращением к пушкинской теме, но чрезмерность вымысла и зависимость от творений А. Дюма снижают ценность этого любопытного произведения писателя, который приобрел широкую известность не только в Венгрии, но и за ее пределами.⁵

Определенные традиции Пушкина ощущаются и в поэзии. Можно назвать Яноша Вайду, высоко ценившего русского поэта, видевшего в нем выразителя общенародных интересов. По-пушкински славил этот сподвижник Петёфи национальную свободу ("Лузитанская песнь"), так же глядел Вайда на молодую смену и неизбежность обновления жизни; опираясь на народное творчество, он верил в торжество справедливости и счастья своих соотечественников, хотя – тоже по-пушкински – ощущал свою отчужденность и безответное одиночество в современном обществе, утрачивающем вольнолюбивые идеалы прошлого ("Комета"). Следует упомянуть Дьюлу Тамашфи, посвятившего русскому гению свое стихотворение "Пушкин", в котором поэт предстает как жертва деспотизма (1863). Необходимо выделить и тех авторов, которые вслед за Пушкиным обратились к жанру романа в стихах. Это П. Дьюлаи, создатель романа в стихах "Ромчаны" (1871–1872), ориентированного на "Евгения Онегина" (поэт венгерский видел в Пушкине своего учителя). Это Ласло Арань, автор "Героя Фата Моргана" (1873), созданного в том же жанре в манере "Евгения Онегина", на что обратили внимание современники поэта. Присоединим к ним и стихотворение Эндре Ади "Письмо Татьяны" (1899), навеянное мотивами пушкинского романа, и его же отклик на столетнюю годовщину со дня рождения поэта – "Пушкин", напечатан-

⁴ См.: А. Лидин, Пушкин в Венгрии. *Новый мир* 1949, № 6, 238.

⁵ См.: Г.П. Герасимова, *История России в изображении Мора Йокаи*. Реферат диссертации ... кандидата наук. Киев, 1991.

ный в газете "Дебрецен" в 1899 году.⁶ Отметим и стихотворение Лайоша Гатвани "При чтении "Онегина"" (1903).

Торжества, связанные с открытием в Москве памятника А.С. Пушкина и со столетним юбилеем поэта, получили в Венгрии широкий отклик. В печати был опубликован ряд статей о юбиларе, в которых отмечалась популярность русского художника слова, любовь мадьяр к Пушкину, многочисленность переводов его произведений на венгерский язык (99-и стихотворений, семи поэм и многих произведений прозы). Газета "Pester Lloyd" 1 июня 1880 года поместила большую статью, посвященную русскому поэту, где автор полагал, что "А. Пушкин по своему значению должен стать достоянием всех образованных народов". Его поэзия отличается исключительной национальной самобытностью, в которой "таится для нерусских его великое значение". По словам автора статьи, "ни одна литература не может похвалиться личностью, подобной Пушкину, даже в многосторонней германской литературе нет поэта, который мог бы сравниться с ним".⁷

Творчество Пушкина оказало известное влияние и на такие области венгерской культуры, как музыка, оперный и балетный театр. В Будапеште на рубеже двух столетий были осуществлены спектакли, поставленные на сюжеты пушкинских творений: оперы П.И. Чайковского "Евгений Онегин" (1902) и М.П. Мусоргского "Борис Годунов" (1912). Они шли в венгерском государственном оперном театре, здание которого к 1884 году было возведено по проекту архитектора М. Ибль, и в Городском театре имени Ф. Эркеля. Позже в репертуар этих театров вошли оперы Э. Направника "Дубровский" и П. Чайковского "Пиковая дама", а также балет Б. Асафьева "Бахчисарайский фонтан" (балетмейстер Р. Захаров, 1952).

К этому времени дальнейших успехов достигли переводческая деятельность (более 160-и произведений Пушкина пришли к читателям страны на Дунае) и венгерское пушкиноведение. Критик Аладар Шёпфлин на страницах журнала "Nyugat" ("Запад") говорил о том, что филологическая наука в его государстве должна констатировать как характерную черту последних сорока лет влияние Пушкина и Тургенева на венгерских писателей.⁸

В годы диктатуры Хорти венгерский народ сохранил свое пристрастие к Пушкину. Выдающийся художник слова Ж. Мориц констатировал в 1921 году, что "венгерскую литературу все еще осеняет тень Пуш-

⁶ О.К. Россиянов, *Творчество Эндре Ади (трагедия и романтика)*. М., 1967.

⁷ Цит. по ст.: В. Нейштадт, Пушкин в оценке западноевропейской критики. *Вестник Академии Наук* 1937, № 2-3, 216.

⁸ *Studia Slavica* 32. Budapest, 1986: 368.

кина".⁹ В эту пору в упомянутом журнале "Nyugat" (1937, № 3) была напечатана статья писателя Дьюла Ийеша, где он характеризовал своеобразие интерпретации и оценки Пушкина венгерскими читателями. По словам автора статьи, роман "Евгений Онегин" читали и читают с таким же воодушевлением, на него ссылались и ссылаются так же часто, как и в России. Велик вклад этого поэта в культуру всего мира.

В 1937 году венгерская общественность отметила память Пушкина рядом значительных мероприятий, в том числе и при участии советского полпредства. Около двадцати венгерских журналов поместило содержательные, развернутые статьи о русском поэте. Прогрессивный журнал "Корунк" напечатал статью Миклоша Ковача, где содержался вывод о том, что "Пушкин всю жизнь идет в ногу с передовой мыслью".¹⁰ Вызовом фашистскому режиму прозвучали пушкинские строки, именно в это время переведенные на язык венгров: "Оковы тяжкие падут, / Темницы рухнут..."

Мечтой о свободе дышали публицистические статьи, появившиеся в связи с пушкинскими днями 1937 года. Поэт и переводчик Михай Бабич, резко осудивший фашизм, на собрании венгерских литераторов отметил, что образ великого Пушкина "никогда не казался более современным и трагическим, чем в наши дни. Это глубокое, неискоренимое и безнадежное стремление к свободе приобретает особое значение под сенью современных диктатур".¹¹

После освобождения Венгрии от фашизма поэзия Пушкина здесь стала особо дорогой и желанной. В 1945 году была издана "Антология русских поэтов", где почетное место занял автор "Полтавы". В новых переводах Е. Дьёри-Югаса в книгу было помещено 63 стихотворения Пушкина. Очередные 28 произведений поэта были переведены и напечатаны в антологии "Сокровища русской литературы", вышедшей через два года. В переводческую деятельность включились Шаролта Лани, Антал Гидаш, Лёринц Сабо, Гейза Кепеш. "Деревня" была опубликована 5 раз, столько же – "Я памятник себе воздвиг нерукотворный..." За четыре послевоенных года было переведено столько же стихотворений, новелл и повестей Пушкина, сколько за все предшествующее столетие.¹² Шедевры поэта стали достоянием не только интеллигенции, но и крестьян, рабочих, школьников, малышей.

⁹ *Славяноведение*. 1999, № 3, 77.

¹⁰ Цит. по ст.: О. Курило, Пушкин и венгерская литература. *Советское Закарпатье*. Ужгород, 1949, № 130, 4.

¹¹ *Studia Slavica* 20. Budapest, 1974: 313–314.

¹² См.: Я.Л. Левкович, Печать народно-демократической Венгрии о Пушкине (1949–1952). В кн.: *Пушкин: Исследования и материалы*, т. 1. М.–Л., 1956: 396–407.

Исключительно активной, действенной и многообразной стала публицистика, разрабатывавшая пушкинские темы. Достаточно привести названия статей послевоенных лет: "Пушкин бессмертен", "Оскорбление Пушкина", "Любовные увлечения Пушкина", "Совершенный русский человек" (1946), "Когда поэт рисует", "Пушкин и русская сказка" (1947), "Пушкин в кукольном театре" (1948), "Две Татьяны", "Раздался первый выстрел", "Пушкин и реализм", "Чары Пушкина" (1949), "Певец свободы" (1951). Читались эти статьи с обостренным интересом. Венгерский писатель Геза Хегедюш говорил в 1947 году о том, что "декабристы могли потерпеть поражение, но передовая поэзия Пушкина продолжала жить до тех пор, пока уже в нашем столетии не родилась русская свобода".¹³

Появились новые художественные произведения о Пушкине. Кароль Эндре создает стихи "Пушкин на юге", Лайош Хатвани – "Читая Онегина", Иштван Полгар – "К Пушкину", Лайош Панчел пишет рассказ "Смерть поэта".

Необычайно оживилась наука о Пушкине. Ряд значительных трудов создает Д. Лукач ("Место Пушкина в мировой литературе", 1949), А. Комлош и Э. Ковач публикуют статьи о русском поэте (50-е годы), М. Петер, Я. Барта и Иштван Шётер выступают с исследованиями о нем (60-е годы). Издаются прекрасно прокомментированные сочинения поэта. Только за 8 лет выходит 209 статей о Пушкине.

Важными вехами приобщения к русскому гению мировой литературы стали в Венгрии празднества пушкинских юбилеев в 1949, 1974 и 1999 годах. В стране прошли вечера и концерты, организованы выставки в Национальном музее Будапешта и городской библиотеке, торжественные заседания и радиопередачи. Вновь показана была опера "Борис Годунов" и осуществлена постановка оперы "Пиковая дама". Кукольные театры предложили детям свои спектакли по сказкам Пушкина. Одна из центральных улиц столицы была названа именем поэта. На торжествах последнего в российском городе Пскове писатель Шандор Гергель назвал Пушкина бессмертным "великаном русской и всей мировой литературы".¹⁴

Будем надеяться, что великий поэт и впредь будет объединять два народа – венгерский и русский, скрепляя их дружбу.

¹³ Цит. по ст.: А. Лидина, 1949: 239.

¹⁴ А.С. Пушкин 1799–1949: Материалы юбилейных торжеств. М.–Л., 1951: 351.

ГЛАГОЛЫ ЧУВСТВА КАК СПОСОБ ТЕКСТОВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ СУБЪЕКТИВНО-ОЦЕНОЧНОГО ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Ольга Ивановна Аладына

(РГПУ им. А.И. Герцена, Кафедра РКН (для студентов)
Россия, Санкт-Петербург, набережная Мойки 43)

Понимание текста как результата целенаправленной коммуникативно-речевой деятельности позволяет рассматривать его как определенным образом упорядоченное образование. В нем языковые единицы отбираются и комбинируются как на основе объективно-семантических связей, отражающих денотативное содержание текста, так и социально-субъективных связей, отражающих назначение текста, его "концептуально-тематическую установку" (Адмони 1985), коммуникативную цель.

Художественный текст и текст научный являются выражением разных способов познания и отражения действительности. Будучи особой формой коммуникации, художественный текст представляет собой неразрывное единство логического (интеллектуального) и образного (эмоционального), является "коммуникативно-эстетическим единством" (Кожин 1985). В нем по-своему реализуются и взаимодействуют коммуникативные разновидности речи (функционально-смысловые типы речи): описание, повествование, рассуждение и их разновидности, являющиеся, по мнению ряда лингвистов, основными способами коммуникации. Их наличие выступает общей текстообразующей закономерностью, однако смысловое наполнение (типовое содержание) речемыслительных форм в текстах различных функциональных стилей неодинаково и имеет особенности в организации.

Функционально-смысловые типы речи описаны О.А. Нечаевой (1974) с опорой на их логические аналоги (синхронологемы, диахронологемы и каузологемы). Иной план реализации типов речи представлен у Г.А. Золотовой (1982), ее интересуют семантические разновидности в пределах разных функционально-смысловых типов речи ("семантические типы текстовых фрагментов" – в ее терминологии), преимущественно в аспекте выделения для каждого из них рематической доминанты. Таким образом, указанные концепции находятся в отношениях пересечения, создавая базу для лингвистической интерпретации текстообразующих потенций глаголов чувства в разных стилевых разновидностях, прежде всего в художе-

ственном тексте. Отмечается возможность последовательного синкретизма разных семантических типов текстовых фрагментов в конкретных текстовых условиях и преобладание текстовых фрагментов "субъективно-оценочное восприятие действительности" с импрессивной рематической доминантой, организуемых глаголами чувства. Активность глаголов чувства в создании текстовых фрагментов "субъективно-оценочное восприятие действительности" объясняется тем, что эмоции и чувства представляют собой одну из разновидностей отношения человека к предметам и явлениям действительности, форму субъективной реакции, связанной с потребностями человека, его квалификационной деятельностью, являясь основанием самых различных оценок. Так как глаголы исследуемой группы обозначают чувственное эмоциональное состояние и переживание, то они могут служить одним из средств выражения оценки воспринимаемой действительности.

С введением глаголов чувства в текстовые фрагменты, относящиеся к функционально-смысловому типу "описание", происходит усложнение как смысла высказывания, содержащего глагол, так и фрагмента в целом. Это усложнение связано с включением в изображаемые события субъективной оценочности – положительной или отрицательной. Ср. ряд фрагментов:

*"Николай Лейно поджидал нас у дверей ресторана "Адлон". Мне очень **поправилось** его спокойное, доброе, красноватое лицо, коротко стриженные, цвета желтка, волосы и удивительно ровные, белые зубы, обнажившиеся все, вплоть до коренных, когда он улыбался"* (Ю. Нагибин, Вечер в Хельсинки).

*"Но этот, второй, хоть и на костылях, **правился** ей куда больше: сухая, крепкая фигура, хорошее мужское лицо с твердыми серыми глазами, когда врет – краснеет"* (Ю. Нагибин, Погоня).

*"Да, постоянный гость Шуриковой матери украшал сегодня наш праздник. Не знаю, как это случилось, ведь он приехал в гости вовсе не к нам, а к матери Шурика вместе со своим постоянным спутником, молодым коренастым инженером, и вдруг оказался среди нас, и его замечательная смуглая гитара легла на мою кровать. Присутствие этого человека наполняло меня гордостью. Мне **правились** его небольшая черная блестящая голова, разделенная стрелой пробора, и седые мысы висков, и маленькие, тоже с проседью усики под небольшим ярким ртом, и его длинные музыкальные*

пальцы, и костлявые колени худых, стройных ног, и его романсы, и его успех у красивой матери Шурика" (Ю. Нагибин, Победитель).

Привлечение специально предназначенного в языке для выражения оценки глагола *нравиться* позволяет передать отношение автора-рассказчика к увиденному, что представлено в 1 и 3 фрагментах. Во 2 фрагменте включается субъективный план персонажа, что дает возможность в нейтральную авторскую речь ввести элементы разговорной речи – *когда врет – краснеет*. Выразителями импрессивной рематической доминанты являются глаголы чувства, вводящие описательные фрагменты и высказывания, а также другие лексические средства: оценочные прилагательные *доброе (лицо)*, *хорошее (лицо)*, *замечательная (гитара)*, глагол *украшал*, содержащий в своем значении положительную оценку. Этой же цели служит расчлененная глагольная номинация *наполняло гордостью*.

Глагол *нравиться* в последнем фрагменте подчеркивает сугубо субъективное восприятие изображаемого за счет своего распространителя *костлявые колени*, вряд ли соответствующего общепринятой норме положительных оценок. Ср. описание, организованное глаголом *быть*. В этом случае изменится структура и лексическое наполнение простого предложения, связь однородных членов при помощи союзов *и* окажется здесь неприемлемой. Наличие импрессивной рематической доминанты в текстовых фрагментах описательного типа объясняется тем, что "объективно-информативная сторона описания не является его единственной конструирующей стороной, второй его конструирующей стороной является экспрессивная, субъективированная" (Нечаева 1974: 83).

Способность глаголов чувства создавать фрагменты, пронизанные модальным отношением субъекта к другому лицу или предмету, обуславливается их семантическими особенностями, заключающимися в наличии в их значениях оценочных сем, требующих мотивации и дальнейшего раскрытия в текстовом фрагменте. Это свойственно интенциональным (направленным на объект) глаголам, и прежде всего глаголам эмоционального отношения: *любить*, *обожать*, *ненавидеть* и др. При этом протяженность текстовых фрагментов может быть самой различной.

Субъективно-оценочное восприятие действительности окрашивает весь достаточно значительный по своей протяженности следующий текстовый фрагмент:

"Никшику в деревне любят все. Какой-то не такой, как все, тихий, ласковый, а ребята в деревне все "зуйки", настырные, насмешники. Лет ему

восемь, на голове вихор белый, лицо бледное в веснушках, уши большие, вялые, тонкие, а глаза разные: левый пожелтей, правый побирюзовей. Глянет – и вот младенец несмышленый, а другой раз глянет – вроде старик мудрый. Тих, задумчив Никишка, ребят сторонится, не играет, **любит** разговоры слушать, сам говорит редко, и то вопросами: "А что это? А это почто?" – с отцом только разговорчив да с матерью. Голос у него тонкий, приятный, как свирель, а смеется басом, будто немой: "гы-гы-гы!". Ребята дразнят его: как чуть что, бегут, кричат: "Никишка-молчун! Молчун, посмейся!" **Сердится** тогда Никишка, обидно ему, прячется в повесть, сидит там один, качается, шепчет что-то" (Ю. Казаков, Никишка).

Авторское описание главного героя содержит положительную и отрицательную оценку, ибо ориентировано на две противоположные точки зрения: *любят все* (взрослые) – *дразнят* (ребята). Эти глаголы вместе с прилагательными, содержащими оценку, являются выразителями импрессивной рематической доминанты. При этом в пределах описания импрессивная доминанта чередуется с качественной. Ведущие выразители качественной доминанты – качественные прилагательные в краткой и полной форме, глаголы и глагольные сочетания, называющие качества субъекта и признаки его характера (*ребят сторонится, любит разговоры слушать, сердится* и т.д.).

Приведем еще пример, демонстрирующий возможность синкретизма и взаимодействия рематических доминант в пределах текстового фрагмента.

"Деревня была невелика, хоть и в две улицы, очень зеленая и очень яркая от цветов. Возле каждого дома георгины распахнули свои бутоны, красные, желтые, белые, искрасна-черные и белые с красным. Вальков **подивился** гигантским рябинам, что выстроились по обе стороны улицы. Щедро осыпанные багрово-спелыми ягодами, они смыкали свои вершины над узкой улочкой, образуя тенистый свод. И еще **удивили** его плетни вокруг напесадников, дворов, огородов, поделанных из старых рыбацких сетей, растянутых по кольям" (Ю. Нагибин, На тихом озере).

Наличие большого количества рематически ударных качественных прилагательных позволяет отнести фрагмент к семантическому типу "характеристика предмета". Глаголы чувства, передающие отношение персонажа к удивленному, выражают импрессивную рематическую доминанту.

Распространение точки зрения персонажа на все изображаемое, на то, что оказывается в поле его зрения, характерно для художественной прозы. Участвуя в передаче разных точек зрения в авторском повествовании, глаголы чувства выступают и способами введения несобственно-прямой речи. Несобственно-прямая речь не имеет специальных синтаксических форм, свободна в выборе лексики, тем самым создаются дополнительные экспрессивные возможности создания художественного образа персонажа. Ср.:

"Потом обсуждался вопрос о кузнице. На сцену, не торопясь, с чувством собственного достоинства вышел Николай Семьин – узкоплечий золотушный парень, в хромовых, до блеска начищенных сапогах, при галстуке.

В Пекашине его больше звали "специалист по тонкой работе". Починить замок, приделать какую-нибудь дуэску к ведру, выковать из напильника ножик – это он еще кое-как мог, а вот там, где надо было орудовать кувалдой, Николай только руками разводил: "Черная работа – не моя специальность".

Впрочем, в колхозе его любили. Как-никак свой кузнец – в других колхозах и таких нет, и хоть по видимости, а все-таки мужчина" (Ф. Абрамов, Братья и сестры).

Субъективно-оценочное восприятие действительности подчеркивается столкновением авторской, скорее отрицательной, характеристики персонажа с положительным отношением других персонажей. Это отношение передается глаголом *любить* и вводимой им несобственно-прямой речью, содержащей в себе мотивацию отношения.

В случае необходимости сосредоточить внимание читателя на психическом состоянии персонажа, в описательный фрагмент включаются дополнительные языковые средства. Это могут быть слова других частей речи, обозначающих чувства, ср.:

"Лес ошеломил Арктур. Там, в городе, все ему было знакомо. Там были деревянные тротуары. Здесь же со всех сторон подступали вдруг незнакомые предметы, высокая жестковатая уже трава, колючие кусты, гнилые пни, поваленные деревья, упругие молодые елочки, шуршащие опавшие листья. Со всех сторон его что-то трогало, кололо, задевало, будто сговорились прогнать из леса. И потом – запахи, запахи! Сколько их, незнакомых, страшных, слабых и сильных, значения которых он не знал! Арктур, натываясь на все эти пахучие, шелестящие, потрескивающие, колючие пред-

меты, вздрагивал, фукал носом и жался к моим ногам. Он был растерян и напуган" (Ю. Казаков, Арктур – гончий пес).

Глагольными формами создается "эмоциональная рамка" текстового фрагмента, в ее пределах передается субъективно-оценочное восприятие действительности, описываются действия, связанные с ним, поведение животного, передаваемое с помощью акциональных глаголов: *вздрагивал, фукал носом, жался*. Ср. еще:

*"До школы было всего с полкилометра, и учительница лишь накинута на плечи короткую шубку, а голову повязала легким шерстяным платком. Мороз был крепкий, к тому же еще налетел ветер и, срывая с наста молодой снежок, осыпал ее с ног до головы. Но двадцатичетырехлетней учительнице все это **правилось**. **Правилось**, что мороз покусывает нос и щеки, что ветер, задувая под шубку, студено охлестывает тело. Отворачиваясь от ветра, она видела позади себя частый след своих остроносых ботишков, похожий на след какого-то зверька, и ей это тоже **правилось**.*

Свежий, напоенный ветром январский денек будил радостные мысли о жизни, о себе" (Ю. Нагибин, Зимний дуб).

Окружающая среда, внешний мир передаются через эмоциональное восприятие персонажа. Более того, описание природы служит лишь фоном для передачи настроения, что отражает прагматическую установку текста. С этой целью в описательный по своему типу фрагмент вводится глагол эмоционального отношения *нравиться*. В первом случае глагол *нравиться* вместе с распространителем-местоимением *это* обобщает, выполняет функцию соотнесения с происходящими событиями, оценка которых дается с точки зрения восприятия персонажа. Можно усматривать и интегрирующую функцию глагола, возникающую за счет общей оценки событий. Во втором случае, осуществляя цепную межфразовую связь, глагол *нравиться* выполняет функцию организатора конкретизирующего текста, которая оказывается возможной в данном случае при условии использования структуры сложноподчиненного предложения, необходимой для того, чтобы развернуть собственную семантику глагола. Присоединение осуществляется конструкцией в целом, существенная роль в лексическом ее наполнении принадлежит глаголу.

Автору важно обратить внимание читателя на чувство, настроение героини. Введение во фрагмент глагола *нравиться* и его конкретизаторов для достижения этой цели является недостаточным. Поэтому автор прибегает к словам других частей речи, служащих для выражения чувства: *Све-*

жий, напоенный светом январский денек будил радостные мысли о жизни, о себе.

Итак, участвуя в создании функционально-смыслового типа "описание", глаголы чувства актуализируют оценочные семы, становятся ведущим способом выражения импрессивной рематической доминанты, ибо глагол стремится не столько обозначить конкретную эмоцию, сколько передать отношение субъекта к лицу, предмету или признаку. Это свойственно не только глаголам, обозначающим эмоциональное отношение к кому-чему-либо (глаголам типа *любить*), но и глаголам состояния и переживания. Между высказываниями с данными глаголами и предшествующими или последующими высказываниями устанавливаются причинно-следственные или пояснительные мотивационные отношения. Одной из текстообразующих функций глаголов чувства в художественном тексте является их участие в передаче различных точек зрения на изображаемое: авторской (в повествовании от первого лица) и персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони, В.Г. 1985, Грамматика и текст. *ВЯ* № 1, 63–69.
- Золотова, Г.А. 1982, *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. М.: Наука.
- Кожин, А.Н. 1985, Язык художественной литературы как эстетически формулированная форма существования литературного языка. В кн.: *Структура и функционирование поэтического текста: Очерки лингвистической поэтики*. М.: Наука, 10–37.
- Нечаева, О.А. 1974, *Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение)*. Улан-Уде: Бурятское кн. издательство.

РЕЦЕНЗИИ

Péter Mihály, "Pár tarka fejezet csupán...": Puskin "Jevgenyij Anyegin"-je a magyar fordítások tükrében. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999, 231 p.

Рецензируемая книга профессора Будапештского университета Михая Петера *"Собрание пестрых глав...": "Евгений Онегин" Пушкина в зеркале венгерских переводов* – один из значительнейших вкладов в дело венгерской русистики за всю полувековую историю нашей науки. В методологическом отношении ее значение выходит далеко за пределы одной лишь русистики: весьма немногие художественные произведения иностранной литературы удостоились на нашем языке четырех переводов, с одной стороны, а с другой – труд их переложения – анализа такого высокого научного уровня.

Ни один из переводчиков не прибегал к помощи языка-посредника. Первый перевод (1866), сделанный сподвижником Ш. Петёфи Кароем Берци, выдержал в течение 90 лет 21 издание. Ученый-филолог Гедеон Месёй (1945) переводил в стиле венгерского национального классицизма. Текст Лайоша Априли (1953) – полноценный поэтический труд. Последний перевод (1992) – работа прошедшего ад ГУЛАГа Арпада Галгоци, вынесшего оттуда прекрасное знание русской поэзии, является достойным соперником своих предшественников. Благодаря их трудам роман в стихах А.С. Пушкина давно стал органической частью венгерской литературы. "Пушкина я читал по-венгерски, но – понимал его" – писал много лет назад большой прозаик Шандор Мараи.

Автор поставил своей **общей** целью не "соревновательный" обзор труда "четверки" с обязательным объявлением результата в конце: ведь переводчики, как он пишет, вступают в след друг другу, создают свои тексты как бы на плечах друг у друга, т.е. каждому помогает достигнутое предшественниками. Цель автора монографии – помочь лучшему пониманию пушкинского шедевра. Удачно сравнение М. Петером своего метода с томографией, создающей пластический снимок отдельных слоев изучаемого предмета: и он так стремился выявить наиболее удачные решения каждого из рассматриваемых переводчиков.

Что касается **частных** целей, у автора мы их различаем две: как ученый-филолог он предлагает современное прочтение произведения путем подробного сопоставления всех четырех переводов (рецензент признается: при своем уже многолетнем активном, преподавательском знакомстве с "объектом" и он почерпнул для себя из этого тонкого, многостороннего разбора немало нового, ранее совсем не или не так замеченного), а как педагог стремится пробудить потребность в более глубоком, чем это наблюдается у нынеш-

них студентов, интеллектуальном и эмоциональном восприятии поэтического произведения.

В центре интереса М. Петера стоит главный поэтический принцип самого произведения: он рассматривает то, как в отдельных главах, сценах и даже строфах меняются ракурсы и "точки зрения", как проявляется динамика стиля, с каких различных, порой и противоположных позиций освещаются события и явления, как традиционный литературный канон сталкивается с естественным изображением действительности, и как при всем этом модулируется тон самого поэта-рассказчика.

Осуществлению этого принципа служит и композиция книги. В каждой из 6 глав мы находим "сквозной" материал из всего романа. Образ Онегина (1 глава), Татьяны (2-я), разбор двух писем (3-ья), модуляции голоса поэта-рассказчика (4-я), трактовка пейзажей, времен года и суток (5-я), триединство "волшебных звуков, чувств и дум", представленных на уровне звучания, словоупотребления и синтаксиса (в 6-й) – все это получает на страницах книги вдумчивое и тонкое освещение.

А то, что при этом на вооружении автора мы находим весь арсенал русской и венгерской пушкинистики, разнообразные приемы современной лингвистики и теории перевода, что он охватывает русскую литературу от Карамзина до Маяковского, а также все творчество самого Пушкина, что он проводит тонкие параллели с венгерской поэзией (от классика 19 в. Вёрёшмарти до современника И. Бака) и с мировой литературой (Шекспир, Флобер и др.), создает уместные ассоциации с музыкой, изобразительным искусством и даже с кино, объемные аналогии с геометрией, медициной, техникой и т.д., – все это, можно сказать, уже "привычно" читателям работ М. Петера.

Импозантен даже в чисто количественном отношении труд автора: им проанализировано около трети пушкинского текста, репрезентирующей весь роман в целом. Это наиболее значимые в поэтико-смысловом отношении места романа, в том числе и почти все 2–4-строчия, ставшие крылатыми среди носителей русского языка.

Аналитический прием автора состоит в том, что вслед за выбранным для анализа куском текста он (в нужных случаях предлагая для контроля и свой "подстрочник") выявляет в первую очередь наиболее удавшие решения четырех переводчиков, точно указывая и на филологические, стилистические или психологические причины отдельных неудач каждого из них. При этом, стоя на высоте современной науки, он одновременно и максимально толерантен: ошибки перевода он всегда соотносит со стилистикой эпохи переводчика. В то же время небезынтересны и его "сегодняшние" замечания, сделанные как бы "в сторону", напр. о диалоге, который "вполне мог бы звучать и в каком-нибудь бистро наших дней", о "*honvédségi konnotáció*" (т.е. современной венгерской армейской коннотации) слова *бригадир* в одном из перево-

дов, о причине неприятия перевода *pozloslovit* как *megbírál* 'покрытиковать' поколением, знакомым с явлением критики-самокритики и т.д.

Ограниченное пространство рецензии, к сожалению, не позволяет нам углубиться в конкретные места книги (а ведь, как говорится, правда, обычно в пейоративном смысле, дьявола можно обнаружить как раз в деталях), из разнообразного множества которых и состоит не только замечательное богатство частных наблюдений, но строится и цельная концепция теории художественного перевода автора. Мы можем лишь бегло перечислить такие, лично нам более всего запомнившиеся кусочки анализа переводческих находок, как при изображении душевного состояния Онегина и Татьяны (в первую и последнюю встречи), сходства и различия в двух письмах, голоса поэта (темы смерти, поэзии и др.), деревенского пейзажа, звукописи, афористичности стиля и т.д.

В книге, посвященной этому "четверному зеркалу", вдумчивый читатель обнаруживает и пятое: в нем сам профессор М. Петер проявляется как русист-polihisztor, как подлинный интеллигент глубокой культуры и просто как мудрый человек.

Его новая монография, подытоживающая почти сорокалетние наблюдения над этим благородным материалом – одновременно большой научный труд и увлекательное профессиональное чтение.

Жаль, что в резюме (на русском и английском языках) иностранный читатель весьма мало находит из результатов самого анализа переводов, поскольку здесь указываются в основном лишь как бы внешние темы отдельных глав.

Нам кажется: книгу безусловно обогатил бы именной и предметный указатель, включающий и имена персонажей, топонимы, основные филологические термины и т.д.

Монография профессора Михая Петера о венгерских переводах "Евгения Онегина" – достойный подарок нашей русистики к 200-летию родоначальника русской литературы.

Иштван Феньвеши

(Fenyvesi István, H-6726 Szeged, Fésű u. 3/B)

Károly Gadányi – Viktor Moiseenko, Ruski leksik u hrvatskom jeziku. Szombathely: A Berzsényi Dániel Tanárképző Főiskola Szláv Filológiai Tanszékcsoportja, 1999, 77 p.

В позапрошлом году вышла в свет работа на хорватском языке Кароя Гадани и Виктора Моисеенко под названием *Ruski leksik u hrvatskom jeziku*. Эта публикация является словотолкователем. Как пишут ав-

торы в своем предисловии, она знакомит читателя с описательным составом русских слов, наиболее часто встречающихся в хорватских письменных контекстах.

В 1975 году был издан третий том истории русского языка Валентина Кипарски под названием "Entwicklung des Wortschatzes" (Kiparsky 1975), третий раздел которого представляет исследование в области заимствований русского языка. Эту работу справедливо можно поставить в пример всем, кто желает опубликовать результаты своих исследований в области заимствованных слов. Раздел состоит из двух частей: в первой части представлены заимствования допетровского времени, а в другой – заимствования петровского и послепетровского времени. Автор группирует заимствования с точки зрения их происхождения. В начале каждой подглавы он знакомит нас с условиями взаимовлияния данного народа с русским. После этого дается список заимствованных слов. На немецком языке приводится значение заглавного слова, дата его первого употребления, этимон и значение оригинальной лексемы.

Благодаря популярности ареальной лингвистики, в последнее время широко публикуются работы, изучающие фонетику, морфологию, лексику и синтаксис данных языков в территориальном и социолингвистическом аспектах. В Карпатском бассейне на венгерский состав слов оказали чрезвычайно большое влияние окружающие славянские языки. Этому влиянию посвящено огромное количество специальной литературы, далее мы укажем только на некоторые из них.

В 1989 году в Будапеште был напечатан сборник научных статей под названием "Nyelvünk a Duna-tájon", который состоит из нескольких публикаций о соотношении венгерского и славянских языков. Ференц Грегор писал о венгерско-словацких языковых связях (Gregor 1989), Иштван Ньюмаркаи – о венгерско-сербохорватском (Nyomárkai 1989), а Шандор Рот – о венгерско-украинском языковом взаимодействии (Rot 1989). В этих статьях рассматриваются все уровни изученных языков и учитываются их историко-лингвистические аспекты.

Не в очень большой степени, но и венгерская лексика влияла на окружающие славянские языки. В 1985 году было издано произведение Л. Хадровича на немецком языке под названием "Ungarische Elemente im Serbokroatischen" (Hadrovics 1985). В этой работе автор подробно описывает влияние венгерского языка на сербский и хорватский на всех уровнях.

Ференц Грегор (Gregor 1993) написал работу и о венгерских элементах словацкого языка. В этой публикации говорится об исторических условиях, о фонетических, морфологических и словообразовательных проблемах. К работе прилагается и словник заимствованных венгерских лексем, в который включены и этимологические примечания.

В 1996 году вышла в свет публикация А. Холлоша (Hollós 1996) о венгерских элементах русского словаря. Во введении рассматриваются общие закономерности лексических заимствований, в плане соотношения венгерского и русского языков в историческом аспекте. Большую часть работы составляет словник заимствованных венгерских слов с этимологическими примечаниями.

Наконец, в позапрошлом году была издана работа Вьеслава Витковски (Witkowski 1999), которая является словарем польских заимствований в русском языке. После заглавного слова дается польский этимон, если известно, дата первого его появления, и, кроме этого, автор указывает на специальную литературу, в которой он нашел связанные с данной лексемой сведения.

Эти публикации занимаются взаимовлиянием языков, которые, благодаря их соседству, находятся в непосредственном взаимоотношении друг с другом. Работа Кароя Гадани и Виктора Моисеенко оказывается особой потому, что она рассматривает связь языков, которые непосредственно – из-за географических условий – не влияли друг на друга.

Рецензируемый словарь содержит приблизительно 1300 заглавных слов, из них около 140 являются именами собственными, не включая сюда названия разных народностей и их представителей, как напр. *Čerkez*, *Čerkeskinja* или *Karakalpak*, *Karakalpakinja*, несмотря на то, что согласно хорватской орфографии они считаются именами собственными. Русизмы перечислены в алфавитном порядке. Наряду с лексическими единицами приводятся и возможные варианты (напр. *Kremalj* и *Kremlj*, *valjenke* и *valenki*, *objem* и *objam*). В том случае, если форма данной лексики с фонетической точки зрения в большей мере отличается от русского оригинала, авторы в круглых скобках отмечают и русскую форму, напр. *uštrb* – (rus. *uščerb*) или *vaseljena* – (crkv.-slav. i rus. *vseleennaja*). После этого следует краткое толкование на хорватском языке и – если нужно – стилистические пометы. К словнику прилагается краткий список условных сокращений.

Введение написано на русском и хорватском языках. В нем пишется о том, каким образом оказала влияние русская лексика на хорватскую, и, с другой стороны, где встречаются элементы русской лексики в хорватской письменности. Авторы сделали вывод и о том, слова какого типа в первую очередь проникли в хорватский язык.

Зафиксированы многочисленные собственные имена:

– слова, отражающие важнейшие события русской и советской истории (*Krasnyj oktjabr*, *Staljingradska bitka*),

– слова, отражающие важнейшие имена русской истории (*Čapajev*, *Dolgoruki*, *Lžedimitrij*, *Potemkin*, *Romanovi*, *Rasputin*),

– географические названия (*Čečnja, Dnjestar, Kavkaz, Njižni Novgorod, Sibir*),

– имена персонажей русского фольклора (*Koščeј Besmrtni, Sadko, Vasilisa Prekrasna, Zoluška*),

– имена персонажей произведений русских и советских писателей (*Bender Ostap, Raskolnjikov*).

Кроме этого встречаются:

– элементы русского просторечия и городского жаргона (*bespredel, glubinka, jerunda, nalička, razborka, rusak*),

– наиболее частотные сложно-сокращенные слова и аббревиатуры (*Čeka, detdom, fabzavkom, gorsovet, goslitizdat, kolhoz, Komsomol, medsestra, proletkult, sovhoz*),

– название редких животных и эндемичных растений (*kabarga, maral, rosomaha, sajgak, semga, tur; arbuz, zverboj*),

– выражения, отражающие культурные традиции и бытовой уклад народностей России (*arkan, čum, jermolka, kuntus, kubanka, kabardinka*),

– музыкальные выражения (*bajan, balalajka, bandura, baraban, duda, svirelj*),

– названия разных фирменных блюд (*boršč, botvinja, galuška, kulebjaka, kulič, šči, vatrška, vobla*),

– армейские выражения (*dozor, jeger, jefrejtor, kirasir, kiver, lejbgvardija, podporučnik, podpraporščik, rotmistr*),

– разные народные выражения (*batjuška, balanda, kutja, kuleš, larjok, magarič*),

– слова, связанные с религией (*ad, bogoiskatelj, govenje, jeretik, jesaul, Pasha, raskoljnik*),

– историзмы (*batog, berdiš, barščina, dijak, desjatina, groš, katorga, klobuk, pomestje, raskol, samozvanac, zaporožac*),

– лингвистические термины (*akanje, cokanje, ižica, polnoglasije, slovar, imeniteljni, roditeljni, tvoriteljni*).

Среди русизмов встречаются слова, которые употребляются в церковнославянском языке, как напр. *crnorizac, lanita, miropomazanje, mošti, nastojatelj, objet, obred, opštežitije, pamjat, povinovati se, preispodnji, rab, Uspe-nje Bogorodičino, vaseljena, vaspitanje, Vavedenje, Vaznesenje, velikodušan, vražda, zavjestanje*. Встречаются и старославянизмы в запасе слов, заимствованных из русского языка: *bukvalan, čarodej, čislo, čuvstvo, družba, hodataj, junoša, luča, podnebesje, prelest, znamenatelj, žitije* и т.д.

Как отмечают авторы в предисловии, эта публикация не обращает внимания на лексику «русского мата», т.е. русской нецензурной речи, но дает довольно полный список новейших словарей и другой литературы по этой тематике.

Собирание русских заимствованных слов и так называемых «лексических метеоритов» не является простой и прельщающей постановочными результатами задачей, с одной стороны, потому, что оно потребует рассмотрения огромного количества письменного материала, а, с другой стороны, потому, что при его исследовании могут возникнуть разные проблемы, как на это указали и авторы.

Первая проблема заключается в том, что речь идет о близкородственных славянских языках, между которыми посредниками могли быть также славянские языки, поэтому очень трудно отделить действительные русизмы. Авторы дают объемистую и подробную библиографию по поводу проблем атрибуции собственно заимствованных русизмов в ткани других славянских языков и дифференциации неологизмов-русизмов в первую очередь от церковнославянизмов. Тот, кто более углубленно желает изучать эти проблемы, может использовать ее.

Следующей проблемой является то, что, как и пишут авторы, по отношению к некоторым словам, отражающим культурные традиции и бытовой уклад неславянских народностей России, этимологическое значение «русизм» оказывается в определенной степени условным. Однако, они сначала грамматически и семантически адаптировались в русском языке и только после этого вошли в хорватский запас слов.

Эта работа носит в первую очередь социолингвистический характер, но она может служить основой и дальнейших исследований. Интересно было бы, например, рассматривать этот материал с диахронической точки зрения, обращая особое внимание на собственное происхождение вышеупомянутых слов. В некоторых случаях в этом словнике дается источник заимствований данного русизма (напр. *tundra* – финского происхождения или *tarpan* – монгольского); полезно было бы, следовательно, приложить ко всем русизмам, которые не являются исконными, заметку о том, какого они происхождения, если это известно. Если бы русская лексика в хорватском языке подверглась историко-лингвистическому исследованию, желательно было бы установить дату первого употребления данных русизмов в хорватской письменности.

Рецензируемая публикация является результатом огромной научно-исследовательской работы. Авторы наряду с географическими и культурно-историческими критериями должны были принять во внимание и морфологические и фонетические критерии. Более старые русские заимствованные слова с точки зрения фонетики изменились вместе с исконными словами по правилам развития хорватского языка, а новейшие заимствования не участвовали в этих изменениях. Наверно, не было простой задачей и отделение хорватских русизмов от сербских.

Словник могут прочитать все, интересующиеся этим тонким слогом хорватского запаса слов. Большой заслугой публикации является и

обширная специальная литература по темам хорватской лексики и лексем русской нецензурной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- Gregor, F. 1989, Magyar–szlovák nyelvi kapcsolatok. In: Balázs János (szerk.), *Nyelvünk a Duna-tájon*. Budapest, 141–196.
- Gregor, F. 1993, *A szlovák nyelv magyar elemeiből (Mutatványfüzet)*. Budapest.
- Hadrovics, L. 1985, *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*. Budapest.
- Hollós, A. 1996, *Az orosz szókinsz magyar elemei*. Budapest.
- Kiparsky, V. 1975, *Russische historische Grammatik III: Entwicklung des Wortschatzes*. Heidelberg.
- Nyomárkay, I. 1989, A magyar és a szerbhorvát szókinsz kapcsolata. In: Balázs János (szerk.), *Nyelvünk a Duna-tájon*. Budapest, 291–350.
- Rot, S. 1989, A magyar–ukrán nyelvi kölcsönhatás. In: Balázs János (szerk.), *Nyelvünk a Duna-tájon*. Budapest, 351–390.
- Witkowski, W. 1999, *Słownik zapożyczeń polskich języku rosyjskim*. Kraków.

Zita Шимон
(Simon Zita, SZTE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Radoslav Večerka, Počátky slovanského spisovného jazyka. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 1999, 104 p.

Книга известного чешского слависта Радослава Вечерки посвящается изучению "зачатков" первого славянского литературного языка. Она является собранием научных статей Р. Вечерки по истории старославянской письменности и языка до конца XI века, написанных между 1963–1983 годами, опубликованных в различных специальных журналах, и, наконец, подготовленных к печати с помощью сотрудников Славянского института Чешской академии наук в Праге.

Возникновение письма и письменности у славян – это результат инициативы, которая возникла в начале 60-х годов IX века у великоморавского князя Ростислава. Его инициативу реализовал византийский царь Михаил III, который поручил солунским братьям Константину и Мефодию возглавить моравскую миссию, с которой было связано введение в письменность Великой Моравии домашнего славянского языка. Константин создал новое письмо, т.н. глаголицу, с помощью которой стало возможным распространение старославянских текстов в письменном виде. Старославянский язык был на самом деле диалектом болгаромакедонского населения, жившего в окрестностях города Солуни. По-

скольку старославянский язык был очень близок языку жителей Моравии, он выполнял функцию литературного языка, представлял высокий слой местной речи. Из этих зачатков письменной образованности, в первый момент скромных, ограниченных во временном и территориальном отношениях, быстро развилось действительно историческое и эпохальное в международном масштабе культурное явление. Старославянский язык выступал в качестве литературного языка и функционировал в письменности еще при жизни Мефодия и в письменности более 200 лет в Чешском княжестве. Старославянский язык проник и в Хорватию, где после начальной фазы своего развития появился в средневековой письменности хорватских римско-католических священников (*glagoljaši*). Большинство учеников Мефодия, изгнанных из Моравии, нашло приют на Балканах, и здесь, на территории Первого болгарского царства, эта письменность пережила эпоху такого расцвета, что X век, по словам Шэфаржика, называется "золотым веком болгарской литературы". Болгарские литературные центры совершили огромную культурную иррадиацию в окружающий мир, так что старославянский язык распространился отсюда на запад, в Сербию и Боснию, а следующей волной в Хорватию, а также на север, в Киевскую Русь.

В течение двух веков из своих "зачатков" в Великой Моравии старославянский язык, таким образом, превратился в великий литературный язык большей части Европы.

Понятно, что наиболее ранний славянский литературный язык, как феномен международного значения, привлекает к себе специальное внимание от самых "зачатков" своего существования.

XX век внес в исследование старославянского языка значительное новшество в требовании изучать его с точки зрения функций, которые он был назначен выполнить как литературный язык. Этот постулат был категорически включен в тезисы Пражского лингвистического кружка к I-ому съезду славянских филологов в Праге 1929 г. и был реализован, главным образом, в работах русских (Н. Дурново, Н. Трубецкой, Р. Якобсон, С.Б. Бернштейн, А.С. Львов, Н. Толстой, Е.М. Верещагин и др.), чешских и словацких (Б. Хавранек, Й. Курц, А. Достал, К. Хоралек, Й. Бауер, Ф.В. Мареш, З. Хауптова, Е. Паулины, Е. Блахова, Й. Станислав и др.) исследователей и в работах других специалистов (Н. ван Вейк, Р. Ружичка, Х. Бирнбаум, Г. Шевелов, Е. Дограмаджиева и др.).

К этой же линии толкований относится и рецензируемая книга, которая имеет цель проследить, как функционировал старославянский язык в качестве литературного языка на чешской территории, прежде всего в Великоморавском государстве во второй половине IX века, и в Чехии Пржемысловых с конца IX до конца XI века. Зарисовка интерференции старославянского языка с отличающейся территориальной язы-

ковой средой в Первом болгарском царстве, в Киевской Руси и в старой Хорватии, а также различные способы его аккомодации в различных языковых ситуациях образуют контрастную картину развития на чешской территории в IX–XI вв. и вносят вклад в более пластичное постижение старославянского языка чешского и моравского типов в более широком славянском контексте.

Сборник состоит из трех глав: первая посвящена великоморавской эпохе, вторая исследует старославянский язык чешской, болгарской, русской и хорватской редакций. Последняя глава имеет название "Эволюционная динамика старославянской письменности и ее территориальная дифференциация до конца XI века". Она предлагает рассмотреть периодизацию старославянского языка.

В первой статье первой главы своей книги Р. Вечерка ставил перед собой задачу ответить на два вопроса, возникших в связи с двумя ценными памятниками великоморавской письменности (и первой славянской литературной школы) – Житием Константина и Житием Мефодия, а именно: 1. Принадлежат ли эти памятники одному и тому же автору? 2. Желало ли моравское посольство учителя, владеющего славянским языком по оригинальной версии Жития Константина?

Автор отвечает на первый вопрос бесспорно отрицательно. По его мнению большие стилистические различия между двумя житиями свидетельствуют о том, что они были написаны не одним и тем же автором. Свое мнение он обосновывает количественным и качественным сопоставлением библейских цитат, встречающихся в этих житиях. Что касается второго вопроса, Р. Вечерка успешно доказывает, что нельзя оставлять без внимания языковую мотивацию моравского посольства (что является характерным для некоторых тенденций, подчеркивающих историко-политические мотивы моравского посольства). С помощью литературно-композиционных, текстово-критических и историко-дипломатических аргументов автор указывает на то, что в первоначальной версии Жития Константина в просьбе моравского посольства читались следующие слова, подтверждающие значение языковой мотивации посольства: *оучителя не имамъ таково, иже нъ би въ свои языкъ в истъхъ върхъ христѣанскѣхъ сѣказалъ...*

В остальных статьях первой главы автор характеризует наиболее древний славянский литературный язык: он показывает, какие существовали различия между языком жителей Моравии и старославянским языком; каковы были функции старославянского языка; как использовался этот язык в функции литургического языка и какая у него специфика. В дальнейшем Р. Вечерка исследует влияние греческого и латинского языков на первый литературный язык славян. Он подтверждает, что греческий язык значительно обогатил старославянский язык и способствовал

тому, чтобы этот последний стал одним из значительных языков средневековой культуры.

Во второй главе настоящего сборника автор прослеживает дальнейшее развитие старославянского языка на чешской, болгарской, русской и хорватской территориях. Замечательной является в этой главе сборника статья о великоморавских корнях старославянской письменной традиции в Чешском княжестве. Здесь Р. Вечерка пытается осветить чрезвычайно сложные и спорные вопросы предполагаемой преемственности старославянской письменности великоморавского и чешского типов. Картина старославянской письменности в Чешском государстве Пржемысловых остается неясной, значительно неполной и во многих отношениях спорной. Аргументация преемственности великоморавской и чешской письменности затрудняется и тем, что между исследователями нет единого мнения о датировании памятников чешского происхождения X века (напр., I-е и II-е старославянское житие Вячеслава, Канон св. Вячеславу, Житие св. Вита и т.д.). При решении вопроса, существовала ли непрерывность и последовательность между великоморавской и чешской ветвями старославянской письменности, Р. Вечерка принимает в расчет некоторые филологические факты, среди которых первое место занимает характер и тип церковнославянского языка, употребленного в Чехии. Для старославянской нормы моравского типа на чешской территории было характерно, что наиболее последовательно были в ней замещены моравские (или прачешские) рефлексy *c*, *z* на месте старославянских *tj/kt* и *dj*. Принципиальное значение для познания фонетической и грамматической стороны старославянского языка чешского типа имеют Пражские глаголические фрагменты, практически единый связный, хотя и краткий и поврежденный памятник, написанный оригинальным письмом чешско-церковнославянской литературы – глаголицей, и происходящий прямо из Чехии. Что касается фонетики, некоторые факты указывают на чешское происхождение памятника: последовательное *c* на месте общеславянского *tj*; *z* на месте *dj*; *ьu* на месте *skj*; последовательное *ь* на месте *ch* (после 3-й палатализации веларных); непоследовательно сохраненная группа звуков *-dl-*; непоследовательное отсутствие эпентетического *s*; чередование окончаний *-ie* и *-im*. Из морфологических богемизмов можно привести как примеры форму род. п. ед. ч. местоимения I-го лица *me*, и форму твор. п. ед. ч. *-io-* основ на *-imь*.

С помощью анализа языковых фактов Пражских глаголических фрагментов, Глоссы Ягича, Киевских листов, Бесед Григория Великого, Первого старославянского жития Вячеслава, автор пришел к заключению, что основой старославянского языка чешского типа был старославянский язык великоморавской редакции. А это представляет собой и первое доказательство непрерывности церковнославянской письменной

традиции в Великой Моравии и Чешском княжестве. Второе языковое доказательство заключается уже не в старославянском, а в самом чешском языке: значительная часть чешской христианской терминологии от наиболее давних времен является общей в чешском и старославянском языках. Кроме этого, чешские собственные имена, как *Прокоп*, *Климент*, *Димитр*, *Дмитр* и названия местностей, как *Цирквице*, *Цереквице*, отражают связь Чехии с культурной обстановкой Великой Моравии кирилло-мефодиевского периода. В дальнейшем Р. Вечерка представляет и некоторые литературные аргументы, свидетельствующие непрерывность старославянской письменности на чешской территории: чешско-старославянскую образованность связывает с великоморавской, вся ее культурная ориентация (как об этом свидетельствует наипространнейший памятник чешского происхождения X века Беседы Григория Великого) и конкретные текстовые факты подтверждают правильность предположения преемственности великоморавского и чешского типов старославянской письменности.

В конце своей статьи автор опровергает болгарские и хорватские теории происхождения чешско-старославянской образованности как теории не очень правдоподобные. Таким образом, Р. Вечерка, подводя итоги, утверждает, что приводимые им языковые и литературные аргументы представляют важные доказательства прямой непрерывности старославянской письменности на чешской территории от кирилло-мефодиевских "зачатков" до ее окончательного формирования в Сазавском монастыре в Чехии в конце XI века.

В функционально-стилистической оценке старославянского языка является чрезвычайно важным то обстоятельство, что этот наиболее старый славянский литературный язык был сперва везде на славянской территории принят как домашний, свой. Для Великой Моравии этот факт засвидетельствован уже в памятниках *Житие Константина* и *Житие Мефодия*, но позже он стал общим и для всего славянского средневековья и известен практически у всех славянских народов, у которых существовала старославянская и церковнославянская письменность. Р. Вечерка в отдельных статьях занимается изучением развития старославянского языка в Первом болгарском царстве, в Киевской Руси и в Хорватии. Он объясняет, каким способом включился старославянский язык в языковую реальность Первого болгарского царства, какое влияние оказал греческий язык на функционирование старославянского как литературного языка болгарского царства, далее он характеризует языковые нормы Преславского литературного центра. В связи с формированием русской редакции старославянского языка автор описывает специфику русизмов, которые встречаются на русской почве в старославянском языке (использование специфических графических знаков, фонетические и морфологи-

ческие свойства). Он обращает внимание на то, что языковая норма в Киевской Руси не была безупречно единой, в старых рукописях проявляется значительная языковая и графическая изменчивость, мотивированная как индивидуальностью писца, так и принадлежностью их говора к различным местным диалектам, их языковой образованностью и талантом, различными обычаями и предписаниями отдельных центров и скрипторий. Не были одинаковыми в отдельных памятниках характер и мера разных несистематических русизмов в фонетике и морфологии.

Наконец Р. Вечерка выясняет корни хорватской редакции церковнославянского языка. Несмотря на то, что почти до конца XI века нет письменных доказательств этой редакции, само существование славянской литургии и литературного языка на хорватской почве в X–XI вв. является бесспорным. Это подтверждается и блестящим развитием хорватского глаголического письма от XII века, которое было бы невозможно без предшествующей, сегодня скрытой литературной традиции. Р. Вечерка представляет происхождение старославянского языка хорватского типа и возникшую из него хорватскую редакцию церковнославянского языка компромиссно, как результат встречи и слияния двух культурных течений – одного, пришедшего с северо-запада, из Моравии через Паннонию (значит, из паннонского субтипа великоморавского старославянского языка через хорватскую сушу на юг и юго-восток), – а другого, более молодого, вышедшего из юго-западных частей тогдашнего болгарского государства и продвигалось вообще в западном направлении: на северо-запад по далматскому побережью и определенную часть хорватской территории достигло первично, а в остальной хорватской части действовало как сильный вторичный суперстрат. Хорватский тип старославянского языка возник бы на основе несистематического смешивания старославянского языка моравско-паннонской и болгарско-македонской редакций с живой хорватской народной речью.

Третья глава сборника посвящается проблемам периодизации старославянского языка. Картина его временных и территориальных различий в эпоху от 863 г. до конца XI века, как Р. Вечерка обрисовывает здесь, основывается в значительной мере на реконструированных фактах, поэтому ее действительность часто является только гипотетичной.

В развитии старославянского языка до конца XI века можно различить некоторые временные и территориальные ветви. Старославянский язык моравского типа представлял собой приспособление к предшествующему прастарославянскому языку моравской и паннонской среды. Результатом старославянского языка моравской редакции явились дальнейшие этапы развития четырех территориальных ветвей: чешская (и гипотетическая польская) как непрерывное и органическое продолжение старославянского языка моравской редакции, болгаро-македонская

(с двумя местными подтипами: преславским и охридским) и, очевидно, хорватская, которая окончательно оформилась только под влиянием более молодого литературного болгаро-македонского суперстрата. В действительности, всякое дальнейшее развитие старославянского языка происходило только из болгаро-македонского литературного субстрата.

Сборник статей пополнен библиографическим приложением, где имеются ссылки на специальную литературу, вышедшую после опубликования статей.

Книга Радослава Вечерки представляет собой отличное итоговое произведение о возникновении, распространении и дальнейшей судьбе первого литературного славянского языка. У ее автора, несомненно, чрезвычайно глубокие знания об истории старославянской письменности и языка. Книга отличается широким обзором, логической структурой статей, хорошим знанием как исторических и культурно-исторических, так и языковых фактов. В ней приведена значительная специальная литература по отдельным статьям и присовокуплен даже список новейших работ по данной тематике.

Настоящий сборник статей Радослава Вечерки может быть интересным и полезным не только для богемистов, но и для всех, кто изучает историческое развитие славянских языков.

Хенриетта Сурма
(Szurma Henrietta, SZTE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ XXV-И ТОМОВ "DISSERTATIONES
SLAVICAE: SECTIO LINGUISTICA" (SZEDED, 1962–2001)¹

Аверина, С.А. (Ленинград)

1976: Описание русской рукописи XIII века ("Житие Епифания Кипрского" ГПБ, СОФ. 1326). XI, 139–149.

Аладьина, О.И. (Санкт-Петербург)

2001: Глаголы чувства как способ текстового воплощения субъективно-оценочного восприятия действительности. XXV, 217–223.

Arsenijević, N. (Novi Sad)

2001: Gramatička kategorija roda u mađarsko-srpskom dvojezičju. XXV, 197–204.

Баги, И. (Bagi I., Szeged)

1978: К вопросу о поэтике романа Пильняка "Голый год". XIII, 65–71.

Балаж, (Л.) Г. (Balázs L. G., Szeged)

1982: Иконичность в истории русского склонения. XV, 107–115.

1984: Опыт применения семиотических средств в исторической славистике. XVI, 131–143.

1988: Порядок падежей в славянских языках. XX, 7–13.

1990: О склонении существительных в Минее Дубровского. XXI, 339–345.

1991: Проблема причинности в языковых изменениях. XXII, 123–136.

2001: Используют ли (полностью) слависты вычислительные машины? XXV, 127–135.

Бароти, Т. (Baróti T., Szeged)

1977: О проблеме законченности и художественного замысла "Египетских ночей" Пушкина. XII, 51–84.

---

¹В настоящий Указатель также включены все работы из первых 14-и томов, еще не имеющих подзаголовка *Sectio Linguistica*. – Редакция выражает благодарность за помощь, оказанную ей при составлении Указателя, докторантам PhD-программы "Сравнительно-историческая славистика": Нитвану Пожган (уже защитившему свою диссертацию), Сильвии Сабо, Хенриетте Сурме и Зите Шимон.

- 1978: Дон Гуан и Командор в оценочной системе Пушкина. XIII, 15-45.
- 1981: Мотивы "смерти" и сочетания "двух миров" в русской романтической лирике и в маленькой трагедии Пушкина "Пир во время чумы". XIV, 33-83.
- 1990: Пушкин и обратившиеся к вере итальянские поэты-современники. XXI, 223-233.
- Бархударова, Е.Л. (Москва)
- 1990: Некоторые особенности положения заднеязычных в фонетической системе языка восточных славян древнейшей эпохи. XXI, 313-318.
- 1991: Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ. XXII, 3-10.
- 1994: Необоснованный пропуск подлежащего в двусоставном предложении: грамматические ошибки венгерских учащихся в русской речи. XXIII, 23-34.
- 2001: Палатализованность и палатальность в русской и венгерской консонантных системах. XXV, 189-195.
- Берта, А. (Berta Á., Szeged)
- 1977: Некоторые особенности русского разговорного языка XVII в. (По материалу описания путешествия Адама Олсария). XII, 243-257.
- Бибок, К. (Bibok K., Szeged)
- 1991: Л.Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. XXII, 185-194.
- 1994: Компонентный анализ: Тупик семантического анализа лексических единиц? XXIII, 35-63.
- 1996: О современном положении науки о русском языке [Review article]. XXIV, 195-208.
- Билку, Р. (Bilku R., Szeged)
- 2001: Частотный словарь как дополнительный метод литературоведческого анализа произведений. XXV, 65-80.
- Birnbaum, D. J. (Cambridge, Mass.)
- 1990: A Slavic translation of the Ohrid Chrysobull of 1273. XXI, 267-284.
- Бихари, Й. (Bihari J., Eger)
- 1988: Некоторые замечания к проблематике видов русских глаголов. XX, 15-31.

Босилков, К. (София)

1984: Характерни особености на ранния етап от развитието на новобългарския книжовен език. XVI, 103-118.

1987: За аглутинацията в граматичната система на съвременния български книжовен език. XVIII-XIX, 85-95.

1988: Някои случаи на вокална хармония в съвременния български език. XX, 33-38.

Бранднер, А. (A. Brandner, Врно)

1996: Третье южнославянское влияние в Московской Руси и становление новорусского литературного языка. XXIV, 49-57.

Букатевиц, Н.И. (Одесса)

1968: Славянское языкознание в Одесском (б. Новороссийском) университете. VI, 3-8.

Buljovčić, J. (Subotica)

1994: Grafija i jezik u pismima srpskih građana u južnoj Ugarskoj u drugoj polovini XIX veka. XXIII, 103-117.

van Schoonefeld, C. H. (Bloomington)

1987: A sign-theoretical model of semantic structure in language. XVIII-XIX, 3-26.

Варро, М. (Varró M., Szeged)

1985: Култура вопросов на уроках русского языка в восьмилетке в Венгрии. XVII, 151-160.

Василева, Е. (Пловдив)

1985: См. Василева, Е. – Чобанов, И.

Василева, Е. – Чобанов, И. (Пловдив)

1985: О существительных с модификационным значением женскости в болгарском и русском языках. XVII, 141-150.

Васильченко, С.М. (Орел – Szeged)

1987: Семантическая структура и деривационные связи некоторых названий приспособлений-вместилищ в современном русском литературном языке. XVIII-XIX, 97-105.

1988: Семантическая структура и деривационные связи существительных в составе лексико-семантической группы с ключевым словом *сумка*. XX, 229-241.

Велчева, Б. (София)

1982: К правописной классификации древнеболгарских памятников. XV, 89-94.

Веракса, Т.В. (Санкт-Петербург – Szeged)

1996: Функционально-коммуникативный подход к описанию единиц языка. XXIV, 87–94.

Вернке, Г. (Wernke G., Budapest)

1984: К вопросу о возникновении носовых в праславянских флексиях (на материале памятников старославянского языка). XVI, 145–148.

Вечерка, Р. (R. Večerka, Brno)

1990: Мысли и предположения о возникновении Киевских глаголических листков. XXI, 297–312.

Gadányi K. (Szombathely)

1994: Kmetijsko besedišče v govoru obmurskih Hrvatov. XXIII, 1–5.

1996: Cultural-historical preliminaries to the formation of the Slovenian national literary language. Part I. XXIV, 69–85.

2001: Russian lexicon in Croatian. XXV, 137–140.

Cultural-historical preliminaries to the formation of the Slovenian national literary language. Part II. XXV, 169–188.

Гал, М. (Gaál M., Szeged)

1990: Образ Христа в поэме Блока "Двенадцать". XXI, 253–263.

Герасимова, Д.В. (Санкт-Петербург)

2001: См. Герасимова, Д.В. – Роговер, Е.С.

Герасимова, Д.В. – Роговер, Е.С. (Санкт-Петербург)

2001: Рецепция творчества Пушкина в культуре Венгрии. XXV, 209–215.

Гончар, И.А. (Москва – Szeged)

1985: Семантико-стилистические средства образности (На материале рубрики "Окно в природу" газеты "Комсомольская правда"). XVII, 161–167.

1987: Функции вставных конструкций в художественной публицистике. XVIII–XIX, 161–170.

1988: О некоторых функциях номинативных предложений в художественной публицистике. XX, 69–76.

1991: Способы выражения зрительного восприятия в художественной публицистике (на материале экологических произведений В. Пескова). XXII, 19–30.

Дани, М. (Dáni M., Szeged)

1965: Омографы в русском языке. III, 43–48.

Dezső, L. (Debrecen):

- 1988: Approaches to historical typology of morphosyntax: Past and present. XX, 39-54.

Демьянова, Е. М. (Ленинград – Szeged):

- 1987: О так называемой адъективации причастий с суффиксами -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-. XVIII-XIX, 63-71.

Проблема омонимичности страдательных причастий прошедшего времени и отглагольных прилагательных, мотивированных переходными глаголами совершенного вида. XVIII-XIX, 73-83.

- 1991: Соотношение между временем сказуемого и временем атрибута-причастия с суффиксами -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ- на морфологическом уровне: XXII, 11-17.

Dietze, J. (Halle am Saale):

- 1990: Der phonetische und phonologische Status des altrussischen *ě* – ein linguostatistischer Befund am Material Novgoroder Chroniken. XXI, 285-295.

Димов, П. Т. (Пловдив):

- 1985: Повышение эффективности профессионально-педагогической подготовки студентов-русистов в Пловдивском Университете. XVII, 169-177.

Долгих, И. А. (Москва):

- 1984: Принципы составления толковых словарей: XVI, 3-22.
1985: Особые условия вхождения лексических значений в языковую систему. XVII, 15-21.

Долманьос, И. (Dolmányos I., Budapest):

- 1990: Редкий пример принятия новой веры на основе государственного равноправия – крещение Руси. XXI, 15-22.

Дуккон, А. (Dukkon Á., Budapest):

- 1978: Д. Е. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока. XIII, 259-262.
1990: В. С. Соловьев об историческом значении русской православной церкви: XXI, 235-244.

Жажа, С. (S. Žaža, Vrno):

- 1996: Различия в структуре современных близкородственных славянских языков (русского и чешского): XXIV, 27-38.

Злачева-Кондрашова, С. (Пловдив):

- 1985: Употребление полных и кратких форм прилагательных в русском языке болгарскими студентами-русистами: XVII, 179-192.

Золотова, Т.И. (Ленинград)

1976: Отрывки апостольских чтений XII века. XI, 151–158.

Зубов, М.І. (Одесса – Szeged)

1994: Дажбог, Сварог і вогонь-сварожич: Із історії давньоруської міфологічної лексики. XXIII, 93–102.

1996: Позірне слов'янське божество Радогост: Ономастичний розгляд псевдотеоніма. XXIV, 117–122.

Зубова, Л.В. (Ленинград)

1976: Палеографическое описание рукописной книги XII в. (ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Соф. 206). XI, 159–163.

Иванчев, С. (София)

1985: Преображенията на славянския перфект. XVII, 7–13.

Ильяш, М.И. (Одесса)

1976: Экспрессивно-эмоциональные эквиваленты слов-предложений *Да* и *Нет* в русской разговорной речи. XI, 65–77.

А.К. Федоров. "Обратное подчинение в современном русском языке". XI, 187–190.

1977: О двух моделях трехэлементных словосочетаний в русском языке (На материалах языка поэзии В. Маяковского). XII, 113–124.

1978: О языке и стиле рассказов Шукшина. XIII, 73–85.

Имрени, Т. (Imrényi T., Szeged)

1990: Богословие и духовность в русской православной Церкви. XXI, 101–110.

Ишутин, В.В. (Москва)

1991: Изучение и издание произведений Юрия Крижанича в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР) в 19 в. XXII, 113–122.

Јерковић, Ј. (Нови Сад)

1996: Употреба глаголских облика у наративној прози Милоша Црњанског. XXIV, 39–47.

2001: О мађаризмима у једном локалном говору Срба и Хрвата у Мађарској. XXV, 13–18.

Караулова, Ф.В. (Ленинград)

1981: Палеографическое описание рукописи Златоструя XII века (ГПБ-Ф П I, № 46). XIV, 283–293.

Карпов, А.С. (Калуга – Szeged)

1968: Пути развития стихотворного эпоса в советской поэзии 20-ых годов. VI, 28–34.

- 1969: Поиски жанра (Из наблюдений над поэзией И. Сельвинского 20-х годов). VII, 3-9.
- 1972: О жанровых особенностях романа в стихах Б. Пастернака "Спекторский". VIII, 7-13.
- Кациба, А. (Kacziba A., Szeged)
- 1982: Употребление родительного-винительного падежа в Саввиной книге. XV, 127-140.
- 1987: Die Grammatik der wendischen (ungarländischen slovenischen) Sprache von Avgust Pavel. XVIII-XIX, 235-256.
- 1994: Nezapaženi prepisi starih rečnika: Rečnik uz Lestvicu i rečnik simbola iz Psaltira. XXIII, 141-157.
Bartol Kašić S.I., Hrvatsko-talijanski rječnik s konverzacijskim priručnikom. 209-215.
- 1996: István Nyomárkay, Sprachhistorisches Wörterbuch des Burgenlandkroatischen. XXIV, 208-212.
- Кечкеш, И. (Kecskés I., Debrecen)
- 1976: Вторичное пространственное значение приставки о- (об-, обо-) в русском языке. XI, 123-132.
- 1988: Трудности венгров в обучении категории вида. XX, 91-101.
- Киселева, Н.П. (Szeged)
- 1968: К переводу стихотворения Эндре Ади на русский язык. VI, 35-42.
- Ковачев, С. (София)
- 1987: Древнеиндоевропейский перфект и славянские словообразовательные архетипы. XVIII-XIX, 27-61.
- Кожина, А.А. (Минск)
- 1996: См. Супрун, А.Е. - Кожина, А.А.
- Колесов, В.В. (Ленинград)
- 1972: См. Колесов, В.В. - X. Тот, И.
Евгениевская псалтырь. VIII, 58-69. (+ 1а - 20аб)
- 1977: Ударение суффиксальных имен в истории русского языка. XII, 147-176.
- 1981: Ударение производных имен с долготными суффиксами в древнерусском и праславянском языке. XIV, 247-281.
- Колесов, В.В. (Ленинград) - X. Тот, И. (H. Tóth I., Szeged)
- 1972: Предисловие [к "Памятникам древнерусского языка"]. VIII, 57-58.

Кони, Ш. (Kónyi S., Szeged)

- 1965: Некоторые вопросы морфологического анализа при машинном переводе с венгерского языка на русский (Критические замечания). III, 37–42.
- 1966: Венгерские артикли в сопоставлении с некоторыми явлениями русского языка. IV, 25–33.
- 1967: Простая форма сравнительной степени *плос всего* и *всех*. V, 43–50.

Корчиц, М.А. (Гродно)

- 1981: Синтаксическая позиция относительного местоимения *который* в определительном придаточном предложении (Беспредложное употребление). XIV, 133–145.
- 1984: Конструкция с *будучи* в современном русском языке. XVI, 23–39.
- 1985: Об одной разновидности деепричастных оборотов и ее трансформмах. XVII, 193–209.

Косева, Г. (Пловдив)

- 1985: Художественный текст на занятиях по русскому языку с болгарскими студентами-русистами. XVII, 211–217.

Кочиш, М. (Kocsis M., Szeged)

- 1981: О форме по мѣстамъ в Новгородском евангелии 1270 г. XIV, 295–298.
- 1982: Украинский гомилиарий 1588 года I. Предварительные сведения. XV, 141–146.
Ф.Є. Ткач: Палеографічно-правописні та фонетико-морфологічні особливості мови українських ділових документів XVII ст. XV, 261–265.
- 1990: К истории церковнославянского языка на Украине. XXI, 333–338.
- 1991: К графико-орфографическому анализу церковнославянских рукописей. XXII, 137–146.
- 1994: К истории двух славянских заимствований в венгерском языке (*gerezd, mázsa*). XXIII, 159–163.
- 1996: Белорусское языкознание в Сегеде (до 1996 года). XXIV, 159–163.
- 2001: Дополнения к описанию Сегедских листков. XXV, 165–168.

Красножен, С.А. (Одесса – Szeged)

- 1996: Психосемиотика. XXIV, 123–131.

Крекич, Й. (Krékits J., Szeged)

- 1977: Семантическое влияние внутренних и внешних факторов на лексическое и грамматическое значение начинательных глаголов с приставками за- и по-. XII, 125–146.
- 1978: Соотношение трех основных семантических компонентов глаголов совершенного вида в значении так называемых финитивных глаголов с приставкой *от-*. XIII, 113–130.
- 1981: Итеративы, производные от временно-предельных приставочных глаголов. XIV, 165–179.
[Рец. на кн.:] Категория вида и ее функциональные связи. XIV, 349–352.
- 1984: М.Я. Гловинская: Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. XVI, 247–252.
- 1985: К вопросу об общем значении глаголов совершенного вида. XVII, 47–57.
- 1987: Прагматика и семантика отрицательных форм императива. XVIII–XIX, 171–189.
- 1988: Пермиссивные побудительные высказывания в русском языке. XX, 103–111.
- 1991: Перформативные высказывания просьбы. XXII, 51–73.

Кручинина, А.Н. (Санкт-Петербург)

- 1990: О взаимодействии литературного и музыкального текстов в древнерусских песнопениях 2-й пол. XVI – нач. XVII вв. (Резюме). XXI, 265–266.

Крысько, В.Б. (Москва)

- 1994: Нскоррелятивные возвратные глаголы в древнерусском языке. XXIII, 131–140.

Куглер, К. (Kugler K., Szeged)

- 1981: Речевые средства создания комического и их эстетическая функция в рассказе В. Шукшина "Раскас". XIV, 97–110.
- 1985: Опыт лингвостилистического анализа художественных произведений в университетской аудитории. XVII, 219–224.
- 1987: Некоторые особенности стилизации устной речи (на основе анализа рассказа В. Шукшина "Раскас"). XVIII–XIX, 209–223.
- 1991: Устный перевод как средство интенсификации работы на занятиях по разговорной практике. XXII, 101–105.
В.В. Колесов. Язык города. XXII, 182–185.

- 1994: З.К. Тарланов (отв. ред.), Историческая стилистика русского языка. XXIII, 204–209.
- 1996: Некоторые лексико-семантические изменения в современной русской публицистической речи. XXIV, 133–142.
- Кулакова, Л.В. (Санкт-Петербург)
- 2001: Использование художественного текста в обучении видовым формам русского глагола. XXV, 81–89.
- Кун, Л. (Kun L., Budapest)
- 1976: К изучению порядка слов в русском языке. XI, 103–110.
К нерешенным вопросам теории актуального членения. XI, 111–122.
- Лендвай, Э. (Lendvai E., Pécs)
- 1988: Проблема эквивалентности русских и венгерских пословиц. XX, 113–123.
- Лепяхин, В. (Lepahin V., Szeged)
- 1981: Рационализм и эмпиризм в духовных исканиях героев Толстого и Достоевского (Левин и Раскольников). XIV, 111–120.
- 1990: Икона и житие: Житие как "словесная икона". XXI, 203–216.
- 2001: Цвет, свет и краска в виршах Симеона Полоцкого. XXV, 45–63.
- Lieli, P. (Debrecen)
- 1991: Имре Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI – начале XII вв. XXII, 195–198.
- Макк, Ф. (Makk F., Szeged)
- 1984: К оценке венгерско-русских связей XII в. XVI, 201–209.
- 1990: Boris, un Prétendant du XIIe siècle. XXI, 43–53.
- Mandić, P. (Szeged)
- 1994: Bunjevačke kraljičke pjesme iz Kačmara. XXIII, 65–83.
Miloš Crnjanski, O Banatu i o Banačanima. XXIII, 220–221.
Petőfi ponovo među Srbima i Mađarima: Stevan Pešić, Dopisivanje sa bogom. XXIII, 221–223.
- Марча, Ш. (Martsa-S., Pécs)
- 1981: Соотношение поля пространственности и поля направленности при выражении пространственных отношений. XIV, 215–229.

- 1988: Роль логико-семантических оппозиций в семантизации некоторых приставочных глаголов движения в русском и венгерском языках. XX, 137–146.
- Медве, З. (Medve Z., Pécs)
- 1988: К вопросу языка и культуры подкарпатских русинов во второй половине XIX века. XX, 125–136.
- Месарош, Э. (Mészáros E., Szombathely)
- 1994: Знаменная запись в древнерусской культуре. XXIII, 165–170.
- Мещерский, Н.А. (Ленинград)
- 1975: Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891). IX–X, 85–114.
- 1978: Издание текста древнерусского перевода "Книги Есфирь". XIII, 131–164.
- В. Молнар, Л. (V. Molnár L., Budapest)
- 1990: Развитие общественной мысли в России в период просвещенного абсолютизма. XXI, 71–90.
- Moór E. (Szeged)
- 1964: Zu den Spuren des gotischen Arianismus im Bulgarischen: Altkirchenslaw. sobota – D. Samstag. II, 3–4.
- Л. Мурай, Т. (L. Murai T., Szeged)
- 2001: Некоторые проблемы перевода стихов из романа Пастернака "Доктор Живаго". XXV, 101–108.
- Nyomárkay I. (Budapest)
- 2001: Kleine Sprachen an der Schwelle der EU. XXV, 9–12.
- Одинцов, Г.Ф. (Москва)
- 1981: Имена существительные в языке народной поэзии. XIV, 121–131.
- Ойтози, Э. (Ojtozi E., Debrecen)
- 1984: Итоги и задачи исследования старопечатных славянских книг и славянских рукописей местной редакции в северовосточной части Венгрии. XVI, 221–230.
- Олайош, Т. (Olajos T., Szeged)
- 1990: Открытие конференции, посвященной тысячелетию крещения Руси. Вступительное слово. XXI, 3–4.
- Осипов, Б.И. (Омск)
- 1991: Заметки по поводу отражения табуированной лексики в бодуновских изданиях "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даля. XXII, 31–49.

Pavel A.

- 1987: Grammatik der wendischen (ungarländischen slovenischen) Sprache (1942). (Auszüge.) XVIII–XIX, 257–284.

Павлова, Р. (София)

- 1990: К вопросу о древнейших культурно-письменных болгаро-русских контактах. XXI, 129–135.
1991: Петр Черноризец в древнеболгарской литературе. XXII, 107–111.

Палл, Э. (Páll E., Budapest)

- 1972: См. Саламин, Э. – Палл, Э.

Панайотов, П. (Шумен)

- 2001: *Истина и Wahrheit*: Этимологические изыскания и их связь с метафизикой. XXV, 33–36.

Пандур, Ю. (Pandúr J., Debrecen)

- 1990: Кирилски ръкописни паметници в Библиотеката на Гръко-католическата Духовна Академия в град Ниредьхаза (Пириченски кодекс в Дюлайски фрагмент). XXI, 347–352.

Панченко, А.М. (Ленинград)

- 1990: Православие и русская культура. XXI, 5–14.

Патаки, А. (Pataki A., Szeged)

- 1972: Выражения приблизительности в русском языке. VIII, 49–55.

Пете, И. (Pete I., Szeged)

- 1962: Окрашенное употребление временных форм глагола в русском языке. I, 21–34.
1964: О противоположных значениях одного и того же слова в русском языке. II, 18–26.
1965: Обозначение времени с помощью предлогов "в" и "на" в конструкциях, отвечающих на вопрос *когда?*, в современном русском языке. III, 27–36.
1966: Обстоятельство времени со значением дистрибутивности в русском языке. IV, 17–22.
Обстоятельство места, обозначающее локальную протяженность в русском языке. IV, 23–24.
1967: Антонимичные пары в русском языке. V, 35–41.
1968: Категория отчуждаемости и неотчуждаемости в грамматическом строе русского языка. VI, 21–27.
1976: Способы выражения контактирования в русском языке в сопоставлении с венгерским языком. XI, 79–101.

- 1977: Типы склонения имен существительных в русском языке. XII, 101–111.
- 1978: Семантические типы и способы выражения состояния в русском языке в сопоставлении с венгерским. XIII, 87–112. Zborník katedry ruského jazyka a literatúry filozofickej fakulty Univerzity Komenského k 30. výročiu vzniku katedry. XIII, 263–267.
- 1981: Несовпадение языковой и логической категории количества в русском и венгерском языках. XIV, 147–163.
Румяна Павлова, Причинные отношения в современном русском языке в сопоставлении с болгарским языком. XIV, 331–335.
Б. Татар. Русская лексикография. XIV, 336–337.
Kazimierz Bajor. Konstrukcje z przymikiem o w języku polskim i rosyjskim (Studium konfrontatywne). XIV, 337–338.
Russian Language Journal, 1979, Volume XXXIII. XIV, 339–340.
- 1982: Объектные отношения в русском и венгерском языках. XV, 5–45.
- 1984: О взаимосвязи пространства и времени в русском языке. XVI, 41–49.
Към употребата на глаголите от свършен вид в отрицателни побудителни изречения. XVI, 95–101.
- 1985: Семантические типы единичности предметов. XVII, 23–32.
Заметки к сопоставительному изучению венгерского и русского языков. XVII, 33–45.
- 1988: (Pete István publikációi.) XX, 243–251.
- 1991: Употребление глаголов совершенного вида в болгарских и русских отрицательных побудительных предложениях. XXII, 75–82.
Ханну Томмола. Аспектуальность в финском и русском языках. XXII, 179–181.
- 1994: Имсят ли парные глаголы движения видовую пару? XXIII, 7–12.
Kazimierz Bajor, Rosyjskie konstrukcje temporalne z przymikiem (na tle polskim). XXIII, 201–204.

Переп, М. (Péter M., Budapest)

- 1988: О "ложных друзьях переводчика" в русском и венгерском языках. XX, 147–155.

Pirigyi I. (Nyíregyháza)

1990: Les tentatives de réforme du patriarche Nikone. XXI, 123–127.

Пожгаи, И. (Pozsgai István, Szeged)

1996: О.В. Творогов (отв. ред.), Энциклопедия "Слова о полку Игореве" Т. 1–5. XXIV, 213–217.

2001: Корневые редуцированные гласные в первом слоге в Синайском патерике. XXV, 147–163.

Попов, М.Б. (Ленинград)

1985: К вопросу о судьбе слабого редуцированного в древнерусских суффиксах -ьск- и -ьств-. XVII, 59–65.

Прохоров, Г.М. (Санкт-Петербург)

2001: Стихотворное начало приписки Лаврентия к "Лаврентьевской" летописи? XXV, 205–208.

Роговер, Е.С. (Санкт-Петербург)

2001: См. Герасимова, Д.В. – Роговер, Е.С.

Розов, Н.Н. (Ленинград)

1975: Из творческого наследия русского писателя XI века Илариона. IX–X, 115–155.

Рудакова, И.Ф. (Ленинград – Szeged)

1985: О некоторых типичных лексических ошибках немецких учащихся (Из опыта преподавания русского языка в немецкой аудитории). XVII, 225–236.

Ружа, Д. (Ruzsa Gy., Budapest)

1990: Влияние иконописи на абстрактно-геометрические тенденции в русской авангарде. XXI, 217–221.

Русинов, Н.Д. (Горький)

1965: К истории и > ы в древнерусском языке после твердого предложного и префиксального согласного и в других сходных случаях. III, 3–6.

Сабо, С. (Szabó Sz., Szeged)

2001: Славяне на территории Трансильвании во время обретения венграми родины. 141–146.

Савова, П. (Пловдив)

1985: Подбор текстов из русской классической и советской литературы и их место в обучении русскому языку студентов-неспециалистов. XVII, 237–242.

Szádeczky-Kardoss S. (Szeged)

1990: Symeon Magistros Logothetes und die russische Belagerung von Konstantinopel im Jahre 860. XXI, 35–41.

Саламин, Э. (Szalamin E., Szeged)

- 1969: Методы функционального анализа отграничения модальных слов от наречий. VII, 19-27.
- 1972: См. Саламин, Э. – Палл, Э.
- 1982: Эпистемическая модальность в современном русском языке в сопоставлении с венгерским. XV, 47-64.
- 1984: К вопросу о т.н. объективной модальности в современном русском языке. XVI, 51-61.
- 1988: К 60-летию юбилею профессора Иштвана Пете. XX, 3-6. К вопросу об обобщенно-личных и неопределенно-личных предложениях с модальной точки зрения. XX, 169-181.
- 1994: Péter Mihály, A nyelvi érzelmek kifejezés eszközei és módjai. XXIII, 195-200.
- 2001: Елизавете Феньвеш-Коняевой 70 лет. XXV, 1-7.

Саламин, Э. (Szalamin E., Szeged) – Палл, Э. (Páll E., Budapest)

- 1972: О "русско-венгерском указателе глагольного управления". VIII, 41-47.

Салма, Н.С. (Szalma N., Szeged)

- 1965: "Трагедия человека" И. Мадача в переводе Л. Мартынова. III, 61-65.
- 1968: Две пютевские "Осени" в переводе Л. Сабо. VI, 43-50.
- 1972: О зачине одного стихотворения ("В конце сентября" Ш. Петефи в переводе Б. Пастернака). VIII, 23-26.
- 1975: К вопросу об "изобразительности" стихотворений Ив. Бунина. IX-X, 43-53.
- 1977: Проблемы поэтики мифа и лирика Ив. Бунина. XII, 29-49.
- 1978: К вопросу о лирике Ив. Бунина и французском постсимволизме. XIII, 7-13.
- 1990: Христианская традиция изображения Антихриста и ее преломление в творчестве Дм. Мережковского. XXI, 245-252.

Сарваш, М. (Szarvas M., Szeged)

- 1978: [Рец. на кн.:] Акты русского государства 1505-1526. XIII, 273-276.

Секей, Г. (Székely G., Nyíregyháza)

- 1988: См. Секей, Г. – Шальга, А.

Секей, Г. (Székely G., Nyíregyháza) – Шальга, А. (Salga, A., Debrecen)

- 1988: К вопросу о категории состояния. XX, 183-193.

Сёги, О.В. (Szögi O., Szeged)

- 1977: Д.С. Лихачев: "Великое наследие". XII, 259-262.
- 1978: А.А. Зализняк: Грамматический словарь русского языка. XIII, 269-271.
- 1981: М. Георгиева – М. Попова: Русская фонетика и интонация. Практическое пособие для студентов-русистов в Болгарии. XIV, 363-366.
- 1982: М.И. Матусевич: Современный русский язык. Фонетика. XV, 258-260.
С.М. Кузьмина: Теория русской орфографии (Орфография в ее отношении к фонетике и фонологии). XV, 272-275.
- 1984: Б.В. Братусь, Л.А. Вербицкая: Пособие по фонетике для иностранных студентов-филологов. XVI, 243-246.

Сёке, Д. (Szöke Gy., Szeged)

- 1962: Поэзия мысли (Заметки о зрелой лирике Лермонтова). I, 57-62.
- 1966: Место Жуковского в истории русской поэзии. IV, 34-38.
О структуре стихотворения Лермонтова "Утес". IV, 39-40.
- 1969: Раскрытие одной загадки: "О неизвестном" источнике стихотворения В.А. Жуковского "К ней". VII, 10-13.
- 1972: К лирическому восприятию духа Просвещения в венгерской и русской литературе XVIII века. VIII, 3-6.

Сёке, К. (Szöke K., Szeged)

- 1976: Орнаментальный сказ или орнаментальная проза? (К проблематике романа Андрея Белого "Серебряный голубь"). XI, 57-64.
См. Хан, А. – Сёке, К.
- 1977: Двуплановость и две формы повествования романа Андрея Белого "Серебряный голубь". XII, 85-99.
- 1981: Элементы "демонизма" в романе А. Белого "Серебряный голубь". XIV, 85-95.

Соколова, М.А. (Ленинград)

- 1966: Церковнославянизмы и русский литературный язык. IV, 3-7.
- 1967: К истории разработки русского языка в Советский период и перспективы дальнейшей работы. V, 3-7.
- 1976: Церковнославянизмы и русский литературный язык. Ч. II. XI, 133-138.

- Супрун, А.Е. (Минск)
1996: См. Супрун, А.Е. – Кожина, А.А.
- Супрун, А.Е. – Кожина, А.А. (Минск)
1996: Лексическая структура воскресных молитв св. Кирилла Туровского. XXIV, 1–26.
- Сурма, Х. (Szurma H., Szeged)
2001: Radoslav Večerka, Počátky slovanského spisovného jazyka. XXV, 232–238.
- Татар, В. (Tatár B., Budapest)
1998: К вопросу о фразеологически связанном значении слова. XX, 195–206.
- Тоот, Л. (Tóth L., Pécs)
1998: Заметки о функционировании видов в императиве. XX, 207–218.
- Х. Тот, И. (H. Tóth I., Szeged)
1962: К истории склонения имен существительных в русском языке (На материале Музейного евангелия). I, 5–20.
1964: К истории сочетаний *търт*, *тълт* в древнерусском языке. II, 5–14.
Из словаря Евангелия № 104 Румянцевского фонда Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. II, 15–17.
М.А. Соколова, Очерки по истории русского языка. II, 41–44.
1965: К истории склонения имен существительных в псковских летописях (На материале Синодального, Строевского и Тихановского списков псковских летописей). III, 7–20.
К истории форм числительного *трѣе* (*трие*), *три* в древнерусском языке. III, 21–25.
1966: К истории склонения имен существительных в Псковских летописях (Влияние имен существительных с основой на -ѣ на имена существительные с основой на -о). IV, 9–13.
См. Х. Тот, И. – Хоргоши, Э.
1967: К фонетике древнепсковского говора. V, 9–13.
1968: Флексия -у местного падежа существительных мужского рода в древнепсковских памятниках. VI, 9–12.
1969: К истории двойственного числа и звательной формы в древнепсковском говоре. VII, 35–43.

- 1972: См. Колесов, В.В. – Х. Тот, И.
Бычковская псалтырь XI в. VIII, 71–96 (+ 1а–86).
- 1975: Новейшие достижения изучения образования восточнославянских языков. IX–X, 219–233.
Данные к истории изучения славянских языков в Сегедском университете. IX–X, 235–253.
- 1976: К истории склонения существительных с основой на -ѣ и -ѣ.
XI, 165–170.
Агоштон Павел – филолог. XI, 171–186.
- 1977: Русская часть Саввиной книги. XII, 177–205.
- 1978: См. Х. Тот, И. – Хоргоши, Э. – Хорват, Г.
- 1981: Слово о пользе чтения книг Иоанна Златоуста в списке XI в. XIV, 299–329.
Ангелина Минчева: Старобългарски кирилски откъслечи. XIV, 341–348.
Куйо М. Куйев: Съдбата на старобългарските ръкописи през вековете. XIV, 353–362.
- 1982: Слуцкая псалтырь. XV, 147–191.
Русская часть Саввиной книги. XV, 193–245.
Rapp Ferenc: Könyv az orosz nyelvről (Ференц Папп: Книга о русском языке). XV, 251–254.
Румяна Павлова: Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. XV, 266–271.
Аксиния Джурова: 1000 години българска ръкописна книга. XV, 276–280.
- 1984: Исторические предпосылки возникновения и распространения древнеболгарской письменности на Руси. XVI, 149–199.
- 1985: [Миня Дубровского. Введение.] XVII, 101–107.
[Памятники древнерусского языка.] Миня Дубровского. XVII, 109–138 (+ 1а–156).
- 1987: К изучению языка I-ого Жития Наума. XVIII–XIX, 107–143.
Малоизвестная Сентябрьская миня из собрания ГИМ. XVIII–XIX, 145–160.
- 1988: К изучению Слуцкой псалтыри. XX, 219–227.
- 1990: Древнерусский писец. XXI, 137–171.
Русская часть Саввиной книги (корректированное издание текста). XXI, 363–419.

- 1991: Фрагмент служебной минеи за месяц март. (ГБЛ, Музейное собрание, фонд 178, № 1337). XXII, 147–177.
- 1994: См. Х. Тот, И. – Хоргоши, Э.
[Review on:] A magyarországi szláv nyelvtudomány bibliográfiája 1985-ig. XXIII, 223–225.
- 1996: Палеографическое описание Ев. № 25. XXIV, 181–193.
Károly Gadányi, The evolution of literary Slovenian. XXIV, 217–221.
- 2001: Малоизвестное евангелие-апракос XII в. XXV, 19–31.
- Х. Тот, И. (Н. Tóth I., Szeged) – Хоргоши, Э. (Horgosi Ö., Jászberény)
- 1966: Данные к падежному синкретизму на основе "Повести прихождении Стефана Батория на град Псков". IV, 15–16.
- 1994: Образование сложного будущего I-го в русском народно-разговорном языке XVII – начала XVIII вв. XXIII, 171–194.
- Х. Тот, И. (Н. Tóth I., Szeged) – Хоргоши, Э. (Horgosi Ö., Jászberény) – Хорват, Г. (Horváth G., Szeged)
- 1978: Туровские Листки. XIII, 181–258.
- Трофимова, О.И. (Ленинград)
- 1990: Два устава книжного чтения в древней Руси. XXI, 173–194.
- Удвари, И. (Udvari I., Nyíregyháza)
- 2001: Языковедческая деятельность Гиядора Стрипского. XXV, 109–125.
- Фабриц, К. (Fábricz K., Szeged)
- 1976: [Рец. на кн.:] Актуальные проблемы словообразования, I. XI, 191.
- 1981: Частица *mi* в русских вопросительных предложениях и ее венгерский эквивалент, частица *-e*. XIV, 181–213.
- 1982: К вопросу об отграничении частицы *и* от союза *и*. XV, 65–78.
- 1984: К вопросу о союзности частиц. XVI, 63–74.
О разграничении наречий и частиц в современном русском языке. XVI, 75–94.
- 1985: Функциональная эквивалентность как теоретическая база для обучения семантике русских частиц. XVII, 259–267.
- 1987: Уровни реализации машинного перевода. XVIII–XIX, 191–208.
- 1988: An outline of the *SZEHA T* machine translation system. XX, 55–67.

- 1991: Capturing subjective meaning (A contrastive study of modal particles in Hungarian and Russian). XXII, 83–100.
- 1994: Еще раз о *разве* и *неужели*. XXIII, 13–22.
- Фейер, А. (Fejér Á., Szeged)
- 1965: Заметки о лиризме Чехова. III, 55–59.
- 1967: Об одном спорном месте у Л. Толстого. V, 51–53.
- 1976: Второй бунт Духа (Интерпретация поэмы Лермонтова "Демон"). XI, 3–19.
- 1978: Роман Л.Н. Толстого "Анна Каренина" и критика чистого чувства. XIII, 3–6.
- 1981: Русская культура на рубеже средних веков и нового времени. XIV, 3–18.
- Феньвеш, И. (Fenyvesi I., Szeged)
- 1985: Страноведение – история культуры. Опыт подготовки переводчиков русского языка. XVII, 269–279.
- 2001: Сленг в русской литературе и его венгерский перевод (Частотно-семантический анализ инвариантных компонентов). XXV, 91–100.
- Péter Mihály, "Pár tarka fejezet csupán...": Puskin "Jevgenyij Anyegin"-je a magyar fordítások tükrében. XXV, 225–227.
- Феньвеш-Коняева, Е.М. (Fenyvesi-Konyajeva J. M., Szeged)
- 1985: О некоторых трудностях в работе с венгерскими учащимися при изучении видов русского глагола. XVII, 281–295.
- Феринц, И. (Ferincz I., Szeged)
- 1967: Слово сочетания с предлогами *в* и *на* для обозначения пространственных отношений в "Источниках по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века". V, 23–27.
- 1969: Предложные словосочетания, выражающие причинные отношения в частных письмах конца XVII – начала XVIII века. VII, 28–34.
- 1978: Из гимнографического наследия Кирилла Туровского. XIII, 165–180.
- 1984: [Рец. на кн.:] "Апракос Мстислава Великого". XVI, 237–242.
- 1985: Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Том 7, вып. 1. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века. XVII, 299–305.
- 1987: Вопросы веры и разума в письменных памятниках Киевской Руси. XVIII–XIX, 225–233.

- 1990: "Духовные сокровища" в сочинениях Кирилла Туровского. XXI, 195-202.
- 1996: Житие Преподобного Моисея Угрина. XXIV, 165-180.
- 2001: Структура и стилевые особенности праздничных "слов" Климента Охридского. XXV, 37-44.
- Фокскрофт, Н.Х. (N. H. Foxcroft, Sheffield - Szeged)
- 1985: Очерк проникновения и последующего синтеза иностранных слов в русском языке в XVII-XVIII веках. XVII, 81-100.
- Фонт, М. (Font M., Pécs)
- 1977: Русские летописи как источники, освещающие русско-венгерские отношения в XII веке. XII, 235-242.
- 1982: Геза II и Изяслав Киевский. XV, 79-87.
- 1984: Кто скрывается под названием "Gubatus" в венгерских грамотах начала XIII в.? XVI, 211-220.
- 1990: Церковно-политические аспекты русско-венгерских отношений в XI-XIII вв. XXI, 55-69.
- Хайзер, Л. (Hajzer L., Pécs)
- 1988: Венгерские экзотизмы в художественных произведениях, переведенных на русский язык. XX, 77-89.
- Халиков, А.Х. (Казань)
- 1990: Переговоры о вере между Киевской Русью и Волжской Булгарией. XXI, 23-33.
- Хан, А. (Han A., Budapest)
- 1975: К проблеме жанрового своеобразия ранней лирики А. Ахматовой (ч. I). IX-X, 55-83.
- 1976: К проблеме жанрового своеобразия ранней лирики А. Ахматовой II (Опыт параллельного анализа семантической структуры текста и психологической структуры жанровой модели). XI, 21-44.
- См. Хан, А. - Сёке, К.
- 1977: Заметки о семантике контекстных переключек (Стихотворение О. Мандельштама: "Кому зима - арак и пунш голубоглазый..."). XII, 3-28.
- Хан, А. (Han A., Budapest) - Сёке, К. (Szöke K., Szeged)
- 1976: Z. Barański, J. Litwinow: Rosyjskie manifesty literackie. XI, 192-197.

Харалампиев, И. (Велико Търново)

- 1981: Болгарский патриарх Евфимий Тырновский (1375-1393) и его языковая реформа. XIV, 231-246.
- 1982: Некоторые фонетические особенности реформированного болгарского литературного языка второй половины XIV - начала XV века. XV, 95-106.
- 1984: Возникновение спряжения на -а- в истории болгарского глагола. XVI, 119-130.

Хармат, М. (Harmat M., Szeged)

- 1969: "Мотивы" и их функции в композиции романа Л.Н. Толстого "Анна Каренина". VII, 14-18.
- 1972: "Диалектика души" и литературные мотивы (По роману Л.Н. Толстого "Анна Каренина"). VIII, 27-34.
- 1976: Проблемы изучения Просвещения в русской литературе XVIII века. XI, 45-55.
- 1978: Различные формы и функции изображения природы в русской литературе XVIII века. XIII, 47-63.
- 1981: Мотив "света" в поэзии Ломоносова и Державина. XIV, 19-32.

Хетсо, Г. (G. Kjetsaa, Oslo)

- 1975: Символическая структура в "Трех сестрах" А.П. Чехова. IX-X, 19-41.

Хорват, Г. (Horváth G., Szeged)

- 1977: К изучению древнерусских певческих рукописей (Ирмологий ГПБ, Q.п. I. 75). XII, 207-234.
- 1978: См. Х. Том, И. - Хоргоши, Э. - Хорват, Г.

Хоргоши, Э. (Horgosi Ö., Jászberény)

- 1966: См. Х. Том, И. - Хоргоши, Э.
- 1978: См. Х. Том, И. - Хоргоши, Э. - Хорват, Г.
- 1981: Конференции по русистике в Сегедском университете. XIV, 367-373.
- 1982: Некоторые особенности предлогов древнерусского языка (по материалам памятников XI-XII вв.). XV, 117-125.
Б. Шклифов: Долнопреспанският говор. Принос към изучаването на югозападните български говори. XV, 255-257.
- 1985: Праболгарская лексика в рукописях XI-XII вв. русской редакции древнеболгарского языка. XVII, 67-80.

- 1990: Склонение существительных мужского рода с основой на -ѡ и -ѣ в русской редакции древнеболгарского языка конца XI – начала XII веков. XXI, 319–331.
- 1994: См. *Х. Тот, И. – Хоргоши, Э.*
- Чернявская, Д.С. (Одесса)
- 1975: Художественный мир "лирической эпитафии". IX–X, 3–17.
- Чобанов, И. (Пловдив)
- 1985: См. *Васильева, Е. – Чобанов, И.*
- Шальга, А. (Salga A., Debrecen)
- 1988: См. *Секей, Г. – Шальга, А.*
- Шапошников, В.Н. (Шуя)
- 1994: Семантика имени в древних текстах: еще раз о загадочных улицах. XXIII, 119–130.
- Шахаран, М. (Пловдив)
- 1985: Способы передачи реалий на русском языке в словаре Найдена Герова. XVII, 243–246.
- Шевелев, В.М. (Пермь)
- 1985: Функциональная многозначность десемантизированных глаголов в русских научных текстах. XVII, 247–257.
- Шимон, З. (Simon Z., Szeged)
- 2001: Károly Gadányi – Viktor Moiseenko, Ruski leksik u hrvatskom jeziku. XXV, 227–232.
- Шклифов, Б. (София)
- 1994: Гласеж и развой на ѣ. XXIII, 85–92.
- Шоймоши, М. (Solymosi M., Szeged)
- 1988: Модальные аспекты сравнительных союзов в сложноподчиненных предложениях в современном русском языке. XX, 157–167.
- Шонкой, П. (Sonkoly P., Szeged)
- 1962: Данные к словацкому языку села Кондорощ. I, 41–48.
- 1964: Zo slovníka kondorošského slovenského nárečia. II, 27–34.
- 1967: К истории системы склонения имен существительных (на материале Поснанской рукописи № 94). V, 15–21.
- 1968: К русскому народно-разговорному языку XVII в.: На материале частной переписки Безобразовых. VI, 13–20.
- 1972: О характере Пантелеймонова евангелия XIII в. VIII, 35–40.
- 1975: Из лексики древнерусских апракосов. IX–X, 157–182.
- Из лексики Синайского Патерика. IX–X, 183–206.

Замечания об "Истории о Атыли, короли угорском". IX-X, 207-217.

[Некролог о:] Пал Шонкой (1928-1975). IX-X, 255-259.

Шуйок, Х. (Sulyok H., Szeged)

1982: Славянское языкознание. Библиографический указатель под ред. Н.П. Дебец и С.И. Коткова. XV, 247-250.

1984: Н.А. Мецкерский: История русского литературного языка. XVI, 231-236.

1990: Zur Frage der Geschichte der frührussisch-ungarischen Beziehungen. XXI, 91-99.

Щукин, В. (Краков)

1990: О влиянии православия на духовную культуру древней и новой России. XXI, 111-122.

Эрдси, И. (Erdei I., Szeged)

1994: В.Г. Костомаров, Языковой вкус эпохи. XXIII, 215-220.

1996: Трансформации инфинитива при переводе художественной литературы. XXIV, 143-158.

Юхас, Й. (Juhász J., Budapest)

1962: Заметки о начинательных глаголах в современном русском языке (I). I, 35-39.

1967: Об энклитической частице *-то* в русском языке. V, 29-34.

1996: Немецко-чешско-венгерско-русские фразеологические параллели. XXIV, 59-68.

Яковлева, Е.С. (Шумен)

1996: К описанию русского языка в аспекте картины мира. XXIV, 95-116.

Якоч, Д.: (Jakócs D., Szeged)

1962: Учение Г.В. Плеханова о роли ложных идей в искусстве и литературе (Г. Ибсен, К. Гамсун). I, 49-56.

1964: Лев Толстой в оценке Г.В. Плеханова. II, 35-40.

1965: Глеб Успенский в оценке Г.В. Плеханова. III, 49-54.

1972: Лев Николаевич Толстой в оценке Ленина. VIII, 15-21.

Янакиева, Ц. (Шумен)

1990: "Слово о сотворении небу и земли" из Дебреценского кодекса и проблема языка популярного богословия Юго-западной Руси XVI в. XXI, 353-359.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В сборнике *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, издающемся Институтом славистики Сегедского университета (Венгрия), публикуются работы (объемом макс. до 12 страниц) по вопросам теоретико-описательного, сравнительно-исторического исследования славянских языков, а также сопоставления их с венгерским языком на английском, немецком, русском и других славянских языках. Рукописи присылаются в редакцию по адресу главного редактора: **Dr. H. Tóth Imre professzor, Szegedi Tudományegyetem, Szlav Intézet, H-6722 Szeged, Egyetem u.**

2. Рецензирование рукописей – в случае, если автор пишет не на родном языке – входит в обязанность автора. Рукописи, посланные в другие редакции или уже опубликованные, не принимаются. Авторам опубликованных рукописей бесплатно высылаются по 10 оттисков статей/рецензий. Корректур авторам не высылаются. Рукописи не сохраняются и не возвращаются.

Рукописи должны быть представлены в двух экземплярах, напечатанных на машинке или компьютере через два интервала с широкими полями. (В этом регламенте далее имеются в виду рукописи, написанные кириллицей, однако употребление латиницы в основном не изменяет оформления.)

1. Заголовок **статьи** пишется прописными буквами. Под ним указываются имя, (отчество) и фамилия автора (на кириллице, в таком порядке без сокращений). Затем приводятся сведения об авторе для научной корреспонденции (на языке или на одном из языков страны, в которой живет автор).

При оформлении статей авторы должны руководствоваться **следующими условными обозначениями:**

1. Примеры длинной в целое предложение (включая примеры из художественной литературы) нумеруются и приводятся в отдельных строках. Напр.:

(1) а. Петр ушел из университета около 10 ч. утра.

б. Петр ушел из университета в начале семидесятых годов.

Ссылки на примеры такого типа в тексте оформляются так: Пример (1а) показывает, что...

Слова, словосочетания языка-объекта, входящие в состав предложений метаязыка, не нумеруются, и их принято давать курсивом (подчеркивать на машинке одной прямой линией). Смысловые выделения обозначаются жирным шрифтом (подчеркивать на машинке прерывистой линией). Для указания значений употребляются специальные кавычки.

Знаки "-", "- " и " - ", т.е. дефис, тире (без интервалов и с интервалами) отчетливо отграничиваются друг от друга. Знаки, которые не могут быть обозначены в машинописи, аккуратно оформляются ручным способом.

Любые пропуски в цитатах (из худ. или спец. литературы) обозначаются многоточием в квадратных скобках. Объясняющие вставки в цитатах, не относящиеся к оригиналу, обязательно заключаются в квадратные скобки.

2. Ссылки на литературу приводятся сокращенно, т.е. с указанием фамилии автора, года издания и страниц (если последнее необходимо) в самом тексте

по следующим образцам: Ю.Д. Апресян (1986: 66–67) отмечает... В работе Ю.Д. Апресяна (1986: 66–67) отмечается... В специальной литературе (Апресян 1986: 66–67) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом см. еще Апресян 1986); Ф. Кифер (Kiefer 1983: 34) отмечает... В работе Ф. Кифера (Kiefer 1983: 34) отмечается... В специальной литературе (Kiefer 1983: 34) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом подробнее см. Kiefer 1983).

3. Подстрочные примечания имеют сквозную (консекutive) нумерацию.

4. Список библиографических единиц, которые в сокращенном варианте фигурируют в ссылках, оформляется – под заголовком ЛИТЕРАТУРА – по следующим образцам (первые три из них служат примером для книг, а остальные в отдельности – для статей в сборниках, в ежегодных сборниках, в журналах без указания на том, в журналах с указанием на том (с сквозной нумерацией страниц в одном томе)):

Белашапкина, В.А. (ред.) 1989, *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, изд. 2-е, испр. и доп.

Kiefer F. 1983, *Az előfeltevés elmélete*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Lakoff, G. – Johnson, M. 1980, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press.

Ружичка, Р. 1988, Скрытый субъект и пустое подлежащее. В кн.: Караулов, Ю.Н. (отв. ред.) *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 216–219.

Бархударова, Е.Л. 1991, Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XXII*. Szeged, 3–10.

Апресян, Ю.Д. 1986, Интегральное описание языка и толковый словарь, *ВЯ* № 2, 57–70.

Булыгина, Т.В. 1981, О границах и содержании прагматики. *ИАН СЛЯ* 40, 333–342.

Сокращения названий журналов см.: *Вопросы языкознания* 1996, № 3, 158–159. Не перечисленные там журналы даются без сокращения.

При наличии у одного автора нескольких библиографических единиц одного и того же года издания должны быть использованы (после года издания) буквы: а, б, в... или a, b, c...

Сначала приводятся публикации на кириллице по алфавиту, затем – работы на латинице.

II. Что касается **рецензий**, то должны быть учтены следующие отличительные черты. Название содержит полное библиографическое описание рецензируемой работы. Автор рецензии и сведения о нем указываются в конце текста. Образцы заголовков рецензий:

В.А. Белашапкина (ред.), Современный русский язык. Москва: Высшая школа, 1989, изд. 2-е, испр. и доп., 800 с.

G. Lakoff – M. Johnson, Metaphors we live by. Chicago–London: University of Chicago Press, 1980, xiii + 242 pp.

Szövegszerkesztés és tördelés: Gy. Login Adrienne

Készítette a JATEPress

6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30–34.

Felelős kiadó: Dr. Ferincz István egyetemi docens, intézetvezető

Felelős vezető: Szőnyi Etelka kiadói főszerkesztő

Méret: B/5, példányszám: 200, munkaszám: 129/2001.